Библиотека Казахской Литературы

Герольд БЕЛЬГЕР

Зов

Библиотека Казахской Литературы

СЕРИИ КНИГ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ
"КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ" ИЗДАЮТСЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

Герольд БЕЛЬГЕР

Зов

Роман

УДК 821.161.1
ББК 84(Рус.)-Р7
Б 44

84.5Каз

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исмагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исмакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Бельгер Герольд
Б 44 Зов. *Роман-исповедь. / Герольд Бельгер.*
Астана: Аударма, 2010. – 520 стр.

Список книг серии "Библиотека Казахской Литературы"
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников О. Кужеленко и А. Плотникова.

535281

ISBN 9965-18-294-9

УДК 821.161.1
ББК 84(Рус.)-Р7

© Издательство "Аударма", 2010
© Иллюстр. "Музей современного
искусства"

ISBN 9965-18-294-9

областная библиотека
им. С. МУКАНОВА

Незабвенной памяти мамы –
Анны Давидовны Бельгер
(урожденной Гертер)
Автор

Автор – Герольд Бельгер – определил жанр своего повествования как роман-исповедь. Родом из поволжских немцев (1934, г. Энгельс), испытавший депортацию в детском возрасте, связавший свою жизнь с новой родиной – Казахстаном, он стал свидетелем трагической судьбы российских немцев, стремившихся на всех этапах своей истории к национальной идентичности, к единству, самостоятельности и свободе. На глазах автора произошло крушение сокровенных надежд и чаяний. Роман изобилует конкретными фактами и документами, насыщен воздухом эпохи.

ОТ АВТОРА

Ну, вот... завершил и эту книгу. И что же получилось? Ей-ей, не мне судить.

Мемуары? Документальное повествование? Протокол? Публицистика? Эссе? Медитации в поисках святого Грааля – умозрительно-выдуманного идеала? Неясный зов души? Автобиография?

Ни то, ни другое. А, возможно, все вместе. Точнее: история моих впечатлений, раздумий, наблюдений на фоне нескладной судьбы моего народа.

Определенней сказать не могу.

Для себя я определил жанр «Зова» как роман-исповедь.

Г.Б.

июнь 2008 г.

ВСЕ ВПЕРЕДИ

I. СОН

... стремительно сгущались сумерки, зыбкие, вязкие. Они шли-текли стремительно со всех сторон, надвигались неотвратимо, обволакивая сознание, углубляя тесень в груди.

Тяжело припадая на больную ногу, ты уже который час брел по бездорожью, по каким-то незнакомым слякотным закоулкам, рытвинам, буеракам, беспомощный и растерянный, один-одинешенек, вокруг ни живой души, мрак, и где-то потерял суковатую трость-опору и теперь выбивался из сил, задыхался, но упорно все шел и шел, точно помнишь, в сторону станции – то ли автобусной, то ли железнодорожной, с ужасом сознавая, что невзначай свернул не там, где надо, сбился с пути, заплутался, а спрашивать и не у кого.

Навалилась-обрушилась ночь, и дороге не видно конца, сплошь какие-то препятствия, холмы, надолбы, рытвины, обрывы, крутые обвалы-перевалы, а ты с маниакальной настойчивостью, с неимоверным усилием все преодолеваешь их по-прежнему один, один, и вдруг позади настигает тебя щуплая, проворная женщина, скорее, тень, призрак, силуэт, и ты узнаешь в нем свою родную сестру Альму, обитающую уже несколько лет в чужой стране, и вы бредете уже вместе, рядком, поддерживаете друг друга, и вот, наконец, впереди вроде как замаячили-замигали-замельтешили там-сям огни, послышались грохот, рев,

гул, скрип, лязг, засновали взад-вперед молчаливые люди, обозначились очертания несуразно громадных автобусов.

– Это станция?– спросил ты не знакомым тебе голосом у какой-то взлохмаченной девицы.

– Станция.

– Какая?

Девица назвала и тут же растаяла-исчезла-растворилась во мраке.

Странно. Ты ведь так долго шел-брел-пробивался совсем к другой станции. Как же тебя угораздило сбиться с верной дороги? Отсюда ты совершенно не представлял, куда и как добираться дальше. О, ужас, ты совсем забыл, запамятовал, куда тебе, собственно, надо. Вроде как направился домой, но не знаешь адреса. И что за дом? Разве у тебя есть дом? Ты же ведь странник, пилигрим, затерявшийся в сумерках. Когда-то дом, кажется, был... да, да, был, но где, в каком краю? Кажется, очень далеко, за неведомой далью, за тридевять земель отсюда, и добираться туда мучительно сложно и – главное – неизвестно, каким транспортом, каким маршрутом, в какую сторону.

Тебе совсем худо. Боль разлилась по всей груди, бьет в плечо, в затылок, и все ширилась, разрасталась. Ноги дрожали, все вокруг зыбилось, раскачивалось. Ты судорожно пошарил в карманах и с холодным ужасом убедился, что нет в них ни тенгушки, ни тыынки. Пусто! А страна другая, точно: ты очутился в другой стране. И деньги здесь другие.

– У тебя какие-то деньги есть?– спросил ты у Альмы.

И тут только обнаружил, что это была не сестра твоя, а дочь – Ирина.

– На автобус найдется.

– А на такси? У меня силы на исходе.

– О, нет... На такси денег нет.

Ты в отчаянии. Больная нога стала непослушной. Каждый шаг дается с трудом. И грудь онемела от боли.

Вдруг Ирина выбежала вперед к автобусу. Узнать, должно быть, куда он едет.

И ты обомлел. Ты оказался один, неизвестно, где, и вокруг – сумрак, даже редкие огоньки погасли. В оцепенении ты кричишь, зовешь дочь.

– Не бросай меня. Не покида-а-а-ай! Я пропаду.

Ты кричишь-зовешь из последних сил, но голоса своего не слышишь.

Из мрака выныривает Ирина, невесомая, как свечечка, хватает тебя под руку.

– Не бойся. Я здесь. Сейчас... сейчас...

И опять исчезает, растворяется в густой темени. И ты с гибельным страхом понял, что тебе отсюда не выбраться, что сейчас ты рухнешь в бессилии и отчаянии на истоптанную, слякотную землю на неизвестной станции далеко от города, куда стремилась, рвалась твоя душа, где был твой дом, адреса которого ты забыл напрочь. Ты знал, чувствовал, что в том доме тебя ждут, ждут давно родители, близкие, сестры, и там тебе будет хорошо, уютно, и боль в груди мигом исчезнет, отпустит, но до того дома тебе не добраться никогда, никогда...

Жуткий страх пронзил все твое существо, и душа твоя отлетела.

– Ата, ата... кровь из вены,– склонилась над тобой смуглянка в маске.

– Кровь на сахар, ага,– вторила ей другая в очках.

– Давление сто на шестьдесят,– глухо послышалось над ухом.

...И Гарри очнулся, тотчас вспомнив, что находится в реанимации...

II. ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЭТИ РУССЛАНДДОЙЧЕ?

Современные российские немцы являются потомками многих поколений немцев, связавших свою судьбу с русской землей, начиная с путешественников, послов, торговых людей, священнослужителей, рыцарей, которые оседали в городах Киевской Руси, в Новгороде и Пскове еще с XII века. Значительную группу составляли ремесленники, врачи, ученые, военные, которых приглашали Иван III, Василий III. При Иване Грозном в Москве возникла немецкая слобода, которая при Петре I стала не только цветущим предместьем столицы, но и своеобразным культурно-политическим центром. На основе Манифеста Петра I от 1702 года тысячи немецких ученых, военных, учителей, архитекторов, художников приехали строить Санкт-Петербург.

Существенное расширение немецкого этнического контингента произошло при Екатерине II, которая Манифестом от 22 июня 1763 года предоставила льготные условия переселения на пустующие земли южной окраины страны, в результате чего появилось 117 немецких колоний, большинство в Самарской и Саратовской губерниях.

По переписи 1908 года I Съезд Советов немецких колоний провозгласил первую автономию российских немцев – Трудовую коммуну немцев Поволжья, которая Декретом Совнаркома от 19 октября 1918 года была утверждена как автономная «область немцев Поволжья», а позже, с 1924 года, преобразована в Автономную республику немцев Поволжья в качестве федеративной части РСФСР. Кроме этого, в регионах компактного проживания немцев были созданы национальные (немецкие) районы и сельсоветы в Украинской ССР, Крымской АССР, Алтайском и Краснодарском крае, в Оренбургской области.

Война с фашистской Германией принесла для российских немцев не только потерю национальной государственности, но и неисчислимые страдания, связанные с необоснованными репрессиями, бесправием и унижением.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года из Поволжья (а в сентябре-октябре того же года – из других мест) немцы были депор-

тированы в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию в качестве «спецконтингента», под надзор комендатур. Лишь в 1964 году официально были сняты с народа обвинения, содержащиеся в Указе 1941 года.

Тогда же возникли и первые общественные движения советских немцев, выступающих за восстановление АССР немцев Поволжья, которые структурировались на общегосударственном уровне в 89-91 годах. На этот же период приходится пик активности в их деятельности, проведено три съезда немцев СССР.

Одновременно усиливалась эмиграция в ФРГ. К настоящему времени из всех республик бывшего Советского Союза в Германию выехало более полутора миллионов человек. В последние два года темпы эмиграции замедлились и появились примеры, когда немцы вновь возвращаются в Россию. Часть российских немцев мигрирует из стран СНГ на территорию Российской Федерации, где в 1989 году по переписи числилось свыше 800 тысяч граждан немецкой национальности.

В 1991 году был воссоздан немецкий национальный район в Алтайском крае и создан новый Азовский немецкий национальный район в Омской области.

В 1992 году вышел Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина о создании национального района в Саратовской области и национального округа в Волгоградской области.

В 1996 году Б.Н. Ельцин принял группу российских немцев, подписал Указ о разработке Федеральной целевой программы развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев. К настоящему времени Программа, рассчитанная на 1997-2006 годы, утверждена Правительством России и получила статус президентской.

(см. *Российские немцы.* Политика, культура, образование. Информационный бюллетень Международного Союза российских немцев. №1. Москва, 1998: стр. 5)

«История немецких колоний в России берет свое хронологическое начало с 1764 года. Именно в этом году прибыли в Россию из германских княжеств первые переселенцы, откликнувшиеся на обращение Екатерины II от 21 декабря

1762 года ко всем иностранцам, желающим поселиться в России. Обращение было подкреплено Манифестом от 22 июля 1763 г. и 19 мая 1764 г., предоставлявшими колонистам большие привилегии в их хозяйственной и гражданской жизни в России».

(см. *V. Shirmunski.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine, Zentral-Völker-Verlag, Charkov, 1928, s. 16)

«Активный процесс переселения немцев в Россию продолжился до 1823 г., в результате чего немецкие колонии образовались не только в Поволжье (1764-1774 гг.), но в Крыму (1790-1802), на территории Украины в районе Днепропетровска (1793-1795), в Петербургской губернии (1770-1809), на Кавказе (1816-1819)».

(см. *G. Bassler*, Das Deutschtum in Rußland, München, 1910, K. Lindemann. Von den deutschen Kolonisten in Rußland, Stuttgart, 1924; K Stummpp, Die deutschen Kolonien im Schwarzmeergebiet, Stuttgart 1922; G.Bonwetssch, Geschichte der deutschen Kolonien an der Wolga, Stuttgart, 1919)

«По данным 1913 года, в России насчитывалось 2042 населенных пункта, где проживали немцы-колонисты, а общая численность немецкого населения составляла свыше 1,5 млн. человек».

(см. *V. Shirmunski.* Die deutschen Kolonien in der Ukraine, Charkov, 1928, s.11)

III. В РЕАНИМАЦИИ

Только сейчас я уяснил, что лежу в просторной палате, переоборудованной под реанимацию (в отделении идет ремонт), на высокой койке со всякими механическими приспособлениями, подключенный к разным датчикам, весь распластанный, под капельницей, с эластичным катетером под кистью, и надо

мной и возле меня суетится, колдует, толпится, манипулирует, потчует таблетками рой милых, учтивых, смугленьких сестриц.

Я размягчен, смирен и равнодушен ко всему. Боль в груди отступила, тупо отдает где-то в сознании.

Выходит, казахи знают, что говорят. Действительно, мушель жас – роковая межа. Я-то с облегчением полагал, что благополучно миновал сей опасный рубеж, три дня назад отметив в кругу друзей свое 73-летие. Ан не тут-то было! Спохватилась-таки судьба, настиг коварный инфаркт напоследок, ловко подставил ножку. Врешь, дескать, не уйдешь! А моему земляку и другу, академику-экономисту оставалось всего два денечка до того возрастного рубежа, и он с женой отправился на юг в санаторий, но обширный инфаркт подло поверг его там. Мушель жас по двенадцатилетнему животному циклу, то есть в 37, 49, 61, 73 человеческих годков отнюдь не выдумка номадов. Скорее, медицинский факт, характерный для представителей всех рас и вероисповеданий.

Да-а... известная истина: чему быть, того не миновать. Что на роду написано, то и будет, а что будет – то уже было. Я фаталист, исповедую казахскую мудрость: бұйырганы болар. Ведь далеко не все на свете в человеческой воле.

Рядом под капельницей лежат еще двое. Массивный, крупноголовый, черноусый сосед бугрится мощным брюхом под одеялом, тяжело всхрапывает, постанывает, шумно отдувается, то и дело тихим голосом кличет-подзывает смуглянок-сестер.

– Қыздар-ай!.. Ай, қыздар!

Услышав его слабый зов, спешит к нему, слетается откуда ни возьмись стайка белохалатных девчонок, услужливо щебечет:

– Что случилось? Не, агай?

Видно, моему соседу очень худо, дискомфортно. То ему нужно приподнять изголовье, то подправить

одеяло, то вытереть обильную испарину со лба, то глотнуть водички, то отрегулировать капельницу; то вставить кислородные трубочки в ноздри. Сосед еще молод, едва перевалил за сорок, но рано погрузнел, заматерел, набрал явный излишек жиру и, судя по мощному торсу, бугристому загривку и могучим рукам, занимался в молодости штангой. Я о том догадался, когда он, отключив себя от всех датчиков, утром гора горой, медленно двинулся в туалетную комнату. Так обычно штангисты сосредоточенно подходят-подбираются, точно крадучись, к рекордному весу.

Из разговоров соседа с врачами я понял, что он очутился в опасной зоне, но ему по пути в больницу, прямо в «Скорой» вовремя сделали очень важный укол, который и предотвратил соседа от неминуемого.

Все подчеркивали: «Құдай сақтады» – «Бог уберег».

Сосед мне понравился: колоритный мужик, степенный, даже вальяжный, добродушный увалень, большеглазый, умный. Обладает явным шармом. Не случайно к нему и молоденькие врачи, и сестрицы, и санитарки так и льнут, стараясь угодить ему во всем. И когда он строго-деловой сестрице, снимавшей кардиограмму, тихо назвал свою фамилию, я вспомнил, что он недавний посол Казахстана в Монголии.

Вижу: соседу сейчас плохо. Он то и дело проваливается в сон, постанывает, все болячки его вдруг обострились, и врачи говорят то об остром коронарном синдроме, то о предынфарктном состоянии, объясняют, что именно ему в дальнейшем предстоит и какие сложные процедуры ожидают его либо в Москве, либо в Объединенных Арабских Эмиратах.

А у противоположного угла, у стенки палаты лежит знакомая личность и молча, тихо, часами шуршит газетами. Сухонький старик все воспринимает спокойно, как должное, никому не возражает, никому не досаждает, со всеми сестрами ласков, предупредителен, даже несколько смущен тем, что вторично

угодил в реанимацию. И я, приглядевшись, узнал в нем именитого актера и театрального режиссера, но долго не мог вспомнить его фамилию. Его ежедневно навещали две его взрослые дочки, уверенные в себе, ухоженные, эффектно упакованные дамы, перед которыми робели даже строгие сестры и потому беспрепятственно пропускали в реанимацию. Дамы-дочки приносили отцу кипы казахских газет, книги, мобильный телефон, очки, слуховой аппарат, разные батарейки, диковинную еду.

Лечение в реанимации проходит интенсивно, целовито, методично. Точно налаженный конвейер. Девочки-сестрицы, все сплошь хорошенькие, улыбчивые, участливые, исполняют назначения врачей без суеты, налажено, четко. И санитарки-няни всегда на месте. Вообще я давно восхищаюсь: огромное больничное хозяйство ведется исправно, безотказно, образцово.

Ко мне рвутся многие. Казахи – народ чуткий, деликатный. Всегда искренне интересуются твоим «аман-саулық», «хал-жағдай». Однако в реанимации посетителям – табу. Ровно в пять вечера каждый день приходит Рая, озабоченная, встревоженная, доставляет мне новости, газеты, книги, разную необходимую мелочь, кое-что из провианта. И ее посещения для меня – праздник. При одном ее виде я чувствую себя бодрее и увереннее. И она, полагаю, обретает утешение. А если честно, чувствую я себя комфортно только дома. Слова надежды: дом, дома, домой, кубло, логово, куда рвется-тянется неизбывно все сущее на земле.

IV. «DU, DU LIEGST MIR IM HERZEN»...

Но откуда этот сон? Почему он в разных вариациях преследует Гарри всю жизнь? Что за подсознательное наваждение? Что за неизбывная, неистребимая, животная тяга к дому? И где этот дом, куда так тянется душа во мраке, в отчаянии?

Началось это давно. И смутная тревога даже в редкую счастливую пору не покидала его, и боль, тоска по неведомому дому преследовали его – получается – всю жизнь.

Это зыбкое, неопределенное чувство, точно потусторонний зов, впервые неясно встревожило его еще в ту далекую пору, когда товарный поезд в начале осени того черного года мчал их, поволжских немцев, в спешке, под конвоем красноармейцев и энкаведешников в далекий, загадочный Казахстан.

Где-то полыхала война, и вся огромная страна всколыхнулась, ощетинилась, и пути людские враз искривились, и кто-то в одночасье обернулся преследователем, а кто-то – преследуемым, и горе, отчаяние, страх, безысходность, неведение обрушились тяжелым, беспросветным мраком, накрывшим мирную жизнь, поля, реку-речушку, привычный уклад, запахи и уют родного дома. Тогда-то, наверное, и вспыхнул в крохотной мальчишеской душе, в закоулке сердца Гарри этот неясный, окрашенный в небесный цвет зов – дом, дом, домой.

Ночью, проснувшись в душном вагоне, битком набитом людьми – женщинами, мужчинами, стариками, детьми (Гарри тогда еще не сознавал, что все они единокровники, соплеменники, этнические немцы – из Мангейма, Гнаденфлюра, Зихельберга, Мариенталя и прочих немецких сел Поволжья, поселившихся здесь еще в стародавние екатерининские времена), прислушиваясь к равномерному стуку колес, к надрывному паровозному гудку в нескончаемой тьме ночи,

испуганный зловещими тенями, мелькавшими в разрешеченном окошке верхней полки, он теснее прижался к маме и внятно произнес в гулкой, давящей тишине:

– Мама, я хочу домой!

В товарном вагоне заворочались мигом люди. Многие, оказалось, не спали.

– Тихо, тихо,– прошептала мама.– Скоро, скоро. Успокойся.

– Мы и едем домой,– подал голос отец.

– Найн, найн... Я домой хочу. До-мой!!– хныкал Гарри.

– Все мы, майн юнге, хотим домой,– донесся снизу скрипучий голос старухи Пеннер. – Только где наш дом? И увидим ли мы его еще когда-нибудь?

– Ах, Готт! Либер Хайланд!

– Йезус Мария...

– Домой, домой...– послышались сонные детские голоса.

Да, многие бодрствовали. А поезд упорно вгрызался во мрак ночи. И дороги не было конца. Дорога в неведомое. Все дальше и дальше от того места, которое закрепилось, въелось, отлежалось в сознании не одного поколения – дом, дом, дом.

Так монотонно, терзая душу, стучали и колеса раздрызганного, расшатанного, старого товарняка, везшего невинное инородческое племя далеко, далеко в Сибирь, в Казахстан, к черту на кулички.

– Домой, домой хочу!– твердил про себя молча Гарри, смутно чувствуя, что лучше о том не говорить вслух, чтобы не беспокоить напрасно родителей, старуху Пеннер и всех, всех несчастных, которыми битком набит вагон и весь длинный, длинный эшелон, срочно депортируемых бедолаг.

А и в самом деле, какой смысл вопить-хныкать «дом-дом-дом»? Его уже нет. И, может, уже не будет. И, может, его никогда и не было? И вправду: где родной

845
Областная библиотека
им. С. Гейченова
г. Петропавловск

дом Гарри Карлсона? В Энгельсе, где он родился? В лётной школе, где служил отец? В Мангейме, где родились и жили предки? В кантонном центре Гнаденфлюр, где отец перед самой войной заведовал кантоздравом?

Не было ответа.

Но мнилось многие-многие годы: дом там, где стояла его колыбель, где звучало родное гессенское наречие, где с великой Волги доносился вольный, волглый ветер, где предки облагораживали некогда запущенный, дикий край, строили деревни, разбивали сады, огороды, бахчи, пахали, сеяли, любили, растили детей и верили в незыблемость бытия, в прочные и надежные, раз и навсегда заведенные порядки, где витал неистребимый дух единства и сплоченности, замешанный на вековечных, тянувшихся из сумрачных германских глубин традиций и порядков.

Тот Дом, воспетый в песнях, взлелеянный в душах, намоленный в молитвах, вожделенный, дивный, манил неизбывно, как священный зов к неугасимой мечте.

Тяжкие поиски родного дома преследовали Гарри во сне, кажется, всю жизнь. Это стало наваждением. Почти всегда одно и то же: он куда-то настойчиво идет-бредет через увалы-перевалы, через дремучие леса, через овраги, бочаги, через холмы-горы, в дождь, пургу, в непролазную грязь, в жуткую непогоду, одолевая боль и отчаяние, бредет, спотыкается, падает, ползет, задыхается, кричит, кого-то зовет и, кажется, вот-вот достигнет желанной цели, он уже почти там, дома, дома, где его ждут родные, близкие, где ему будет покойно, уютно, тепло, счастливо, но, – о ужас! – всякий раз он напрасно силится вспомнить, куда, собственно, идет, не помнит напрочь адреса, ничего, ничего не помнит, всех и все забыл, запамятовал, хоть плачь, и вот-вот он рухнет, свалится в пучину, растворится бесследно во все густеющем, черном, как сажа, мраке.

У-жас-но!..

Этот сон преследовал-настигал его и потом в отчем доме в ауле на берегу Есиля, и в годы учебы в институте, и в Ташкенте, куда он часто наезжал к переехавшим туда родителям и сестрам, и в Москве, куда его одно время часто зазывали-срывали пустые хлопоты в казенных учреждениях, и на больничных койках, где с годами нередко случалось неделями-месяцами пребывать.

Сны эти потрясали, надрывали душу, выбивали из привычной колеи, и он стыдился рассказывать о них даже жене. Еще подумает: свихнулся, тронулся, зашли шарики за ролики.

Это был необъяснимый зов, неизлечимая хворь, причуда, блажь, тревога генетической памяти, нечто призрачное, мистическое. А, может, затаенный зов к некому идеалу, святому Граалю, к тому, что должно быть, но почти не бывает?

Кто знает...

Но был такой период, когда эта блажь оставила Гарри в покое. Период бездомья, когда о мистическом доме и не грезилось, а едва живая память довольствовалась не домом, а крышей над головой, четырьмя стенами, кровом, укрытием, времянкой, мазанкой, шалашом, халупой, где можно было хоть как-то спастись от холода, свирепых ветров, буранов, дождей, ненастья. Да, в годы войны, в годы депортации, унизительной комендатуры, бесправного, беспаспортного прозябания, в голодные послевоенные годы, в пору грозного Усача, ссылок, административных ущемлений, тотального человеческого унижения не то, что думы, мечты о том Доме – приюте свободы, душевного лада и покоя, достатка и света, но даже сны о нем напрочь исчезли, затерялись на тропинках нескончаемых напастей. Но вскоре, после смерти «отца народов», когда вдруг вновь обозначились блеклые ростки зачуханной надежды, Гарри – уже

окрепшему, закончившему аульную казахскую школу – опять приблизилась его ночная одиссея, и он пробивался, скользя и падая, по оврагам-буеракам, по-над крутым обрывам, по разжиженной от хляби вязким полям, по бесконечной полынной степи, по лабиринтам-чащобам прибрежного тугая, по Каменному броду Есиля к таинственному Дому, который неодолимо манил далеко-далеко за горизонтом.

И Гарри просыпался в изнурительной смуте.

И делиться о том наваждении было не с кем. Аульные сверстники не поняли бы такой блажи. Сказали бы: ау, айналайын, чего мечешься, что тебе еще надо, живешь в деревянном доме, покрытом травянистыми пластами, в тепле-уюте, сыт, обут, оба родителя рядом, все есть, не то, что у нас, безотцовщины, живущих в облупленных мазанках, кое-как покрытых дерном, в шалашах, где вольно гуляют сквозняки, голодных, босых, довольствующихся день-деньской миской айрана и горстью поджаренной на бараньем сале пшеницы.

И это было так, сущая правда. И зачем было аульным тамырам знать о твоих душевных треволнениях, о взлелеянной на дне сердца мечте о большом, несуществующем в реальности Доме?

И с отцом говорить о том было бессмысленно. Он, несомненно, понимал, что в мире происходит много несправедливого, но в глубине души сознавал, что нужно считаться с обстоятельствами, со временем, которые – так он любил говорить – «в конце-то концов» склонны к переменам. Впрочем, многие сокровенные думы свои отец тщательно скрывал от всех домочадцев. Гарри это осознал значительно позднее. Делиться можно было с этими назойливыми снами только с мамой, которой тоже часто грезился Дом – дом на Волге, родительский дом в родном Мангейме. Гарри видел, как у мамы поблескивали, лучились

черные, чуть раскосые глаза, когда районный комендант, «отмечая» поднадзорный люд, туманно намекал, что скоро-скоро со всех спецпереселенцев будут сняты все ограничения, и тогда они могут возвращаться туда, откуда их державным указом на исходе последнего месяца лета 1941 года насильно выселили. Но эти туманные намеки все отодвигались, отодвигались, пока совсем не растворились в смуте неспокойного времени и поползли слухи, вскоре подкрепленные еще одним державным распоряжением, что жить-проживать депортированным племенам-народам в краю ветров «НАВЕЧНО». Мама, управившись с бесконечными делами-хлопотами в медпункте и по дому, случалось, брала в руки гитару и тихо, с дрожью в голосе, напевала:

– Du, du liegst mir im Herzen,
Du, du liegst mir im Sinn...

Черные глаза ее в такие минуты влажнели, губы сжимались плотнее, лицо твердело, и Гарри догадывался, что «Du, du», о котором так проникновенно пелось в старинной немецкой песне, вовсе не таинственное лицо обожания, а все тот же Дом, который неотступно терзал душу и манил-звал в невозвратное прошлое.

Осенью 1955 года в студенческое общежитие к Гарри неожиданно ворвались рыжий чеченец Ваха и добродушный увалень ингуш Адам Мальсагов, явно возбужденные, в подпитии, и с порога заявили:

– Слышал?! Слышал?! Все! Все! Инхабер йорас! Возвращаемся домой! До-мой, понял. Понял?!

– Нет, не понял.

– Иехх, ты брат! Все! Все! Едем, едем домой. На родину! Объявили! Сообщили! Никаких ограничений! Никаких комендатур! Инхабер йорас!

– Что? Когда? Как?! И немцам?

Ваха и Адам не были уверены, что и советским немцам вышло послабление, но им так хотелось обрадовать, осчастливить и своего брата по судьбе.

– Наверное... Да, да! Всем! И немцам, брат!

И бросились обнимать, тискать, целовать Гарри. И с той поры вновь обрушились те изнурительные сны: ночами он брел, брел, преодолевая немыслимые преграды на нескончаемом пути, куда-то далеко, далеко, где в мучительных грезах находился вожделенный, таинственный Дом.

V. ДЕКРЕТЫ, ПОСТАНОВЛЕНИЯ

ДЕКРЕТ
Совета Народных Комиссаров РСФСР
О создании области немцев Поволжья

В целях укрепления борьбы за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты Поволжья, развивая принципы, положенные в основу устава Поволжского комиссариата по немецким делам, утвержденного 29 мая с.г., постановления Совнаркома от 26 июля с.г., а также в согласии с единодушно высказанными пожеланиями I съезда Совдепов немецких колоний Поволжья, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Местности, заселенные немцами-колонистами Поволжья и выделившиеся, согласно уставу Поволжского комиссариата, в уездные Совдепы, образовывают в порядке ст. 11 Основного закона РСФСР областное объединение с характером трудовой коммуны, в состав которого входят соответствующие части территории уездов Камышинского и Аткарского, Саратовской губернии и Новокузнецкой и Николаевской, Самарской губернии.

.....

5. Все мероприятия Советской власти, направленные к проведению в жизнь диктатуры пролетариата и бедноты, а также к переустройству политической и экономической жизни на социалистических началах, проводятся в указанной

выше области, заселенной немцами-колонистами через исполнительный комитет Советов немецких колоний Поволжья.

.....

7. Культурная жизнь немцев-колонистов: употребление ими родного языка в школах, в местной администрации, в суде и общественной жизни – не подлежит, согласно Советской Конституции, никаким стеснениям.

Совет Народных Комиссаров выражает уверенность, что при условии проведения в жизнь этих положений, борьба за социальное освобождение немецких рабочих и немецкой бедноты в Поволжье не создаст национальной розни, а наоборот, послужит сближению немецких и русских трудовых масс России, единение которых – залог их победы и успехов в международной пролетарской революции.

Председатель Совета
Народных Комисаров **В. Ульянов-Ленин**

Секретарь Совета
Народных Комиссаров **Л. Фотиева**

19 октября 1918 г.
Москва, Кремль

«Декретом ВЦИК от 20 февраля 1924 года Автономная область немцев Поволжья была преобразована в Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья. АССР НП занимала территорию 28,2 тыс. кв. км. в нижней части Поволжья, граничившую с Саратовской, Сталинградской (ныне – Волгоградская) областями и Казахской ССР. Население по переписи 1939 г. составляло 605,6 тыс. человек. Свыше 60% населения составляли немцы. Столица АССР НП – г. Энгельс. Республика состояла из 22 районов (кантонов). 31 января 1926 г. на III съезде Советов была принята Конституция АССР НП. Сразу после победы Великого Октября и в 20-х годах на Украине, Крыму, Кавказе, на Алтае был образован целый ряд национальных немецких районов, упраздненных в 1937-1938 годах».

(БСЭ. М. 1959)

VI. АРГЫН? ЧТО-ТО НЕ ПОХОЖ...

На третьи сутки интенсивного лечения в реанимации моего соседа, великана-усача, перевели в палату первой кардиологии. Он немного пришел в себя, стал больше бодрствовать, к нему часто приходили длинный, как жердь, сын-студент, сухопарая, миниатюрная, как подросток, жена, друзья-коллеги и приятели по службе в армии, земляки и даже мать из Курдая. Врачи и сестры явно благоволили к симпатичному толстяку и закрывали глаза на нескончаемые посещения его знакомых в реанимацию, куда посторонним в общем-то вход был воспрещен.

Перевели в палату и режиссера драматического театра, который все эти дни беспрестанно шуршал газетами и отмечал для меня статьи, которые, по его мнению, я должен был обязательно прочесть и поделиться с ним впечатлением. Фамилию режиссера я вспомнил: Байтен Омаров.

В больницах – а тем более в реанимации – человек быстро привязывается к своим сопалатникам. Общая боль сближает, роднит, знакомые недуги вызывают сочувствие, сострадание. Я испытывал глубокую приязнь и к увальню-послу, и к сухому бодрячку-режиссеру.

Утром, на обходе врачей, определенно намекнули, что сегодня переведут в палату и меня. Но вскоре показалась мне милая Шынар, дочь давнего друга-земляка, главный или старший, как я понял, кардиолог реанимационного отделения, и, улыбаясь, сообщила, что меня сегодня еще задержат.

– Почему? – спросил я, направляясь в туалет.

– Так надо, – серьезно сказала Шынар. – Понаблюдаем.

– Что так?

– У вас... – Шынар чуть запнулась и мягко поправила ворот моей больничной пижамы. – У вас, агай, инфаркт.

– А-а... Ну, я это знал с самого начала.

То ли это врачебная уловка, или тактика, то ли случаются сомнения в определении диагноза, но при мне целых три дня слово «инфаркт» не произносили, говорили про некий острый коронарный синдром, хотя я с первого же момента возникновения боли в сердце определил для себя, что именно со мной стряслось.

– Все идет нормально...– спешно добавила любезная Шынар, – но сутки мы еще понаблюдаем.

Что поделаешь... Надо, так надо. Видно, дела серьезные. Ну, а что инфаркт – жаль, конечно. Досадно. Уж лучше бы и впрямь синдром. Второй инфаркт настиг меня через одиннадцать лет. И на том спасибо. Третий, подумалось, вряд ли будет ждать столько же.

Свято место, понятно, пусто не бывает. На две освободившиеся койки, едва успели их переставить, ввезли в колясках двух новых пациентов.

Один без конца кряхтел, стонал, взывал к Аллаху, беспокойно ерзал, ворочался, звонил по мобильнику, возбудился, едва увидев телевизор на холодильнике, захотелось ему посмотреть китайского многосерийного «Чингисхана», московские известия, услышать сводку погоды, и его суетливость, бесцеремонность, нервное беспокойство меня раздражали.

– Послушайте, аксакал, – сказал я ему по-казахски. – Я понимаю, что вы из «платных». Но все же здесь не гостиница, не ваш личный номер, не Дом колхозника. А реанимация! Лежите спокойно. Телевизор будете смотреть дома.

– А-а... А-а... Солай ма? Какая ремация? Ты больной? Или я больной? Что, «Чингисхана» смотреть не хочешь?! А ты хоть знаешь, что Чингисхан – казах?!

Я промолчал, отвернулся, почувствовав, как от раздражения тяжело заворочалось сердце. Аксакал кряхтел, застонал сильнее, позвонил еще куда то. Было ему явно скучно.

– Эй, ты казах?

– Казах.

– Что-то не похож...

– Казахи тоже бывают разные. Не все же на вас похожи, – буркнул я. – Или на Чингисхана.

– А откуда?

– Издалека.

– Какого рода?

– Атыгай.

– А? Не дейді?! Аргын, что ли?

– Аргын.

– Что-то не похож... О, Алла, Алла... Ай!.. У-у... Кхм-м... Уай...

Я догадался: судя по говорливости, у соседа проблемы с мозгами. Может, инсульт?

Возле него закружились сестрицы. Аксакал и с ними завел бесконечный «а-ляу-ляй», но сестры отвечали уклончиво, неохотно.

Лежа под капельницей, аксакал пристально и долго разглядывал меня, недовольный, видно, тем, что я все время читаю и что-то пишу в блокноте.

– Слушай, а я тебя, кажется, видел...

– Может быть...

– Да, да. Точно. Видел. По телевизору. По-казахски ловко шпаришь.

– Ну, коли казах.

– Е, нет... Не все казахи по-казахски говорят. А ты не спотыкаешься.

– Ладно, аксакал. Помолчим. В нашем положении балабонить вредно.

– А какое у нас положение?

– Немного шаткое.

– А? Не дейді?!

Второй новый сосед попался еще более беспокойный. Плотный, приземистый, цельноскроенный, очень деловой, самоуверенный кореец неопределенного возраста вел себя так, будто он невзначай

забрел в незнакомый офис, однако быстро освоился и на врачей, сестер, санитарок смотрел, как на своих подчиненных. Казалось, его в реанимацию силком затащили, чтобы с него, богатея, побольше содрать. Он никак не производил впечатления реанимационного больного. Он сразу выложил на прикроватную тумбочку два дорогих мобильника, которые заверещали наперебой, достал из необъятной сумки бутылки с минеральной водой, разные соки, кефир, сливки, глянцевые журналы, портативный приемник, какие-то свертки, пакеты, кульки, загрузил всем этим пустующий холодильник, переоделся, прилег, нажал на кнопку вызова, пригласил врача.

– Что со мной? Почему меня заперли сюда? Сколько продержите?

Врач что-то сбивчиво объяснил:

– Синдром... Отклонения. НБС. Перебои. Систола. Проверим. Понаблюдаем. Посмотрим.

Был Цой чем-то озабочен. То и дело вскакивал, не обращая внимания на врачей и сестер, переодевался, выходил на стылый балкон, курил, вел по мобильникам переговоры, говорил резко, напористо, тоном сурового начальника.

– Ал-лё! Ну, что? Привезли? Сколько? Куда направили? В какой склад? В какой банк? Накладная есть? Выйду – расплачусь.

– Ал-лё! Костя заявился? Откуда? Достань из-под земли! Ишь ты, самостоятельный какой! Я ему рога мигом пообломаю! Чтоб сегодня был товар! Сколько машин? Вот охламоны! Криводуи! Бестолочь! Что? Пять миллионов? Мало! Курам на смех. Так не пойдет! Понял?!

Время от времени пробивалась, видно, к Цою жена. И с ней он был крут.

– Как? Как? – передразнивал он. – Нормально. Нет, ничего не говорят. Под капельницей лежу. Нет, ничего не чувствую. Ладно! Хватит! Обрадовалась, конечно?

Никто не мешает сидеть у телевизора? Достала со своим телевизором! Нет! Не надо! Ничего не надо! Не приходи! Все!!

– Эй! сестра! Отключи систему. Покурить надо. Что-о? Сорок лет курю и теперь нельзя? Че-пу-ха! Потом продолжишь. Какой еще анализ? Какой сахар? Сколько можно?! А-а... Зачем мне ваш обед? Нужна мне ваша каша-баланда! Убери!

– Ал-лё! Товар принял? Костю нашел? Ладно! Кредит возьмешь завтра.

Крутой пациент попался в реанимацию! Дежурный врач, рослый, тихоголосый молодой человек, явно робея, сделал Цою замечание.

– У вас ИБС, ишемия... можно сказать, предынфарктное состояние. Вам необходим полный покой. Хотя бы дня три.

Цой смерил врача испепеляющим взглядом, затрепетал ноздрями, вскинул кустистые брови.

– Все! Хватит! Переведите меня в Институт кардиологии. Там у меня кореши. Задолбали вы меня тут своим лечением. И-бэ-эс!!

Уже после обеда неукротимого Цоя куда-то сплавили. Милая Шынар попыталась было смягчить буйный нрав корейца.

– А к вам приходила жена. Я ей все объяснила. Красивая!

– Красивая! – передразнил, морщась, Цой. – А я что, некрасивый? Пусть поищет такого!

Исчез Цой, оставив после себя полный холодильник продуктов и кипу гламурных журналов.

И – слава Богу. А то бы я свихнулся от такого соседства в реанимации.

Другому соседу влили столько успокоительного с димедролом, что он вскоре тихо засопел, по привычке постанывая, и напрочь забыл и про «Чингисхана», про последние известия и погоду на завтра.

Я лежал в своем углу, прислушиваясь к сердцу и предаваясь в дреме своим мыслям и воспоминаниям. За окном быстро темнело. Из коридора доносились приглушенные разговоры сестер и санитарок.

VII. РОБЕРТ ИЗ КАСКЕЛЕНА

Явно обозначились веяния нового времени. То, что происходило в обществе, волновало, будоражило. Сверху просачивались фантастические слухи, намеки, предположения. Снизу все заколыхалось, зыбилось. Отшумел очередной съезд твердолобых, который разом вздыбил людское сознание, мигом перевернул все вверх дном. Озонированный ветер гулял над страной. «Что будет? Что будет?!» – лихорадочно затрепетали сердца. По разным предприятиям, коллективам, институтам зачитывали некое закрытое письмо. Длинное, ошеломляющее. В аудитории во время чтения его раздавались выкрики:

– Ложь!

– Клевета!

– Не верим!

– Не отдадим Сталина в обиду!

– Какой еще культ?! Личность была!

Гарри был в смятении. Закрытое письмо, зачитанное с явным недовольством партсекретарем института, одноруким доцентом марксизма-ленинизма, выбило Гарри из привычной колеи. Горстка неблагонадежных – немцы, чеченцы, ингуши, греки, крымский татарин, азербайджанка, ассириец, кореянка, поляк, калмык из разных факультетов – восприняла благую весть совсем иначе, чем большинство. И среди преподавателей тайно разделяли обличительный пафос закрытого письма, главным образом, лишь евреи. Остальные возмущались, а растеряны, обескуражены были все. И недовольны были все.

Все чаще ворчали по утлам: национальная политика «чудесного грузина» себя не оправдала. Она оказалась с изъяном, с шовинистическим душком. Единственно верной и правильной национальной политикой считалась ленинская. Айналайын Ленин дал народам право на самоопределение, он дал автономию немцам Поволжья, определил государственность киргизам (что из того, что вождь казахов тогда не знал?), он осудил великодержавный шовинизм, да он вообще желал всем добра. Уж очень был добрый. Зато Усач-Истекен всех, как баранов, загнал в общий хлев и бичом своим исхлестал, измордовал и сапожищами своими растоптал и историю, и культуру, и самобытность, и язык всех народов. Да, да... все... хватит, необходимо все срочно исправить и вернуть к подлинной национальной политике. В этом, только в этом виделось спасение великой многонациональной страны.

Многие так думали. Но не все. Далеко не все.

В подвальной, сырой, запущенной квартирке бородатого Ядыкина, недавно вернувшегося из сибирской ссылки, поздними вечерами собирался разношерстный люд, и Гарри с дрожью в сердце пытался вникнуть в безумные, лихорадочные речи и доклады об искажении ленинизма, о ложном экономическом направлении, о необходимости новой конституции, об уничтожении цвета наций, о задавленности рабочего класса, о закрепощении крестьянства, о пассивности интеллигенции, о гнусности идеологии и Бог весть о чем еще, что начисто переворачивало все, чему учили в школе и в институте, о чем не полагалось говорить вслух и даже думать, но что странным образом ложилось на душу, волновало и обнадеживало.

Но все еще полагалось держать язык за зубами, сторожко оглядываться по сторонам, никому не доверять, ибо любой коллектив, любое учреждение кишмя кишело сексотами и загреметь за решетку по-прежнему не стоило особого труда, так как сверх-

бдительные чекисты-цекисты находились на боевом посту и не дремали. А врагов – явных и тайных – тоже было в избытке. Правда, не совсем было ясно, враги кого, чего, каких мастей.

Гарри заметил, что с некоторых пор ему на глаза часто попадается рыжеватый, конопатый парень явно немецкого обличья. Он сталкивался с ним и в коридорах общежития, и в институте, и в парке панфиловцев возле шахматного клуба. Парень, видно, приглядывался к Гарри. И однажды сумеречным вечером он зашел к нему в общежитие, поздоровался по-немецки и тут же свободно перешел на казахский язык.

– Извините. Я вас знаю. Мне... мне хотелось бы показать вам... тебе одно письмо.

– Что за письмо?

– Коллективное. В Москву. И тебя... всех нас касается.

Гарри насторожился. Бородач Ядыкин постоянно предупреждал: до поры до времени необходимо избегать случайных встреч. Да и из литературы – особенно русских разночинцев – Гарри знал, что те не советовали заводить ненужные знакомства и вообще вступать в беседу с неизвестными – пустая блажь, опасная глупость, нонсенс.

– А вы кто?

– Я?.. Так... Тоже немец. Роберт из Каскелена.

Парень, по виду ровесник, смотрел открыто, доверчиво, и в голубых его глазах плескались одновременно таинственность и надежда.

– Покажите.

Парень извлек из-за пазухи большой конверт, достал письмо, напечатанное на машинке.

– Почитайте внимательно, – попросил рыжий Роберт и оглянулся на дверь.

Гарри пробежал глазами несколько абзацев заявления, адресованного в ЦК КПСС.

«*Мы считаем, что даже в том случае, если бы у советских немцев не было бы своей государ-*

ственной автономии, ее давно нужно было бы создать, а так как она была, то восстановить ее тем более необходимо.

Ликвидация АССР НП, основанная В.И. Лениным, противоречила всем принципам ленинской национальной политики, программе КПСС по национальному вопросу, являлось грубым произволом по отношению к целому народу и преступлением перед советскими немцами, перед всем советским народом».

– Сам написал?

– Что вы?! – зарделся вдруг Роберт. – Написали знающие, умные люди. Я только ходатай, сборщик подписей.

– Не боитесь?

– Чего?.. Дело-то справедливое. Все тип-топ.

– Хм-м... И что дальше?

– А ты читай, читай, – решительно перешел Роберт на «ты».

«Мы решительно возражаем против объявления невозможности восстановления АССР НП отсутствием территории для этого. У советских немцев территория была и есть, и мы просим восстановить нашу автономию там, где она была, как это было сделано для калмыцкого, чеченского и ряда других народов, также несправедливо обвиненных и репрессированных.

Нам, как и всем народам Советского Союза, согласно статье 123 Конституции СССР, предоставлено право на автономию, и так как мы просим восстановить нашу государственную автономию, то отказ в этом является нарушением Конституции СССР – Основного закона нашего государства».

– Хм-м... Ловко вверпули. Ты-то сам с Волги?

– С Волги.

– Земляк, значит. А как другие немцы – кавказские швабы, крымские меннониты, белорусские беламезеры на поволжскую автономию посмотрят?

– Думаю положительно. Будут солидарны. Им-то наверняка ничего не светит.

– А все же... если они не захотят переселиться на Волгу?

– Их дело... Не хотят – не надо.

– Ты так считаешь?

– И я, и те, кто сочинил этот документ. Читай, читай до конца.

«От имени советских граждан немецкой национальности, выражающих мнение советско-немецкого народа, мы просим полностью реабилитировать советских немцев, то есть:

1. Восстановить Автономию – Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья, основанную В.И. Лениным.

2. Полностью отменить все правовые ограничения по отношению к советским немцам, содержащиеся в Указах Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., 26 ноября 1948 г. и 13 декабря 1955 г. с одновременным официальным признанием в широкой печати перед всем советским народом невиновности советских немцев.

Такой правительственный акт устранит все нарушения законности и последствия культа личности не только по отношению к немцам Поволжья, но и по отношению ко всем советским немцам».

– Ну как? – нетерпеливо спросил Роберт.

– Очень даже неплохо. Взвешенно, убедительно.

– Спасибо. Над документом работали долго.

– И что дальше?

– Нужно собрать подписи. Это трудно. Народ-то запуган. Потом надежные люди доставят письмо, куда надо. Подпишешь?

Гарри не сразу ответил. Письмо своевременное. Ничего крамольного нет. Но по опыту, по недавним мытарствам комендатуры Гарри знал, что ловкачи-крючкотворы из умных чекистов-цекистов запросто

повернут все благие намерения спецпереселенцев совсем в другую колею, извратят весь смысл, вынюхают крамолу, сделают из мухи слона, припишут такое, что подписантам не сдобровать. А могут и из института вытурить, как пить дать, из института, куда он с таким трудом, с такими мытарствами едва-едва поступил. И тогда куда податься? Все старания коту под хвост?

С другой стороны, сколько можно дрожать, забиваться в угол и ждать у моря погоды. «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если мы гореть не будем, кто ж тогда развеет тьму?»

– Посоветоваться бы надо.

– С кем?

– То-то и оно. Не с кем! Я ничего и не знаю. Но идея бесспорная.

Конопатый Роберт расстроился.

– Все вот так! Наших немцев, наверное, все еще мало били. До того трусливы, осторожны! Вот чеченцы, ингуши, калмыки – народ. А мы... шайскерлы!

Роберт аккуратно вложил письмо-заявление в конверт, сунул за пазуху. Лицо его пылало от досады и оскорбления.

– Постой,– сказал Гарри. – Не кипятись. Подпишу. И подскажу еще несколько имен.

Роберт ушел, точно растворился в сумерках. Через три месяца Гарри сообщили знакомые немцы: письмо до Москвы не дошло. Доброхотов, вызвавшихся доставить письмо по адресу, сняли с поезда, затаскали по органам, а рыжий Роберт из Каскелена исчез, сгинул, неизвестно где...

Значит, нашелся доносчик-красноштанник среди своих.

VIII. УКАЗЫ, СООБЩЕНИЯ, ДОНЕСЕНИЯ

Сообщение ТАСС:

«В дни отечественной войны трудящиеся Республики Немцев Поволжья живут едиными чувствами со всем советским народом. Рабочие, колхозники, интеллигенция мобилизуют все свои силы для победы над гитлеровской сворой, поработившей германский народ, поработившей многие народы Европы. Тысячи трудящихся с оружием в руках пошли бороться против бешеного германского фашизма».

(«Правда» от 15 июля 1941 года)

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР

от 28 августа 1941 г.
«О переселении немцев,
проживающих в районах Поволжья»

... Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им было оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской, Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и наделить переселяемых немцев Поволжья землей и угодьями в новых районах.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР **М. Калинин**

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР **А. Горкин**

28 августа 1941 г.

Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья
(Указ ВС СССР от 7 сентября 1941 г.)

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья, признать необходимым:

1. Включить в состав Саратовской области нижеследующие районы бывшей Республики Немцев Поволжья: Бальцерский, Золотовский, Каменский, Терновский, Куккуский, Зельманский, Красноярский, Марксштадтский, Унтервальденский, Федоровский, Гнаденфлюрский, Лизандергейский, Мариентальский, Экгеймский.

2. Включить в состав Сталинградской области нижеследующие районы бывшей Республики Немцев Поволжья: Франкский, Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР **М. Калинин**

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР **А. Горкин**

Москва. Кремль.
7 сентября 1941 г.

(Ведомости Верховного Совета. 1941 г., №40)

«Во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. из Саратовской области было переселено:

всего немцев – 46393 (семей – 11385)
Из общего числа переселенных:
мужчин – 10751;
женщин – 14719;
детей до 16 лет – 20650.

Из Саратова переселено 11330 чел. (мужчин – 3091, женщин – 4343, детей – 3898), семей – 3427.

По районам Саратовской области всего переселено немцев 35063 (мужчин – 7660, женщин – 10376, детей – 16752), семей – 7958.

Всего отправлено 20 эшелонов, из них:

в Новосибирск – 5 эшелонов – 11440 чел., семей – 3211;

в Омск – 6 эшелонов – 14810 чел., семей – 3363;

в Акмолинск – 1 эшелон – 1705 чел., семей – 540;

в Павлодар – 7 эшелонов – 16966 чел., семей – 3855;

в Кустанай – 1 эшелон – 1072 чел., семей – 237.

Из граждан немецкой национальности не были переселены в связи с тем, что являются членами русских семей 1487 человек. Из них по Саратову – 807 чел., по районам области – 680 человек.

За время проведения мероприятия по переселению немцев отделами УНКВД и райотделами арестовано 110 человек. Открытых антисоветских проявлений, отказов от выезда по г. Саратову и области не отмечалось.

Мероприятия по выявлению немцев из бывшей Республики немцев Поволжья продолжились с 3 по 20 сентября 1941 г. Всего было выселено 376717 человек, в том числе семей – 81771, мужчин – 81106, женщин – 116917, детей – 178694.

Переселенцы отправлены на 158 эшелонах. На 21 сентября 1941 г. в пределах бывшей республики осталось 1488 немцев: по болезни 371 человек, в командировке – 23 чел., и 1094 человека, главы семей которых являются русскими.

(Из донесения-отчета НКВД).

«С 22 июня по 10 августа 1941 года по Республике немцев Поволжья было арестовано 145 человек, в том числе по обвинению в немецком шпионаже – 2 человека; в террористических намерениях – 3 человека; в диверсионных намерениях – 4 человека; участии в антисоветских группировках и контрреволюционных организациях – 36 человек; в распространении пораженческих и повстанческих высказываний – 97.

Открытых контрреволюционных проявлений по республике не регистрировалось. Имел место ряд случаев

недовольства, особенно со стороны молодежи, по поводу отказов им в призыве в Красную Армию.

На основании этого можно сделать вывод о необоснованности распространения на немецкое население республики утверждений о том, что оно представляло «сплошную сеть диверсантов и шпионов».

(Из донесения-отчета НКВД)

IX. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им.ПУШКИНА

На третьем курсе литфака благоволивший к Гарри директор института, Герой Советского Союза, славный азамат Малик Габдуллин предоставил своему постоянному шахматному партнеру право свободного посещения лекции. Отныне Гарри чаще всего показывался лишь на общих лекциях, а все остальное время проводил с десяти утра до десяти вечера в публичной библиотеке им. Пушкина, благо она находилась на расстоянии крика – рядом с общежитием. В библиотеке Гарри подолгу рылся в каталогах, заказывал кипы литературы по лингвистике, педагогике, философии, днями конспектировал, делал выписки в толстые общие тетради, читал, обогащал свои скудные аудиальные познания, расширял ограниченные представления о мире и культуре, а вскоре по ходатайству того же благодетеля Маке получил разрешение часами просиживать в сумеречном, душном подвале в отделе редкого фонда, листать раритеты, старинные фолианты, о которых и преподаватели никогда не упоминали в своих пресных, докучливых лекциях, а еще через некоторое время руководство библиотеки, убедившись в рвении робкого, бледного студента на костылях, отвело ему отдельный столик с лампой в уютном аспирантском зале.

О большем счастье он тогда и мечтать не мог. Публичная библиотека стала его настоящим университетом. Радовался и директор Малик Габдуллин.

– Ну как, Кари, доволен?– спрашивал он во время шахматных баталий. – Зачем тебе всякую муть слушать на лекциях? Твое преимущество в том, что ты знаешь, что хочешь. И распоряжаешься собой сам.

На коллоквиумах, зачетах и экзаменах Гарри показывал преподавателям свои конспекты и рабочие тетради, источники, из которых черпал свои знания, щеголял диковинными именами и названиями книг, неожиданными, порой эпатирующими выводами, которые чаще всего шли вразрез с принятыми установками учебных программ и общими штампами узаконенных лекций. Некоторым преподавателям самостоятельность и юношеское фрондерство студента пришлись по душе, они похваливали его за старание и прилежание, но большинство такое рвение и строптивость юнца явно раздражали. Такие преподаватели требовали, чтобы он в своих ответах на зачетах и экзаменах повторял то, что они внушали в своих лекциях, а не излагал пространно то, что студент выуживал из бог весть каких источников, которые зачастую и вовсе относились к запретной литературе. Особенно неистовствовали старушка-профессор по педагогике и ортодокс-доцент по марксистской философии.

На экзаменах по педагогике Гарри выпал билет с вопросом о педагогических воззрениях Надежды Константиновны Крупской. И Гарри пустился в обстоятельные рассуждения о том, что у Крупской в сущности никаких педагогических воззрений нет, что она отнюдь не Иоганн Генрих Песталоцци и не Константин Дмитриевич Ушинский, и даже далеко не Ибрай Алтынсарин, что ее плоские, банальные, компилятивные статейки о женском образовании, о ликбезе, о молодежи, о пионерском движении гроша ломаного не стоят, что это все сплошь избитые истины, высказанные невзрачным, серым, скучно-дидактическим языком и что вся ее общественно-

партийная-педагогическая заслуга заключается едва ли не в том, что она была супругой пролетарского вождя. Щуплая старушка-профессор вмиг потеряла всю свою напраншую степенность и чопорность, посерела морщинистым лицом, уронила массивные очки с дряблого длинного носа, откинулась на спинку кресла и слезящимися глазами в упор выставилась на экзаменующегося.

– Извините, вы кто такой?

– Студент.

Старушка-профессор передернулась, выпучила рыбьи глаза.

– Какого факультета?

– Литфака. Карлсон.

– Как? Как?

– Гарри Карлсон.

– Что-то не припомню на своих лекциях такого студента...

Старушка еле сдерживала свое негодование.

– А я и не ходил на лекции. Занимаюсь самостоятельно в библиотеке. По разрешению директора института.

– То-то и видно, что самостоятельно. Я этому вас не учила!

Возникла пауза. Гарри соображал: как быть? Эта сухая старушенция ведь запросто может ему закатить неуд. Зачем ей такой студент, который несет ересь?

– Я вас этому не учила!– зловеще, с нажимом повторила старушка-профессор.

– Охотно допускаю.

– Так, по-вашему, Крупская – не педагог?

– Не знаю. Но о педагогических воззрениях ее всерьез говорить не стоит.

– Вот как!– старушка затряслась.– И что будем делать? Дайте зачетку!

– Она не при мне,– слукавил Гарри.

– Даже так?!– скривилась старушка.– Боитесь, что я ее испорчу?

– Если честно – да. Волнуюсь.

– Вы что, отличник?

– До сегодняшнего дня – да.

Старушка немного успокоилась.

– Ладно, ученый муж, нигилист. Через неделю придете на переэкзаменовку. Предоставите конспекты. И именно по Крупской.

Всю неделю Гарри усердно изучал труды Надежды Константиновны. Господи, какие это были труды? Жвачка! Бабий бред! Ликбез!

Но – что делать? – тщательно законспектировал все ее статейки, исписал целую тетрадь и сделал вывод по примеру Краткого курса ВКП(б): плоско, банально, беспомощно, сухая дидактика, дешевое, лобовое правоучение, казенный язык.

Через неделю старушка-профессор уткнула свой несуразно длинный нос в тетрадку студента Гарри Карлсона, почитала, похмыкала, вздохнула, несколько раз внимательно покосилась на бледного юнца, на его костыли, поставила в зачетку «отл.», скрипуче проронила:

– Идите! И оставьте свои мысли при себе. Иначе плохо кончите. Поверьте!

– Спасибо, Раиса Григорьевна.

– Ладно, нигилист.

Обошлось. А вот с доцентом-философом получилось сложнее. Тот ни малейшего вольнодумства не допускал. Основы марксизма-ленинизма почитал свято. Сомневаться в незыблемых канонах, установленных корифеями, не позволял. Ни-ни! К тому же философ был приглашен из другого института и являлся членом разных комиссий и научных советов. А тут какой-то невзрачный студентик, молокосос, щенок, нахватавшийся где-то бацилл сомнений, позволял себе на экзамене отпускать какие-то колкости и критические замечания в адрес ленинского «Материализма и эмпириокритицизма»! Какие-то цитаты приводит,

на Бог весть какие авторитеты ссылается, надо не надо самого Троцкого в свой лепет вкрапливает, свою начитанность выказывает. Да ему надо сразу пообломать рога! Показать, где раки зимуют! Ишь ты, норов демонстрирует, выпендривается, латинскими изречениями сыплет.

– Эй, болды!– остановил студента доцент. – Ты что тут мелешь? Ревизионист нашелся! Говори, что положено! Чему тебя учили!

– Ағай, никто не учил. Я сам.

– Сам?! Где дурных книжек начитался? Откуда у тебя вся эта муть? Хочешь сказать, что не такой как все?! Все шагают в ногу по широкой, ясной дороге, а ты один по обочине чикиляешь?

– Ну, ағай, мне трудно шагать со всеми в ногу, я же, видите, на костылях.

– Не ты на костылях, а мозги твои на гнилых подпорках.

Разговор пошел вкось и вкривь. Гарри понесло, занесло совсем в сторону, и он чувствовал, что кончится эта перепалка для него плохо. Он что-то, горячась, пробормотал, что нет истины в конечной инстанции, что сам Маркс учил относиться ко всему с сомнением, что избитые шаблоны приводят к застою общественной жизни, что инакомыслие – еще не самый страшный грех, значительно хуже, когда все думают одинаково, что истина рождается в противоречиях, в споре, что свободу мысли следует поощрять в человеке с юных лет, что для этого и существует философия, что...

– Хватит!– оборвал его доцент.– Меня учить собрался? Кто здесь экзаменатор – я или ты? Надо же: вроде тихоня, скромница, а скандалист!

Доцент-философ отказался принимать у Гарри экзамен. Он не потерпит строптивых студентов. Он не может ставить оценку за бред, которому не учил. А в дискуссию вступать тоже не желает. Как быть? Декан Адильгиреев потребовал, чтобы он извинился

перед приглашенным преподавателем. Иначе, предупредил он, стипендии, тем более повышенной, не видать, как своих собственных ушей.

Извиняться Гарри не стал, для этого, по его мнению, не было оснований, и таким образом один семестр учился без стипендии.

– Нешаум,– сказал Маке, директор, во время частных шахматных баталий. – Перемелется – мука будет. Уладим! Сказано: марксизм не догма, а руководство к действию.

В отделе «Фонд редких книг» Гарри наткнулся на залежи немецкой литературы. Громоздились в углу огромные связки, которых, видно, десятилетиями не касалась чья-либо рука. Каково же было его удивление, когда он убедился, что все эти кипы – литература советских немцев, изданная еще в 20-30-ых годах и перевезенная сюда из городской библиотеки Энгельса! О существовании таких изданий он и не ведал. И никто никогда о том не говорил. Вот это был сюрприз! Совершенно незнакомые имена – Франц Бах, Георг Тюфт, Герхард Завадски, Давид Куфельд, Христьян Ольберг, Франц Шиллер, Андреас Закс, Карл Шмидт, Давид Шелленберг, Доминик Гольман и рядом с ними германские антифашисты, обретшие убежище в Советском Союзе, всколыхнули его душу. Это был доселе не знакомый материк. И ведь из нынешних немцев, разбросанных по всему Советскому Союзу – от Чукотки до Туркмении – никто об этом толком не знал. Особенно поколение Гарри. Какой пробел! Какое преступное, насильственное отключение от своих корней, от своей истории, культуры, языка! Выходит, четверть века весь этот кладезь национального Духа замалчивается, и все народы, населяющие страну, о том и не ведают.

Кощунство!

Перелистывая старые, слежавшиеся в пыли и сырости журналы, изданные в 30-х годах и перед самой

войной в Автономной Республике немцев Поволжья, перебирая тощие книжки на серой, ветхой, дешевенькой бумаге неведомых немецких Schriftsteller, Гарри испытывал радость и смятение. Радость открытия и горечь забвения. Об этих грудах книг, заключивших в себе язык, культуру, историю, боль и надежды запрещенного, изгнанного из родных мест, униженного, растребленного, отлученного от памяти народа мало что никто не знал, но и говорить об этом, поделиться своей радостью и горестями было не с кем. Поздними вечерами, съев в библиотечном буфете зачерствевший пончик или пирожок с ливером и запив его стаканчиком кефира, Гарри, постукивая костылями, брел в общежитие, распираемый открытиями, переполненный впечатлениями, перегруженный всякими сведениями, о чем его однокашники, друзья-тамыры, безмятежно похрапывающие на соседних казенных койках, не ведали ни сном, ни духом. Ни татарину Ерику, ни казахам Шайдулле и Казбеку не было дела до душевной смуты и терзаний их напарника – немца Гарри. Носить в себе тайны, о которых никому не поведаешь, стало неотступной мукой.

Намеревался было Гарри поделиться своими открытиями с единокровниками, поступившими впервые в истории Казахского Государственного педагогического института имени Абая, но так и не решился. Их было, кроме самого Гарри, четверо: двое на физмате и двое на литфаке. Пятеро советских немцев, которым, преодолев множество препятствий и преград, без паспорта, находясь под присмотром комендатуры, посчастливилось дивным образом в условиях драконовских ограничений поступить в высшее учебное заведение. Но странно: они, эти избранники судьбы, эти счастливчики, чурались, избегали друг друга, словно старались скрыть, что они относятся к одному роду-племени, что их связывает общая судьба, что они – в сущности – парии общества,

что на них каиново печать, тавро немца-спецпереселенца и что они в отличии от других своих сверстников должны вносить плату за учебу (пусть и незначительную – по 200 рублей в полугодие) и ежемесячно «отмечаться» в комендатуре на Пролетарской, 10 наравне с другими неблагонадежными – чеченцами, ингушами, поляками, греками, калмыками. И то, что эти пятеро, находясь в одном институте, живя в одной общаге, хотя и в разных корпусах, упорно делали вид, будто не знают друг друга и дружат не между собой, что казалось бы вполне понятным и естественным, а с другими, тем самым как бы подчеркивая полное равнодушие к единокровникам, не давая повода для каких-либо подозрений и предположений, и настораживало, и угнетало, и унижало. С таким феноменом Гарри приходилось сталкиваться в разных обстоятельствах. Бригадир-немец не осмеливался делать замечания русскому (сразу скажет: «фашист!», «Фриц!») или казаху (скажет: «пришелец-келімсек», «на чужой земле командует»), зато со «своих» по любому поводу публично снимал стружку. Дескать, видите, какой я честный, справедливый, лояльный, строгий. Никаких поблажек к своим единокровникам, единоплеменникам нигде, никогда, ни в чем не допускаю, не позволяю. Вот так-то, братцы мои! Уж в чем в чем, но в кумовстве, в национализме меня, этнического немца, обвинить не посмеете.

Видно, такая ущербная психология успела за годы изгнания и ссылки, за годы бесконечных ограничений и унижений пустить в душах спецпереселенцев глубокие корни.

И Гарри понял, что со своими единокровниками из института душевного общения не получится и никакой тайной поделиться с ними невозможно. И вообще чужая душа, как известно,– потемки. К тому же он помнил совет неистового Николауса Вагнера при ночной доверительной беседе в районном центре

Марьевке, где Гарри подолгу и тщетно хлопотал в 1953 году о паспорте – после длительных мытарств и пустых хождений выдали временное – на три месяца – удостоверение с «особой отметкой»: «разрешается жить только в пределах Октябрьского района». Вагнер предупреждал: «Надо быть особенно осторожным с нашими же собратьями-немцами. Среди них, к сожалению, сексотов – пруд пруди. Немецкая честность иногда сродни предательству. Российские немцы никогда не отличались единством, сплоченностью, как многие малые народы. А теперь их души и вовсе изуродовали. Заруби себе это на носу».

Увы, Гарри убеждался, что это действительно так. И это было особенно прискорбно.

О своих находках в отделе редких книг публичной библиотеки Гарри поделился однажды при встрече со своим другом Виктором Германом, поступившим в том же 1954-м году на немецкий факультет института иностранных языков, и Виктор изумился, признавшись, что он о такой литературе ничего не знает, что о них – немецких литераторах России – за два-три года учебы он и слыхом не слышал. Позже Виктор поинтересовался у своего наставника доцента Мессерле о литературе российских немцев, и тот, якобы, нахмурившись, резко ответил: такой литературы в природе не существует, а читать следует подлинно немецких писателей, живущих и творящих главным образом в ГДР – Анну Зегерс, Эрвина Штриттматтера, ну, может, Вольфганга Кёппена и Бертольда Брехта. Западных немцев читать, мол, не стоит, а доморощенных «фрицев» – тем более.

Больше на эту тему говорить было не с кем. Будучи активным членом научного студенческого общества, Гарри одно время подумывал делать сообщение о литературе российских немцев 20-30-х годов или даже написать курсовую работу, блеснуть новизной темы, но вскоре осознал, что это напрасные усилия, тщетные

потуги, никто его не поддержит, да, скорее всего, никому это и не нужно. Так и затаилась эта боль где-то в закоулке сердца.

X. ФРАНЦ БАХ

Роясь в узких, продолговатых ящиках с каталогами, Гарри однажды натолкнулся на стенографический отчет Первого всесоюзного съезда советских писателей, изданных Гослитиздатом в 1934 году. До этого времени ему был известен лишь доклад Горького и еще кое-какие выдержки из выступлений других крупных писателей. Теперь же он не мог оторваться от стенографического отчета. Поражало его то, что всего лишь двадцать с хвостиком лет тому назад писатели говорили смело и открыто, совершенно исповедально и сокровенно, высказывали такие мысли, которые столько времени спустя воспринимались едва ли не как крамола, а – главное – они говорили, казалось, совершенно иным языком. И логика, и мысли их отличались новизной, нестандартным выражением, и многие имена были ему, студенту литфака, совершенно неизвестны. Должно быть, многие канули давным-давно в небытие. Литераторы того времени как-то мыслили иначе, по-другому. Сразу бросался в глаза иной уровень. Ощущение было такое, что литераторы тридцатых годов обитали совсем в другой стране, и уровень их мировосприятия был более раскованным и свободным.

Неужели за эти годы литература деградировала? Неужели она тогда еще не была подлинно советской? У Гарри возник соблазн делать пространные выписки из стенографического отчета Первого всесоюзного съезда советских писателей и поговорить о своих впечатлениях хотя бы с доцентом Ефимом Иосифовичем Ландау, преподававшим на литфаке курс советской литературы. А что если Гарри щегольнуть своей находкой на экзамене, подробнее остановиться

на докладе хотя бы Бухарина? Или этого делать нельзя, поскольку и стенографический отчет очутился вдруг в отделе редкого фонда?

И вовсе удивился Гарри, когда обнаружил в Отчете выступление Франца Баха – одного, как Гарри совсем недавно узнал, из зачинателей советской немецкой литературы, руководителя пролетарских писателей немцев Поволжья. Это надо же! Выходит, на том историческом съезде присутствовали и литераторы из числа российских немцев? И не только присутствовали, но и были полноправными делегатами того съезда? И не только участвовали в работе того – горьковского! – съезда, но и выступали с высокой трибуны! И кто из нынешних поколений российских немцев о том когда-нибудь что-либо слышал? Может, старики? Но где они? Сгинули в годы депортации, в ссылках, в трудармиях, в изгнании? Heulen möchte ich darüber! – думал Гарри. Как же так, он, студент литфака, этнический немец, прилежно изучает русскую и казахскую литературы, литературу зарубежных стран, даже античную литературу, слывет отличником, и ничего, ни-че-го-шень-ки не знает о литературе, истории, культуре своих предков-единокровников? Ну, почему так? Разве это справедливо?

Франц Бах, семинарист, ставший коммунистом, воспевавший революцию, активный участник классовой борьбы, Гражданской войны на Волге, преподаватель, журналист, поэт, руководитель Поволжских немецких литераторов, общественный деятель, выступал на Первом всесоюзном съезде советских писателей, как явствует из стенографического отчета, на двадцать пятом вечернем заседании 31 августа 1934 года. Все, о чем он говорил на съезде, было для Гарри внове, он дважды прочитал это выступление, а потом полностью переписал в свою заветную общую тетрадь, убежденный, что о том вряд ли кто-нибудь из его

окружения знает. Вот что сказал тогда с трибуны съезда Франц Иванович Бах:

«Товарищи!

*Рабочие и крестьяне Автономной Социалистической Советской Республики немцев Поволжья шлют свой горячий братский привет Первому всесоюзному съезду писателей, а также как присутствующим на нем гостям – заграничным революционным писателям, а через них – вождю германского пролетариата товарищу Тельману. (**Аплодисменты**)»*

Торжественно, вполне в духе того времени. Франц Бах, разумеется, не догадывался тогда, что спустя три года его арестуют как врага народа, подвергнут истязаниям, обвинят во всевозможных грехах, а потом, еще через пять лет он сгинет в ГУЛАГЕ, как и многие его коллеги, выступавшие на том памятном съезде. Из трех делегатов – поволжских немцев – Франца Баха, Герхарда Завацки и Андреаса Закса – уцелел лишь последний и умер своей смертью в Кишиневе. А сколько вообще литераторов-немцев погибло в сталинской мясорубке.

«Товарищи!

Великий Октябрь создал в нашей Автономной республике, как и во всем Союзе Социалистических Советских Республик, помимо хозяйственного подъема, громадный культурный подъем. Я только укажу на главные достижения в области культурного строительства. Мы имеем ныне в нашей республике больше высших учебных заведений, чем имели до Октябрьской революции средних учебных заведений, а именно: сельскохозяйственный институт, педагогический институт, высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу, ряд техникумов, десятилеток, различных курсов и т.д. Мы имеем ныне в нашей республике больше ежедневных газет, чем до Октябрьской революции еженедельных, а именно три газеты республиканского масштаба «Нахрихтен»,

«Трудовая правда», «Роте Югенд», и кроме того во всех кантонах газеты, выходящие по несколько раз в неделю, и во всех районах и МТС – политотдельские газеты».

У Гарри дрожало сердце. Надо же! Выросло целое поколение в изгнании, в ссылке, которое обо всем этом никогда и не слыхало. Целая эпоха была напрочь вытравлена из сознания потомков так называемых немецких колонистов – обитателей колоний, созданных со времен Екатерины II на запущенных российских землях. Станут ли эти страницы многоплеменной России когда-нибудь всеобщим достоянием? Узнают ли когда-нибудь о том инонациональные друзья Гарри – казахи, русские, евреи, татары, да и сами единокровники, соплеменники, оторванные державной волей от своих вековых корней?

«Мы имеем свой национальный театр, свою превосходную филармонию и свой отличный хор, который уже два года назад был премирован в Москве на всесоюзной олимпиаде. Так мы имеем еще разные другие культурные учреждения в городе Энгельсе, нашем республиканском центре и в кантонных центрах. Все это мы имеем благодаря единственно правильной ленинской-сталинской национальной политике. Трудящееся население нашей республики с возмущением и презрением встречают поэтому клевету и наглую ложь германских фашистов о том, будто бы нашей республике не только не оказывают никакой заботы, никакой помощи со стороны советского правительства и партии, а, наоборот, она подвергается гонениям. Мы отлично знаем, какие грязные цели германский фашизм преследует этой клеветой, этой наглой ложью».

То, что Франц Бах говорил на писательском съезде относительно клеветы германских фашистов, несомненно, имело место. Идеологический нажим со стороны гитлеровской клики на российских немцев

преследовал четкую и подлую цель. Любой ценой хотелось этой клике противопоставить своих восточных «братьев по крови» молодой советской власти, и таким образом не по своей воле российские немцы (не только, понятно, Поволжья) очутились в жестких тисках пропаганды и контрпропаганды. Скорей всего, эти идеология и политика и стали зародышем будущей трагедии народа.

В редком фонде, среди залежей литературы на немецком языке попалась Гарри и серая, невзрачная, тонюсенькая книжка-брошюрка под названием «Deutsche hungern! Wo?» некоего Эриха Гебхарда, выпущенная издательским товариществом иностранных рабочих в СССР в Москве-Ленинграде в 1933 году. Эта книжка – «Немцы голодают! Где?» – была написана в откровенно пропагандистских целях против фашистских демагогов, но в ней было заключено немало фактов, достойных внимания. Гарри и из нее сделал выписки. Так, из этой книжки явствовало, что на Волге до Октябрьской революции обитало всего 500 тысяч немцев, а вообще, общее число российских немцев к тому времени составляло около миллиона человек. Ссылаясь на официальную статистику, автор этой книжки утверждал, что до революции у четверти «deutschen Bauern» на Волге не было ни рабочих лошадей, ни быков, у десяти процентов немцев-волжан не было ни земельного надела, ни даже собственного дома, у более десяти процентов не было даже коровы. На сто поволжских немцев, уверял далее автор, приходилось одна книга, и та религиозного содержания, на полмиллиона населения – одна газета, и та издавалась пасторами и имела пятьсот читателей.

Да, уверял автор, немцы Поволжья влачили до революции жалкое существование, нищенствовали, голодали, но при советской власти они испытывают сплошной подъем – как в экономике, так и в культуре. Да, где-то немцы голодают, но где? В той же

фашистской Германии, а никак не в Советском Союзе. Таков был пафос этой невзрачной книжки. И, верно, о том же говорил и пролетарский писатель Франц Бах на Первом всесоюзном съезде советских писателей.

«Такой же невиданный подъем, как в области культуры вообще, наблюдается у нас и в области литературы. В массах рабочих и крестьян не только растет читательский интерес к литературе, но и стремление к собственному творчеству, особенно среди молодежи. Здесь приходилось и приходится преодолевать еще большие трудности. В первые годы революции националистические элементы, стремившиеся быть монополистами беллетристики, не давали хода молодым пролетарским писателям, пока этому не был положен конец.

В рапповский период господствовали и в нашей организации нездоровые настроения, мешавшие плодотворной работе. Но эта атмосфера рассеялась после исторического постановления ЦК нашей партии, и если нас теперь спросят, что в этом отношении еще остается желать, то мы можем со спокойной совестью сказать, что будет достаточно, если везде, не исключая Москвы, воцарятся творческие отношения друг к другу. Как я уже заметил, иные трудности имеются еще и у нас. Здесь прежде всего нужно указать на слабую полиграфическую базу в нашей республике, на далеко не удовлетворительную потребность даже в отношении учебников и партийной литературы. Наша полиграфическая база так слаба вследствии того, что газетные отделы, как мы уже видели, получили широкое распространение и в кантонах, и в МТС и т.д. Имеется, однако, надежда на то, что в ближайшем будущем наша полиграфическая база улучшится и тогда наш литературный журнал «Дер Кемпфер» может выходить более регулярно.

Необходимо отметить, что наши литераторы в большинстве случаев так загружены службой и

работой, что у них не хватает времени на литературную работу.

Надо добиться, чтобы это изменилось в положительном смысле. Далее нужно указать на острый недостаток в литературе для повышения квалификации наших писателей. Тут нашим руководящим писательским органам приходится здорово помогать местным, снабжать последних хотя бы единичными экземплярами тех книг, которых часто ни за какие деньги нельзя достать в провинции. Что касается средств, то мы достаточно обеспечены ими, так как правительство нашей республики заботливо идет нам навстречу. Нужно только устранить указанные препятствия, и мы можем и будем под руководством партии плодотворно работать для расцвета нашей национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

*Да здравствует единственно правильная ленинско-сталинская национальная политика! (**Аплодисменты**)»*

Осень 1934 года. Москва. Шумный писательский съезд.

От слов пролетарского поэта, волжанина-немца Франца Баха веет духом того времени.

Была надежда. Уверенность. Чудилось: народ выбрался на путь свободы и процветания.

Через три года Франца Баха арестуют. Как и его коллег-сподвижников Герхарда Завацки, Германа Бахмана, Рейнгольда Гана, Ганса Гансмана, Давида Шелленберга, Георга Дингеса, Рихарда Кнорре, Эрнста Кончака, Ганса Лорера, Георга Люфта, Петера Петермана, Готлиба Фихтнера, Фридеберта Фондиса, Франца Шиллера, Готлиба Шнайдера, Альфреда Штрёма, Иоганна Янцена и многих-многих других славных личностей, стоявших у истоков так называемой советской немецкой литературы. Одних расстреляли, других выслали в Магадан, Колыму и прочие места, третьи доживали свой век, отлученные

от любимого дела, от призвания, от своего народа и культуры. Еще одни, те, что были моложе, прошли через депортацию, ссылку, трудармию и вернулись потом, изрядно подбитые, измочаленные, обескрыленные, в литературу, не дали угаснуть еле тлевшему еще духовному, творческому огоньку, вселяли по мере своих сил и таланта веру в возможное возрождение национального самосознания.

А Гарри, двадцать три года спустя, переписав речь Франца Баха в свою заветную тетрадь, долго смотрел в окно аспирантского зала во дворик публичной библиотеки имени Пушкина и с печалью на сердце размышлял: кто он, что он, вчерашний спецпереселенец, осколок растребленного, распыленного по всему Союзу народа, народа-изгоя, отлученного от своих корней, будущий преподаватель русского языка и литературы в казахской школе? Что он знает о себе, о своем народе, о культуре и истории российских немцев, к которым имеет честь (или несчастье?) принадлежать?

Была осень. Клены и тополя роняли листья. На иных почти оголившихся ветвях цепко держались багряные, скукожившиеся листочки, трепетали на ветру, готовые вот-вот сорваться и превратиться в прах, в тлен. Эти листочки напоминали судьбу и жизнь самого Гарри, судьбу его изгнанников-соплеменников. В груди его послышался слабый зов к чему-то неизбежному и неведомому. Неясная тревога будоражила сердце, навевала неизъяснимую тоску.

В аспирантском зале было тихо. На столиках мерцали лампы. Слышался шорох книжных страниц, скрип перьев. Аспиранты упорно грызли гранит науки, писали диссертации. И ни один из них не знал о существовании истории, культуры, литературы такого народа – российских немцев, и никто не догадывался, что происходит, что творится в душе тощего парня на костылях, растерянно стоявшего у узкого и высокого окна публичной библиотеки.

XI. ОБРЕМЕНИТЕЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

– Завтра... завтра, агай, мы вас переведем в палату, – подтвердила на утреннем обходе милая Шынар, дочь моего друга со студенческих времен Сарбаса.

Я на все согласен, хотя сознаю, что перевод из реанимации в палату – верный признак того, что я нахожусь на пути к возрождению, как сказал король Лир. Это ведь означает, что опасность миновала. Однако выбираться из болота приходится долго и осторожно. Разные пакости подстерегают на каждом шагу. К тому же могут проснуться многочисленные «иты», угнездившиеся в моем хилом, семидесятитрехлетнем теле. Нужно терпение, терпение, терпение. Но терпеть за свою жизнь я вроде научился. По части терпения я могу дать фору любой женщине.

Кстати, женская часть в «совмнике», как в просторечии называют это медицинское учреждение, вызывает восторг. Учтивые, предупредительные, обходительные, внимательные. И врачи, и медсестры, и санитарки. И почти все чертовски миловидны, опрятны, ухожены, душевны, вежливы. Настоящие сестры милосердия. И все охотно отзываются на шутку, и сами умеют уместно шутить. Таково милое свойство казашек. Я это давно заметил. От их улыбок, нежного прикосновения, неизменного желания приободрить тебя, угодить тебе, от любезного обращения «ага», «ата» душа прикованного к постели радуется, млеет, наполняется ответной нежностью. Лечение лечением, но юная женская магия обволакивает тебя исподволь верой и надеждой, любовью к жизни, ко всему возвышенному и прекрасному.

С утра перед тем, как из-за осенних кудлатых туч изредка выныривает солнце, птичье племя обосновавшееся в густых елях за окном, затевает веселую перекличку, щебечет напропалую, на разные голоса, ликует, все более гомонясь, возбуждаясь, приветствуя новый день и славя жизнь.

Я лежу в полудреме под капельницей, прислушиваюсь к птичьему щебетанью за окном, к женским голосам за дверью, к уборочной возне в коридорах, к легким шагам в реанимационной палате, к жужжанью каких-то приборов, записывающих автоматически артериальное давление, к шелесту кислорода по трубочкам, к монотонному капанию благодатной жидкости, растекающейся по твоим хворым, обессиленным сосудам. Какое наслажденье – чувствовать, как медленно-медленно оживаешь, возвращаешься к жизни, и боль – пусть и нехотя – отпускает, оставляет тебя...

У меня плохая память – ничего не забываю. Помню то, что пора бы давно забыть, чтобы не томить душу, не рвать сердце. Хорошая память та, что не омрачает твое существование. А я вот помню все: и обиду умершего с голоду еще далеко до моего рождения дедушки Фридриха и обиду сгинувшего в 1932 году дедушки по матери – вольнодумца-капельмейстера Давида, и горе моих дядьев и двоюродных братьев, погибших в трудармии, и сиротство моих двоюродных племянников, и измочалившую моих соплеменников депортацию, и недобрую державную власть, отторгнувшую своих инородных сынов и дочерей, как злая мачеха и все эти указы-распоряжения-постановления, истерзавшие, уничтожившие народ, будто каких-то супостатов, и все ограничения, унижения, мытарства, злодейства комендатуры, упорно ставившие нас, спецпереселенцев, на колени, и ... боже мой! – зачем я все это помню, зачем всю жизнь, точно раб, как опостылевшие вериги ношу все эти напасти в непосильной торбе своей памяти?! Разве не разумней было бы все это забыть, раз и навсегда выставить из своего сознания, абортировать истомленную, изнуренную душу, точно истлевшую от времени шкурку-подстилку, и помнить только тихие песни мамы под незатейливый перебор гитары, скрипку отца, ласку и

любовь аульной смуглянки, щедродушие казахов, доброту аульчан, ширь степей, шелест перелесок, робкое течение реки Есиль в знойную пору и вой свирепых буранов в глухую зимнюю ночь? О, да! Жизнь человеческая ведь не состоит из одних обид и злых державных указов. А я вот так устроен: ничего не забываю, все помню, оттого и живу с напрягом, с вечно сжатыми кулаками. Так, видно, нельзя. Может, потому при всем внешнем благополучии и попадаю не в первый раз в реанимацию? В самом деле человек умеренный, сдержанный, непьющий, некурящий, негулящий, не подверженный пагубным страстям. С чего бы это болит-пошаливает у меня сердце? Наверное, потому, что тащу непосильный груз памяти. Помню то, что было давно, еще до моего появления на белый свет, что пора избыть, вытравить из души, выбросить на помойку бытия. Что во мне обитает слишком много других жизней, других судеб, других обид и болей, от чего мне никогда, никогда, ни-ког-да уже не избавиться. Может, наступит облегчение, если я все это изложу, выплюю на бумагу? Но хватит ли у меня на это сил и времени? Или мне суждено весь этот груз, весь этот скарб болей, неурядиц, обид, несправедливостей унести в роковой час с собой в так называемый лучший из миров, где, сказывают, всего этого нет и в помине?

Не знаю, не знаю...

XII. ФРАНЦ ШИЛЛЕР

Гарри не поверил своим глазам, когда в каталоге редкого фонда, в разделе иностранной литературы обнаружил название библиографической книжки Франца Петровича Шиллера, профессора, доктора филологии, литературоведа, критика, автора знаменитой трехтомной «Истории западно-европейской литературы нового времени», по которой училось

целое довоенное поколение филологов. Имя это студент Гарри в немецких источниках не встретил. Но в энциклопедиях, в русских литературных источниках оно не однажды встречалось и притягивало внимание. Неизвестно, с какого времени застряло в памяти это имя. А в домашней библиотеке преподавательницы русского языка и литературы аульной школы, где учился Гарри, – Марии Петровны Егоровой он увидел плотный серый том той самой «Истории...» Том первый, было указано в книге, издание второе, государственное издательство «Художественная литература», Москва, 1937 г.

– Франц Шиллер кто?– спросил ошеломленный ученик у любимой учительницы, чеченки[1], высланной в аул из-за мужа, доцента философии, сидевшего в Карлаге.

– О, крупный ученый! Много языков знал. В Москве жил.

– Откуда?

– Кажется, из поволжских немцев. Много книг написал.

– Какие? Помните?

– Ой, нет,– смутилась Мария Петровна.– Какие-то исследования по марксистской литературе, по искусству, по немецкой революционной поэзии... Очень был популярен в вузах перед войной.

– А потом что случилось?

– Не знаю. Наверняка арестован. После 38-го года имени его нигде не встречала.

– Жив?

– Бог его знает.

Мария Петровна, худая, замкнутая, аскетического склада женщина, когда-то преподавала в Ленинградском педагогическом институте имени Герцена, потом, в ссылке, работала телятницей в колхозе, не

[1] Член семьи изменника Родины.

отличалась разговорчивостью. Она могла говорить увлеченно только о русской грамматике и русских классиках. Обо всем остальном она будто дала обет молчания. Любознательность и интерес Гарри к политике, к тому, о чем не говорилось в школьных учебниках, она не поощряла. Наоборот, пугалась. И потому о Франце Шиллере Гарри расспрашивать ее больше не стал. Но имя запомнилось.

И вот теперь, в грудах книг тесного и душного подвала редкого фонда, из разных книг и справочников Гарри пополнил свое представление об этом знаменитом, с трагической судьбой литературоведе. Выяснилось, что Франц Петрович Шиллер оказался поволжским немцем – из Новоузенского района Саратовской области и до 15 лет работал батраком, урывками окончив четыре класса духовной семинарии, после которой учительствовал в земской начальной школе. Видно, был очень способен и целеустремлен. Уже в 20-х годах учился на литературно-филологическом отделении 2-го Московского государственного университета, сдал аспирантский минимум, два года стажировался в Германии и уже в 1929 году получил научное звание профессора. Было тогда ему 31 год. Головокружительная научная карьера! До сорока лет успел получить докторскую степень, заведовать отделом западно-европейской литературы Института мировой литературы имени Горького, стать редактором Отдела мировой литературы Большой Советской Энциклопедии, издать монографии, учебники, вести огромную научно-организационную и общественную работу. Свободно владел английским, немецким, латинским, французским, русским языками, а читал на итальянском, испанском, голландском, фламандском, шведском, норвежском и исландском языках. Уникум! А какие книги написал еще в 30-х годах! «Маркс и Энгельс об искусстве», «Маркс и Энгельс о литературе», «Энгельс как литературный критик»,

«Георг Веерт – поэт союза коммунистов», «Фридрих Шиллер и его эстетика», «Очерк по истории немецкой революционной поэзии XIX века», «История западноевропейской литературы нового времени» (в трех томах). Как он все это успевал за столь короткий срок – уму непостижимо! А сколько еще книг, «ученых записок» он отредактировал, сколько предисловий написал к ученым трудам!

Гарри не один месяц грезил Францем Шиллером, упоминал его имя и труды на коллоквиумах, зачетах и экзаменах и по выражению лиц преподавателей понял, что они о таком ученом и слыхом не слыхивали. А один доцент по общему языкознанию даже раздраженно его поправил:

– Не Франц Шиллер, а Фридрих Шиллер!

– О, нет! Фридрих Шиллер – это поэт, драматург, друг Гете. Не о нем я говорю, а о Франце Шиллере, историке литературы, литературоведе, – настаивал Гарри.

– Не знаю, не знаю,– обиделся, надулся доцент. – Выдумываете, Карлсон! Занимались бы тем, что в программе. Вечно вас заносит не туда. Оставьте своего... э... э... Франца в покое!

Нет, Франц Петрович покоя не давал. Оказалось, в 1938 году он был арестован органами НКВД. Ему было 40 лет, и он только недавно женился на своей студентке, и у него родилась дочь. И за что арестовали? Бог знает... Видимо, его стажировка в Германии вышла ему боком. Восемь лет продержали тихого, скромного литературоведа в лагере где-то в Сибири, а в 1946 году больного, седого, изнуренного освободили, и он с трудом устроился преподавателем немецкого языка в школе в селе Красноярск Омской области. А жизнь закончил уже парализованный в туберкулезном диспансере, где, борясь с недугом и одиночеством, завершил монографии о Байроне, Шиллере, Гейне.

Несколько месяцев судьба Франца Шиллера преследовала Гарри. Вот с кого стоило брать пример. И было

обидно, что имя его предано забвению за какие-нибудь двадцать лет. Есть ли горше повести на свете? И справедливо ли это?

Но ошеломила Гарри тоненькая книжица, отпечатанная на плохой бумаге, – библиографический указатель Франца Шиллера, изданный еще в 1927 году в Покровске малым тиражом. Когда ликвидировали в спешном порядке Автономную Республику немцев Поволжья, часть республиканской библиотеки города Энгельса отправили-эвакуировали в Ташкент, оттуда – почему-то в Алма-Ату. Здесь, в публичной библиотеке имени Пушкина, все эти груды, связки, пачки книг и журналов и пролежали нетронутыми двадцать лет. Некоторые журналы на немецком языке даже не были разрезаны. Странно: до Гарри никто не брал их в руки. Выходит, никто литературой российских немцев и не интересовался. Вот в этой груде и обнаружил Гарри эту заметно пожелтевшую книжку под названием «Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowet-Union für die Jahre 1764-1926 von F.P. Schiller».

Вот это был клад! Сколько имен, сколько названий с указанием всех выходных данных о немецких колониях в России, об истории, культуре, литературе, всех сферах социальной, экономической жизни российских немцев заключалось в этой непритязательной с виду библиографической книжке!

Как указал Франц Шиллер в предисловии, это был первый опыт систематизации обширной литературы о российских немцах, начиная с 1764 года по 1926-й год, которым обрывался дотошный и уникальный указатель неутомимого исследователя.

Указатель читался как гордая сага о многострадальных российских немцах, потомках разных германских княжеств и земель, прибывших в загадочный Руссланд в поисках лучшей доли. Молодой, любознательный ученый-филолог, всей душой воспринявший трагическую участь своих соплеменников,

перелопатив монблан литературы, по крохам собрал сведения об их истории, культуре, литературе, широко охватив все данные о немецких колониях, разбросанных по всей территории российской империи. Франц Шиллер привел сведения об образовании первых немецких колоний на Волге в 1764 году при Екатерине Великой, о Первой империалистической войне и советизации страны, с немецким тщанием описав все перипетии судьбы российских немцев на фоне многотрудной, многосложной истории России. Весь этот огромный материал, любовно собранный не за один год, Шиллер распределил по таким разделам и главкам (разумеется, на немецком языке):

– Общий раздел. От основания первых немецких колоний (1764) до Первой мировой войны (1914);

– немецкие колонии на черноморском побережье;

– меннонитские поселения;

– немецкие колонии на Кавказе;

– немцы Волыни;

– немцы Сибири;

– немцы в Воронежской, Новгородской, Санкт-Петербургской губерниях и в других областях;

– история отдельных немецких общин;

– Сарепта;

– Санкт-Петербург;

– Москва;

– Саратов;

– Одесса;

– Кирхи и духовность в немецких колониях;

– школы в немецких колониях;

– пресса в немецких колониях;

– литература (язык, обычаи и нравы);

– государственные деятели и ученые;

– колонисты за рубежом;

– дополнения.

Немецкие источники в библиографии перемежаются с русскими. Каждое название снабжено

подробными ссылками: где издано, в каком году, в каком издательстве, о какой теме, указаны страницы.

Колоссальный труд!

Всего в Указателе перечислены 957 (!) источников, а в разделе «Дополнения» – еще 12. Без малого одна тысяча названий, которые вобрали в себе судьбу, историю, культуру, литературу, этнографию, быт, реальность, боль, надежды, чаяния двухмиллионного народа, добровольно влившегося в многонациональную российскую империю, служившего ей верой и правдой, внесшего огромный вклад во все сферы ее общественной, социальной, экономической, культурной жизни в течение 162 лет, отраженных достойно и честно в Указателе Франца Петровича Шиллера.

Неоценимый, уникальный труд!

Для студента-филолога Гарри Карлсона это было поразительным открытием. Он, изгнанный в хрупком детском возрасте из родного края лишь из-за того, что имел неосторожность родиться немцем, дожив в другом краю, в другой среде до двадцати двух лет, не знал, не гадал о таком богатстве его разбросанных по всей стране, оторванных от своих корней, обреченных на тотальное немотство соплеменников. Представить жутко: Указатель Ф.П. Шиллера вышел небольшим тиражом еще в 1927 году, до депортации прошло 14 лет, потом в изгнании, в ссылках, трудармии, в инобытие еще 16 лет, и получается, что в течении тридцати лет, более, чем жизнь одного поколения, никто и не догадывался, сколько же было написано о народе, который ныне прозябает в полном неведении о своем прошлом, о своей значимости, о своей роли в истории страны. Народ на каком-то этапе по злой воле правителей испытал черствость, жестокость, несправедливость власти, которая обрекла его на беспамятство, на неведение, абортируя его душу, сознание и память.

Ужасно! У-жас-но!

Несколько дней, сидя за своим столиком в аспирантском зале публичной библиотеки, Гарри старательно переписал весь – от первой до последней страницы – Указатель Франца Шиллера, инстинктивно надеясь, что придет время – придет, придет! – и он многое из этой библиографии прочтет, изучит, о многом расскажет, напишет, а, может, даже продолжит этот уникальный, незабвенный, подвижнический труд своего земляка-единокровника, дабы соплеменники не лишились своего Духа, своей гордости, своей памяти и помнили: «Мы не пыль на ветру, не пыль, не пыль»...

XIII. ТУПИК

Ничего не происходило. Нигде. Все казалось обыденным, рутинным, обрыдлым. На немецкие темы времени не хватало. Да и никто вокруг этим не интересовался. Более того, иногда казалось, что даже казахов не интересовали казахские проблемы, а русских – проблемы русские, евреев – проблемы еврейские.

Вакуум. Пустота. Застой.

Видно, все национальные проблемы в стране победившего социализма были решены раз и навсегда. Или загнаны в подполье, в подсознание? Все были равны в неравенстве, бедны в бедности. В бесправии у всех были одинаковые права, закрепленные иллюзорными законами.

Может, это и было торжеством ленинской национальной политики? О сталинской с некоторых пор упоминать перестали. Сначала писали через дефис – ленинско-сталинская, потом корифея-усача оставили в покое. Против пролетарского вождя никто ничего не имел. Бог, понятно, на небе, но и на земле людям нужен Бог. Видно, в верхах решили, что до поры до времени следует довольствоваться проверенным и

испытанным на прочность Владимиром Ильичем. Правда, объявился царек по имени Никита, который, потрясая кулаком и багровея бородавчатым лицом, грозился показать мифическую кузькину мать. Но никто ее толком так и не разглядел.

Странные наступили времена. Всюду трезвонили о реформах, об оттепели, о либерализации общества, а ничего существенного не происходило. Так, пыль в глаза, лапша на уши, трах-тарарах.

Будучи на летних каникулах в ауле, Гарри слышал только одни сетования земляков на сомнительные перемены: землю всю впритык к аулам распахали, скотину пасти негде, траву косить можно только в приречных овражках, кукуруза не растет, горох не растет, держать можно лишь одну корову с телком, пять-шесть овец, или одну дойную кобылицу. Казахам совсем житья не стало, от Никитовых реформ скоро по миру пойдем. Целина перевернула все вверх дном. Привычный уклад разрушен. Со всех верховьев и низовьев понаехал разношерстный народец, который нагло затыкает аборигенам рот и навязывает свои временщиковские нравы и порядки. Пришлые ведут себя, как оккупанты. Им и казахские могилы не святы.

В каждом ауле жило по нескольку немецких семей, все повально прилично изъяснялись по-казахски, а в русских селах – в Куприяновке, Козловке, Сухорабовке, Крещенке, Ольгинке, где Гарри бывал у знакомых, немцы составляли треть или даже половину населения, говорили на жуткой смеси украинских, русских, немецких слов, на немыслимой тарабарщине и вкалывали безропотно, послушно от зари до зари, тянули исправно колхозную лямку и, казалось, ни на что не уповали. Благодарили судьбу, что их, наконец, избавили от опеки комендатуры, от надзора НКВД, что дети могли свободно учиться на шофера, на тракториста, комбайнера, слесаря и техника, а взрослые – строить более приличное жилье, разводить

огороды и выкармливать хрюшек, которые давали надежный доход.

О большем, казалось, немцы и не помышляли. Правда, ходили слухи, что кто-то из пожилых учителей писал длинные слезницы в верха, намекая на необходимость немецких начальных школ, издание какой-нибудь газетенки на родном языке, кое-каких учебников, песенников, дабы немецкий люд, исправно трудящийся на благо страны и приближение коммунизма, не совсем отлучился от своих национальных корней, от национальной идентичности. Еще рассказывали, что таких доброхотов-донкихотов вызывали куда-то, строго беседовали с ними, внушали им крепко непреложную истину о советском интернационализме, патриотизме и вражеских происках из-за кордона.

Немцы, заметил Гарри, боялись всего и всех, в том числе и самих себя. Об его открытиях и находках в публичной библиотеке имени Пушкина и поговорить было не с кем. В немецких поселениях образовались баптистские общества. В чьих-то домах украдкой собирались по воскресеньям, молились, пели духовные немецкие песни, обсуждали скудные новости, возрождали религиозные чувства, оберегая на свой салтык свою немецкость. Гарри догадывался, что все это не от хорошей жизни, значит, власть упускает нечто весьма важное в развитии самосознания, что баптистские сообщества – своеобразная реакция на очевидные несправедливости и недоразумения, что баптистов не преследовать надо, натравливая на них молодежь, как это на местах делает ретивое начальство, а попытаться понять, может, это всего-навсего суррогат отсутствующей духовности, жалкое утешение, подспудное стремление сохранить свое сокровенное, душевное, личностное. Что еще остается спецпереселенцам после многолетних мытарств, изгойства, унижения, беспросветной

нищеты и бедности, после сознательного истребления доброй половины населения в лагерях, ссылках, трудармии, неоднократной депортации, кроме того, как, воспользовавшись политическим послаблением, отстраниться, наладить быт, добиться материального достатка, прочнее обустроиться, дать возможность детям обзавестись какими-никакими профессиями на тех курсах и в тех малопрестижных учебных заведениях, куда им позволено поступать, ну, а для души собираться в молельнях, петь и говорить на родном языке, слушать родную речь, вспомнить былое, далекое, невозвратное. А в то, что все в прошлом, что все невозвратно, что высланы они, спецпереселенцы, НАВЕЧНО и что никогда, нигде ничто им не светит, они за эти годы успели уверовать. О том, что они высланы НА-ВЕЧ-НО, объявила сама власть. А власть – в том спецпереселенцы тоже успели убедиться – слов на ветер не бросает и шутить не любит. Каждым своим указом новый гвоздь вколачивает в судьбу спецпереселенцев всех мастей.

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР

от 26 ноября 1948 г.

О том, что немцы, калмыки, ингуши, чеченцы, финны, латыши и другие переселены в представленные районы навечно и что выезд их с мест поселения без особого разрешения органов МВД карается каторжными работами до 20 лет.

Председатель Президиума Верховного
Совета СССР
А. Шверник

Секретарь Президиума Верховного
Совета СССР
А. Горкин

Москва, Кремль
26 ноября 1948 г.

Яснее не скажешь. НА-ВЕЧ-НО!

Карается каторжными работами.

До 20 лет!

Законопослушные немцы немотствовали.

После такого указа и вовсе онемели.

Действительно: немцы от слова «немой». Только в русском языке они именуются немцами.

Немой немец немотствует.

НА-ВЕЧ-НО!

Сами себя они называют «дойче». На диалекте – «дайтше». И их этническая родина – Дойчланд. А в России и во всех ее закоулках, где они вольно или невольно обитают, они – немцы. «Немец – перец, колбаса, кислая капуста...»

Прошло семь лет, и высоко-высоко, в Кремле выродили и обнародовали новый указ.

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
«О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпереселении»

от 13 декабря 1955 г.

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпереселенцев-немцев и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять с учета спецпереселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, высланных на спецпереселение в период Великой Отечественной войны, а также немцев – граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпереселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпереселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Москва, Кремль, 13 декабря 1955 г.

Первый пункт этого Указа в общем-то обрадовал, вселял надежду, но второй пункт поспешно расставил все на свои места: особенно, братцы-немцы, не ликуйте, ограничения с вас сняты, этим и довольствуйтесь, о возвращении на родину речи нет и конфискованное имущество вам возвращать никто не собирается. Это вы зарубите себе крепко на носу. Куда вас выселили, там и живите. И радуйтесь. Будьте счастливы.

Да, какие-то реформы где-то в верхах вроде как происходили, но внизу народ их почти не чувствовал. Все должны были довольствоваться той политикой, которая дозированно отпускалось свыше. Думалось: интересно, сколько же еще придумывают указов в отношении советских (российских, русских) немцев?

О том можно было только гадать. Одно становилось ясно: если дитя не плачет, мать ему грудь не даст. Если немцы, рассеянные, развеянные по всему Советскому Союзу, будет прозябать и впредь ниже травы, тише воды, то, понятно, ничего никогда им не обломится.

Гарри это удручало. И выхода он не видел. И советоваться было не с кем.

Часто вечером один-одинешенек он перелистывал груды тетрадей с выписками по истории, культуре, литературе российских немцев, раздобытыми с таким старанием и усердием, и погружался в печальные думы: к чему все это? Зачем? Нужно ли копаться в славном прошлом, если настоящее бесславно, а будущее и вовсе в тумане?

Он купил скрипку, кое-как наладил, настроил ее и в вечерние сумерки, когда друзья-тамыры уходили в парк на танцы, часами пиликал на ней еще более растравливая себе душу, играл по памяти, как мог, запомнившиеся немецкие мелодии, попурри, которые, вернувшись из германского плена еще той, первой мировой войны, черной тушью старательно записывал его дедушка по материнской линии – капельмейстер-

кларнетист Давид Гертер, сгинувший в застенках НКВД за вольнодумство еще в 1932 году.

Скрипка была барахляная, казенная, фабричная. Колки прокручивались. Звук отвратительный. Смычок цеплялся за струны, вырывался из рук. Да и сам скрипач был никудышный.

Однажды вечером в дверь кто-то постучался. Вошел рослый, длинноволосый незнакомец, крупноносый, совиноглазый. Вежливо спросил:

– А-а... Это, значит, вы играете?

– Я,– смутился Гарри.

Незнакомец бросил на инструмент презрительный взгляд, скривился.

– Где обрели?

– В магазине.

– Выбросьте! Это изделие мебельщиков. Ужасно!

– Но...

– Никаких «но»! Инструмент дрянной. Рука у вас не поставлена. Слух так себе. А пиликаете на всю округу. Дурно, молодой человек! Тошно! Вы, наверное, и нот не знаете?

– Да... Не знаю. Цифровые разве... Для мандолины.

– Бросьте,– сурово сказал незнакомец.– Не мучьте ни себя, ни других.

Гарри обиделся.

– А вы, простите, кто?

– Я? Скрипач. Профессор консерватории. Ваша игра... хм... м... причиняет страдания.

– Понимаю... Прошу вас, сыграйте что-нибудь.

Незнакомец оттопырил толстые губы, изобразил на лице предельное возмущение.

– Я?.. На этой деревяшке?.. Извините... У меня итальянский инструмент. Обрел за десять тысяч рублей!

– О! Десять тысяч! Страдивари? Амати?

– Ну, что вы?! Однако инструмент приличный.

И незнакомец вышел.

Гарри осенило. Из подвального помещения камышитовой трехэтажки напротив вечерами доносились дивные звуки. Из открытого окошка часто лилась чарующая мелодия, и Гарри, возвращаясь поздно из библиотеки, останавливался под карагачом и подолгу слушал самозабвенно поющую скрипку.

Выходит, это играл, изливал душу, этот самый тощий, длинноносый профессор консерватории.

Гарри бережно положил скрипку, густо покрытую темно-оранжевым лаком, в футляр и сунул его за шифоньер.

Тупик.

Даже скрипке он не мог доверить свою душевную смуту.

XIV. ВЕРА

Известно: человек предполагает, а Бог располагает.

Все складывалось у Гарри по плану. Вся жизнь текла по точно определенному графику. И, казалось, ничто его не нарушит.

Начался последний семестр. Нововведения коснулись и старейшего казахстанского вуза. Сверху решили, что педагогический институт должен готовить широкопрофильные кадры. Таково требование времени. Филологи должны отныне преподавать в школах при необходимости и историю, а историк – литературу, физик – математику, а математик – физику, географы – биологию и наоборот. Словом, все факультеты переходят на пятилетнее обучение. Вместо литфака будет образован историко-филологический факультет. Большинству студентов такое новшество пришлось не по душе. Почти все настроились на скорый выпуск, на диплом, на работу, на возможность скорее встать на ноги, окрепнуть материально, помогать близким, обзавестись надежным очагом. А тут – на тебе! – предстояло ради

широкопрофильного диплома еще два семестра – целый год! – просиживать штаны в аудиториях, за опостылевшими учебниками. Такой вариант не был предусмотрен в жизненных планах. Особенно роптали девушки. Как? Зачем? Ради чего? Никто из них в науку не рвался. А те знания, которые они обрели за четыре года, вполне достаточны, чтобы преподавать в аульных, районных, областных школах, куда их непременно направят по распределению министерства. Да и девичьи годы ведь немалые. Пора ухватиться за подол какого-нибудь жигита, обустроить свое гнездышко, начать достойную, природой определенную жизнь. Девичья пора коротка, отцветет, как маки в степи. Завянешь в девках-то. Да и принц на белом коне даже в предутренних грезах не ждет. А тут еще целый год ходить на лекции, по шесть-восемь часов томиться в душных аудиториях, в библиотеках, жить в тесном, обшарпанном общежитии, в вечных нехватках. Надоело! Обрыдло! Последний семестр и то уже в тягость, а тут битый год зубрить кому историю, кому литературу, кому еще что, к чему и душа-то не лежит. Да и в голову ничего уже не лезет.

Не расстраивались по поводу ожидаемых перемен лишь единицы – те, что, получив диплом, готовились продолжить учебу в аспирантуре. Среди них был и Гарри. Он даже обрадовался годичному продлению. Надо же, он ни с того, ни с сего получит возможность целый год заниматься в свое удовольствие в публичной библиотеке, прочитать уйму книг, усерднее штудировать немецкую литературу и сделать впрок гору выписок, которые ему в будущем наверняка пригодятся. Да и его благодетель, профессор-языковед Сарсен Аманжолов, с первого курса опекавший Гарри и настраивавший его на аспирантуру, несомненно, только обрадуется. Три курсовые работы – по сопоставительной грамматике и сравнительному литературоведению, опубликованные в сборниках научных студенческих работ, – заинтере-

совали профессора-тюрколога, и он всячески поощрял исследовательские порывы студента из русско-казахского отделения литфака. И Гарри про себя подумал: если институтский курс продлят на год, то, вероятно, целесообразно уже сейчас по совету научного наставника определить тему будущей аспирантской работы и за год подобрать нужный материал и подготовить кое-какой задел. Зачем ему углубленно заниматься историей, если он свое будущее связывает исключительно с языковедением и тюркологией?

Однако вскоре выяснилось, что на пятилетнее обучение переводят лишь те группы, которые готовятся в преподаватели литературы и истории в русских школах. А студентов группы «Б» РКО – русско-казахского отделения – выпустят по узкому профилю: они должны преподавать русский язык и литературу исключительно в казахских школах, где таких специалистов остро не хватает по всему Казахстану. Эта новость в группе «Б» всех вдохновила, а Гарри было почти все равно. И отец не возражал против возможности продолжения учебы, и самого Гарри не покидала уверенность, что профессор Сарсен Аманжолов непременно оставит его в аспирантуре, а далее и вовсе откроется дорога к вожделенной тюркологии.

Мир казался безоблачным. До государственных экзаменов оставалось несколько месяцев, в зачетке Гарри красовались одни «отлично», и красный диплом, по всему, обеспечен, преподаватели к своему студенту благоволят, круг друзей и знакомых ширится с каждым днем, все сотрудники публичной библиотеки ему рады, полноценный паспорт в кармане, от постылой комендатуры избавился, удача сопутствует ему во всем, словом, живи не тужи, сам себе барин, занимайся любимым делом, слегка заигрывай с девушками, не обременяя себя никакими обещаниями и обязательствами, и уповай на светлое будущее. Ветер дует в его

паруса, и никаких невзгод вроде не предвидится. Голова кружилась и от неожиданного знакомства с приятной, белокурой девушкой с третьего курса исторического факультета. Он с ней часто сталкивался в коридоре общежития, замечал ее ласковый, пристальный взгляд, загадочную улыбку в уголке пухлых губ, бывало мимолетно здоровался, но никаких знаков внимания не оказывал. И однажды, когда Гарри в гололед сломал больную же ногу и угодил в больницу, к нему, закованному в гипс, нежданно-негаданно пришла в палату Вера. Было это зимой, за окном шел снег, неподалеку надрывалась дурными голосами стая ворон, в кустах акации суетливо копошились воробьи, в палате было мрачно, уныло, вокруг лежали еще шестеро искалеченных бедолаг на вытяжке, и Гарри предался горестным думам о том, как он будет жить после того, как его выпишут в общежитие, кто за ним будет ухаживать, как он со второго этажа доберется до общественного туалета во дворе, как ему передвигаться по снегу, по льду на костылях, и когда еще срастутся кости, нарастет мозоль, когда снимут гипс, разработает окостеневший сустав, когда вернется былая сила и как он дотащится до института, до библиотеки. Может, взять академический отпуск? Может, перевестись на заочное отделение? Может, вызвать отца и добираться до аула? Все мерещилось безвыходным. Врач-костоправ уверял: понадобится месяца четыре. В гипсе-туторе. На костылях. Потом следует учиться передвигаться с тросточкой.

Четыре месяца? Четыре месяца! Четыре месяца... Сто двадцать дней! Представить невозможно.

Вера мило смущалась, приятно картавила, голос ее был глубокий, грудной, обволакивающий, голубые глаза сияли, пухлые губы розовели, подрагивали, от всей ее ладной, спелой, чуть пухлой фигуры веяло нежностью, здоровьем и уверенностью. Тщедушный, обросший, закованный по грудь в гипсовую повязку Гарри оробел

перед пышной, светлой русской девушкой. Ему было сподручнее шутливо беседовать со смуглянками-казашками, с татарками, с метисками, с ними он чувствовал себя проще, увереннее. А тут белоликая юница, русская, вся в соку, говорящая с придыханием, с хрипотцой, ласково, с приятной картавинкой. Гарри заметил: все в палате обернулись к ней, пялили глаза, зачарованно вслушивались в ее речь. От нее исходило молодое обаяние.

– О, Гагги, я тебя давно знаю, давно,– ворковала она, лучась глазами. – Знаю, что и как говорят девчонки. Ты не такой, как все...

– Ну, да,– усмехнулся Гарри,– на костылях хожу, ногу вот сломал.

– Нет, я не о том... Костыли, перелом – это временное.

Что-то всколыхнулось в душе Гарри, будто таинственный лучик вспыхнул в сердце, неведомая нежность накатила, дрожь пронзила все его существо. Он на мгновение забыл, что лежит распластанный на жесткой больничной койке, на досках, закованный в постылый гипс по самую грудь. Ему сладостно померещилось, что он здоров, силен и ловок рядом с этой роскошной, ладно скроенной девушкой, обаявшей его вмиг доверчивостью, откровенностью и колдовским картавым воркованием.

Уходя, она оставила записку – листочек, вчетверо сложенный.

– Потом... потом прочтешь,– сконфузившись, она чуть-чуть коснулась мягкой ладошкой его волос. Он вздрогнул, замер, почувствовав, как по всем жилам пробежала дурманящая истома.

В записке был намек на потаенные девичьи чувства. Гарри прочел ее несколько раз. Мысли его метались. Каждое слово в записке отозвалось в сердце радостью, трепетом, неизведанной нежностью и сладостным смятением.

Потом, когда его выписали, и он, по-прежнему закованный в жесткую гипсовую повязку, целыми днями томился в убогой комнатушке общежития на втором этаже, Вера время от времени наведывала его, садилась рядом на кровать, податливо прижималась к нему, щебетала невпопад совсем уж по-девчоночьи о том, о сем, улыбалась, мило картавила, и Гарри робко обнимал ее, гладил ее руки, тоже молол всякую чушь, вдыхал, пьянея, шалея, запахи ее юного тела и чувствовал себя от счастья на седьмом небе.

В институтском общежитии секретов не бывает. Каждый и каждая знали о каждом и каждой все-все. Об отношениях Гарри с «историчкой» Верой слухи разошлись мгновенно. Пошли толки о том, что они непременно поженятся, как только Гарри получит диплом и поступит в аспирантуру. К весне, оставшись в комнате один, когда все однокашники ушли на лекции, Гарри, вооружившись большим кухонным ножом, вспорол корсет, раскрошил гипс и освободил больную ногу. Он ощутил, как исхудал за эти месяцы, как невесомо висел на костылях, как неуверенно передвигался, боясь после каждого шага потерять равновесие. Преподаватели иногда навещали его, вводили в курс учебных программ, давали советы и направления, принимали зачеты, ребята-друзья делились скудными запасами харчей, но чувствовал себя Гарри одиноким, растерянным, никому не нужным. Вся дальнейшая жизнь показалась зыбкой, неопределенной. Одна надежда согревала его общую душу: сдать госэкзамены, получить диплом и поступить в аспирантуру. Только это и может его спасти от тоски и неустроенности.

Радовала только Вера. Она наведывала его все чаще, одним своим присутствием разгоняла рой печальных дум, поддерживала, ободряла его, ласково щебетала, утешала, выдыхала нежно:

– Не бойся. Не волнуйся. Все будет хорошо. Я всегда с тобой. Я сильная. Я г'ядом, милый, единственный мой Гагги...

От нее исходила надежная уверенность. Он все более и более привязывался к ней. Только с ней забывал обо всем на свете. Чудилось: только она, эта туготелая, голубоглазая русская девушка, его, кстати, землячка (она была из Петропавловска) – его единственная опора. И все более казалось, что он ее любит, только ее, одну, по-настоящему, и только она его утешит, ибо она, видимо, и есть его единственная судьба. Они встречались все чаще в угловой комнатушке на втором этаже, на пятачке возле лестницы, в коридоре у окна, часами сидели рядком в институтском читальном зале, вместе спускались в подвал, в столовую, доверительно рассказывали все-все друг о друге, им все время хотелось быть вместе и вместе им было хорошо, и ничто не омрачало – как чудилось – их жизнь в будущем.

– Если с аспирантурой не выйдет и тебя отправят куда-нибудь, я все брошу и поеду с тобой,– уверяла она.

– А учеба?– спрашивал он. – Тебе ведь теперь еще два года учиться.

– Переведусь на заочное,– решительно заявляла она.

Быть всегда вместе мерещилось небывалым счастьем.

Но Гарри не покидало дурное предчувствие: невозможно это, невозможно, немыслимо. Любовь их пришла, обрушилась ниоткуда, случайно, как говорят казахи, с ветром, также случайно, с ветром она и уйдет, погаснет, оборвется. Он иногда мысленно представлял себя, тщедушного, худого, болезненного, изнуренного разными комплексами, с сумбуром в голове и хаосом в душе, рядом с ней, с этой крепкой, здоровой, крупной, кровь с молоком, уверенной в себе русской девушкой и трезво говорил себе: дурь, блажь, амок, прекрасное увлечение, легкая влюбленность, короткий флирт, несерьезно. Зачем же ему, старшему на четыре года, морочить голову доверчивой девчонке?

Но сомнения эти возникли лишь на мгновения, когда рядом не было Веры. А когда она оказывалась рядом, околдовывала картавой речью, словно ребенок, шаловливо плела затейливую любовную бессмыслицу, нежно ласкала его, читала, будто во сне, разные детские шутливые стишки, у него кружилась голова, все сомнения смывал ее трогательный лепет, его обволакивал девичий запах ее здоровой плоти, сводило с ума ее жаркое дыхание, и он будто взмывал в дурмане сладостной неги. Жалея его, она с детской непосредственностью шептала-выпевала:

– Угонили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу,
Все равно его не брошу,
Потому что он хороший.

И обнимала его, наваливаясь упругими, распаленными грудями с набухшими, твердыми сосцами, закатывала глаза, жмурилась, млела, целовала горячо, долго.

Стихов она помнила великое множество, и извергала их к месту, не к месту и каждый раз любопытствовала: ну, г'гамотей, угадай, кто написал, откуда. И, к стыду своему, он часто беспомощно разводил руками и, улыбался, восхищался ею, покачивал головой. Он окончил казахскую аульную школу, она – русскую городскую, и это сказывалось в их поэтическом багаже. Она, торжествуя, отзывалась дребезжащим смехом, счастливая, гордая, и продолжала нашептывать, будто шаманствуя, в его ухо:

– Не люби, богатый – бедную,
Не люби, ученый – глупую,
Не люби, румяный, – бледную,
Не люби, хороший – вредную.
Золотой – полушку медную!

Он был счастлив и только улыбался в ответ. Нет, он таких слов не слышал и не ведал, кто их написал.

– Эх, ты, ученая башка,– торжествовала она.– Хорошие стихи?

– Очень. Особенно в твоем исполнении.

Она рдела, довольная, польщенная.

– О, я буду тебе всю жизнь стихи читать.

«Всю жизнь» она произносила с нажимом, с придыханием, глядя ему в глаза, которые манили-притягивали-завораживали неведомой истомой.

– Но эти слова адресованы явно не мне. И не богатый, и не ученый, и совсем не румяный, не хороший. Золотая – это ты. А я вот – полушка медная. Точнее, медный пятак.

Она смеялась. Глаза ее источали синие лучики, которые щекотали его сердце. В сумраке боковой комнатушки на втором этаже они бесконечно шептались-миловались, говорили откровенную чушь, как в бреду, ворковали и, когда она затихала, унимая дрожь и дыхание, он тоже нараспев лепетал ей на ушко невесть откуда взбредшие на ум стихи:

– Ландыши, лютики. Ласки любовные,
Ласточки лепет. Лобзанья лучей.
Лес зеленеющий. Луг расцветающий,
Светлый, свободный журчащий ручей...

Она жмурилась, изнемогала от любви. Белые тугие груди светились розовым светом, вздрагивали. Дрожали ресницы, алел приоткрытый рот, жарко пылали медовые губы.

– О!– выстанывала она, повторяя в экстазе, как в полусне. – Ландыши, лютики. Ласки любовные... Еще, еще... Гагги...

И он, желая продолжать эту колдовскую вязь слов, вспоминал еще какие-то строки этого поэта. Не вспоминал, сами выплывали из глубин памяти, будто лились из его замлевшей души.

Слова любви всегда бессвязны,
Они дрожат, они алмазны,

Как в час предутренний – звезда:
Они журчат, как ключ в пустыне,
С начала мира и доныне,
И будут первыми всегда.

Высоко парила душа Гарри на крыльях счастья. Такого он не испытывал никогда. И ни о чем другом не думалось. Он посещал лекции, часами просиживал в аспирантском зале публичной библиотеки, играл с директором института в шахматы, но был, как никогда растерян, рассеян и мечталось, словно наваждение, только об одном – о скорой встрече с Верой, чтобы окунуться в дурман ее картавого колдовства и чар синих глаз.

В парке 28-ми панфиловцев с утра играла музыка. По двадцать раз на дню звучал чарующий полонез Огинского. Густо зеленели акации. Пышно расцвел урюк. Над вершинами Алатау бродило шальное весеннее солнце. Счастье ходило где-то рядом.

XV. У БЕДЫ СЕМЕРО БРАТЬЕВ

Счастье ходило где-то рядом. Но даже предчувствие, предощущение его продлилось недолго. Счастье – вообще нечто обманчивое, эфемерное, зыбкое. Миг блаженства. Грезы. Туман.

«Алдамшы, жалған дүние» – бренный, лживый мир.

Безоблачное, казалось, небо затуманилось, подернулось тучами в одночасье.

На последнем семестре, когда, мерещилось, до вожделенной аспирантуры рукой подать, Гарри ошеломила страшная весть: скоропостижно скончался от инфаркта его наставник-благодетель, его опора, профессор-тюрколог, прославленный языковед, принципиальный, истинный ученый, отстаивавший годами свою правоту в казахском языкознании Сарсен Аманжолов. Ему не было еще и шестидесяти. Рослый, крепкий, черноволосый, импозантный, с едва заметной проседью, он еще день-другой назад при-

ходил на кафедру с неизменным своим объемистым портфелем и спокойно, степенно давал какие-то распоряжения преподавателям и аспирантам. Гарри учтиво поздоровался с ним и тут же было отошел, но профессор, блеснув толстыми роговыми очками, с обычной шутливостью спросил по-казахски:

– Ну, ученый муж, Кари-домолла, к госэкзаменам готовишься?

– Да, ағай.

– Ну, ну! Заглядывай и на нашу кафедру. Уговор остается в силе.

Ах, как везло Гарри в последнее время во всем! И в учебе, и в научном студенческом обществе. И в любви. И все определялось, как нельзя, лучше. Через два-три месяца им, выпускникам группы «Б», выдадут дипломы, все однокашники мигом разъедутся по направлениям в отдаленные районы, будут преподавать в казахских школах русский язык и литературу, а он, счастливчик, останется в Алма-Ате, в аспирантуре по кафедре тюркологии, будет сдавать кандидатские минимумы, готовить рефераты по диссертации, временами экзаменовать заочников, а далее – защита, ученая степень, научная работа... И рядом – Вера, всегда Вера, желанная Вера, с которой он, конечно же, не будет знать ни горестей, ни печали. Радость. Наслаждение. Удачи. Вера в будущее.

Былые треволнения, заботы, страхи позади, впереди – мерещилось – сплошные блага.

Гарри под собой ног не чувствовал.

Он заказал ортопедическую обувь, усердно разрабатывал больную ногу и ежедневно целый час ходил по парку панфиловцев с одной тросточкой. Было непривычно и радостно: ведь с двенадцатилетнего возраста он ходил на двух костылях. И тут вдруг пошел вполне уверенно, опираясь на одну палочку. Он испытывал себя вновь рожденным и прихрамывание казалось естественным.

Неожиданная кончина профессора Сарсена Аманжолова перечеркнула разом все радужные представления. Гарри осиротел. Мечта о тюркологии обернулась прахом. Знакомый доцент-языковед так и сказал ему: место по тюркологии выделили только под профессора Аманжолова. Возможно, эту вакансию отдадут в КазГУ или в Академию наук. Теперь только там остались корифеи казахского языкознания. Но там у тебя, дорогой, шансов не будет. У них, надо полагать, на примете свои кандидатуры. Зачем им какой-то Карлсон из КазПИ? По казахской литературе планируется одно место под профессора Хажима Жумалиева. Туда, айналайын, тебя тоже не возьмут: хоть ты и говоришь и пишешь по-казахски свободно, но по специальности ты ведь преподаватель русского языка и литературы. Такова реальность. К тому же по положению необходимо отработать два года по специальности.

Гарри понял, что он враз очутился у разбитого корыта. Мечта, о которой он грезил все четыре года учебы, разбилась вдребезги. Его спустили с небес на грешную землю. Оставалась призрачная надежда: сдав госэкзамены на «отлично» и получив «свободный» диплом попробовать подыскать работу в Алма-Ате. Может, ассистентом на кафедре, или в журнальчике «Русский язык в казахской школе», или – на худой конец – в казахской школе на Алма-Ате Первой. Но это только при том, если преподаватели факультета проявят к нему былые внимание и благосклонность.

Беда одна не приходит. У беды, говорят казахи, семеро братьев.

Гарри заметил, что дважды в неделю Вера поздними вечерами куда-то уходила. Куда – не говорила. Возвращалась заполночь – озабоченная, встревоженная, серьезная. Дождавшись ее в коридоре, он спросил:

– В чем дело? Что за секреты?

– Потом, потом,– тихо говорила она, почему-то оглядываясь и стараясь скорее скрыться за дверью своей комнаты, где проживала с еще четырьмя девушками с исторического факультета.

– Нет, нет... Я должен знать!

– Милый, потом. Не сердись. Пока действительно секрет.

Это настораживало, озадачивало, вызывало нехорошие предположения. Однако, при следующих свиданиях, ласках-лобзаниях все сомнения улетучивались, будто ничего не происходило, и Гарри успокоился, решив, что придет время, и Вера поделится тайной. Он был все это время взбудоражен другими думами. Слишком много забот обрушилось на него после скоропостижной кончины профессора Аманжолова.

За все годы усердных занятий в публичной библиотеке у Гарри накопились груды общих тетрадей с конспектами и выписками по языкознанию, сопоставительной грамматике, компаративистике, философии, истории, политике. Тетради эти назывались нарочито «Уникам один», «Уникам два», «Уникам три», «Всякая всячина», «Тутти-фрутти» и так далее в таком же духе. Действительно, серьезные вещи были перемешаны с разной чепухой. В чемодан эти тетради и картотека уже не вмещались, и он хранил их в большой хозяйственной сумке в углу шифоньера. Там же он хранил и свои нерегулярные дневниковые записи. Некоторые студенты с литфака и истфака проявляли интерес к конспектам и дневникам, брали на чтение и не торопились с возвратом. Своими конспектами Гарри дорожил. Таких общих тетрадей с разными сведениями – он это знал наверняка – не было ни у студентов, ни у аспирантов. Две тетради были посвящены цитатам и мудрым мыслям на любой случай. Но особенно он дорожил толстенной тетрадью с подробными конспектами трудов Льва Троцкого по

эстетике и истории литературы. Книга Троцкого «Литература и революция» была издана в издательстве «Красная новь» в Москве еще в 1923 году. И все, что Гарри в этой книге нашел, увлекло его, занимало. Злейший враг корифея-усача, «Иудушка» и «Проститутка» Троцкий писал о литературе живо, интересно, увлекательно. На фоне постных, откровенно пропагандистских, односторонних, прагматичных статей Ленина о Толстом, рассуждения Льва Троцкого о внеоктябрьской литературе, о литературных попутчиках революции, о футуризме, о формальной школе поэзии и марксизме, о пролетарской культуре и пролетарском искусстве, о партийной политике в искусстве, о социалистическом искусстве и о многом другом, показались необычными, нестандартными, раскованными, он еще тогда, в 20-ые годы, говорил то, что ныне ни в каких учебниках не сыщешь. Очень заинтересовали статьи Льва Троцкого о Иванове, Пильняке, Шагинян, Блоке, Маяковском, Белом, Демьяне Бедном, Чуковском и серия работ из цикла «Запад и мы». Сколько себя Гарри помнил, о Троцком и троцкистах говорилось и писалось плохо, как о злейших врагах революции, советской власти и народа. И вдруг такая книга – человека исключительно начитанного, чуткого, внимательного к творчеству, к эстетике, напористого, широко и свободно мыслящего, незаштампованного. А то что автор был запрещен и книжка уцелела лишь в редком фонде, скорее, по недогляду и попала случайно в руки Гарри, возбуждало жгучий интерес и любопытство, волновало, манило, как запретный плод. К тому же накануне Гарри прочитал с удовольствием книгу одного американского писателя с короткой, однослоговой фамилией о годах пребывания Троцкого в ссылке в Алма-Ате. Он, демон революции, изгнанный из Москвы, отстраненный от политики, жил одно время совсем рядом, возле нынешнего Дома офицеров, гулял

по парку со своей болонкой, захаживал в ЦК, насмешливо говорил тамошнему посидельцу: «Ну, что, князек, сидишь? Сиди, сиди!», встречался с разными людьми, писал, читал, слал по миру телеграммы, охотился в окрестностях Алма-Аты, совершал прогулки в горы, пока не выпроводили со всей его громадной библиотекой, архивами, сыном, женой, секретарями, обслугой, кажется, вначале в Турцию, а оттуда дальше – то ли в Европу, то ли в Мексику. Лев Давыдович был натурой активной, писал поразительно много и еще в начале двадцатых годов издал многотомье своих трудов – их позже Гарри увидел в библиотеке Ленина в музее-квартире в Кремле. Книгу «Литература и революция» Троцкого Гарри тщательно законспектировал всю, а потом нашел в подвале библиотеки еще несколько разрозненных томов, в которых привлекли его внимание исследования по истории французской революции. Поражали необъятные знания, кругозор, интеллект этого яркого революционера. Не чета нынешним малограмотным партийным вождям и деятелям.

– Дай все свои конспекты мне,– предложила однажды Вера. – У меня они будут в сохранности.

Так вся кипа общих тетрадей, исписанных мелким, аккуратным почерком, перекочевала в комнату Веры.

– Ну, и когда ты поведаешь об обещанной тайне?– напомнил как-то Гарри.

– Скоро. И не думай плохого. Моя тайна – совсем не то, о чем ты мог подумать.

Несколько дней спустя после разговора, Вера передала ему изрядно потрепанную тетрадку.

– Прочти. И завтра верни. Никому не показывай. И не говори.

– Что это? Подпольные листовки? Крамола?

Слышал Гарри краешком уха, что ходят среди студентов какие-то письма, прокламации, в которых осуждаются современный политический строй в

стране, политические отклонения от ленинской линии, говорится о государственном капитализме, о волюнтаризме, об извращении единственно правильного курса, о стратегических просчетах партийного руководства, о необходимых изменениях в конституции, о каких-то рабочих волнениях, о подавлении какого-то движения, о преследовании правозащитников, о нарушении национального принципа в руководстве партии, о неких бурлениях в обществе, антипартийных группах и Бог весть о чем еще, что Гарри почти не трогало, не волновало.

Обыкновенная школьная тетрадка в линейку была исписана ровным, твердым почерком и была озаглавлена претенциозно – «Экономические письма издалека».

– Кто сочинил?

– Узнаешь.

– Ученый?

– Не-ет... Патриот. Неравнодушный человек.

– Хм-м... Это и есть твоя тайна?

– Отчасти, – загадочно ответила Вера.

В «Экономические письма издалека» Гарри особенно не вник. Все, что в них говорилось, Гарри показалось сумбурным, заумным, излишне завуалированным, туманным, обращенным к узкому кругу искушенных в государственном хозяйствовании людей. Было в письмах очень много непонятных терминов, цифр, вкладок, таблиц, диаграмм. Гарри бегло пролистал изрядно помятые листки, смутно поняв, что автор писем критически настроен ко всему, что происходило в обществе и будоражил читателей, настраивая их на неприятие казалось бы незыблемых истин. Письма оставили Гарри равнодушным, и он их наутро вернул Вере.

– Ну, как? – заговорщически допытывалась Вера.

– А никак,– честно признался Гарри.

Вера нахмурилась, отвела взгляд, всем видом показывая, что она огорчена таким ответом. У ней даже зрачки потемнели и ресницы затрепетали.

– О, да! Это не сопоставительная грамматика, не русские предлоги и их эквиваленты в казахском языке.

Это был колкий намек на реферат Гарри, прочитанный им на конференции научного студенческого общества.

– А при чем тут это?– вскинулся Гарри, задетый сухим тоном Веры.

– Извини. К слову получилось. Ладно... – Вера надула губы, как невзначай обиженный ребенок. – Об одном прошу: никому об этом ни слова. А что прочел – забудь.

– Ну, ладно. Обещаю. Я и так мало что понял.

Однако в тот день впервые непонятный холодок пробежал между ними. И Гарри почудилось, будто Вера избегает его.

Встречались они урывками, и Вера казалась задумчивой, чем-то явно обеспокоенной, раздраженной. Странно намекала на неминуемую разлуку, на то, что скорее всего она уедет, переведется на заочное отделение, и Гарри отвыкнет от нее, легко забудет, снова увлечется татарочками из группы «Б». Он не понимал ее намеков, ни скрытых упреков, думал – девичий каприз, блажь, выпытывал, что происходит, что омрачает ее душу.

– Знаю... Чувствую... Все мимолетно, обманчиво. Да и голова не на месте.

Гарри терялся в догадках. Может, с девушками случаются такие темные, неопределенные периоды? Может, временная смутная полоса? Сокурсницы Веры говорили, что она все чаще пропускает лекции, где-то пропадает, на несколько дней даже уезжала куда-то. Казалось, сокурсницы ее что-то скрывали.

Гарри находился во власти невнятной тревоги. Об аспирантуре, о тюркологии он уже не подумывал. И в библиотеку ходил нерегулярно. В деканате напоминали, чтобы он скорее определился с назначением, не затягивал сроки, отпущенные Министерством. Все в группе уже знают, кто где будет учительствовать, и все

в общем-то довольны, один он, Гарри Карлсон, отличник, ходит, как неприкаянный, не выбрал направления, надеется, неизвестно на что и на кого. Вакантные места учителя есть в Джезказганской, Павлодарской, Джамбульской областях. Из школ Алма-Аты никаких запросов не поступило. И из Алма-Атинской области заявок нет. А Министерство требует ясности. Уже в августе новоиспеченным специалистам надлежит быть на месте работы.

Мелькали дни, недели, у Гарри голова шла кругом, ясности не было ни в чем, нигде. Он казался чужим даже среди сокурсников. Его увлечения Верой никто из друзей не поощрял.

А Вера между тем не показывалась целых два дня. Не было ее ни в институте, ни в общежитии. Никто ничего не знал. Что же могло случиться? Подруги по комнате точно воды в рот набрали.

Гарри не находил себе места.

На исходе дня он ворвался в комнату Веры, должно быть, испугав своим взъерошенным видом девушек-историчек. В комнате было тихо, вымороч но. Три девушки молча занимались в разных углах. Койка Веры была аккуратно застелена, а поверх одеяльца громоздились большой узел и картонный ящик. И узел, и ящик были скручены бечевкой, стянуты крест-накрест широкой клеенчатой лентой и скреплены в нескольких местах сургучом.

– Что случилось?– спросил упавшим голосом Гарри. Девушки нехотя показали на койку.

– Где Вера?!

Одна из девушек глухо ответила:

– Не знаем. Был обыск. Ее увели.

– Кто?

– Не знаем... Сказали: никому ни слова. Унесли с собой стопку книг и тетрадей. А это, – девушки указали на узел и ящик,– заберут, мол, позже.

– И... и больше ничего?– спросил он, обомлев.

– Больше ничего.

Чувствовалось: девушки были растерянны и испуганы.

– Но кто? Куда? Зачем?

– Не знаем...

Гарри задержался у койки. Долго смотрел на узел, на ящик, опечатанный сургучом. Мысли метались. Он догадался, что все его тетради-конспекты находятся в этом засургученном ящике. А, возможно, их забрали вместе с Верой в Комитет из трех пугающих букв, которые острословы расшифровали как Комитет Глубокого Бурения.

– Ну, вот, вот, вот... И вся тайна Веры,– подумалось неопределенно и потрясенно.

И что следовало делать?

Ответа не было.

XVI. КОМИТЕТ ГЛУБОКОГО БУРЕНИЯ

Комендант общежития, добрейший Павел Степанович, майор в отставке, обожаемый студентами за тихий нрав, терпимость и всепонимание юношеских порывов и завихрений, плотно сбитый крепыш лет сорока, встретил Гарри, возвращающегося с преддипломной консультации, у входа. Вид у Павла Степановича был необычно растерянный, озабоченный. Студента Гарри он любил, охотно с ним беседовал о том, о сем, угощал, случалось, чаем с сушками, расспрашивал о дальнейшем житье-бытье, просил помочь ему в становлении разных отчетов в какие-то инстанции. Был милейший комендант по части грамоты не особенно силен, что его сильно смущало. На отчеты свои, исписанные ясным, твердым почерком Гарри, он, любуясь, смотрел как на произведение искусства.

– Тебя ждут,– тихо предупредил он Гарри.– Пойдем ко мне.

– Что такое? Кто?

– Увидишь.

В крохотном кабинетике Павла Степановича стояло спартанское убранство: обшарпанный стол, заляпанный чернилами, колченогие стулья, рассохшаяся тумбочка с телефоном, облезлый шкаф, вероятно, еще со времен образования института, громоздкая кадка с пыльным кактусом в углу, дерматином обтянутое продавленное кресло.

Они сели друг против друга, будто собрались поиграть в шахматы. Гарри ждал. Ждал и Павел Степанович. От неловкости он потирал руки, крякал, мекал, не поднимал глаз, порылся в ящике стола, извлек «Казбек», спички, но почему-то не решался закурить.

Воцарилась странная тишина. Пауза затянулась. Кто-то кашлянул сзади. И Гарри почувствовал, что этот кто-то точно буравит его со спины.

– Гарри Карлсон?– послышался явно казахский голос.

– Ия, – машинально отозвался Гарри и оглянулся.

В углу, возле кадки с кактусом, чуть загороженный тяжелой портьерой, сидел щуплый, невзрачного вида человечек с маленькими колючими глазками-буравчиками. Сухое, болезненное лицо его испещрено ранними морщинами. Легкий плащ глухо запахнут, голова ушла в плечи, и был он весь серенький, незаметный, будто тень. В руке он держал тоненькую пачечку. Павел Степанович, видно, робел перед гостем, отчего-то конфузился, растерянно теребил одной рукой то пачку «Казбека», то коробок спичек.

– Ал, как дела?– поинтересовался человечек по-казахски.

– Да так... Аман-сау, – пролепетал Гарри в недобром предчувствии.

– Шүкір?

– Ия, құдай деп...

– Где Вера?

– Какая Вера?

– А сколько у тебя Вер?

– Не понимаю...– Въедливость и ехидство незнакомца раздражали. Да и разговор был не по душе.

– Е-е... бала... Значит, не понимаешь?

– Не понимаю. В чем, собственно, дело? Кто вы?

– Я?

– Вы.

Серенький человечек выдержал паузу. Еще жестче выставился на Гарри.

Павел Степанович заерзал, порывался встать, выйти.

– Нет, нет,– остановил его человечек, перейдя на русский язык. – Оставайтесь.

Человечек достал из нагрудного карманчика плотную корочку, развернул ее издали в ладошке и тут же поспешно убрал. Гарри едва разглядел два слова, но все понял.

– Ну, и что скажете?

– А что я должен сказать?

– Где Вера?

– Какая Вера?

Человечек сощурился, постучал пальцем по папке на коленях.

– Пшеницына,– уточнил он.

– А-а...– деланно зевнул Гарри.– Полагаю, вам это лучше знать.

– Е-е...– ухмыльнулся человечек.– Не я ведь с ней... е-е... это самое... ну, дружу. У вас же любовь. Так?

– Наше дело. Исключительно,– чувствуя, что краснеет, ответил Гарри.

– Да?

– Да!

Разговор не клеился. Между собеседниками зарождалась взаимная неприязнь.

– Ошибаешься, дорогой,– посуровел человечек.– Нам до всего есть дело. Не ершись. Честно отвечай на вопросы.

– Смотря какие вопросы.

– Е-е... вопросы будут разные. А пока пойдем со мной.

– Куда?

– В комитет.

– Комсомола?– съязвил Гарри.

– Нет... Другой комитет.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Цель?

– Там узнаете. Паспорт при себе?

– Нет. Только студенческий билет.

– Ладно. Пойдем.

Человечек щелкнул папочкой, достал лист бумаги, положил его на стол Павла Степановича.

– Распишитесь. И поставьте число, время.

Комендант общежития дрожащей рукой черкнул свою подпись, поспешно зажал лиловыми губами казбечину.

Пошли.

Шли молча.

Серое здание на улице Дзержинского возле памятника рыцаря революции в длинной, до пят, шинели находилось напротив старинного здания, в котором расположился русский драматический театр. Серое мрачное здание городской люд старательно обходил стороной. От него в любое время года веяло холодом и безысходностью. Дурная слава издавна окутывала его. О подвальных помещениях его ходили среди населения жуткие слухи. Здесь, по рассказам, томились в разные годы выдающиеся личности, славные азаматы степного края.

Шли по бесконечным коридорам, нескончаемому лабиринту. У Гарри ёкало сердце. По спине прокатывался холодок. Никогда не думалось ему, что когда-нибудь приведут его сюда.

Наконец, серый человечек привел его в чей-то кабинет, что-то шепнул тучному, кряжистому казаху, уткнувшемуся в бумаги под зажженной настольной лампой, что-то тихо доложил, достал из папочки два листочка, подписанные Павлом Степановичем.

Тучный казах даже не взглянул на сидевшего чуть поодаль Гарри. Листал какие-то бумажки, ковырялся в зубах, изредка поглаживал седеющий «ёжик». Серый человечек прошмыгнул мимо, не удостоив Гарри даже взглядом, который разглядывал скудную обстановку и напряженно вслушивался в гулкую тишину.

Тучный казах покосился на часы, досадливо поморщился, рыгнул, гнусаво спросил:

– Фамилия?

– Там, в бумаге указано.

– Фамилия?! – возвысив голос, повторил тучный.

Гарри назвал.

– Имя, отчество.

Гарри назвал.

– Год рождения.

Гарри назвал.

Тучный откинулся на спинку кресла, выкатил мощное брюхо, шумно высморкался в большой носовой платок, в первый раз глазами-щелочками выставился на Гарри.

– На каком языке будете давать показания?

– Какие показания? Кому?

– Показания, какие надо. Мне. Следователю Хамзину.

– Ясно. Но... что я должен показывать?

– Отвечать на мои вопросы.

– Как вам угодно. Могу по-казахски. Если надо – по-немецки.

– Смеетесь?

– Разве посмею?

– Тогда отвечать будете по-русски. Договорились?

Гарри вместо ответа дернул плечом.

– Сколько времени вы знакомы с гражданкой Верой Пшеницыной?

– Со студенткой третьего курса истфака КазПИ им. Абая Верой Пшеницыной я знаком с декабря 1957 года.

– А раньше?

– Раньше... раньше я ее встречал в институте, в общежитие. И только.

– Только?

– Да.

– А теперь?

– Теперь... теперь встречаемся, беседуем, стихи читаем.

– И все?

– И все.

– Все время друг другу стихи читаете?

– Ну... иногда случаются паузы.

Тучный следователь усмехнулся.

– Паузы длинные?– спросил ехидно.

– Когда как,– ответил дерзко.

– Не крути, дорогой,– вдруг сказал следователь по-казахски и масляно прищурился.– Мы знаем, как и где вы встречались. В курсе. Солай емес пе?

– Ол жағын, ағай, қазбалап қайтесіз?

Следователь убрал с лица скользкую ухмылку, опять поковырялся спичкой в больном зубе.

– Жарайды. Это к делу не относится,– перешел он на русский. – А в Петропавловске, в парке вы разве не встречались?

– Нет. Что она из Петропавловска, узнал недавно.

– Ага... Ну, а кто она – знаете?

– Студентка третьего курса.

– А еще?

– А еще милая, умная девушка.

Следователь что-то строчил по белому листу бумаги. Перо скрипело.

– Кто ее брат?

– Понятия не имею.

– Как не имеете, если читали его «Экономические письма»?

Гарри запнулся. Вон оно что?! О брате Вера никогда не говорила. И что именно он – автор заумных «Экономических писем», Гарри не ведал. Выходит... выходит...

– Верно. Читал. Но, во-первых, ничего не понял, а, во-вторых, не знал, что писал их брат Веры. А кто он?

– Хм-м... Вы серьезно?

– Вполне.

– И Вера вам не говорила?

– Ни слова.

– Очень интересно... Брат ее осужден на десять лет. И отбывает срок в восточном направлении страны.

– Впервые от вас слышу.

– Ну, это мы проверим. Впервые, не впервые... А чем вызван ваш интерес к Троцкому?

– Любопытством. Имя знаю, что нехороший – знаю, а что из себя конкретно представляет, о чем писал – представления не имел. А тут попалась книжка.

– Где?

– В фонде редких книг публичной библиотеки.

– А почему ваши конспекты оказались у Веры?

– Для сохранности. Многих студентов интересуют мои конспекты, и я боялся – растащат.

– Зачем вам понадобились история и литература российских немцев? Вы же будущий специалист по русскому языку и литературе...

– В казахских школах.

– Тем более.

– Знаете, я ведь все-таки немец, хотя и вырос в казахском ауле и окончил казахскую школу. Разве не интересно, чем занимались мои предки? Вы же, надеюсь, тоже читаете казахов, хотя и ведете следствие на русском языке.

– Да. Но все же: столько времени тратить на предмет, который не имеет практического значения в вашей будущей деятельности – не понимаю...

Помолчали.

– Та-ак...– Следователь заглянул в свои бумаги.– Как относитесь к советской власти?

– А как все. Абсолютно лояльно. Я ведь комсомолец. Отец – коммунист с 1939 года.

– Ия. Ну, так и запишем: ло-яль-но.

Следователь поскрипел пером, то и дело держась за щеку. Видно, больной зуб доставлял ему больше хлопот, чем этот бледный студент, старательно скрывавший свою растерянность.

– Так... так... Отличник учебы. Общественно активен. Шахматист. Читаете много?

– Ну, читаю... в общем-то.

– Конечно. Раз студент, то читаете. Ладно. Запишем: много. Какую литературу?

– Разную. Точнее: художественную, научно-популярную, философскую...

– И политическую, – подсказал следователь.

– Политическую спорадично.

– Как это?

– Ну, редко, от случая к случаю. Главным образом, ту, что в программе. Маркс, Энгельс, Ленин, Мао Дзедун...

– А его что?

– «О противоречиях».

Следователь записал и опять с насмешкой подсказал:

– Троцкий.

– Ну, да. Его литературные труды.

– Хорошо, хорошо. Я так и записал.

Тихо, тихо. Слышны только скрип пера, шелест бумаг, тяжелое дыхание следователя. Морщась от зубной боли, он еще раз пробежал глазами заполненные листки, потом продвинул Гарри.

– Прочтите и подпишите.

– Почему?

– Так положено.

Гарри углубился в чтение, чувствуя, как следователь молча наблюдает за ним.

– Знаете... мне не нравится слово «лояльно». Давайте заменим на «положительно».

– Зачем? Смысл примерно тот же.

– Но «положительно» определеннее.

– И ради этого переписать весь протокол?

– Тут после «лояльно» есть место. Давайте напишем рядом в скобках «положительно».

– А-а... Ладно. Раз вы настаиваете. Еще замечания есть?

– Не нравится мне «много читает». Давайте «много» вычеркнем.

– И что останется? Просто: читает? Нелепо. Почему против «много»?

– Не убежден, что «много». Достаточно «читает».

– Ну, это и так ясно.

– И все же давайте «много» уберем.

– Это уже упрямство!

– Не нравится «много». Хвастовство получается.

– Ну, ладно,– раздраженно произнес следователь, хватаясь за щеку. – Согласитесь: глупо.

– Зато справедливо.

Протокол допроса Гарри подписал.

– Идите. На сегодня достаточно. И предупреждаю: о том, что были здесь, о нашем разговоре, не распространяйтесь. Поняли?

Вместо ответа Гарри спросил:

– А Вера? Когда ее отпустят?

– С гражданкой Пшеницыной сложнее. Идет следствие. До свидания.

– Что? Намек на то, что еще предстоят свидания?

– Не исключено. Пока!

Тут же в кабинет вошел кривоногий, плюгавенький мужичонка неопределенных лет и молча повел Гарри по коридорам, лабиринтам к выходу.

Сияло солнце. В кустах акаций копошились воробьи. Возле русского драмтеатра у афиши толпились

прохожие. Железный Феликс в длинной, до пят, шинели зорко обозревал вершины гор, окутанные дымкой. Мимо заворачивал, позванивая, трамвай шестого маршрута.

В душе Гарри творился сумбур. Он так и не понял, что, собственно, произошло. Одно было ясно: Вера попала в какую-то историю. И, судя по всему, вполне неприятную.

Гарри был растерян. Профессора-благодетеля Сарсена Аманжолова больше нет. Аспирантура, на которую уповал все четыре года учебы, осталась мечтой. С Верой все неясно. Почему она многое скрывала от него? Почему никогда не говорила о брате? С кем она встречалась? Что за секреты? Что за конспирация? Странно все... Будущее неопределенно. И следователь что-то явно темнит, недоговаривает. И поговорить в открытую не с кем. Хуже не придумаешь.

Кружилась голова. Слабость ударила в ноги. В желудке посасывало. Гарри вспомнил, что с утра не было маковой росинки во рту, и по пути завернул в кафе-столовую по улице Советской.

XVII. ПАЛАТА НОМЕР ДЕСЯТЬ

Вчера рослая и сильная, развеселая и шустрая санитарка Булбул усадила меня в коляску и, похохатывая, мигом домчала из реанимации в десятую палату первой кардиологии. Реанимационные сестры провожали меня сердечно. А врач-кардиолог Шынар, мило улыбаясь, утешила:

– Все хорошо. Пройдете стабилизационный период и домой. И не бойтесь. Только работайте меньше. По своему отцу знаю: писать – тяжкий труд. Умеренность нужна во всем.

Насчет умеренности любезная Шынар права. О своей умеренности я когда-то написал стишок:

Он жил умеренно.
Ел-пил умеренно.
Любил умеренно.
Умеренно умер.

Согласен на умеренность во всем, кроме творчества. Тут умеренность не годится. Творчество – всегда на пределе возможного, всегда форс-мажор, апогей напряжения. Иначе – не творчество, а жвачка, сукровица. Творить надо так, чтобы кровь из носу. И платить за радость творчества нужно дорого. Иногда ценой жизни. Неспособен на такую плату – лучше не твори. А живи вполсилы, как Бог на душу положил. Как живет подавляющее большинство. Тогда наверняка никакие инфаркты тебе не грозят.

Пытаюсь освоиться на новом месте. Мне бы остаться наедине с самим собой, со своими мыслями-воспоминаниями, со своими блокнотом, ручками, книгами, бумагами, которыми мгновенно обрастаю, где бы ни был. Но в палате номер десять нас трое. Пожилой, но мобильный, спортивного вида, речистый экономист, бывший вузовский преподаватель, заведующий кафедрой, человек начитанный, бывалый. Выяснилось, что он меня знает по публикациям в газетах, по телевизионным выступлениям и согласен со мной по многим общественным проблемам. Ему хочется поговорить о политике, ибо он думает ныне не так, как преподавал в свое время в высших учебных заведениях, рыночная эпоха внесла существенные коррективы в его сознание и былые представления. Но кому о том будешь говорить? И кому интересны рассуждения дремучего пенсионера, доцента экономики, бывшего партсекретаря первичной организации? Никто слушать его не захочет. Скажут: мастодонт. Нет, он прекрасно видит, что ныне происходит во всех сферах жизни. Ложь жуткая, коррупция страшная, демагогия наглая, обдираловка бессовестная, успехи показушные, беспредел дикий,

амбиции чудовищные, экономический раздрай, политический треп, идеологическая нищета. И кончится все это тотальной разрухой. Так полагает старый экономист, бывший коммунист, участник Великой Отечественной войны. Он готов часами говорить на эту тему.

Но мне говорить обо всем этом совсем неохота. Я вообще не люблю беспредметных разговоров в пути, в больнице, в очередях. Предпочитаю записывать все подслушанное, зафиксировать в блокнотах: вдруг пригодится для конкретики, для «оживляжа» в своих статьях, рассказах, повестях, выступлениях.

Молодая, но судя по всему знающая врач Мария Владимировна, измерив мое давление, прощупав пульс, бегло просмотрев бумажки с моими анализами, констатирует вслух: «Хорошо. Прилично. Терпимо. Ничего. Отрегулируем. Отрихтуем. Так, та-ак... На что жалуетесь?», потом по-женски утешает:

– Вы не волнуйтесь, что второй инфаркт. У моего дедушки их уже шесть. Сердце как тряпка. И ничего.

Я понимаю: у покойного поэта Хамита было шесть инфарктов, а он выпивал себе регулярно до последнего дня. У прозаика Нуршанхова, кажется, семь инфарктов, а он глотает по 15-20 таблеток в день и пишет, выступает, разъезжает по областям и поныне. В соседней палате лежит бывший партийный работник с четырьмя инфарктами. У моего старшего друга, писателя Дебольского тоже было четыре инфаркта. Примеров уйма. Между первым и вторым моим инфарктами пролегло одиннадцать годков. А вот будет ли третий ждать одиннадцать лет – вопрос. Все дело в том, чтобы скорее восстановить, вернуться к привычному образу жизни, к любимому делу. Необходимо запастись терпением и благоразумием.

– Знаете, чему я удивляюсь,– не выдерживает долгого молчания Сергей Иванович (так зовут моего соседа-экономиста). – Тому, что вы все время что-то

пишете, пишете. Казалось бы, инфаркт, после реанимации, а вы себе покоя не даете.

– Привычка,– говорю.– Я вообще по натуре фиксатор. Записываю все подряд. Такая блажь.

– Ну, да... Профессия,– соглашается Сергей Иванович. – Я до сих пор во сне лекции читаю. Сорок пять лет преподавал, а во сне прихожу в аудиторию, и не знаю, что говорить. Ужас! Холодным потом обливаюсь.

– Понятно,– соглашаюсь я.– Знакомо. Я с детства все фиксирую. Со второго класса веду дневник. И вся эта груда тетрадей сохранилась.

– Здорово!.. Я вот все хочу вас спросить: почему с немецкой автономией в Казахстане ничего не получилось? Ведь все было на мази. И решение Бюро ЦК, кажется, было готово.

– Да, в верхах все было продумано. Брежнев таким образом намеревался решить надоевший ему немецкий вопрос. А что? Земли в Казахстане навалом. Немцев немало, считай, миллион. Вкалывают на целине, как волы. Позвонил дружку Кунаеву: давай, мол, Динаш, выдели немчуре территорию. А то надоели. Сразу так все и решим.

– А казахи были против?

– Казахам это не понравилось. В самом деле, с какой стати они должны часть своей территории добровольно отдать немцам? Какое историческое или политическое основание? Это никак не было решением «немецкого вопроса» в СССР. В трудные годы казахи высланных немцев приветили, помогли, жили в согласии, в дружбе. Нигде никогда никаких конфликтов. И вдруг – на тебе! – отдай по решению властей кровную землю пришельцам. Конечно, возмутились. Конечно, выступили против. И митинги были, и демонстрации, и зажигательные, гневные выпады. Потому что несправедливо. Тяп-ляп. Бездумно. Эдак можно было запросто стравить

казахов и немцев. Кому это надо было? Понятно: ни казахам, ни немцам. Другое дело – восстановить немецкую автономию, которая до 1941 года была на Волге. Это было бы конституционно, исторически оправданно, политически целесообразно. Ведь немцев депортировали из России. Россия, которая когда-то приглашала еще при Грозном, при Петре, при Екатерине, их отторгла, выселила насильно. И только Россия должна была восстановить справедливость, вернуть народу то, что незаконно отняла. И при чем тут Казахстан? Это было бы искусственным образованием. Такой автономии никакому немцу и не нужно было. И, слава Богу, что это затея провалилась. Немцы облегченно вздохнули. Им такой подарок и даром не был нужен.

– А жаль,– заметил Сергей Иванович, щупая по обыкновению свой пульс. Его одолевала тахикардия, сердце порой трепетало, мерцало в аритмии. – Ведь и немцам можно было бы не эмигрировать, и Казахстану был бы прибыток. Они превратили бы тот клочок земли в рай.

– Может быть, и облагородили бы своим трудолюбием те места, которые планировались отторгнуть от Акмолинской, Кокшетауской, Костанайской, Павлодарской областей для немецкой автономии в составе Казахстана, но раем они не стали бы, ибо невозможно решить свой национальный вопрос за счет кого-то или чего-то.

– Пожалуй. А все же жаль. Видно, и Кремль хотел, как можно лучше.

– Хотел, чтобы и овцы были целы, и волки сыты. Хотел и российским немцам угодить, и Западу заткнуть рот, и свою выгоду соблюсти.

– А с автономией на Волге тоже ничего не вышло?

– О, долгая история. И идея была, и мощное движение, и серьезные акции, и разные комиссии, и всенародный напор, и поддержка со стороны много-

национальной интеллигенции, и надежды-планы, и фантастические разработки по восстановлению государственности, культуры, образования, самоуправления, боже мой! – сколько усилий, стараний, и дьявольское, маниакальное сопротивление властей, травли, подлости, коварства, обмана, лжи, демагогии... все-все в конечном итоге коту под хвост. Трагическим исходом кончилась 220-летняя история немцев в России. Все оказалось пустыми хлопотами в казенном доме. У меня лично, знаете, открылись глаза после встречи по этому вопросу с Горбачевым. А пьяная выходка Ельцина в Саратовской области и вовсе решительно похоронила немецкий вопрос в России. И немцы после этого решили: хватит! Довольно дурили народ! Насильно мил не будешь. Обид накопилось столько, что всякое терпение лопнуло. И начался массовый исход на историческую родину. Круг замкнулся. Вряд ли от такого политического головотяпства выгадала Россия. А Германия по подсчетам экономистов кое-что обрела.

– Насколько я знаю, российские немцы внесли в историю России неоценимый вклад. Немецкие фамилии во множестве встречаются всюду.

– Неоспоримо.

– Писатели, ученые, военные, врачи, музыканты, промышленники, ремесленники, чиновники... Кюхельбекер, Дельвиг, Паллас, Эйлер, Гмелин, Струве, Крузенштерн, Беллинсгаузен, Шмидт, Грот, Энгельгардт, Раушенбах... Кто еще?

– Ну, разве всех выдающихся российских немцев перечислишь?! Я могу их вам, Сергей Иванович, со времен Екатерины до наших дней назвать тысяч и тысяч. Во всех сферах науки, искусства, политики, деловой, общественной жизни. Легион! А те, что служили верой и правдой русскому царю и отечеству! Их тьма и тьма! И существует громадная литература о российско-германских связях, о русско-немецких

отношениях. Монблан! Другое дело, что в сталинские времена прибегали к фигуре умолчания. И целые поколения наших людей обо всем этом имеют смутное представление. А чаще всего вообще ничего не знают. Вообще, Сергей Иванович, в величии и мощи русского народа и России никто не сомневается, но справедливости ради нелишне подчеркнуть, что без немцев, без евреев, без татаро-тюркского племени она, святая Русь, смотрится значительно бедней, блеклей, ущербней. И то, что кое-кому этого не хочется признавать, – дурость, ересь, неблагодарность.

– Писать о том убедительней надо.

– Какой разговор?! И пишут, и диссертации защищают, и разных книг, статей на разных языках – миллион, но тот, кто не хочет знать, – ничего и не знает, хоть колом по голове чеши.

– Ну, и вы пишите.

– И я пишу. Всю жизнь варюсь не только в казахском казане, но и в немецком котле, и в русском чугунке. Кое-что успел увидеть, пережить, перечувствовать. А сколько тетрадей, блокнотов исписал! Сколько папок разных сведений-фактов собрал! В скольких комиссиях, комитетах, советах, фондах, редакциях состоял! Сколько интересных людей повстречал на разных семинарах, конференциях, пленумах, съездах! Да я весь изболелся немецким вопросом. Познал надежды. Испытал и крушения. Возможно, напишу о том подробнее. Об автономистских мытарствах. О взлетах и падениях литературы российских немцев. О напрасных усилиях и пустых хлопотах. О крахе национальной идеи. О, Сергей Иванович, давайте помолчим. Я устал. Чувствую давление подскочило и сердце залихорадило.

– Мне тоже что-то не так. Может, погода?

– Погода не при чем. Душа не на месте.

Третий сопалатник, пожилой казах, агроном, из платных, оделся, сложил сумки, ждет выписку и

расчет. Вошла миловидная сестра-хозяйка, сунула выписывающемуся аксакалу счет на оплату. У того мгновенно глаза полезли на лоб и затряслись руки.

– Отку...да с-с-столько?! – начал он заикаться.

– Все расписано. По тарифу.

– Так я же пролежал здесь только семь суток, а вы написали восемь! У меня желудок не болит, печень не болит, почки в порядке, давления нет. Откуда столько анализов? Я просил?! А? Уай, УЗИ селезенки! Не было, не было УЗИ! Я даже не знаю, где... где... где эта самая селезенка. А вы УЗИ! Что это такое?! Восемьдесят девять тысяч! Да вы сума сошли! Нет у меня таких денег!

Аксакал весь затрясся, задергался. Но и сестра не отступала. Видно, привыкла к подобным сценам.

– Все согласно лечебной карте, ага.

– Ка-ка-какая ка-карта?! Да не был я здесь восемь дней! Откуда такая сумма? Это грабеж! Обман! Ложь! Зачем УЗИ! Зачем клизма? Где это видано: за клизму полтора тысяч?! Да я тебе бесплатно сделаю!

– Спасибо! – усмехнулась сестра.

– Что такое? А? А?! Не буду, не буду! Нет у меня таких денег!

– Я что, вымогаю, по-вашему?

– Ложь! Обман! Что же сразу не сказали?

– Вас никто не заставлял, ага! Сами пришли.

– Сказали: пять тысяч двести за сутки. А тут капельница, клизма, УЗИ, консультация... Обираловка!

– Успокойтесь, аксакал! – сказал Сергей Иванович. – Давление поднимется. Кондратий схватит.

– Нет! Нет! Нет! Это что? Что? Что? Восемьдесят девять тысяч! За что? Нет, нет!!

– Ну, ладно, ата,– дрогнула сестра. – Сколько будете платить?

– За семь дней оплачу. И вот за эти анализы. Семьдесят пять тысяч тенге. А дальше – нет! Хоть на куски режьте. Без-о-бра-зи-е!

– Ладно. Идите в кассу. Принесите корешок. Получите выписку.

Еле-еле конфликт уладился. И, прощаясь наспех, старик, вконец распалившись, ушел. Но у двери обернулся ко мне, засверкал глазами.

– Вот, вот! Вы писатель, я знаю. По телевизору видел, в газетах читаю. А что происходит – видите? Кишки надрывают, орут: независимость, независимость. А что нам дала независимость? Грабеж! Обман! Последнюю копейку выбивают из бедного люда. Что, при советской власти плохо было? Учились бесплатно. Лечились бесплатно. Отдыхали бесплатно. А теперь? Вдох – тысяча тенге, выдох – тысяча тенге. Базар – горит. Магазин – не подступись. В больницах – грабеж. Это что? Независимость?! Сталина на них нет. Казах казаха грабит. Это что? Это как? Вот о чем надо писать, товарищ писатель. Или я неправ?

– Не бушуйте, старина. Все ваше лечение пойдет насмарку.

– А, оно и так ушло коту под хвост. Лечение! Довели до ручки. Содрали семьдесят пять тысяч, а выхожу никакой. Пятимесячную пенсию, считай, выбросил. А толку? А жить на что? Еще лекарств выписали двадцать видов. И еще указывают: «длительно, длительно!» Где я такие деньги возьму? Беспредел! Безобразие! Людей превратили в бомжей, а долдонят с утра до поздней ночи: успехи, расцвет, подъем, ОБСЕ... Черта с два!

Возмущение аксакала-агронома доносилось и из коридора.

– Вот разбушевался! – заметил Сергей Иванович.

– Да уж,– ответил я.

За окном хмурилось. Пошел мелкий дождик. А вскоре заскользили с неба снежные хлопья. Обрушилась тишь.

На опустевшее место расторопная няня вкатила на коляске нового жильца. Огромный, мосластый старик

восседал в коляске, как древний хан на троне. На коленях держал громоздкое никелированное изделие – подымки, а поверх их – тяжеленный, как чемодан, кожаный саквояж. Казалось, старик собрался в длительную командировку.

Он ни с кем не поздоровался, даже не кивнул. Высоко вскинул голову, брезгливо осмотрел палату, покосился на застеленную койку, ждал, пока молодая, бойкая няня примет из его рук тугой саквояж, жестом показал, куда ставить, потом подал подымки и опять важным жестом указал, куда их пристроить, потом с ее помощью медленно поднялся с коляски, грузно пересел на кровать, пощупал подушку, одеяло, покрывало, тут же распорядился принести еще одну подушку, еще одно одеяло, достать из саквояжа тапки, снять-стянуть сапоги, подтянуть толстые, вязанные носки, поправить наколенники, снять полосатый, шерстяной свитер. Колоритен был старик, осанист. Важный, крепкий. Ни дать, ни взять степной эпический батыр. На двух пальцах бугрились массивные перстни с камнями, на одной руке поблескивал такой же массивный золотой браслет. Говорил старик властно, будто все сестрицы, няни – его служанки или сноxи. Откашлявшись, распорядился, чтобы ему тут же принесли чай, поинтересовался, как зовут врача, заведующую, какого они рода, чьи детки. Сестра забегала вокруг, заворковала: «Ата, ата, ата!», стараясь всячески угодить.

«Должно быть, важная птица. Завсегдатай»,– подумал я про себя.

«Скорей всего, отец какого-нибудь нового казаха»,– шепнул Сергей Иванович.

Старику принесли чай. Он, едва взглянув на чашку, громко произнес в пространство:

– Эй, что такое? Это разве чай? Помои! Принеси покрепче, да со сливками! Күрең шай!

Няня обратилась ко мне:

– Күрең шай – это какой?

Я объяснил по-русски. Няня тотчас понеслась в столовую.

Старик подхватил подымки, покрепче уперся на них, выпрямился во весь свой немалый рост, медленно пополз в туалетную комнату.

Пока старик ополоснул руки, дотащился до койки, пристроил у изножья подымки, отдышался и попил чаю, примчалась молодая врач.

– А-а-а... ата! Жағдай қалай?

– Не? Какой еще жагдай? На небесах құдай, на земле – вы? Вот и весь жагдай.

– На что жалуетесь?– крикнула старику в ухо врач.

– А ни на что! Байбише умерла. Я один. Никому не нужен ни на том, ни на этом свете.

– Что болит?

– А?

– Что болит, спрашиваю.

– А-а... Душа болит. Душу лечить умеешь?

– Будем стараться.

– Ты чья будешь?– воззрился на молоденькую, стройную врач, старик. – Не Сарсембая дочь?

– Нет, ата.

– А я подумал: Сарсембая кызымка.

– Нет, ата. Я – Мадина.

– Мадина говоришь? Дочь Сейсенбая?

– Нет, ата.

– А из какого рода будешь?

Врач растерялась. Видно, про род свой сразу не сообразила.

– Найман, – прокричала старику в ухо.

– А-а? Найман? Из Семейских? Или алтайских?

– Семей, Семей,– надрывалась врач, бегло листая историю болезней старика.

Видно было, что этот стариковский разговор был ей совсем не по душе. К тому же она с трудом подбирала казахские слова и перемежала их с русскими оборотами.

Старику хотелось поговорить.

Он лег на бок, повернулся к стене.

Снег за окном повалил все гуще. Быстро темнело.

Потом перевернулся на другой бок, крикнул в пространство.

– Эй, есть кто?

Заглянула вездесущая Булбул.

– Что, ата?

– Это... позови Назарбаева!

– Что-о-о?!

– Назарбаева позови.

– А где я его, ата, достану?

– Хоть из-под земли! Мне нужно кое-что ему сказать. Что это такое! Врачей нет, лежу, как в тюрьме.

– А что хотели, ата?

– Как «что»? Я же лечиться приехал. А где лечение?!

Булбул поймала мой взгляд, повертела пальцем у виска, бросила на ходу:

– Сейчас, ата. Поищу Назарбаева. Может, он в ординаторской сидит?

– Давай, давай! Пусть идет. Я кое-что ему скажу.

Не дождавшись Назарбаева, старик разогнулся и, опираясь на подымки, выбрался, как медведь из берлоги, в коридор. Оттуда донесся его голос.

– Эй, есть кто?! Принесите мне «утку»! И еще плевательницу. И еще банку с водой для зубов. Уже поздно. Спать буду.

Старик, вернувшись на свое место, начал долго, с передышками, раздеваться. Стянул с себя одни штаны, вторые, потом – подштанники с начесом, толстые, до колен, носки, тугие наколенники, два свитера, рубашку, шейный плат, заставил няню придвинуть к кровати два стула, поставил на них «утку», банки для анализа, плевательницу, бутыль с водой, чашку для зубов, на тумбочку положил массивные часы, браслет, перстни, складной ножичек, несколько пузырьков, носовой платок, тюбетейку, четки, все по несколько

раз общупал, запоминая, где что лежит, начал чесать крепкую еще грудь, заросшую сивой шерстью, и неистово харкаться.

Мне стало дурно. Я вызвал Булбул и попросил перенести мою постель на пустующую чуть поодаль койку. Сердце мое завороча́лось-запрыгало, в ушах отдавался его нервный стук, тошнота подкатила к горлу.

– Ия, не болды?– недоумевал старик. – Су шыкты ма? Чего это ты решил откочевать?

Снег все усиливался. Снежная навись выбелила ели за окном. Надвигалась длинная-длинная ночь. И по храпу уснувшего вдруг старика-соседа я понял, что для меня она предстоит бессонной.

XVIII. МАЙОР ВДОВИН

Гарри заметил, что отношение к нему на литфаке изменилось. Преподаватели, которые особенно благосклонно относились к нему все эти годы, вдруг стали избегать его, сторониться. И Ландау, и Глазман, и Фридман, и Николич, и Адильгиреев, и куратор, любезная Софья Фатыховна Халитова – все вдруг разом заметно охладели к недавнему любимцу. И он примерно представлял, откуда ветер дует. Раза два ему попадался на глаза тот сухопарый, серолицый казах, который приходил к нему в общежитие и повел его в Комитет Глубокого Бурения. Видно, не зря он здесь шастал, зачастил в деканат. Что-то, должно быть, вызнавал, вынюхивал, справки наводил. Поговаривали, что в студенчестве обнаружился сквознячок вольнодумства. Даже где-то появилась рукопись, полная крамолы. Софья Фатыховна, встретив Гарри в коридоре, мимоходом шепнула, закатив глаза.

– Вами интересуются. Будьте осторожны.

И показала пальчиком куда-то наверх. Настороженность к себе Гарри почувствовал и со стороны

сокурсников. Ребятам, казалось, не понравилось, что он как бы откололся от них, завел знакомства, стал держаться особняком. И девочки откровенно косились на него, отводили глаза. Бойкая, с менторскими замашками, решительная сокурсница Клара, столкнувшись с ним в умывальной, сходу, бесцеремонно обрушилась на него.

– И что ты в ней нашел?

– В ком? – прикинулся он дурачком.

– В Вере своей! – И гневно сверкнула глазами-угольками.

Гарри растерялся от такого напора, не нашелся, что сказать. В самом деле, попробуй ответить, что он в ней нашел. И вообще кто в ком что находит.

– Не пара она тебе! Не пара! – шептала Клара, кривя тонкие губы.– Подумаешь: революционерка, подпольщица! Наши девчонки лучше. Слепой ты! Балда! Раечка намного лучше, если хочешь знать.

Он оробел, оторопел. Что Раечка хороша, он знал, не спорил. Но... так вот получилось.

– А при чем тут «революционерка»?

– А напускает на себя,– отрезала Клара.– В тайну играет. Подпольщица тоже нашлась.

И неразлучный друг Шайдулла не одобрял его увлечения.

– И зачем тебе русская марджа?– бубнил-ворчал он. – Когда рядом увиваются наши миниатюрные татарочки?! Нет, в чужую степь его потянуло...

Он же, Гарри, грезил Верой, видел себя только рядом с ней, а вокруг – и в институте, и в общежитии – никто ее особенно не почитал. И понять это было невозможно. Казалось, все знали что-то такое, что он один не знал. Поразительно! Неужели он один такой слепой?

И все пошло не так, как еще недавно думалось, мечталось.

Мгла сгущалась, окутывала его плотнее.

Следователь Хамзин продолжал его время от времени вызывать и все назойливей расспрашивать его об одном и том же.

– Признайся, дорогой, у тебя с Верой давно уже шуры-муры.

– Какие шуры-муры?!– вскидывался Гарри. – Я же вам сказал: знакомы всего несколько месяцев. Все общежитие может это подтвердить.

– Ну, есть сведения, что вы в летнее время встречались в Петропавловске, в парке, ездили в одном купе, и она тебе передавала так называемые «Экономические письма» для распространения. Так?

– Чушь! О, алла, сколько можно об одном и том же говорить!

– Алла-то при чем? В устах немца звучит странно. Сказал бы уж Гот.

– Не понимаю: зачем вы ко мне придираетесь? Чего добиваетесь?

– Осторожней, бала! Не ершись! Не я тебя с Верой Пшеницыной сводил. И не придираюсь, а добиваюсь правды.

– Какой?! Я весь на виду. Спросите у преподавателей, у сокурсников, у директора Малика Габдуллина, наконец.

– Спросили...

– Ну, и?

– Разное. И положительное, и сомнительное.

– Что же сомнительное?

– Что?.. Все, что связано с Верой. А Ядыкин? Что за эпизод? А ваше затворничество в библиотеке? А ваши конспекты? Увлечение Троцким? Выписки по истории немцев? Это как, не подозрительно? Русской, казахской истории мало? Советский студент, комсомолец...

Гарри не знал, что и сказать. Мысли путались. Случайные фактики оборачивались обвинением. И дотошный следователь Хамзин явно его путал,

собрал все в кучу, плел паутину, наводил тень на плетень. И однажды терпение Гарри лопнуло. Что, в самом деле, от него хотят? На носу госэкзамены. Надо думать об устройстве, коли аспирантура отпадает. А тут эти занудливые разговоры-придирки в сером казенном здании возле памятника железному Феликсу.

– Все! Болды! Бітті! Больше сказать мне нечего. Надоело!

– Да?– Хамзин сощурил глазки, напрягся, ухмыльнулся.

– Да!

– Может, подумаешь?

– Уже подумал.

– Вот как!

– Да, так!

– Не ерепенься, бала! Главный разговор еще впереди.

Что-то не клеилось в их принужденной беседе. Между ними росла-разрасталась только взаимная неприязнь. Хамзин отталкивал своими замашками, многозначительными гримасами, неожиданными переходами. То говорил по-казахски и по-свойски на «ты», то переходил на русский и вежливо-официальное «вы», то затевал разговор на отвлеченную тему, то стремился застать Гарри врасплох, то пристально вперял в него свои глазки-мышата, то выпячивал их, как окунь, попавший на крючок, играл в какие-то бесконечные кошки-мышки.

– С директором Маке в шахматы играешь?

– Играю.

– Кто из вас сильнее?

– Теоретически, пожалуй, я. Но он поражает своей неожиданностью, натиском, азартом.

– А с доцентом Ландау в каких отношениях?

– Я, что ли?

– Вы!

– Ну, какие? Ефим Иосифович – доцент, я – студент. Он учит, я учусь. Он руководит моей курсовой работой.

– Литературой тебя снабжает?
– Какой?
– Ну... этой... запрещенной... самиздатом.
– О такой литературе не слыхал.
– Да?
– Да.
– А зачем просишь свидание с Верой?
– Так... Хочу увидеть.
– Соскучился?
Гарри промолчал.
– Или хочешь что-то передать?
– А что передать?
– Ну-у... тебе виднее.

Из Комитета Глубокого Бурения, от следователя Хамзина Гарри выходил опустошенным, раздраженным, усталым. Он чувствовал, что усердный следователь стремился вменять ему в вину то, чего в природе не существовало. Да и вообще не было никакой вины. Ну, может быть, то, что он слишком увлекся книжками из редкого фонда, конспектировал Льва Троцкого. И зачем он, собственно, был ему нужен? Мог бы, понятно, и не конспектировать. Вины не было, а беда была: скончался его надежный наставник профессор Сарсен Аманжолов, рухнула мечта об аспирантуре; надежда на свободный диплом тоже стала сомнительной; неопределенными оказались его отношения с Верой, а все будущее – туманным. Учителем русского языка и литературы в захолустной аульной школе Гарри себя не представлял.

Через неделю его снова вызвали в КГБ. На этот раз его завели в другой кабинет. За столом сидел русый мужчина средних лет. И это Гарри удивило.

– Майор Вдовин. Старший следователь,– представился он.

– Очень приятно,– машинально ответил Гарри. – А... а?

Майор чуть улыбнулся.

– Вы хотите что-то спросить?

– Да-а... А товарищ Хамзин?

– Дело Веры Пшеницыной передали на доследование мне.

– У Веры есть дело?– съязвил Гарри.

Вопрос, видно, старшему следователю не понравился, однако, он спокойно ответил:

– Представьте, есть...– И добавил.– К сожалению.

– А я, простите, с какого бока фигурирую в этом деле?

Старший следователь опять на миг запнулся.

– С крайнего. Как свидетель.

– Как свидетель я исчерпан. Ваш коллега полностью меня общипал. Я вижу там, на шкафу, шахматную доску. Может, лучше сыграем пару партий?

Майор Вдовин оторвался от бумаг, пристально и колюче выставился на Гарри. В серых его глазах плескались усталость и укоризна.

– Вот что, товарищ Карлсон,– холодно произнес старший следователь. – Не ерничайте. Вас пригласили сюда не для того, чтобы в шахматы играть. И не для балагурства.

Гарри смутился. Его, действительно, занесло.

– Ну-у... так все же ясно...– пробормотал он, оправдываясь за неуместную дерзость.

– Ясно, ясно, да не все, – заметил с тоном сожаления майор. – Есть кое-какие вопросы по вашим конспектам.

– Вы мне их вернете?

– Посмотрим. Насчет Троцкого, Ахшарумова, Чаадаева, философских тетрадей Ленина, допустим, все понятно. Студент-отличник, любопытство, расширение кругозора, осмысление каких-то истин. Ладно... Хотя какой-то крен в мозгах явно чувствуется. Вас, я понял, интересует только то, что вроде не должно вас интересовать. Ладно, ладно... Конечно, интересно, откуда ветер дует, что за пристрастья... Скажите, что это за поэма «Кюстер Дайс»? Зачем вы ее переписали?

– «Кюстер Дайс»? Так это сочинение некого Давида Куфельда. Я этого имени больше нигде не встречал. И не знаю, написал ли он что-нибудь еще? Книжечка эта вышла в Саратове еще в 1914 году и была посвящена 150-летию основания первого немецкого поселения – Добринки – на нагорной части Волги. Очень любопытная штучка. Живо описывается, как наши предки...

– Ваши,– поправил майор.

– ... да, мои предки прибыли из Германских земель в Россию, как обосновались на Волге, как трудились, какие лишения терпели, как учились, молились, страдали, жили, детей растили, как нападали на них дикие степные орды, как грабили колонистов...

– Казахи?– уточнил следователь.

– Сказано: киргизы. Но киргизами пришельцы называли тогда и казахов, и киргиз, и калмыков, и башкир... как угоняли в плен, в рабство женщин и девушек, какие трудности и горести испытали.

– А кто такой Кюстер Дайс?

– Кюстер – не имя, это – дьяк, церковный служка. Мастер на все руки. И строитель, и учитель, и лекарь, и органист, воспитатель, староста села.

– Взгляды реакционные?

– Ну, не большевик, конечно. Рассказывает о дореволюционной жизни немцев Поволжья. Поразительный документ! Можно сказать сага о жизни поволжских немцев. Я очень обрадовался, когда попалась эта книжица. На фотокопию денег нет, вот и переписал от руки.

– Написано по-немецки?

– Конечно! Очень много диалектных вкраплений. Так говорили наши... мои предки.

– Хм-м... Мы дали на чтение одному доценту из Ин`яза. Говорит: плохой немецкий, половина непонятна, малограмотно. Воспевает отсталую колонистскую жизнь. Есть чуждые идеи. Степняки показаны варварами.

– Не знаю, что и сказать. Доцент ваш наверняка не немец. Потому ему и все чуждо. И язык, и жизнь колонистов, и художественные достоинства поэмы.

– Колонисты – это немцы?

– Да, немцы-переселенцы. Они жили компактно, колониями. Отсюда и колонисты. А колонизаторы – совсем другое. Бедные немцы, расселившись на пустых, запущенных землях правого и левого берегов Волги – по-немецки Бергзайте и Визензайте – колонизаторами быть не могли. Они были колонистами. И на Волге, и на Кавказе, и в Крыму.

– Спасибо. Просветили.

– И язык «Кюстера Дайса» вашему доценту, конечно, не по зубам. Он, может, вызубрил современную немецкую грамматику, правильно строит предложения на «хох-дойч», но откуда ему знать диалект более двухсотлетней давности? Да убей его, он не поймет прелесть и смысл таких вот строк:

– Ist es wahr, die Leute sagen,
Ihre Alte tät sich klagen?
Hat sie nicht die Mutterplag?
«Hitze, hätze, saht se, hätt' se,
Schwitze, kotze tut sie aach».

– И я не понял,– признался майор.

– Верю. Очень живая поволжская речь. Вашему доценту это не понятно. А переложите все это на «хох-дойч», и получится Бог знает что. А в самом деле гениально!

– Жаль, мне это недоступно. Я помню лишь несколько фраз из школьного учебника, хоть и имел тогда по-немецкому «пять», – доверительно сообщил майор Вдовин. – Ладно... А это что? Хуго Хупперт. «Referat...»

– Гуго Гупперт – антифашист, эмигрант, жил в Советском Союзе. Это его доклад на Первой Всесоюзной конференции советско-немецких писателей в

марте 1934 года. Обработанная стенограмма. Интересные сведения о литературе российских немцев 20-30-х годов.

– А это что?

Гарри придвинулся, заглянул в знакомую тетрадь, прочел. – «16 Jahre Literatur der Deutchen in der UdSSR».

– Это статья из журнала «Штурмшрит» за 1933 год. Обзорная статья опять-таки о литературе российских немцев послереволюционного периода.

– Хороший у вас почерк, Гарри,– заметил майор.

– Вы мне все это вернете?

– Немецкие тетради ваши, пожалуй, вернем. Крамолы в них нет, хотя ваши увлечения вызывают недоумение. Зачем вам все это?

– На всякий случай,– нахмурился Гарри.

– Думаете, когда-нибудь на это будет спрос?

– Кто знает... Нам не суждено предугадать.

Наступила пауза. Серые глаза майора Вдовина потеплели. И Гарри смягчился: следователь его не раздражал, как Хамзин, а даже располагал к разговору. Казалось, он пытался по-доброму вникнуть в суть того, что происходит. И тогда Гарри осмелился спросить о том, что никак не выходило из головы.

– Вы о Вере ничего не говорите...

– О Вере Пшеницыной? Ее вовлекли в предосудительные дела. И подвел ее родной брат, отбывающий ссылку в Сибири. Очень жаль! Девушка хорошая... Кстати, она о вас расспрашивает. Жалеет, что доставила вам столько хлопот. Говорит: небожитель, чистая душа. Хотела бы с вами свидеться.

– Это возможно?

– Вполне. Напишите заявление на имя председателя КГБ. Минут на десять, пожалуй, разрешит.

– Хорошо. Когда?

– Может, на следующей неделе.

– Напишу. Можно прямо сейчас?

– Можно.

Следователь сочувственно улыбался, подал ручку, придвинул лист бумаги.

– Напишите: «по личным делам».

– И я свободен?

– Свободен. Но в следующий раз хочу вам дать дельный совет. А пока не хорохорьтесь. И о том, что были здесь, лучше помалкивайте. Хорошо?

– Хорошо.

XIX. СВЕЖИЕ ВЕЯНИЯ

Надвигались новые времена. Российские немцы, разбросанные по городам и весям необъятной державы, вкусив долгожданную, пусть относительную свободу, избавившись от ярма комендатуры, но все еще не имея права возвращаться в родные края – на Поволжье, Украину, Крым, двинулись с холодных краев на юг – в Казахстан, Узбекистан, Киргизию, на Кубань, Ставрополь, Азовское море, находили родственников, которых не видели полтора-два десятилетия, объявляли всероссийские розыски, активно переписывались, лихорадочно обустраивали свой быт, потянулись друг к другу, работали всюду, где была нужда в надежных, порядочных, послушных, безотказных трудягах, вкалывали-пахали на совесть, доказывая, что годы испытания, лишения и несправедливости не выбили из них исконные трудолюбие и прилежание, честь и достоинство, что они остаются законопослушными гражданами своей страны, стараясь при этом сохранить насколько это было возможно свою ментальность, свою душу, свое национальное лицо, не выделяясь из общей интернациональной семьи и сохраняя национальные черты, заповеданные сгинувшими в истории предками. Немцы не только трудились повсеместно, не покладая рук, во славу своей большой родины, в лихую

годину незаслуженно обидевшую, унизившую, растоптавшую их душу и судьбу. Надо было после пятнадцатилетнего тотального безмолвия заново собраться с духом, опомниться, воскресить разрушенный очаг, определить потери и остатние для возрождения силы, обогреть душу, учить детей, позаботиться о вере, языке, культуре некогда благополучного, уверенного в себе, устремленного в будущее народа. Все предстояло строить заново, обзавестись крышей над головой, завести кое-какое хозяйство, определить детей на учебу, насколько это позволялось, разыскать по всей стране, а то и за рубежом уцелевших в лихолетье родичей, одолеть комплекс неполноценности, избавиться от клеветы, от наговоров, от унизительного чувства изгойства и своей второ-третьесортности. Находилось немало доброхотов, которые постоянно тормошили-теребили власть, писали длинные слезницы во все инстанции, неустанно приковывали внимание к национальным проблемам, просили, а уже часто требовали издавать немецкие газеты, открывать школы, заботиться о культуре, кололи глаза власть-предержащих гнусными указами, оскорблявшими целый народ, секретными установками, ущемлениями, очевидной и завуалированной дискриминацией, ленинской национальной политикой, декларативными заявлениями, советской конституцией, правами наций на самоопределение, сознательным искажением, извращением очевидных исторических фактов и истин, напоминали об автономных национальных районах, областях, республике немцев Поволжья, распущенной в спешке, тяп-ляп, без каких-либо серьезных оснований. Словом, везде и всюду тихо, незаметно, но настойчиво советские немцы заявляли о своих правах и с этим хочешь не хочешь, а приходилось считаться. Загонять проблему внутрь или отмахиваться от нее, как встарь, становилось все

сложнее. Власти приходилось то здесь, то там идти на уступки. Все более немцы устремились в вузы. И несмотря на то, что, начиная с начала тридцатых годов, российских немцев ущемляли по всем параметрам, интеллигенцию к началу войны почти всю истребили, отлучили от всех дел и постов, а потом сгноили в трудармии, в ссылках, в тюрьмах, дух российских немцев не был окончательно сломлен, с ними надо было считаться, они упорно проникали во все сферы общественной, социальной, культурной жизни, они были не только трактористами, комбайнерами, шоферами, доярками, телятницами, хлеборобами, строителями, но и врачами, учителями, учеными, музыкантами, писателями, художниками, спортсменами, депутатами, Героями труда, знатными людьми, руководителями хозяйств. Все чаще замелькали на страницах периодики немецкие фамилии. Быть немцем стало непредосудительным. Народ набирал силу, возрождался, готовился к новым свершениям. Даже те, кто старался быть в тени, незаметным, потерял надежду на справедливость, сплачивались теснее, собирались в кирхах, молельнях, баптистских домах. Все заметнее поднималась художественная самодеятельность.

Обо многом Гарри не знал, не ведал. Но навещая родных в аулах, селах, районах, получая от многих письма, он с радостью почувствовал, что его соплеменники оживают, выпрямляются, материально крепнут и моральный их дух по крупицам-крохам вновь возрождается. И это радовало. Однако в массе своей немцы были по-прежнему очень забиты, боязливы, робки, пугливы, иногда друг друга опасались, прятались в тень, уходили в скорлупу в страхе, как бы чего не вышло, как бы прожить тише воды, ниже травы, нигде не высовываться, не попадать лишний раз на глаза начальству, прокоротать свой век тихо, кротко, незаметно, в мало-мальской сытости и благополучии. Многие немцы исповедовали

казахскую мудрость: «Не тронь меня, красноглазое лихо, и я тебя не трону». Иным чудилось, что можно прожить раком-отшельником, и в том сокрыта едва ли не высшая мудрость.

О да, это огорчало.

XX. СВИДАНИЕ

Пришла долгожданная, но все же неожиданная весть: «Вам разрешено свидание с Верой Пшеницыной». От волнения разбежались все мысли, разлетелись, дробясь, все впрок заготовленные фразы. Как она, Вера? Как произойдет свидание? В отдельной камере? Или в присутствии посторонних? Может ли он что-нибудь передать? О чем пойдет разговор? Можно ли быть откровенным в казенном доме? Сотня вариантов мелькала в голове. И ни на одном их них Гарри остановиться не мог. Неожиданность и неизвестность ошеломляли, смущали душу. Он со страхом ловил себя на мысли, что за эти недели все в нем будто погасло, ушло куда-то, растворилось, он даже плохо представлял себе облик Веры, приблазнялись временами только смутные видения, штрихи, эпизоды, возникали в сознании ее губы, милая картавая речь, похожая на детский лепет, шепот, ласковые белые руки, тугие девичьи груди, запах ее крепкого, податливого тела, все дробилось, мешалось, тревожило, волновало, стесняло. Иногда даже казалось, что он ее и не знает, никогда не знал, да, что-то было, было... но так давно, так зыбко, мимолетно, словно и не было. Словно сон, приятный, желанный, будоражащий плоть, ласкающий сердце, но именно сон, растаявший в предрассветном тумане. А, может, и в самом деле ничего не было? Просто блажь, воображение, грезы, видения? И он теперь спешит на свидание с девушкой, которую будто и не знает толком,

видел ли наяву, то ли во сне, и все черты которой странным образом размывались во времени.

Приближаясь к глухому зданию возле памятника железному Феликсу, Гарри почувствовал, что он совершенно сбит с панталыку сумбуром в голове и в душе. Он не представлял, как пойдет разговор с Верой в незнакомой обстановке, в казенном доме после столь долгого перерыва. Он будто отвык от нее. А ведь разговор должен начать он, ибо он подал заявление на имя председателя КГБ, прося о свидании с гражданкой Верой Пшеницыной.

Майор Вдовин, дружелюбно улыбаясь, усадил его напротив себя в своем кабинете.

– Готовитесь к госэкзаменам? Курсовые сдали?

– Да.

– Никто к вам за эти дни не приходил?

Гарри на мгновение растерялся.

– Н-нет...

Что за вопрос? Неужели старшему следователю известно, что к Гарри приходил как-то вечером в общежитие молодой человек и, представившись давним знакомым Веры, рабочим завода имени Кирова, таинственно спросил, что ему известно о событиях последних дней.

– Какие события? – насторожился Гарри.

– Что, не знаете?

– Нет.

– Что, Вера не говорила? Не намекала?

– Нет.

– Странно... Но что ее забрали, знаете?

– Знаю.

– Вы ее видели?

– Нет.

– Странно... Странно... Я-то полагал...

– Что?

– На заводе, в сельхозинституте, в горном... тоже кое-кого забрали, и вы, выходит, не знаете...

– Впервые от вас слышу.

– Странно, странно... Черт знает что! Я-то думал, вы в курсе. Раз близки к Вере. Или прикидываетесь?

– С какой стати?

– Ладно. Извините. Я вас не знаю, вы – меня. И я к вам не приходил. Поняли?

И молодой человек, весьма озадаченный, молча исчез, будто растворился в вечерней сутемени.

Неужто майор Вдовин об этом что-то знает? И вообще что это все значит? К чему все клонится?

– Итак, товарищ Карлсон, вам разрешено свидание с гражданкой Верой Пшеницыной на десять минут. Веру сейчас приведут и вы можете поговорить в соседней комнатке. Вы желаете ей что-то передать?

– Нет.

– А что у вас в руках?

– «Казахстанская правда» и «Красное и черное» Стендаля.

– Разрешите.

Старший следователь взял толстенный том Стендаля, бегло пошелестел страницами.

– Подчеркнутые места ваши?

– Мои.

– Для Веры?

– Нет, для себя. Интересные мысли.

– Ладно. И мысли, и Стендаля оставьте при себе. Если надо, найдем в библиотеке. Не возражаете?

– Не смею.

– Пойдемте. Я вас отведу в комнату свидания. Веру сейчас приведут. Она в бане.

– В бане?! У вас здесь баня?

– У нас есть все. И баня, и библиотека.

Майор Вдовин убрал со стола бумаги, запер сейф, положил ключи в карман, встал.

– Пойдемте.

Был майор-следователь подтянут, легок, строен. От следователя Хамзина исходил холод. Он старался

загнать человека в угол, нагонял на него страху, заставить его сознать отсутствующую вину. Майор Вдовин, наоборот, излучал спокойствие и доброжелательность, с ним хотелось поговорить по душам. Должно быть, собеседником он был приятным.

Комнатка для свидания оказалась рядом. Крохотное помещение с голыми серыми стенами. Посредине стоял обшарпанный стол, с двух сторон два таких же колченогих, расшатанных стула. Единственное, зарешеченное окошко выходило во двор. Сумрачно. Казенно.

Уселись друг против друга. Помолчали.

– «Казправда» сегодняшняя?

– Да.

– Что там?

– Пока не смотрел. Купил по дороге.

Неожиданно, со скрипом растворилась дверь, и в комнату конвоир ввел Веру. Гарри вскочил с места. Оробел. Будто не узнал. Спокойная. Розовая. Растрепанная после бани. В знакомом ситцевом платье. Улыбчивая. Отстраненная. Глянула мельком. И тоже будто не узнала. Или удивилась. Или смутилась.

– Садитесь, садитесь,– указал майор на стулья.

И, улыбнувшись обоим, громко, официальным голосом произнес:

– Вам разрешено свидание на десять минут. Оставайтесь.

И тут же вышел. Исчез и конвоир.

Гарри точно онемел. Комок подкатил к горлу. Сердце зачастило.

Они, растерянные, сконфуженные, сидели друг против друга, вымученно улыбались, но не знали, что сказать. Казенный дом – неудачное место для свидания влюбленных.

Вера взглядом указала на потолок, оглянулась, предупредительно приложила палец к губам.

У Гарри и вовсе язык одеревенел.

– Ну, здравствуй!– выдавил он, не узнавая своего голоса.– Как дела?

– Здгавствуй,– чуть улыбнулась она.– Дела пгекгасны. У тебя как?

– Хорошо.

– Небось, над книжками днем и ночью сидишь?

– Приходится.

– Как в институте?

– Все на месте. Тебя только нет.

– А спгашивают?

– Интересуются.

– И ты что говогишь?

– Говорю: в командировке.

– Пгавильно... Похудел что-то. Осунулся.

– Думы гложут.

– Об экзаменах?

– О тебе.

Оба мучительно соображали: о чем же говорить дальше?

Было неловко. Будто стыдно. Все слова разбежались. В них не было никакого смысла. Слова были бессильны выражать то, о чем сейчас думалось, чувствовалось.

– И сколько еще будешь здесь?

– Если бы я знала.

– В чем же твоя... вина?

– В чем? В чем?– Тень мелькнула по лицу Веры.– В том, что глупая, довегчивая. И подонков разных много.

Она это сказала так резко, с таким гадливым нажимом, что Гарри осекся.

Возникла пауза.

– Нет, нет... К тебе это не относится, милый. Мне показали протокол беседы с тобой. За добрые слова спасибо. Ты действительно ничего не знаешь и абсолютно не при чем. И я очень жалею, что причинила тебе столько неприятностей. У тебя совсем другая судьба.

Разговор не клеился. Десять минут длились мучительно долго. Оба все чаще оглядывались на дверь,

прислушивались. Но майор Вдовин не показывался. Проявлял, видно, деликатность. Тягостно было сидеть друг против друга на расстоянии протянутой руки, и не знать о чем говорить. А хотелось прижаться теснее, погладить руки, плечи, влажные после бани волосы, обнять, поцеловать, пощекотать за ушко, вдыхать ее запах, но не здесь, не здесь. Хотя бы в парке, на скамейке... Сидели долго. Как истуканы. Время застыло.

Вдруг Вера потянулась к газете, лежавшей перед ним, жестом попросила ручку, быстро-быстро что-то начиркала на верхнем углу. Он прочел: «Летом зайди в Петропавловске по этому адресу. Расскажи, что знаешь. Видишь, милый, не судьба. Забудь. Я исчезну из твоей жизни. У тебя впереди большая дорога. Не буду помехой. Прощай».

Едва он прочел эти слова, ничего не соображая, она опять потянула газету к себе, оторвала адрес, передала, показав жестом, чтобы он положил к себе в карман, а остальную часть написанного разорвала в мелкие клочья, скомкала и незаметным движением сунула за лифчик. Потом, побледнев, опустив глаза, точно сдерживая слезы, тихо произнесла:

– Следователь Вдовин будет говорить с тобой. Прислушайся к его советам. Человек он хороший. Что пришел – спасибо! И больше меня... меня...

Она низко опустила голову, стараясь не смотреть на него, не выдавать своего волнения и чуть слышно прошептала:

– ... не ищи. Всё. Будь счастлив.

Голос ее дрогнул. И Гарри оторопел. Такой Веры он не знал. На нее это не было похоже.

Опять со скрипом открылась дверь, и вошел майор Вдовин. Прошла вечность. Казалось, следователь тоже был взволнован.

– Поговорили?

Оба кивнули молча.

– Претензии есть? – обратился следователь к Гарри.

– Претензии?

– Да. Вы удовлетворены?

– Удо-до-до-влет-творен,– пролепетал он.

– Пойдемте ко мне.

Гарри встал, почувствовав жуткую тяжесть во всем теле. Руки дрожали. Слабость подкатила к пояснице. Ноги не слушались. Ему хотелось дотронуться до Веры, коснуться хотя бы ее плеча, головы, приободрить как-то, но не осмелился это сделать при постороннем. Что-то непонятное сковало его – то ли робость, то ли стыд, то ли страх.

Он обезволенно побрел за майором Вдовиным. У двери на миг задержался, оглянулся назад. Вера опустила голову на сложенные руки, плечи ее, казалось, вздрагивали. У Гарри сжалось сердце.

В кабинете старшего следователя было сумрачно, хотя за окном сияло солнце. Гарри опустился на стул в полном опустошении. Внутри все дрожало.

Майор Вдовин достал из стола стопку тетрадей, придвинул к Гарри.

– Можете забрать. Все ваши немецкие тетради.

– Спасибо. А остальные?

– Видно будет. Надо еще разобраться. Посмотрим на ваше поведение.

– Какое?

– Гражданское.

Опять возникла тягостная пауза. Непонятное безразличие охватило Гарри. Хотелось скорее выйти отсюда, посидеть в укромном месте, в тишине, собраться с мыслями.

Мыслей не было. Никаких. Оцепенение.

Майор Вдовин время от времени пристально смотрел на него, словно решая про себя, стоит ли говорить перед этим явно растерявшимся после свидания молодым человеком. Гарри заметил в серых, усталых глазах следователя нечто похожее на сочувствие и жалость.

– Напоследок скажу я вам вот что, товарищ Карлсон, – понизил голос старший следователь. – Вы, как мне показалось, человек чистый, открытый. Есть, конечно, юношеская бравада, ершистость. Брожение в мыслях. Поверьте: пройдет. Мой совет: сдайте госэкзамены, получите диплом. И уезжайте года на два-три куда-нибудь подальше, в глубинку. Проветритесь. Не стремитесь остаться в Алма-Ате. Не надо. Грехов за вами никаких нет. Но влияниям разным вы подвержены. Зачем вам это? Вы человек научного склада. Этой линии и придерживайтесь. Здесь мы вас в покое не оставим. Будем следить за каждым вашим шагом. И вы можете споткнуться на ровном месте. Изуродовать свою жизнь. А где-нибудь подальше, у черта на куличках вы останетесь вне подозрений. Вы меня понимаете?

– Понимаю.

– С преподавателями тоже будьте осторожней. Старайтесь не откровенничать. Вот все, что я посчитал нужным вам сказать.

– Спасибо.

– Пожалуйста. Вот на всякий случай мой телефон. Посчитаете нужным – звоните.

– А что... что будет.. с... с...

– С Верой, хотите сказать?

– Да.

Майор Вдовин нахмурился, потер надбровье.

– Не знаю... Скорей всего, на какое-то время изолируют... отправят куда-нибудь.

– Надолго?

– Не могу знать.

– Я свободен?

– Свободен. Старайтесь последовать моему совету. Это самое разумное в вашем положении. Поверьте.

Бушевала весна. Алма-Ата готовилась к майским праздникам. Зеленели газоны. Клумбы пылали алыми маками. Железный Феликс, омытый весенними

дождями, расстегнул шинель и зорко смотрел в сторону ослепительных гор. Врагов не было. По арыкам бежала-журчала горная вода. В сосновом парке резвилась детвора. Голубело небо. Со степей шел густой полынный дух. И только в общежитии КазПИ на Советской было серо, пусто, будничко. Студенты пропадали в институте, на спортплощадках, в тенистом парке панфиловцев. Расстелив в стороне от аллей казенные суконные одеяла, готовились к экзаменам. Комендант общежития Павел Степанович с некоторых пор сторонился Гарри: не приглашал его, как прежде, в свой кабинет, не проводил беседы-воспоминания о войне, не угощал чаем с сушками, забыл о былых шахматных баталиях, даже не просил писать ежемесячные отчеты.

Явно избегали встреч с Гарри и еще недавно благоволившие к нему преподаватели. Иногда делали вид, будто не знают его. Он ловил на себе только любопытствующий взгляд из-под толстых очков доцента Ландау. Ефим Иосифович, чувствовалось, что-то знал, или о чем-то догадывался, но перестал даже говорить о своем любимом Эренбурге, о раннем творчестве которого писал докторскую диссертацию. И только лаборант кафедры Бунцельман, неизменно всем объяснявшая, что она никакая не еврейка, нет, нет, что вы, она крымчачка, есть, дескать, такая народность в Крыму семитского происхождения, но мусульманской веры, каждый раз при встрече, оглянувшись, шепотом допытывалась: «Что слышно о Вере?»

А о Вере Гарри ничего не знал. И это его тяготило. В институте делали вид, будто такой студентки на истфаке никогда не было. Он никак не решался позвонить майору Вдовину, хотя и выучил наизусть его телефон. А когда, набравшись храбрости, все же позвонил, долго не отвечали, потом незнакомый голос сообщил, что он в командировке. Выждав неделю, Гарри из автомата позвонил еще раз.

– Слушаю,– донесся знакомый голос.– Алло! Говорите.

– Я... я...– Гарри почувствовал, что голос его дрожит. – Я хотел узнать про Веру...

– Какую Веру?

– Пшеницыну.

– Кто спрашивает?

– Я... я... Гарри Карлсон.

– А-а... Опоздали. Веры уже нет в городе.

– А где?

– Отправили.

– Куда?

– Кажется, в Новосибирскую область.

– На сколько?– еле выдохнул Гарри.

– На три года... Но срок могут и сократить. Она вам напишет.

Майор Вдовин положил трубку. Гарри долго стоял у телефонной будки. Ему хотелось еще о чем-то спросить, но потрясенный вестью, он ничего не соображал.

У входа в общежитие он столкнулся с вечно куда-то спешащей сокурсницей Кларой, недавно вышедшей замуж за популярного композитора. С тех пор, как она справила свадьбу, у ней появился покровительственный тон даже к старшим по возрасту.

– Гарри! Ты что такой бледный? Ходишь, как неприкаянный. Что-то случилось? Потерял что-то?

– Потерял.

– Что?!– округлила глаза Клара, мгновенно изобразив предельную озабоченность.

– Себя. Душу.

– Душу?! О, господи! Как это?

И помчалась к возлюбленному супругу. Но, отойдя несколько шагов, обернулась.

– По Вере тоскуешь?

Гарри не ответил.

– Брось! Говорила же тебе: не пара. Наши девчонки лучше. Раечка лучше. За нее держись.

Гарри поплелся в деканат. Все выпускники группы «Б» русско-казахского отделения были распределены. Не определился лишь он один. Он просмотрел список-запросов, присланный из Министерства высшего образования. Самое большее количество часов по русскому языку и литературе оказалось в Байкадамской средней школе Джамбульской области. Пятьдесят шесть часов нагрузки! И направлялся туда лишь сокурсник Казбек Казиев.

Гарри недолго думал: написал заявление с просьбой направить его преподавателем в неведомый районный центр Байкадам. Какая разница? Аспирантура ему не светит. В городе ему не оставаться. А Байкадам – та самая глухомань, куда советовал майор Вдовин на пару лет укрыться от бдительного ока Комитета Глубокого Бурения.

Все. Решено. Лишь бы скорее сдать госэкзамены и получить желанный диплом. Там видно будет. Как говорится, война план покажет.

Все впереди. Надейся и жди.

РОБКИЕ НАДЕЖДЫ

«В будущие дни все будут забыты.
Нет памяти о прежних людях.
И любовь их, и ненависть, и ревность
давно исчезли, и уже нет им участия
ни в чем, что делается под солнцем».

Екклезиаст

I. ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Немецкое население Советского Союза в 1939 году (в границах до 17 сентября 1939 г.) составляло 1,427 тысяч человек или 0,8% от всего населения страны.

Основными районами их расселения явились:

РСФСР всего	862 тыс.
В том числе:	
АССР немцев Поволжья	336,7 тыс.
Алтайский край	29 тыс.
Омская область	59 тыс.
Новосибирская область	8,1 тыс.
Краснодарский край	4 тыс.
Кемеровская область	3,3 тыс.
Оренбургская область	19 тыс.
Казахская ССР	92 тыс.
в том числе:	
Карагандинская область	14 тыс.
Кокчетавская область	15 тыс.
Павлодарская область	6,5 тыс.
Целиноградская область	7,6 тыс.
Азербайджанская ССР	23 тыс.

Грузинская ССР	20 тыс.
Киргизская ССР	12 тыс.
Украинская ССР	362 тыс.
Крым	95 тыс.

Немцы развеяны по всему свету. Помимо Германии, Австрии, Швейцарии, Люксембурга, они живут еще в 70 странах мира:

в США	6 млн.
в Бразилии	3,5 млн.
в Канаде	2,5 млн.
в СССР	2 млн. (фактически больше)

Немцев в мире более 100 млн.

Считается, что немцы в России появились в эпоху Петра I и Екатерины II. Фактически немцы в России пребывали с XI века.

Считается также, что немцы в Казахстане появились в 1941 г. после тотальной депортации. Тоже неверно. На юге Казахстана немецкие села появились еще в 70-х годах XIX века, в северных и центральных областях – в первой трети XX века. В 1731 году, когда к хану Абулхаиру приезжал английский путешественник Джон Кэстль, то переводчиком-толмачом у него был немец-юноша из Оренбурга Дитрих Юстус. Может, он и был одним из первых немцев в Казахстане?..

«По данным 1881 года в Петербурге жило 861303 человек. Из них 65000 немцев, 17000 французов, 8000 англичан. «Санкт-Петербургские немцы преимущественно были учеными, служащие, врачи, провизоры, купцы и ремесленники» «Первая политическая газета на немецком языке вышла в С.-Петербурге в 1727 г. Называлась «St. Peterburger Zeitung». В 1870 году появилась вторая газета на немецком языке – «Nordische Presse». Были журналы, газеты – «Sankt Peterburger Monatschrift», «Ruthenia», «Belletrische Blättern aus Russland».

«Развивалось музыкальное и театральное искусство»

(См. *Friedrich Meyer*von *Waldeck*, «Rußland. Einrichtungen, Sitten und Gebräuche». Leipzig 1884. стр. 198-194).

Справка Отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве спецпереселенцев на октябрь 1946 г.

Всего находилось на спецпоселении 2463940 чел., из них мужчин – 655674, женщин – 829084, детей до 16 лет – 979182.

Наибольшее количество спецпереселенцев расселено:

Казахская ССР	890698 чел.,
Узбекская ССР	179992 чел.,
Кемеровская область	129423 чел.,
Киргизская ССР	120858 чел.,
Свердловская область	113746 чел.,
Красноярский край	112316 чел.,
Алтайский край	35381 чел.,
Новосибирская область	92968 чел.,
Томская область	83276 чел.,
Тюменская область	56611 чел.,
Челябинская область	51865 чел.,
Омская область	44767 чел.

В числе спецпоселенцев находились:

Чеченцы и ингуши	400478 чел.
(мужчин – 97441, женщин – 110818, детей до 16 лет – 191919)	
карачаевцы	60139 чел. (10595, 16860, 32557);
балкарцы	32817 чел. (6147, 10284, 16386);
калмыки	81673 чел. (19506, 24143, 32997);
крымские татары, болгары, греки	193959 чел. (43135, 68343, 82481);
немцы	774178 (122336, 296014, 355828);
мобилизованные немцы	121459 чел. (71207, 50252);
бывшие кулаки	577121 (165519, 203893, 208309);
турки, курды, хемшины	84402 чел. (16353, 23277, 44772);
оуновцы	29351 чел. (5526, 14069, 9756);
фольксдойч	2681 чел. (442, 1551, 688);
немцы пособники	3185 (335, 1557, 1093);
истинно-православные христиане	1212 (102, 659, 451);
переселенцы из Литовской ССР	5426 (1170, 2311, 1945);
власовцы	95386 чел. (95359, 27)...

18.03.1944. **Начальник 3 Управления народного комиссариата госбезопасности СССР Мильштейн.**

(Из «Особой папки Сталина», в которой руководство канцелярии НКВД СССР собирало копии исходящих документов специально для «вождя народов»).

II. КУПРИЯНОВКА

Перед отъездом в аул на каникулы Гарри зашел на Центральную почту, с волнением постоял у окошка «до востребования», пока барышня перебирала письма на букву «К».

– Пишут. Ждите,– сказала она буднично, возвращая паспорт.

Письма от Веры не было ни в общежитии, ни в деканате. Ни одна из ее сокурсниц-подруг тоже ничего не знали. Будто и не было Веры.

Иногда и Гарри казалось, что ничего и не было. События и впечатления последних месяцев вытеснили все, что совсем недавно занимало сердце и душу. И вручение дипломов произошло совсем уж заурядно. Выпускники группы «Б» литфака в институте никого уже не интересовали. Хватало других забот. Надо было спешно заняться перепрофилированием остальных групп – филологов-историков. А с выпускниками узкого профиля все определилось: диплом в зубы и пусть катятся к дьяволу на кулички – преподавать русский язык и литературу в казахских школах. Никакого торжества. Диплом вручила лаборантка кафедры прямо в коридоре возле кабинета директора. Всем было недосуг. «Красного» диплома Гарри тоже не дали: вкатили-таки по основам марксизма-ленинизма единственный «хор» за все четыре года учебы. Госкомиссия посчитала, что образ мыслей студента Гарри Карлсона не совсем соответствует основополагающим канонам марксизма-ленинизма. Слишком прямолинейно воспринял он тезис Маркса: «Подвергай все сомнению». «Хор» – красная цена этому

ершистому студенту. Пусть все свои сомнения держит при себе, а не ввергает в сомнения других.

Оспаривать выводы госкомиссии Гарри не стал. Не осмелился. Да и не было ни времени, ни сил, ни желания чего-то доказывать. Особенно обескураживало то, что председатель Комиссии – милейший Цезарь Львович, прозванный студентами «маленьким Марксом», как-то упорно прятал глаза, делая вид, что отличника учебы и прилежного общественника Гарри Карлсона он будто и знать-то не знает.

«Ладно... Бог с ним,– смирился Гарри. – Все равно не в столице мне оставаться, а прозябать в Богом забытом Байкадаме. А там ты хорош и без «красного» диплома».

Все складывалось не лучшим образом. И ничему сопротивляться не хотелось. Что должно быть, то и будет.

Позвонить напоследок майору Вдовину Гарри тоже не решился. К тому же, надо полагать, тому все было известно.

В Петропавловске Гарри встретился со снохой Веры, поделился с ней скудными сведениями, передал узел с какими-то вещами золовки. «От Веры пока вестей нет», – сообщила она.

Перемены в ауле не обрадовали. Недавно зеленый островок, милый причал на берегу Есиля, среди березовых колок, заметно оскудел, посерел, обезличился. Степь была обезображена пахотой, скот выгонять стало некуда, местное население заставили выращивать кукурузу и высевать горох, зеленая мурава была истоптана, по аулу слонялись диковатые пришельцы-целинники, в тихом краю стало колготно, бестолково, неуютно.

Аульчане, как и прежде, приглашали Гарри попеременно в гости, угощали кто на что горазд, расспрашивали про столичное житье-бытье, про бастыков-благодетелей разных калибров и сами

рассказывали про то, что распахали даже древние могилы, выворотили камни-стояки на кладбищах, не считаясь с аруахами – духами усопших, что начальство дурит, все перевернули верх дном, открыли начальную русскую школу, а преподавать некому и для пополнения классов хочешь-не хочешь записывают «наших черноглазых». И вообще не понятно, куда идем, что нас ждет. «Этот царь Никита сделал из всех нас дураков. Его «рипормы» уже поперек горла».

Заскучал Гарри в взбаламученном ауле. Он слушал жалобы-аляуляй аульчан, записывал по привычке их слезницы в блокноты. Попытался было развлечься ужением рыб, но и рыба в Есиле, казалось, разбежалась, оглушенная динамитом пришельцев на целину.

Отец на радостях зарезал ярку, пригласил аульных аксакалов, и местный акын Ергали, большой знаток Шала-Тлеуке, певца и сказителя этого края прошлого века, произнес благословение-бата: «Пусть перед нашим Кари откроется широкая дорога. Да не забудет он порог родного дома. Да расцветут цветы на его пути. Да поддержит Создатель все его стремления. Да встретится ему долгополая, длинноногая спутница. Да народит она ему детишек. Да прославит он наш аул. Аминь»

«Аминь»,– огладили аксакалы морщинистые лица ладонями.

«От бата-благословения душа расцветает»,– говорят казахи.

Мать всячески ублажала сына, подкармливала усердно немецкими яствами, вспоминала кулинарное искусство немцев-колонистов, охотно разъясняла известные ей рецепты, радуясь, что сын все записывает в свои блокноты. И все намекала: «Съездил бы к тете Гульде, к своим двоюродным сестрам. Знаешь, как они обрадуются!»

И Гарри собрался в путь. До райцентра добрался на подводе старого поштабая Нуркана, а оттуда с мол-

чаливым горючевозом отправился в украинско-немецкое село Куприяновка.

От райцентра до Куприяновки было километров шестьдесят, но волы, запряженные в огромную колымагу с железными бочками, от которых разило керосином, соляркой за версту, не спешили: мелким монотонным шагом понуро брели почти весь день.

Июль был на исходе. Возница, конопатый, рыжий увалень, всю дорогу не произнес ни одного слова, только широко улыбался, выказывая крупные белые зубы, смотрел преданными, виноватыми глазами и нечленораздельно мычал, мекал, угукал, тряс головой, разводил руками, и Гарри догадался: добрый малый был почти нем.

– Как зовут-то?

– А... а... а... ольфф.

– Вольф?

Возница яростно замотал курчавой рыжей головой, натужно промычал:

– А...а...а...а... ооольфф!

– Рудольф?

Возница покраснел, надулся.

– А...а...а-ооль-фф!

– Адольф?– догадался Гарри.

Возница весь рассиял, похлопал ручищей-лопатой по коленям.

– Та... та... та... А-а-а-оольфф!

– Выходит, немец.

– Та... та... та...– возликовал Адольф.

– Тогда мы, Адольф, соплеменники.

– Та... та... та... С... с... на... на.

Ясно: беседой дорогу не скоротаешь. Смотреть на небо, простиравшееся от горизонта до горизонта, на пшеничные поля, на ухабистую дорогу, на тихие перелески, качавшиеся в зыбком мареве, на одиноких ястребков, чертивших круг за кругом в синеве, на крохотную точку жаворонка, зависшего над белесым

облачком, вскоре наскучило, и Гарри устроился поудобней на душистом сене, застланном трухлявой кошмой, в закуточке между бочками, предался своим думам.

У мамы четыре сестры и два брата. Тетушки Маргарита, Альма и Ирма при депортации очутились в Алтайском крае, туда же с бабушкой Амалией попал и дядя Эммануэль, а дядя Отто погиб в трудармии еще в 1942 году. Получилось так, что мама и тетя Гульда оказались поблизости – в одном районе, хотя и в разных его концах. Тетю Гульду Гарри помнил еще до войны. Однажды летним днем духовики села Мангейм спешно отправились на колхозной полуторке в среднее село Зихельберг. Двоюродные братья Вильгельм и Христиан, возбужденные и радостные, шутя и балагуря, прихватили с собой и растерявшегося, чем-то напуганного Гарри. Ему тогда было лет пять, и он приехал с родителями из Энгельса в их родное село, где все ему было непривычно, внове. Оказалось, сельские музыканты спешили на свадьбу. Рыжий, круглолицый крепыш Саша Кексель из Зихельберга выбрал себе в жены улыбчивую, языкастую, склонную к шуткам, насмешливую Гульду Гертер, дочь несколько лет до того бесследно сгинувшего капельмейстера-кларнетиста Давида. Село Зихельберг находилось рядом, и Гарри запомнились тряска полуторки, веселый гомон музыкантов, по дороге дравших до блеска свои медные диковинные инструменты, грохот барабана, шаткий мостик, через который очень осторожно, точно наощупь, протащилась полуторка, многолюдье возле приземистого домика с палисадником, юная, торжественная тетя Гульда в длинном белом платье с фатой, вся какая-то непривычно серьезная, строгая, отстраненная и незнакомый рыжий дядя Саша в черном костюме с бантом в петлице и лихо заломленной кепочке. Все были возбуждены, пели,

плясали, кружились, колготали, музыканты дудели вовсю, часто повторяя почему-то печально-торжественный марш «Прощание славянки», мужики дурачились, выделывали разные кренделя, сипели, орали: «Hopsa, hopsa, hop-sa-sa!» Пятилетний Гарри, привыкший к среде детской площадки в лётной школе города Энгельса, чувствовал себя на этой свадьбе чужим, посторонним, хотя вся многочисленная родня родителей в нем, городском мальчишке, души не чаяла. Особенно он привязался к ласковой, неуемной выдумщице всяких забав Гульде-танте, которая на свадьбе почему-то не уделяла ему никакого внимания. Да и в своем торжественном, до самых пят, подвенечном белом платье она почудилась ему чужой тетей.

Еще до войны тетя Гульда успела народить двух девочек-погодков – Зельму и Альму. Депортировали весь немалый клан Кекселей в затерявшееся в степи село Куприяновка. Через полгода шофера и механизатора Сашу Кекселя забрали в трудармию, куда-то в Краснодарский край, и тетя Гульда с двумя девчонками ютилась у местных хохлов и работала в колхозе телятницей. Через год хотели забрать в трудармию и ее, но спецпереселенок, у которых имелись дети до трех лет, полагалось до поры, до времени не трогать. Осенью 1942 года тетя Гульда, не говорившая совершенно по-русски, решилась без разрешения коменданта на долгий, сложный путь и привезла к сестре в казахский аул свою полуторагодовалую дочь в надежде, что зять-фельдшер, отец Гарри, малышку выходит. Через год Альма на молоке и каше округлилась, встала на ноги, стала озорной, бойкой девчушкой, и Гульда-танте забрала ее к себе. Добиралась она на полуторной подводе, большей частью на волах, запряженных в телегу, и на вопрос: «Кто такая?», небрежно махала рукой и произносила: «А-а, Сталин!» Слово это было как пароль. И когда Гарри

позднее интересовался, что означал ее жест, она объяснила: «А-а... отстаньте! Я – фрау Сталина». В подробности вдаваться люди не осмеливались.

Из трудармии рыжий весельчак Александр Кексель так и не вернулся, остался в Сибири, завел новую семью. Как перенесла эту весть Гульда-танте, можно было только догадываться. Замкнулась, затаилась, уже не пела, реже шутила, покорно запряглась в колхозное ярмо, вырастила-таки двух дочерей. И Гарри всегда знал, что у него на отшибе Октябрьского района подрастают две кузины – Зельма и Альма, в бедности, нехватках, без отца. В тринадцать лет Зельма стала прицепщицей, а Альма в двенадцать – телятницей, свинаркой. Учились урывками в начальной сельской школе, говорили на хохлацком наречии вперемешку с немецким диалектом. Так и жили, ограниченные пространством глухого степного села и житейскими скудными заботами. А ведь так жило большинство немцев, разбросанных по аулам-селам безбрежного Казахстана.

Дорога бесконечно змеилась между пшеничным полем. Ни речушки, ни овражка. Плоская степь. Лишь там-сям радуют глаз одинокие березовые колки.

Волы вдруг замедлили шаг, нетерпеливо задергали хвостами, недовольно замотали тяжелыми головами, словно пытались сбросить ярмо. Через некоторое время и вовсе остановились.

– П...п... прр... вал! – объявил возница-горючевоз.

«Привал», – догадался Гарри, очнувшись от воспоминаний.

Адольф легко спрыгнул с передка на землю, распряг волов, и те послушно отошли в сторонку, в лощину, принялись хрумтеть травой. Видно, волы знали, где им положено остановиться, где попастись, где и сколько безропотно тягать опостылевшую колымагу с железными бочками. Безошибочно понимал своих волов-тягачей и Адольф.

Июльское солнце застряло в зените, нещадно поливало степь и поля раскаленными лучами. Сомлевшие от жары бабочки вяло порхали над ковылем. Сонно сипели в траве кузнечики.

В жидкой тени рыдвана, под самыми колесами, Адольф расстелил брезентовый полог. Достал из котомки ржаной хлеб, луковицу, пару огурцов и кожаный бурдючок.

– Ш... ш... ша... ап,– пояснил он.

– Что?– не понял Гарри.

– Ш...ш...ша.. ап!– с натугой выдавил Адольф. Широкое, обветренное его лицо было покрыто густой щетиной. Малый, видно, брился в неделю раз.

– Эс... с...с... ен!– проворчал тяжелым язычком.

– Was? Essen?– переспросил Гарри.

– Йа, йа... та... та... та...

Гарри извлек из походной сумки пару успевших зачерстветь бутербродов с топленным маслом, несколько замаслившихся пончиков-брецелей и два круто сваренных яйца.

– Угощайся, Адольф!

– О-о! – воскликнул он, потирая руки.

А когда Гарри достал из кармана брюк складной ножик и, раскрыв большое лезвие, красиво нарезал лук и огурцы, у Адольфа загорелись глаза, затрепетали ноздри. Он не мог оторваться от ножичка в руках Гарри. Только продолжал восторженно мычать:

– О-о-о! Шшш – ен! Шш-ёйн!

Пообедали на славу в тенечке под рыдваном, запили из облупленной полулитровой кружки кислым, но прохладным шалапом. Самое время поговорить. Но как поговорить с немым?

– Wie alt bist du? – спросил Гарри.

Адольф с готовностью что-то промычал, дважды растопырил пальцы двух рук, потом выставил еще два мизинчика.

– Двадцать два? Цвай унд цванциг?

– Та... та... та...– обрадовался Адольф.

– Давно в колхозе работаешь?

– Нно... нно-о...

Видно было, что с детства вкалывал. Крепыш. Весь налит дикой силой. Руки – оглобли, ноги – что каменьстояк, грудь колесом, плечи – хоть по два человека усаживай, шея – красная, жилистая, как у быка. Ясно: никакой работой не брезгает. Пашет. Косит. Ломомкайлом орудует. Литовкой машет. Скирды метет. Незаменим. Безотказен.

Как все российские немцы. И такой же немой.

В лощине бил-журчал-побулькивал ключик, растекался ручьем, окаймленным осокой и лопухом. Адольф повел волов к водопою. Возвращались удовлетворенные, мотали головами, пускали слюни, потрескивали копытами, водили крутыми боками, лоснились выями. Под ярмо встали послушно, готовые продолжить путь. До Куприяновки осталось километров пятнадцать.

– Ко... ко... рро,– успокоил-утешил спутника возница.

Помимо Гульде-танте и двух кузин Гарри очень хотел увидеть Антона Энгеля. Лет десять назад братья Энгели – Иоганнес и Антон – работали кузнецами в ауле. Оставшись без родителей, братья и сестры, мал-мала меньше, семь душ, отчаянно выбивались из нищеты, перебиваясь, как говорится, с хлеба на воду. Первый год в ауле возле Есиля все Энгели прозябали в крохотной, наспех вырытой землянке. А с весны 1945 года кое-как обустроились в сарайчике при колхозной кузне. Старшему, Ивану-Иоганнесу, было двадцать годков, младшей, Милуше, лет семь. Братья день и ночь пропадали на кузне, простаивали у наковальни и кузнечного горна, что-то мастерили, паяли, лудили, чинили за палочки-трудодни и ничтожный калым в виде курта, иримчика, айрана, проса, жаренной в бараньем сале пшеницы, которыми делились сердо-

больные аульчане. Еще две сестры впряглись в колхозную лямку. Подлеток Эмма устроилась прачкой в интернате. Копошились Энгели день и ночь: завели огород, собирали ягоды, травы, ловили рыбу, косили сено, подсобляли в хозяйстве аульным женщинам. При этом не унывали, жили дружно, заботились друг о друге, играли на балалайке, гитаре, мандолине, гармони-двухрядке, пели, балагурили. Особенно выделялся среди Энгелей Антон. Рослый, стройный, чубатый, смуглый, немного отстраненный, не по годам серьезный и рассудительный, он задавал тон в семье, и все его слушались беспрекословно. Он был мастеровит, выдумщик, фантазер. Все что-то усовершенствовал, из бросового материала затевал затейливые вещи. «О, нет!– поблескивал черными глазами. – Я нищенствовать не буду. Выбьюсь в люди, выбьюсь!» И говорил он это с таким нажимом, с такой яростной убежденностью, что никто не сомневался в том, что у этого худощавого, угловатого юноши с сурово сжатыми губами и глубокой складкой на переносице большая дорога впереди. Он был талантлив во всем. Особенно поражало в нем то, что неизвестно откуда знал и помнил кучу немецких частушек-шнеркелей, старинных песен, пословиц, дразнилок, шуток, хотя и проучился-то в школе еще дома, на Волге, два или три года. В Казахстане стало не до школы: подлетком работал, даже попрошайничал, побирушничал. После того, как отца – кузнеца Иосифа – забрали в трудармию, а мать скончалась в первую же лютую зиму лихолетья, вся забота в семье легла на хрупкие плечи Иоганнеса и Антона.

Вскоре Энгели сообразили, что на колхозных трудоднях-палочках им не прожить. Не спасал и огород. Не стала большой подмогой и тощая буренка. Женился Иван, привез суженую из Куприяновки. Вслед за ним высватал Антон робкую Ольгу, молчаливую служанку завуча местной школы. Принесла в подоле

курчавое, темноликое чадо Эльза. Семья распалась. Жить вдесятером в двух закутках саманного сарайчика стало совсем уж невмоготу. Начался между сестрами раздрай. Пошли склоки. Одна из сестер присмотрела жениха в лесхозе. Туда же подалась вскоре и Эльза со своей ненаглядной, курчавой, скуластой дочуркой. Антон с Ольгой получили в комендатуре разрешение пытать судьбу в Крещенской МТС. Директор лесхоза, акын и энтузиаст Ахметжан переманил опытного кузнеца Иоганнеса-Ивана к себе. И в ауле на берегу Есиля осталось только добрая память о безотказных немцах-переселенцах Энгелях и аккуратно побеленная саманная халупа возле колхозной кузни.

Об Антоне Гарри помнил всегда. Знал, что несмотря на свое трехклассное образование, Антон вскоре выбился в главного механика МТС, потом переехал в Куприяновку, построил дом под шиферной крышей, пересел на комбайн, что-то в нем усовершенствовал, обмолачивал горы зерна, о его трудовых достижениях не однажды писала районка «Новатор» и областная газета «Ленинское знамя», хотя немецкие фамилии в периодике назывались все еще очень редко. Не раз ездил Антон после того, как со спецпереселенцев были сняты все ограничения, в Москву на ВДНХ, возвращался с какими-то грамотами, значками, а в прошлом году – неслыханная новость! – Антон Иосифович Энгель стал Героем Социалистического Труда, и он, сфотографировавшись с Золотой Звездой и Орденом Ленина на груди, выслал свою фотографию Гарри в Алма-Ату, коряво подписав натруженной рукой «на долгую память».

Чтобы российский немец стал Героем Социалистического Труда! Такое еще недавно и во сне представить было невозможно. Значит, российских немцев начали признавать. Значит, времена действительно круто изменились!

Гарри не терпелось встретиться с Антоном, поговорить по душам с новоиспеченным Героем, вспоминать недавнее аульное житье.

У Ивана-Иоганнеса Гарри с отцом-матерью бывал каждый раз, когда приезжал на летние каникулы. Иван с Эльмой обзавелись за эти годы кучей детей, просторным домом, огромным огородом, всякой живностью, баней, и сам кузнец, недавно еще щуплый, как подросток, с раздавленными работой непомерно крупными, мозолистыми руками, заметно округлился, облился розовым жирком и при случае охотно прикладывался к бутылочке. Кузнец был Иван первоклассный, заботливый отец большого семейства, но и выпить оказался не дурак. Бытовые проблемы были решены, жена довольна, дети подрастали, а все остальное было Ивану, как он выражался по барабану. Общественных амбиций никаких не было. Стремлений, как у Антона, тоже.

Вообще в послевоенные годы, как только спецпереселенцам выпало послабление, все их силы были направлены на бытовое устройство. На этом, как Гарри казалось, у немцев белый свет клином сошелся. Инстинкт самосохранения, тихого семейного благополучия возобладал над всем остальным. Под словом культура подразумевалось только бытовая ее сторона. И это удручало, настораживало. Мировые события, преобразования в стране, политика, учеба, общественная жизнь, казалось, большинство спецпереселенцев вообще не интересовали. Их это не касалось никаким образом. Приходилось слышать: «Ай, не наше дело. Наше дело – сторона. Без нас обойдутся. Лишь бы дали возможность жить. Все остальное уже изведали сполна».

Такой настрой соплеменников был понятен, но Гарри разделять его не мог.

– О-о-о-во!– воскликнул-возликовал вдруг Адольф.

Впереди, за пологим холмом, показалось село. За околицей паслись коровы. Разномастные постройки плыли-зыбились в мареве.

– Куприяновка?– переспросил Гарри.

– Та-та-та.– радовался Адольф.– О-о-оф-ка!

Волы не торопились. Шли тем же размеренным, монотонным шагом. Цок... цок... цок.

На краю села во что-то играла ватага босоногих, голопузых, загорелых до черноты, чумазых мальчишек. Увидев горючевоза, загалдели на всю округу.

– Гитлер! Гитлер!

– Гитлер приехал!

– Хайль!

Гарри оторопел. Откуда Гитлер в степном селе Северного Казахстана?

Пацанва облепила рыдван, полезла на бочки, норовила усесться на волов. Адольф щерился, улыбался, польщенный таким вниманием. Неторопливо развязал узелок, раздал галдящим пацанам районные гостинцы – пряники, конфеты-липучки, сахарные палочки.

– Кто Гитлер?– спросил Гарри у конопатого сорванца, оседлавшего бочку.

Тот с изумлением вылупил белесые зенки на незнакомца, пальцем указал на Адольфа.

– Вот!

– Твоя фамилия Гитлер?– ошеломленно спросил Гарри у Адольфа.

Тот, улыбнулся до ушей, мотнул рыжей головой, пробубнил:

– Шш-шу-шу-тят!

– Шутят?

– Та-та-та...

– Он же Адольф, потому и Гитлер,– пояснил мальчуган, усевшийся рядом на козлах.

– Адольф Второй! – поддакнул еще один шалун.

– Воскрес!

– Ничего себе шутка, – вырвалось у Гарри.

Озорники начали друг в друга тыкать пальцами, хорохориться, хвастаться перед незнакомцем.

– А этот Геринг!

– А он – Кальтенбруннер!

– А ты – Риббентроп!

– Сам Кейтель!

– Мюллер!

– Голопузенко!

– Возипиво!

– Это ваши фамилии?– поинтересовался Гарри.

– Прозвища,– пояснил тот, что уселся на козлах рядом с Адольфом. – Так дразнятся.

«Ну и ну!– усмехнулся про себя Гарри.– Действительно, немецко-хохлацкое село».

– Кто из вас знает дом тети Гульды?

Сорванцы переглянулись. Один смекнул.

– А-а... Кексели?! Брайнингеры? Финки?

– Вон, вона, бачишь? Вона их хата!

Гарри слез с рыдвана, закинул дорожную сумку за плечо. Адольф, смущаясь, подошел к нему, протянул шершавую ладонь.

Обнялись на прощании. Гарри достал из кармана складной ножик.

– На, Адольф! На память. Спасибо, что довез.

Адольф не поверил глазам своим, захлопал-захлопал ресницами, расцвел лицом, что-то промычал и порывисто обнял попутчика, потряс его по-медвежьи, похлопал по спине. Гарри едва удержался на ногах.

– Ножик! Ножик! – загалдела малышня. – У Гитлера ножик. Всем теперь сделает чик-чирик!

Волы свернули к машинному двору на краю села. Гарри, прихрамывая, опираясь на увесистую суковатую трость, побрел к неказистой хате с палисадником. В нем купались в июльских солнечных лучах злато-головые подсолнухи.

У калитки стояла, притенив рукой глаза, худощавая женщина в белом переднике.

– Hulda-Tante! – вырвалось у Гарри.

Тетя Гульда, не сразу признав племянника, на мгновенье застыла, а потом радостно вскинула руки и трусцой побежала навстречу.

III. АНТОН ЭНГЕЛЬ

Вечером в честь Гарри устроили маленькую пирушку. Кузины обрадовались брату и его незатейливым гостинцам. Тетя Гульда все восхищалась возмужавшим племянником, всем сообщала, что в роду Гертеров-Карлсонов он единственный, кто получил высшее образование. «Надо же! Надо же... Gott sei Dank! Хоть один пробился в люди. А то все мы неучи. Даже четыре класса не одолели». И в самом деле, из многочисленной дальней и близкой родни, выяснилось, что до этого только одному – отцу Гарри – удалось обрести среднее специальное образование. Гарри чествовали как именинника, но ему стало грустно. За четыре года учебы он насчитал в КазПИ всего пять студентов-немцев. И в других вузах Алма-Аты немцы были редкостью. Выходит, за годы безмолвия российские немцы – целое поколение! – были отлучены от образования. Уже после трех-четырех классов начальной школы их выпихивали в ГПТУ, в ФЗО, на курсы шоферов, трактористов, полагая, что для них, спецпереселенцев, этого вполне достаточно. Вся энергия измотанного народа-изгоя ушла в быт, в банальное выживание. Как возродиться? Как восстановиться?

От Зельмы разило свинофермой. Ни душистое мыло, ни нагретая в железной бочке вода в закутке – душе в конце огорода, ни одеколон, ни новое цветастое платье из комода, одетое в честь радостного события, не могли вытравить стойкий дух свиной фермы, в которой с раннего утра до позднего

вечера годами пропадала хрупкая девушка. У доярки Альмы, рослой и стройной девушки с нежным лицом и лучистыми голубыми глазами, болели-ныли распухшие руки, которые она тщетно смазывала вазелином. Попробуй трижды на дню выдоить по пятнадцати буренок! Пальцы деревенеют, поясница отламывается, плечи ноют. И такая каторга изо дня в день, из года в год, может, всю жизнь! И уходит, уходит короткая девичья пора. Надо еще суженого найти, семьей обзавестись, детишек нарожать.

Обо всем этом подумалось Гарри, пока в тесной, стерильно чистой горнице-зале, увешанной ковриками, вышивками, цветными картинками из «Огонька» галдели-колготали не в меру оживленные гости – подружки и друзья взволнованных кузин. Тетя Гульда угощала гостей пудельзуппе из свежей курятины, толченой картошкой с салом, клецками со сметаной, огурцами, помидорами и розоватой свекольной бражкой, настоянной на костянике в трехлитровой банке. Вначале гости сидели за столом чинно, скованно, пили с оглядкой, ели аккуратно, держали марку перед столичным родичем, двое молодых людей даже нацепили на загорелые шеи галстуки-мастодонты и пытались изъясняться высоким штилем.

– Что, Америка все воду мутит?

– Конрад-то, Аденауэр, нашими немцами интересуется?

– Как в Алма-Ате с продуктами?

– На родину-то нас вернут, или нам навечно валандаться в Казахстане?

Однако, эта тема быстро исчерпалась, застольный разговор вернулся к привычным истокам, стали говорить о проделках местных шалопаев, о случаях на полевом стане, на ферме, о сенокосе, о ремонте машин, о нововведениях на МТС, о том, кто с кем гуляет и чья намечается свадьба нынешней осенью после сабантуя.

Гарри вслушивался в этот разнобой, в немыслимую тарабарщину из русских, украинских, немецких слов, в двусмысленные шутки и фривольные намеки молодых, отчего тетя Гульда приходила в смущение и усерднее потчевала племянника, предлагая ему то свежей сметанки, то сливки, то густую, хоть ножом режь, «варона-мильх».

Потом гости решили спеть. Трижды дружно и слаженно спели «Катюшу», потом «Дан приказ ему на Запад», «Ой, ты, Галю», «Дивлюсь я на небо», «Распрягайте, хлопцы, кони», «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля».

– Это же все старое! Давайте что-нибудь современное.

– «Ландыши, ландыши!» – сходу загорланил кто-то, но его никто не поддержал.

Другой тут же завел: «Ах, Самара-городок».

– Неспокойная я! – грянул нестройный хор.

Кое-как довели до конца первый куплет.

– Неспокойна-а-ая я,
Успокой ты меня.

Зельма и Альма объявили:

– Я встретил девушку...

Подхватили все:

– Полумесяцем бровь.
На щечках – родинка,
А в глазах – любовь...

Парни дурашливо застонали, закатили глаза:

– Ах, эта девушка
Меня с ума свела!

– Киндер, киндер,– оживилась вдруг тетя Гульда.– Споем ein deutsches Lied. И вывела чисто, высоко:

– Müde kehrt ein Wandersmann zurück...

Все затихли, задумчиво и грустно замотали головами, и тетя Гульда пропела первый куплет старинной песни одна. Слов немецкой песни никто не знал.

– А я вам спою частушку,– заявил крепыш с обветренным до черноты лицом и облупленным носом.

– Валяй, Виктор!

– Du bist net schee, du bist net schee,
Du hast kaa rote Backe meh!
Rote Backe, weiße Zäh,
Schwarze Aage – das ist schee!

– Guck mol dou! – воскликнул кто-то. – Что он знает! Гарно!

– Надо же!

Виктор густо покраснел от хвальбы. Потёр облупленный нос. Озорно подхватила частушку Альма:

– Wenn ich über die Straße geh,
tue mei Dufle krache,
Wenn ich scheene Buwe seh,
muss ich immer lache!

– Доннер ветер, сакрмент! Во дает!

Долговязый пастух Костя вдруг пустился в пляс. Жилы на его красной шее мгновенно вздулись.

– Klein und dick
Hat Geschick!
Lang und dinn
Ist der Teufel drin!

– Hopsa, hopsa, hopsa-sa!– загалдели за столом и при этом косились на Гарри, дескать, видишь, какие мы.

Часа через два трехлитровую банку осушили, с яствами на столе тоже разделались. Тетя Гульда начала потихоньку убирать посуду.

Гости деловито собрались домой. Подчеркнуто чинно пожали Гарри руку. Костя и Виктор, осмелев, по-свойски похлопали его по спине. У кузин вспыхнули глаза, порозовели щеки. И Гарри догадался: эти двое наверняка положили глаз на кузин и, судя по всему, свадьба была не за горами.

– Завтра с утра пахать.

– Ordnung ist Ordnung!

– Без нас колхоз не обойдется.

– ja- ja... Работа на первом месте.

– Ну, а девушки?

– А девушки потом.

Все дружно высыпали из хаты, растворились в сумерках, а Гарри решил перед сном прогуляться.

Летом в Северном Казахстане ночь наступает нескоро. Сумерки длятся до часа ночи, а в четыре утра уже занимается заря. Детвора ложится поздно, играет, резвится, шалит возле домов, перекликается, оглушает округу ором и разбойничьим свистом.

Мимо Гарри пронеслась-прошмыгнула стайка огольцов.

– Что делаете? – спросил он у шалуна, прижавшемуся к огородному плетню.

– Тс-с...– заговорщически просипел он.– В прятки играем.

Вскоре сорванцы сбились в кучу. Кто-то завел считалку. Гарри прислушался:

– Ix, ax, u
'raus bist du.
Ene, bene, mu.
'raus bist du.
Ene, bene, daus,
und du bist 'raus!

Считалку на немецком языке Гарри слышал впервые. Да и где ему было слышать – в Энгельсе на Волге или в ауле возле Есиля?

Заводилой оказался бойкий малец по имени Алешка.

– Слушай, Леша-Алексей, ты кто по национальности?

– Я?

– Ты.

– Ну... я это самое... хохол... украинец.

– А считалка на каком языке?

– Ну, на русском,– чуть замешкался вихрастый озорник.

– Не на немецком?

– Н-нет,– засомневался пацан, отбиваясь от мошкары. – У нас все так считают.

– Ладно. Продолжай,– усмехнулся Гарри.

Все перемешалось. Он вспомнил, как его трехлетняя сестренка Роза кричала подружке-соседке: «Эй, Ботагоз, әкел анау кацты сюда». Ботагоз озадаченно переспросила: «Кац? Кацын немене?» Роза показала на кошку. Ботагоз догадалась: «Оу? Ол кац емес, мысык кой!»

Нечто такое пришлось услышать и в немецко-украинском степном селе.

На другой день, уже в одиннадцатом часу вечера, Гарри дождался-таки Антона. Герой труда, все такой же моложавый, чубатый, по-юношески стройный, подтянутый, примчался на мотоцикле с коляской из МТС весь пропыленный и измазюканный соляркой и машинным маслом. Порывисто обнял Гарри, потряс за плечи, потискал, обдал лучами черных глаз. От всего его облика исходили бодрость, порыв, неуемная жажда деятельности.

– Как я рад, как я рад! – восклицал он. – Поздравляю с дипломом!

– А я тебя с Золотой Звездой!

И опять обнялись, счастливые встречей.

Антон завел мотоцикл во двор, передал жене сверток, принял из ее рук полотенце, мыло, вехотку.

– Сейчас, сейчас,– бросил он Гарри.– Я мигом. Поговори пока с Ольгой.

И легкой походкой, вприпрыжку, отправился в заблаговременно истопленную баньку за домом.

– Может, вместе искупаемся?– обернулся на ходу.

– Нет, спасибо. Я принял душ.

Горница-майштубе сияла чистотой. И диван, и стулья были накрыты накрахмаленными чехлами, на окнах колыхались легкие, прозрачные шторы, на этажерке в углу стоял громоздкий радиоприемник «Родина», над диваном в тяжелых рамах висели

портреты родителей Антона, со стенки напротив улыбались на увеличенной фотографии счастливые молодожены лет десять назад. Ольга, ныне мать троих детей, заметно округлилась, погрузнела и выглядела солидной фрау рядом с поджарым, по-юношески легким, живоглазым супругом. Ольга накрыла стол. Вышитая плотная скатерть притягивала взор.

– Хорошо, уютно,– заметил Гарри.

– Стараюсь,– отозвалась из кухни Ольга.– Все ради Антона. Он ведь у меня знаменитость.

– Откуда обстановка?

– Так вот, как Героем стал, так и навез из района, из области. Кое-какую мелочь привез из Москвы.

– Дома он, наверное, и не бывает?

– Ой, мало! На поле все пропадает, в МТС. Бывает, и дома не ночует.

– А где?

– На стане. В страду и вовсе в кабине комбайна спит. Или на току.

– Что-то детей не вижу.

– Ваня и Антоша в пионерском лагере, а Маля где-то играет.

– Маля младшая?

– Шестой год.

– Пора и о прибавлении думать.

– Что ты, Гарри!– зарделась Ольга.– Антон сказал: хватит. Надо этих до ума довести.

– А у Ивана сколько?

– Шестеро! Каждый год почти по ребенку клепают.

– Решил, наверное, отцом-героем стать?

Ольга улыбнулась.

Вернулся из бани Антон: загорелый, распаренный, посвежевший, причесанный, в белой сорочке, спортивных брючках, в кожаных шлепанцах.

Уселся за стол. Ольга выставила две бутылки сухого молдавского вина.

– О! – воскликнул Гарри, опасавшийся, что и Антон начнет потчевать бражкой или – не дай Бог – самогоном.

По началу разговор по душам никак не налаживался. Шел скрипом, будто раздрызганная телега по ухабам-буеракам. Гарри не терпелось узнать о московских впечатлениях Антона, о его встречах и беседах со значительными людьми, о том, какие идут разговоры в высоких сферах о немецких проблемах. От Ивана Гарри знал, что Антон посетил редакцию центральной немецкой газеты «Нойес Лебен», что вольно беседовал с некоторыми «Zeitungsfritzen» и даже с легендарным Климентом Ефремовичем при торжественном вручении Золотой Звезды обменялся несколькими фразами. Но Антон что-то все замыкался, показал звезду Героя, Орден Ленина, медаль ВДНХ, диплом по рационализаторскому предложению на комбайновом заводе, вырезки из газет, где расписывались его трудовые подвиги на казахстанской целине. Потом долго наигрывал на баяне, прихлебывая время от времени вина из фужера, позвал любимицу-дочку, уговорил Малюшку, как он ее называл, прочесть стишок на «настоящем» немецком языке. Девчушка, нарядная, как куколка, встала на табурет и бойко продекламировала:

Schwälbchen, Schwälbchen,
Was ist passiert?
Das Mädchen Lieschen
Hat in Wald sich verirrt!
Kommen zu Hilfe
die lieben Vögelein all
die Elster,
die Lerchen,
die Stare
Und auch die Nachtigall.

– Все! – торжественно объявила Малюшка, лукаво стрельнув глазищами на гостя.

– Wunderbar! – захлопал в ладоши Гарри.

Ольга сияла. Антон проиграл на басах торжественный туш.

– Учится у Эльвиры Карловны. Живет у нас такая знатная старушка. Еще на Волге учительствовала. Мазер. Уговорил я ее, чтобы учила детишек-дошколят правильному немецкому языку. Представь себе, не хотят учиться. Собрал родителей, поговорил. Ну, как же так?! Сами говорим плохо. Или вообще не говорим. Пусть хоть дети выучатся нормальному немецкому языку. Зачем? – говорят. Все равно им ходу нет. А коров доить, свиней кормить, землю пахать можно и на русском языке. Вот, попробуй, поговори. Беда. Сами неучи. И дети неучами растут. Как сорная трава.

Через час Ольга малость прибрала на столе и отправилась спать.

– Гарри, тебе на диване постелю.

– Что ты, Ольга! Я ведь не собираюсь здесь ночевать. Тетя Гульда обидится.

Лишь после ухода Ольги Антон отставил баян, придвинулся к Гарри.

– Знаешь, признаюсь честно... Все думают, Герой, знатный механизатор, маяк... хорошо живет, все есть, даже завидуют. А на душе у меня кошки скребут. В голове сумбур. Все, что вижу вокруг, – не радует. Представляешь? Что-то не то. Как-то не так. Работают все ни шатко, ни валко. Soso-lala. Немцы наши мечтают лишь об одном – о тихой заводи. Все норовят отсиживаться в стороне, пока дяди добрые наверху что-то за них решат. Нет веры. Нет стремления. Живут на обочине и ладно. Разве так можно?

– Скверно. Ты прав.

– Учиться не хотят. Довольствуются малым.

– Отучили за долгие годы.

– Нельзя же жить вечными обидами. Не хлебом единым.

– В библии сказано: «Der Mensch lebt nicht vom Brot allein, sondern auch vom Worte Gottes»

– Вот как! Ты и это знаешь?

– Вычитал и запомнил.

– Насчет «Brot» – верно, а насчет Worte Gottes – не знаю. Но баптистов, замечаю, везде стало много среди наших немцев. Но выход ли это? Ну, соберутся, молятся, духовные песни поют. А смысл-то?

– Эрзац духовной жизни.

– Вот именно эрзац. Самообман. Самоутешение. Этим народ не спасешь.

– А что нужно, по-твоему?

– Возродиться. Вернуться к тому, что было, что незаконно отняли. Восстановить автономию. Вернули же все чеченцам, ингушам, калмыкам. Вот что надо! Иначе через двадцать-тридцать лет никого уже не соберешь. Рабами были, рабами останемся. Комендатуры нет, а наказание осталось. Так нельзя!

Помолчали, выйдя невзначай на запретную тропу.

Настенные часы пробили полночь. За окном сгустился мрак. В горнице стало душно. Антон все более оживлялся. Чувствовалось: он был рад выговориться.

– Знаешь, вручая мне Звезду и Орден, Ворошилов спросил: «Сколько хлеба пшенице намолотил?» Я сказал. Климент Ефремович поразился. «А сколько хлеба заработал для себя?» Я сказал. «Ого! – воскликнул он и вовсе пораженный.– И что с ним будете делать?». «Половину продам государству. Половину на прокорм». «Столько!»– продолжал он удивляться. «Ну, семья,– говорю. – Дети. Скотина. Птица...» «А ведь в России, на Черноземье, таких заработков нет»,– говорит. А на банкете я набрался храбрости и опять подошел к нему. «Что?– говорит,– богатей целинный, Герой-богатырь, есть вопрос?» «Есть, Климент Ефремович,– говорю – Когда власть вернет советским немцам автономию?» «Какую автономию?» «Ту, которая была. Которую Ленин дал, а Сталин отнял».

Он не ответил, нахмурился. Седой ус дрогнул. Потом сказал: «А кто на целине хлеб будет выращивать?» И отошел, с каким-то послом заговорил.

– Выходит, не ты один этот вопрос задал?

– И я так подумал. И решить его не хотят.

– Прискорбно.

– Ну, зашел в редакцию «Нойес Лебен». Представился. Приняли хорошо. «О! Герой! Один из первых среди российских немцев». Главный редактор, дебелый, рыжеватый, с выпученными глазами. Картавя, заговорил по-немецки, на хох-дойч. А я что? Через минуту перешел на русский. На большего меня не хватило. Наш поволжский выговор звучит здесь странно, чуждо. Да они его и не понимают. Пригласил редактор человек семь-восемь сотрудников. Кофе угостил. По именам-отчествам сообразил, что среди них и немцев-то нет. Сплошь еврейской и русской национальности. Пшеницын, Гуревич, Егоршев, Брайнин. Спрашивают: «Вы читаете нашу газету?» «Читаю... нерегулярно, правда» «В селе вашем советских немцев много?» «Больше половины села». «Ну, и как наша газета?» «Если честно, не очень», – говорю. «Что так?!» – поразились все и переглянулись. «Газета ваша, – говорю, – не соответствует названию. Leben в ней нет. А neues и подавно». Криво усмехнулись. Только одна дама, круглолицая, простая, вспыхнула и ободряюще посмотрела на меня. Я сразу смекнул: вот она, скорее всего, немка. Носатый, очкастый, кудрявый Гурвич бровищами задергал, губу отквасил. «Вам, видно, многое недоступно?» – цедит с презрением. Смотрю: от спеси и важности вот-вот лопнет. «Верно,– отвечаю.– Недоступно. Я ведь малограмотный. Но соображаю: газета, конечно, на немецком языке...» «А надо?!» – вскинулся сразу Гурвич и даже очки с носа сбросил. «Надо,– спокойно возражаю,– чтобы она была не просто на немецком языке, но для немцев». Наступила пауза. Все опять

переглянулись. А та, круглолицая, вся сияет. «Может, вы и правы,- промямлил толстый, рыжий редактор. – Надо подумать. Если у вас есть время, может, поприсутствуете на нашей летучке. Нас послушаете, может, и нам что-нибудь посоветуете». «С удовольствием. Мне любопытно». «Тогда ждем вас через полчаса».

Тут в углу рыхлый толстяк в нарукавниках, как колхозный бухгалтер, подал реплику: «Wozu bin ich ja nur Professor? Der Ferdinand verdient viel besser». Все рассмеялись, а я не понял. Мне почудилось намек: дескать, я профессор, а этот дурак Фердинанд зарабатывает значительно больше.

– А, может, какая-нибудь цитата?

– Не знаю. Но мне показалось, все надо мной смеются. Так чванливо, высокомерно.

– Попал, значит, Антон, не в свою среду.

– Не говори! Конечно, мне сподручнее на МТС, чем в московской редакции. Круглолицая дама пригласила меня в свой кабинет, представилась: Мария Фогель. «Немка?» – спрашиваю. «Да. С Волги. Из Энгельса». Ну, и разговор наш пошел, как по маслу. Начала расспрашивать меня, записывать. Потом зашел долговязый, пожилой фотограф с русской фамилией и общелкал меня со всех сторон. «Прочтете про себя в следующем номере», – говорит круглолицая. Мне она понравилась. Потом узнала, что муж ее известный еще на Волге до войны журналист-еврей.

– Не Шпитке?

– Не запомнил. Сказала: сын – начинающий композитор.

– Альфред?

– Имени не назвала... Ну, значит, повели меня на летучку. Говорили по-русски и по-немецки вперемешку. Обсуждали предстоящий номер. Долго и скучно. И я чувствую: все, что они в редакции говорили, меня не трогает, не волнует. Потом взял слово рыхлый толстяк в черных нарукавниках. Видно, он был весельчак и

балагур. Все что-то шутил, ерничал, и все смеялись-хохотали. Он читал стишки поэтов из Алтая, Красноярска, Новосибирска, Талгара, высмеивал их, потом смешно зачитывал фразы из шванков. Гурвич высокомерно у меня спрашивает: «Это вам понятно?». «Понятно». «Вам такое нравится?» «Нравится». «А вот это я предлагаю в номер»,– говорит вдруг рыхлый толстяк. И начинает читать.

Антон порывисто встал, порылся в папке на этажерке, извлек лист, исписанный крупным, корявым почерком – смесь кириллицы с латиницей.

– Нашел. Переписал тогда.

Meine Muse
Sind alle Menschen,
Sowjetdeutsche,
die deutsch sprechen
und Deutsche sind
und bleiben wollen.

Антон прочел эти строки с хрипотцой от волнения и произносил: «Советдайче, дайч» на манер поволжского просторечия.

– Хорошо. Трогательно. Кто автор?

– Преподаватель из Новосибирского пединститута Виктор Клейн. Слушай дальше. Главный редактор говорит: «Не пойдет. Декларативно. Односторонне. С душком муза-то...» Все согласно закивали. Борис Львович – так, оказывается, звали балагура-толстяка – читает еще один стишок. Вот. Я тоже переписал:

Kein Wort konnte ich Russisch,
als ich nach Sibirien kam.
Jetzt kann ich kaum Deutsch,
Man hört mich nicht an...

«Чушь! – замотал ручками Гурвич.– Примитив. Не пойдет!» «Вот еще»,– продолжает Борис Львович. Кстати, потом я узнал, что он австрийский еврей, преподавал в немецком педвузе в Энгельсе, анти-

фашист, сидел у нас в лагерях, пишет под разными именами – Зепп Эстерхайхер, Клара Петерс, а сам Брайнин. Вообще-то интересный человек и советских немцев знает и понимает. – Послушайте»

Von der Wolga sind wir vertrieben,
Zum Trudarmee kamen wir hin
Ich weiß da nicht, wem ich soll danken,
dass ich noch am Leben bin.

«Господи!– воскликнул тут, весь побагровев от возмущения Гурвич.– Вы с ума сошли, Борис Львович!» «Да вроде нет,– пошутил Брайнин.– Вроде пока в здравом уме, Лев Борисович». Но Гурвич шутки не понимал. «Это же ужасно! Какая Волга, какая трудармия, что за жалобы?! Не забывайте, что наша газета при издательстве «Правда». Помните!»

Все смущенно поникли. Мне показалось, что сам шеф Пшеницын побаивается своего заместителя – неистового Гурвича. Такое бывает.

Брайнин вздохнул, отложил лист, извлек из папки еще помятый, вырванный из школьной тетради листочек. Вот некая Катерина пишет:

– Der Weg war schwer, der Weg war lang,
Er ging durch Blut, durch Wald und Sand,
Er war bestreut mit deutschen Knochen,
Wer nicht viel, der ist gekrochen.

«Ну, знаете. Вы издеваетесь сегодня над нами!– завелся вновь Гурвич. – Что, только у немцев был тяжек путь? Только немецкими косточками была усеяна дорога через леса и пустыни?! Черт знает что! Мы же не можем давать всякую чушь! Завтра же нас вызовут в ЦК и начнут снимать стружку». «Так, что же делать?» – смиренно спросил Борис Брайнин. «Бросьте всю эту муру в корзину и давайте в номер Маяковского, Брехта, Бехера». «Может, Гете, Шиллера?»– съязвил толстяк. «И их можно. Пусть немцы знают своих классиков!» – отрезал Гурвич. Я попросил слово. «Извините,– говорю.– Я человек маленький, малограмотный.

Колхозник. На земле живу. И те стихи, что сейчас зачитал товарищ Брайнин, меня волнуют. Знаю, они ложатся на сердце советских немцев. Ну, сколько можно писать о доярке Амалии, о трактористе Михеле и их трудовых подвигах. Если в телятницу Матильду влюбился чабан Сеит-Ахмет это, по-вашему, и есть интернациональная дружба? Надоело все это! Пишите о том, что думает народ». И опять молчок. Будто я здесь единственный дурачок. Только Мария Фогель молча потиснула мне руку. «Хорошо,– говорит шеф-редактор. – Мы ваше мнение учтем, вертер геноссе Энгель. Спасибо за участие в нашей летучке». Гуревич вскочил и удалился, даже не взглянув в мою сторону.

– Ушел я из редакции с тяжелым сердцем,– закончил свой рассказ Антон.

Гарри задумался. Наверное, Антон прав. «Нойес Лебен» стала выходить недавно, вид у газетки жалкий, формат маленький, направление не определено. Газета для политической галочки, для отвода глаз. В редакцию набрали случайных людей, владеющих современным немецким языком, но совершенно не имеющих представление о российских немцах, об их истории, культуре, быте, трагической судьбе. Немцы это почувствовали сразу, а потому отнеслись к этому изданию равнодушно, даже подозрительно, как к нечто казенному, чуждому. Гарри увидел подшивку «NL» у отца за год-два. Его заинтересовала лит-страничка. Она была невзрачной, беззубой, куцей. Читая крохотные рассказики и беспомощные вирши, читатель наверняка испытывал неудовлетворение, даже стыд. Неужели советские немцы докатились до такого уровня? Или господа из столичной газеты полагают, что для них и такой уровень сойдет? Или такова политическая линия – оглупливать народ?

Настенные часы в «майштубе» пробили четыре утра. Петухи по всему селу затеяли первую утреннюю перекличку.

– Ну, что, дружище, пора вздремнуть. Есть о чем еще поговорить, да утром надо на работу. В шесть тридцать я заеду за тобой. Будешь готов?

– Всегда готов!– отозвался Гарри.

Над селом дул прохладный ветерок. Тишина стояла оглушительная. Было слышно, как тяжело вздыхали коровы, дремавшие возле домов, как перхали овцы в загоне. Петухи враз угомонились. На небе гасли звезды. На востоке алой полоской назревал рассвет.

– Хорошо!– сказал Гарри.– Рай!

– Хорошо-то хорошо,– откликнулся, зевая, Антон. – Да ничего хорошего. Перспектив здесь нет. Монотонно, однообразно. Как исстари заведено. Работа и быт. И больше ничего. Уеду! Все равно уеду!

– Куда?

– В Россию. Ближе к городу. О детях думать надо. Вот сдам экстерном экзамены за семь классов, поступлю заочно в сельхозтехникум – в Омске или Кургане. Хочу – понимаешь?– работать на тракторном заводе. Инженером-механиком. Слажу?

– Сладишь, Антон! Ты все сможешь.

– Может, Золотая Звездочка выведет меня в большую жизнь?

– Выведет!

Тетя Гульда рукодельничала на кухне. В цветастом халатике, в старомодном чепчике.

– Что не спишь?

– Тебя жду. Вон молоко вечерней дойки тебя ждет. С медком. Для сна полезно.

– Какой сон? Через два часа Антон за мной заедет.

– Уже уезжаешь?

– Хватит! Мне же скоро надо отправиться на место работы.

– Куда?

– На юг. В Джамбульскую область. В Сарысуйский район. Село Байкадам.

– А у нас что, работы нет? Остался бы с родителями, женился бы... Живи. Что еще надо?

– Еду туда, куда направляют.

– И останешься всю жизнь в этом... Байкадаме?

– Не думаю. Как говорится, война план покажет.

– Ну, ложись. Я постелила тебе в горнице.

– Спасибо. Но я пока запишу нашу с Антоном беседу, уже ехать надо.

– В Марьевку?

– Сначала в Крещенку. Оттуда с попутной до парома. А там – как повезет.

– А зачем записывать ваш разговор?

– Для памяти. Может пригодиться когда-нибудь.

С третьими петухами примчался на мотоцикле Антон. Стремительный. Деловой. Выбритый. В темно-коричневом комбинезоне со множеством карманов и заклепок.

– Спал?

– Нет. Писал. Думал.

– Думать вредно. Начнешь думать – свихнешься. Может, наши немцы тем и спасаются, что не думают, а вкалывают с утра до вечера, как волы?

Растрепанная, готовая вот-вот расплакаться, тетя Гульда заполошенно вертелась вокруг, совала племяннику узелок.

– Что это?

– Завтрак на дорогу.

– Так много?

– Ну, пока еще доберешься до аула... День длинный. Спутников угостишь.

Гарри обнял, расцеловал тетушку, сам растрогался. Мотоцикл нетерпеливо урчал-стрекотал. Антон откинул полог коляски.

– Садись поудобней. Укройся пологом. Шлем надень. Домчу с ветерком.

Выехали из села, выбрались на грейдер, понеслись. Через полчаса на бешеной скорости въехали в

машинный двор МТС. Тут уже толпилось, шарахалось мужичье. Все обветренные, деловитые, пропахшие бензином и мазутом, одетые кто во что горазд, промасленные, прокуренные, сиплые, с матюками на устах. Антон представил всем Гарри.

– Мой друг. Братишка. Институт окончил. В Алма-Ате.

– О! Карл. Только не Маркс.

– А я Маркс. Только не Карл.

Дружно рассмеялись.

– Фридрих. Только не Энгельс. Просто Франц. Или Федор.

– Рудольф. Роман.

Подошли и другие. Протягивали руки.

– Геннадий. Вообще-то Гейнц.

– Василий. Точнее: Вильгельм.

– Андрей-Хайнрих.

– Василий.

– Тоже немец?

– Ja, ja doch!

– А почему Василий?

– А-а...– чумазый верзила махнул рукой.– Перекрестили.

– Семьдесят процентов работников МТС – немцы,– пояснил Антон.

«А кто на целине работать будет?»– вспомнилась Гарри фраза Ворошилова, сказанная им Антону на правительственном банкете в Кремле.

Работа на МТС кипела с утра. И Гарри почувствовал себя праздношатающимся среди деловых людей. И Антон с головой ринулся в свои повседневные заботы. На авторемонтном грузовике, ехавшем в район за запчастями, Гарри еще до обеда добрался до моста, и тут ему необыкновенно повезло: дурашливый Океш, с которым когда-то учился в начальных классах, благополучно сдав на базе колхозное молоко и сметану, собирался возвращаться в аул.

– Ау, Кари, поехали со мной! Будешь меня всю дорогу рассказами развлекать.

Океш, кое-как одолевший шесть классов за одиннадцать лет учебы, рано женился и работал на молочной ферме – то пастухом, то развозчиком, то помощником доярок. У него, поговаривали, были не все дома, но малым он был расторопным, услужливым, любил сальные шутки, фривольные байки, и все его помыслы крутились-вертелись вокруг баб. Аульные игривые хатуны к этой его слабости привыкли, сами давали повод Окешу для подобных разговоров, подначивали увальня-дурачка, распаляли и шушукались по поводу его внушительных мужских достоинств. Особенно любил Океш наблюдать за колхозным производителем-жеребцом, покрывавшим кобылиц. От этого зрелища Океш терял рассудок, приходил в неописуемый восторг и звал доярок любоваться буйной страстью мощного жеребца.

– Смотрите! Смотрите! Во дает! Ух...х! Какой напор, а?! Какая мощь, а?!

Доярки ухмылялись.

Отъехали от моста. Слева темнел тугай. Справа тянулись задумчивые перелески. С Ишима веяло влагой и свежестью. С верховий – пылью и созревающей пшеницей. Телега катилась по наезженной дороге. Колхозный одр поцокивал копытами. Телега поскрипывала, пустые фляги погромыхивали. Благодать! Гарри прилег на старой кошме, свернулся калачиком, все чаще задремывал. Океш дурным голосом напевал срамные песни. Но ему хотелось поговорить.

– Кари, признайся, ты немочку какую-нибудь...

– Что-о?

– Немочку, говорю, это самое...

– А-а... Нет, Океш...

– Что так?

Через некоторое время, посквернословив в свое удовольствие на вольном просторе, Океш опять заладил свой любимый аляуляй.

– А русскую?

– Что-о?

– Русскую марджу, говорю, это самое...

– Нет, Океш.

– Ну, как так? Чем в городе занимался?!

Через пару перевалов Океш снова мучительно наморщил лоб.

– А, говорят, у немок не так, как у казашек.

– Что не так?

– Ну... эта самая...

– Кто сказал?

– Есеке. Он в Германии был. У них, говорит, по-другому.

– Ну, Есеке виднее. Он скажет...

Океш задумался. Спел-промурлыкал аульную похабщину.

– Слушай, Кари... А у кореянок, говорят, как-то по-другому.

– Как это? – поразился Гарри.

– Да, вот так! Поперек, что ли? Никак не соображу, как это...

Ни о чем больше Океш говорить не мог. Так и доехали через три часа в аул.

...Своей поездкой в Куприяновку и Крещенку Гарри остался доволен.

IV. РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕ ПО ТЕМЕ

Почти две недели промаялся в больнице. Хоть и глубокоочаговый инфаркт, но пора и честь знать. Это раньше, помнится, с инфарктом кантовались по сорок дней, а потом еще на реабилитацию отправляли в санаторий. Ныне методика лечения

шая. Лечат интенсивно, а через 10-12 дней выпроваживают домой, выписав два десятка дорогих лекарств, на которых, как правило, одной месячной пенсии не хватает. Это у нас, а на Западе, сказывают, и вообще чик-чирик и готово. Долго не церемонятся. Чуть что – шунтируют и баста.

Ноябрь в Алматы капризен. То хлопьями повалит снег, то он переходит в мелкий колючий дождь, то выныривает из облаков солнце, радуя обитателей кардиологии.

Я больной послушный. Безропотно принимаю все врачебные назначения, и сестер лишний раз не тревожу. Спокойно лежу под капельницей, горстями глотаю пилюли, без возражений и сомнений сдаю анализы.

– Вас лечить приятно,– говорит милейшая Мария Владимировна. – Ни претензий, ни капризов.

– Мятый с детства. Вот и покладистый.

– Не похоже.

– Что вы! Поражаюсь, как вообще живу. Чем только не болел! ТБС костей, резекция тазобедренного сустава, многочисленные «иты», которые и запомнить не в состоянии, гипертонические кризы, пневмонии, инфаркты, инсульт, гипсовые повязки, на костылях окончил школу, институт, ломал ногу, познал болезни, которые ныне не существуют. Разве что СПИДа не было. Бог миловал. Как тут не быть покладистым?

И в самом деле, оказывался не раз на грани. И каждый раз каким-то образом выкарабкиваюсь. И потому давным-давно уверовал, что я для чего-то создан, что некая чудодейственная сила благоволит ко мне, оберегая меня... я стал фаталистом и как-то самому себе внушил, что меня ведет по жизни некое предназначение, судьба, что ли, фатум, рок. Блажь, наверное. Самовнушение. Утешение. И все же, все же... Кто-то или что-то меня опекает. С некоторых пор придерживаюсь библейской формулы: что должно

быть, то и будет, а что будет, то уже было. Мне легко сознавать эту немудреную истину. Она облегчает жизнь. Снимает с тебя непосильное бремя бытия. Говорят: человек – кузнец своего счастья. Сам творит свою судьбу. Сам вырабатывает свой характер, свое кредо, свою манеру поведения в жизни. И я так полагал. Теперь же считаю, что далеко не все зависит от воли самого человека. Если некая таинственная сила, то, что казахи называют «құдырет», изначально не благоволит к тебе, то ты хоть расшибись, все пойдет у тебя сикось-накось, все сложится наперекосяк, ибо шелудивый пес твоей судьбы вдруг сорвался с цепи и понесся, куда глаза глядят. При этом я сложился как атеист, таким остаюсь и поныне, правда, не твердолобый, не воинствующий, как большевик, а относящийся к религии с уважением, как к проявлению человеческого духа, как к стремлению к бессмертию души, как к форме культуры, наконец. Вообще жизнь – вечная загадка, недоступная слабому человеческому разуму, а смерть и вовсе тайна, которую постичь невозможно. И бедный человек с рождения пурхается, барахтается, суетится, колотится, бьется, надрывает душу и сердце между двумя этими отрезками – жизнью и смертью. И как писал один поэт, «все надо, все надо, все надо и вдруг ничего не надо»...

Мария Владимировна терпеливо слушает мои размягченные рассуждения, мысли под капельницей; прислушивается, замечаю, и мой новый сосед по палате, изрядно побитый жизнью мужичок, инженер-технолог пищевой промышленности, бывший работник ЦК, перенесший уже четыре инфаркта. Молодая врач, которую и называть-то хочется нежно «Машенька», понятно, далека от этих философствований, но в который раз выражает свое удивление.

– В принципе такие люди, как вы, не должны знать инфаркта. Спокойная, размеренная жизнь, тихая

работа, сами себе хозяин, никаких особых хлопот-забот, все размеренно, начальства нет, за трамваем вдогонку бежать не надо. Стрессов нет. С какой стати инфаркт?

С ее колокольни она, молодая, права. Но что она знает о моей жизни? Ведь в ней были не только физические недуги, но и моральные, социальные потрясения, неведомые постороннему глазу. По сути с ранних детских лет, со времени, считай, депортации легли-запали глубокие зарубки на хрупкое сердце. И все эти нелады, неурядицы, несправедливости, ущемления, боль, робкие надежды и пустые хлопоты слоями накопились, слежались, спрессовались годами в душе, в ее потаенных уголках. Всю жизнь, надрываясь, тащишь на себе свою нескладную судьбу – непосильный груз ящика Пандоры, крышку которого ты не осмеливался даже приоткрыть, не то, что посвящать в его содержание посторонний люд. О ящике Пандоры, с которым ты чикиляешь по свету, не ведают ни жена, ни дочь, ни внук, ни друзья. Они и не догадываются об этом ящике, битком набитом разными бедами – физическими, моральными, социальными, политическими.

Кому повемь печаль свою? Кому до нее есть дело? Так и сидишь на обочине дороги, прислонившись к ящику Пандоры, лицезрея бесконечный караван бытия, проплывающий мимо и исчезающий в тумане неизвестности.

Читаю до одури, до темноты в глазах, что-то записываю в блокноте, благо врачи не возражают.

– Хорошая у вас профессия,– замечает сосед.

– О, да!– соглашаюсь.– Не бей лежачего.

– И гонорары рекой текут.

– О, да!– усмехаюсь.

Разве объяснишь неискушенному, что̀ значит заниматься литературой? И вообще, что такое литература? Литература – это то, чем болит душа, чем болит

общество, это тот самый коржун людских бед, который литератор добровольно взвалил себе на плечи. Это клубок неразрешимых проблем. Это сплошные несчастья, которые ты тщетно пытаешься развеять, развести руками. Это опять-таки напрасные потуги разбудить человека в человеке, разбудить его ум и сердце, сделать его благородным, сердобольным. Разве объяснишь, что такое душа, мечта, любовь, жизнь, небесный свет? Все это и есть литература. А не забава, блажь, времяпрепровождение...

– Хорошо устроились,– настаивает сосед.– И слава, и деньги, и свобода, почет. И знакомых уйма.

– О да! – не возражаю я.

Я давно смирился с тем, что̀ о профессии литератора в народе бытует превратное представление. Даже мои родители относились долгое время к моим литературным занятиям, как к странному хобби. Отец недоумевал, чего я все, приезжая в аул или в Ташкент, где родители жили по тридцать лет после депортации, уединяюсь, строчу и строчу, извожу бумагу и чернила в то время, как я, дипломированный преподаватель русского языка и литературы, вроде должен бы преподавать в школе или – после окончания аспирантуры – в институте. Это было бы понятно и достойно. А тут кого-то переводит, переводит, будто у кого-то малаем служит, чьи-то слова перетаскивает с языка на язык и при этом фамилию его ставят мелким шрифтом в самом конце, а то и вовсе не ставят. Разве не унизительно? Мама в общем-то не возражала против моего бумагомарания, считая, что, видно, так нужно, раз сын проявляет такое усердие, но в душе все же предпочитала, чтобы я работал учителем, как сноха, имея постоянное место работы и твердый заработок. Что такое творческая, свободная профессия – мама понимала плохо. А вовсе поразили меня мои двоюродные братья – Хайнрих и Вильгельм, к которым я приезжал как-то в начале 80-ых прошлого века в Сары-

Агач. Многочисленная родня (ныне их потомки все в Германии) встретили меня радушно. Пир закатили горой, пили домашнее вино под виноградником, хвастались своим устроенным бытом, достатком, горланили песни, юморили на немецкий лад, а когда я встал из-за стола и, схватив толстенный казахский роман, папку с бумагой, отправился в уединенную лачужку в углу сада, заявив, что пошел работать, сидевшая за столом моя немецкая родня разинула от удивления рты.

– Как работать? Где работать?

Я тщетно пытался изумленным братьям объяснить, что моя работа – писать.

– Как это? Писать – разве работа?!– пришли они в искреннее недоумение.

– Ха-ха-ха! Писать – работа?!

– Может, и читать – работа?!

Вся родня беззлобно потешалась надо мной.

Теперь пришел в недоумение я. Оказывается, мои соплеменники убежденно считали, что работать можно на тракторе, на комбайне, на свиноферме, в саду и в огороде, за что деньги платят, но – извольте! – ручкой по бумаге водить, какая же это работа. Это забава, блажь, занятие от безделья! Разубеждать родню в этом я не стал.

Однажды Христьян, понаблюдав, как я перевожу пухлый казахский роман на русский язык, сделал для себя открытие, о чем посчитал нужным всем пространно объяснить.

– Я понял, я понял его работу. Оказывается, у нашего Геры четкий, ясный почерк. Недаром четырнадцать лет учился. Пишет, будто бисер нанизывает. Понятно: на тракторе, комбайне работать не может. Нога покалечена. Вот он и переписывает казахские книги по-русски. Ведь почерк хороший. Вот и нашел себе занятие. Переписыванием книг и зарабатывает себе на хлеб.

И всем все стало ясно. Вот в чем дело-то! Он, выходит, своим четким почерком переписывает по-русски казахские книги. Он – малай казахов!

И родичи мои стали отныне на меня смотреть не с прежним уважением, а с состраданием, с жалостью. Бедный, бедный, чем он вынужден заниматься из-за больной ноги!

Попробуй переубедить моих упрямых сородичей. Да я и не пытался особенно.

Действительно, работенка не пыльная. Лежи себе в тихом уголочке и шкрябай пером с утра до вечера. Работа! Смешно... Потомки анхальтского хлебопашца Андреаса Бельгера, прибывшего на Волгу во времена Екатерины Великой, и в шестом, седьмом поколениях продолжали трудиться с усердием и прилежанием на земле и, конечно, им было невдомек, что существует и иной вид труда – умственный, который также почетен, как и всякий физический.

Но я это объяснить им пока не смог.

Где бы я ни был – хоть в реанимации – мигом обрастаю газетами, журналами, книгами. Я и дома-то читаю сразу несколько книг одновременно. Так продуктивнее. И еще меняю языки – тогда не устаешь. Я заметил: низка скорость при чтении немецкого текста. По-русски и по-казахски я могу иногда позволить себе чтение по диагонали. Глаз наметан. Легко выхватываю целые абзацы, а по-немецки читаю, произнося про себя каждое слово. Навыки не те. К тому же немецкое слово мне всегда кажется весомее, значительнее, объемистее. Если я читаю, скажем, Гёте, Гейне по-русски, мне непременно хочется прочесть их в оригинале, ибо в оригинале они мне ближе, роднее. Перевод – чаще всего тень, нечто вторичное. Вариант, версия. Я ведь сам переводчик, столько всякой всячины перетолмачил! И мне порой неловко от того, что, перекладывая слова с языка на язык, я волей-неволей хоть чуточку да искажаю все-таки оригинал.

И в том не всегда моя вина. Просто слова и понятия, выражения и сочетания никогда почти не покрывают друг друга на разных языках. С годами я это особенно чувствую, и потому сейчас почти ничего не перевожу: ибо неохота, неприлично, неловко заниматься нечто вторичным, довольствоваться отраженным светом. Перевод – конечно, вынужденная мера. Ничего другого человечество не изобрело. Уж очень часто человек прибегает к эрзацу. Что делать? Но весомо и дорого изначально только родное слово.

Вот и здесь, в больнице, получилось, что я прочел несколько книг – оригинальных и переводных – и как-то особенно почувствовал разницу словесного материала. Я давно ощутил, что русский писатель и русскоязычный – далеко не одно и то же. У русскоязычного писателя – а таких ныне много, много! – слово все же в значительной мере обескровленное, заемное, книжное, вторичное. Примеров – тьма. Вот, к примеру, сравни языковую стихию Пушкина и Кюхельбекера. Оба творили на русском языке. Оба жили в одно время. Питались одними соками. Мировидение, мироощущение близкое. Друзья. И, читая их, на чем себя ловишь? Пушкин – живой, современник, полнокровен. А Кюхельбекер – которого, кстати, я очень люблю, – старомоден, архаичен, древний славянин, речь его тяжеловесная, слог громоздкий, слова вычурные, слегка изнасилованные. Получается: Пушкин – русский поэт, Кюхельбекер – русскоязычный. И разница велика.

Вот в который раз перечитываю «Лад» Василия Белова. Гениальное творение! Такую книгу мог написать только русский писатель. Ни один русскоязычный еврей, казах, немец, кореец подобные вещи не создаст. Здесь «русский дух, здесь Русью пахнет». Каждое слово живое, полнокровное, одухотворенное. Оно не только слух ласкает, а дух поднимает, животворит. Ты чувствуешь его вес, вкус, звук. И сердце твое, если оно

не глухое, не обросло, как говорят казахи, шерстью, живо на него отзывается, впитывает благородство и созидательную силу русского слова. Нет, не в силах русскоязычный писатель так написать, будь он хоть трижды талантлив и о семи пядях во лбу.

Вот Чингиз Айтматов, прекрасный писатель, мыслитель, горизонт его видения широк, глобалист, творческий диапазон велик, личность общепланетарная, признанная во всем мире. Поразительно актуален, чуток, чувствует пульс современности. Обаятельный человек. Пишет по-русски. Но писатель он не русский. И это сразу бросается в глаза. О том свидетельствует и его последний роман «Когда падают горы». Зачин великолепный, параллели (снежный барс и человек) убедительные, мысли высокие, накал мощный, сюжет крут, но язык повествования нерусский, чужой, книжный, неприродный, искусственный, чахлый, все стили – художественный, публицистический, научный, интернациональный – смешаны-перемешаны, натужены, слова бледные, с нерусским налетом, некорневые, не от земли, заемные, наносные. Словом, типичный, русскоязычный писатель, каковых – повторяюсь – ныне пруд пруди. То же можно сказать о подавляющем большинстве русскоязычных казахах, немцах, евреях, корейцах, киргизах, азербайджанцах, чукчи и других. Да, они добротные писатели, пишут по-русски, но – однозначно – нерусские писатели, а нередко и не национальные. Какой-то гибрид, искусственный продукт. А кто же русские писатели? Могу назвать навскидку, если ограничиться нашим временем – Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин, А. Солженицын, Е. Носов, В. Лихоносов, Ю. Казаков, П. Краснов, В. Личутин... Что они подлинно русские писатели, узнаешь по первому же предложению.

Разумеется, и я из русскоязычного ряда. Пишу – главным образом – по-русски, но никак не русский писатель. И не казахский. И не немецкий. Какой-то казахско-русско-немецкий конгломерат. Сочинитель, который по воле судьбы издавна, с самого детства, вращается в сферах трехязычия, но ни один язык не идет от земли, ни один не бытует в крови. Я это чувствую, сознаю, и – собственно – ни на что не претендую. Я, возможно, в какой-то мере способен любить, почитать и при случае более-менее сносно сплетать дух трех языков, трех народов. Так распорядилась жизнь, так сложился мой тип. Я отношусь к распространенному племени русскоязычных литераторов.

Вкатила в палату медбике Сауле свою тележку:

– Ага, кардиограмма!

Деловито сняла кардиограмму, с треском оторвала длинный свиток с диковинными линиями.

– Сегодня вам назначено сто метров по коридору.

– Ого, прогресс!

Позавчера с улыбчивой Наташей из лечебной профилактики под ручку я благополучно одолел десять метров, вчера – пятьдесят. И после прогулки сняли контрольную кардиограмму. Вот когда я без эксцессов совершу марш-бросок на сто метров, а потом осилю четыре ступеньки без сердцебиения и одышки, тогда меня могут выписать домой опять-таки под наблюдением участкового врача.

Медленно бреду по коридору, прислушиваюсь к сердцу, к дрожи во всем теле и в который раз удивляюсь, как быстро от интенсивного лечения ослабевает человек. За одиннадцать дней столько всякой всячины влили в мой хилый организм, столько инъекций всадили, столькими таблетками напичкали, по столько часов к постели приковали, к разным датчикам подключали, что за столь короткий срок я превратился в форменного доходягу. Сто метров по

коридору для меня превратились в марафон. Мелькает мысль: если бы какого-нибудь здоровяка-штангиста или боксера-тяжеловеса уложить в реанимацию, продержать его под капельницей суток пять да не дать ему возможности пошевелиться, наверняка и он обернется эдаким дохляком. Видно, больница, конечно, лечит, но и изрядно калечит. Уф-ф... Добрался-таки до больничной койки. Кто бы подумал, что сто метров после инфаркта, как путь на Голгофу.

Сауле со своей тележкой тут как тут.

– Агай! Контрольная кардиограмма!

Танком врывается в палату санитарка Булбул.

– Агай! Томатный сок!

Вслед вплыла палатная сестра.

– Три таблетки до обеда, две – после.

Зашла с кипой пухлых историй болезней не по годам деловитая Мария Владимировна.

– Итак... реабилитационный период продолжается. Пока ваш однодневный максимум – сто метров. Больше – нежелательно. В среду вас выписываем. Все врачебные рекомендации необходимо строго выполнять.

– Ясно. Выпишите не более шести-семи лекарств.

– Примерно так и будет. Но принимать надо длительно.

– До скончания дней?

– Долго. Надо поддержать сердце. И следить за давлением.

– Спасибо. За давлением вряд ли уследишь.

Тишина. За окном опять заладил дождь. Через три дня буду дома. В кардиологии хорошо, загнуться не дадут. Но дома все равно лучше.

V. ПОЕЗД ПРИБЛИЖАЛСЯ К ДЖАМБУЛУ

Все решилось за два часа до прибытия пассажирского поезда в Джамбул. Здесь предстояло новоиспеченным дипломированным преподавателям русского языка и литературы – выпускникам группы «Б» литфака КазПИ им. Абая – Гарри Карлсону и Казбеку Казиеву отметиться в облОНО, получить приказ и выехать к месту назначения – в районный центр Байкадам.

У двух друзей-однокашников все было более-менее ясно. Там, в Байкадаме, их ждала работа – 54 часа недельной нагрузки в средней казахской школе. Получилось каждому по полторы ставки с зарплатой в 1200-1300 рублей – целое состояние для вчерашних студентов. Неизвестно было только, где они устроятся, каковы бытовые условия, как впишутся в тамошнее житье-бытье и как их примет наверняка сложившийся годами педагогический коллектив. Ну, о том молодые люди особенно не беспокоились. Все четыре года учились на совесть, натаскали их прилично и на педагогической практике, к тому же у Гарри был опыт педагогической работы еще до института и таким образом, согласно заверенной подписями и печатью справке, у него был уже пятигодичный педагогический стаж, а потому наверняка не растеряется, не оробеет в любом коллективе, а о быте обязан заботиться райОНО – предоставить молодым кадрам жилье, обеспечить дровами и прочей необходимостью. Казбек вообще пребывал в приподнятом настроении. Будущее свое он видел в радужном свете. Год-два поработает в Байкадаме, к тому времени зазнобушка Манура закончит институт, они поженятся, так как крепко договорились, и тогда он переберется в Алма-Ату, где активная его возлюбленная, наверняка останется на комсомольской работе, либо – на худой конец – переберутся в родной

Актюбинск, где, конечно же, тоже не останутся на обочине жизни. Казбек, улыбался про себя, мечтал, вытирал платком вечно потный бугристый нос, предвкушал удачу в своей педагогической карьере – в очень недалеком будущем он видел себя директором школы, а, может быть, и инспектором, а то и заведующим райОНО. А что? Двуязычные специалисты ныне в Казахстане в цене.

У Гарри забот было немного больше. Главное – по совету майора КГБ Вдовина – он должен года на два затеряться в глухомани, не высовываться, держаться подальше от социально-политических проблем, усыпить бдительность не в меру ретивых служителей Комитета Глубокого Бурения и его расплодившихся повсюду агентов и прихвостней, держать язык за зубами, но и не забывать о давней своей мечте – заниматься наукой по филологической части. Может, со временем суждено-таки стать ему тюркологом... Заботиться надо было и о сестренке, которую он забрал с собой из аула. Альма окончила в ауле два класса по-казахски, а два – в русской начальной школе. А далее учиться ей предстояло либо в аульной казахской школе, либо устроиться в интернат в Марьевке в двадцати пяти километрах от родительского дома. Последний вариант для одиннадцатилетней девочки был неприемлем. А в Байкадаме, помимо средней казахской школы, имелась и восьмилетняя русская. О том Гарри было доподлинно известно. И на семейном совете решили, что Альма поедет с братом в неведомую Джамбульскую область и отныне будет воспитываться и учиться под его опекой. Альма росла в семье тихой, послушной, аккуратной девочкой. Брата она почитала не менее родителей, немного робела перед ним, стеснялась, ибо за четыре года его учебы в институте успела отвыкнуть от него. Как они будут жить на новом месте, как у сестренки заладится учеба в незнакомой обстановке и сможет ли он, Гарри,

уделять робкой, замкнутой девочке достаточного внимания – все было под вопросом. Только в поезде, в купе Гарри почувствовал, какую ответственность он взвалил на себя. По-аульному скромная, стеснительная девочка нуждалась в женской опеке, в женской заботе и догляде, в ласке и внимании, на что житейски непрактичный, неопытный брат вряд ли был способен.

Поезд стремительно приближался к Джамбулу. И чем ближе к цели, тем беспокойнее становился Гарри. Надо было принять самое главное решение, а он все колебался, проигрывая в уме бесконечные варианты. Мысли путались, вся судьба мнилась зыбкой.

В вагоне было шумно. Часть пассажиров собирала вещи, готовясь к выходу. Другая часть, следующая дальше, обустраивалась поудобней, занимала нижние полки. Альма, аккуратная, причесанная, сидела у окна и безучастно разглядывала незнакомый ландшафт. Она казалась такой печальной, такой подавленной, такой несчастной сиротинушкой, что у Гарри сжалось сердце. Сестренка, должно быть, вспоминала родной аул на берегу Ишима, тосковала по отцу-матери, томилась неизвестностью. Пригорюнилась и сокурсница Рая – щуплая, смуглая, впечатлительная, отзывчивая девушка. Гарри давно испытывал к ней влечение. Четыре года учились вместе, в одной группе. Первые два года друг друга, кажется, не особенно жаловали. Городские девчонки, шустрые всезнайки, выпускницы русских школ, держались в группе несколько высокомерно, задирали носы, кичились своими городскими манерами, повадками, бойкой речью, сметливостью, а аульные – их было в группе всего человек пять – воспринимались городскими пигалицами неотесанными мужланами, бестолочью, невоспитанными, неуклюжими, ущербными. Гарри среди них вроде выделялся чем-то, хотя и откровенно тяготел к «аульбайцам». Рая была типичной городской

пташечкой. Общественно активной, с ранних лет грезила театром, с детства участвовала в школьной, районной, городской самодеятельности, лицедействовала в кружке известного артиста, обладала глубоким, звучным голосом, великолепной дикцией, знала наизусть уйму стихотворений и умела выразительно читать отрывки из русских классиков. Она видела себя драматической актрисой. Впечатлительная, добрая, сочувствующая всякому горю, искренняя, очень импульсивная, она выделялась среди сверстниц. И была к тому же вполне пригожей. Полусиротство, бедность, лишения отложили на ней отпечаток печали, но держалась она с достоинством, даже с вызовом, гордо, не позволяла помыкать собой, умела за себя постоять. В темных татарских ее глазах вспыхивали часто дерзкие искорки. Маленькая росточком, узкоплечая, невероятно худая, она отличалась мобильностью, взрывчатым характером, острым язычком, с которого срывались порой едкие, колкие просторечные словечки. Хрупкое это создание не было бедной простушкой, а относилось, скорее, к тому ряду строптивых натур, которым палец в рот не клади. «Аульбайцы» во главе с Гарри порой насмешничали над ней, над ее порывистостью, постоянной озабоченностью, отстраненностью, непривычными манерами, углубленностью в себя, но она презрительно вскидывала брови, надувала губы и разительно отбривала насмешников-зубоскалов, выказывая острые зубки. Вскоре ребята, кажется, решили не связываться с этой строптивой татарочкой. Впрочем, татаркой она была лишь по отцу, политруку Красной Армии Закиру Хисматулину, погибшему в Брестской крепости в первый же день войны. Рая и отца своего помнила смутно: когда он погиб, девочке шел шестой год. А мать, Александра Степановна, была мордовкой, то ли береговой, то ли луговой, с примесью украинской крови. Малограмотная, рано осиротевшая, рано

вышедшая замуж, рано овдовевшая, она умудрилась одна вырасти и воспитать, как могла, четырех детей, работая то санитаркой, то прачкой в больнице, и к сорока годам основательно надорвалась на непосильной работе и в вечных заботах о хлебе насущном. И при этом она тянулась из последних сил, чтобы дать старшей дочери высшее образование, чем невероятно гордилась.

С третьего курса Гарри потянулся к своевольной сокурснице. Изредка встречались, беседовали-миловались на скамейках возле центрального почтампта. Девушка приглянулась. Она и слушала внимательно, особенно незатейливые рассказы о казахском ауле на берегу Ишима, о нравах и обычаях аульчан, должно быть, городской девушке это было интересно, и сама умела рассказывать – о театре, об известных актерах, о репетициях в Доме пионеров, читала стихи и монологи из спектаклей. Свидания, однако, происходили нечасто. Гарри пропадал в библиотеке, на конференциях научного студенческого общества, на шахматных турнирах, Рая после лекции спешила на репетиции, участвовала в художественной самодеятельности, играла в каких-то скетчах, а одно время подрабатывала нянькой в лечебнице для умственно отсталых детей. Бывало, свидания и вовсе прекращались, виделись только на лекциях, а потом вновь возобновлялись, вероятно, была некая взаимная тяга, но никто не называл это любовью, в лучшем случае, легкой, приятной влюбленностью. У каждого была своя мечта, своя звезда: он тянулся к науке, к тюркологии, говорил об аспирантуре, она упорно грезила театром или – на худой конец – атмосферой оперетты, которую Гарри терпеть не мог за примитивизм и балаганную мишуру. Казалось, что их в будущем ровным счетом ничего не связывает. И по характеру, по воспитанию, по мироощущению, по всем психофизическим параметрам, по темпераменту –

абсолютно разные люди, которых невозможно и во сне представить рядом. Так, вероятно, казалось обоим.

До поры, до времени.

На четвертом курсе влечение их обрело иные черты. Гарри все чаще видел себя в близости со своей строптивой сокурсницей. И девчонки с их курса убежденно считали, что они не только могут, но и должны быть вместе. Всегда. И то, что они разные, как раз и притягивает их, манит друг к другу. Разные темпераменты, случается, ищут и находят вожделенную гармонию душ. Это вполне естественно. Но тут неожиданно встряла между ними Вера Пшеницына с третьего курса истфака, чужачка, о которой никто ничего не знал. Гарри от нового знакомства, от неведомых чувств потерял голову, а Рая гордо отошла в сторонку и на лекциях в упор его не замечала.

Наступило отчуждение, и Гарри чувствовал себя виноватым. А во время госэкзаменов опять не раз сталкивались в летнем зале возле старого корпуса, в парке на открытой эстраде, даже занимались вместе, и Гарри всячески оказывал знаки внимания, но обиженная девушка вроде замкнулась и держалась с ним холодно-строго.

Направление она получила в Кызылординскую область. Еще летом, после экзаменов и обретения дипломов, договорились втроем ехать одним поездом: Гарри и Казбек в Джамбул, а Рая – дальше, в Кызылорду. Находясь в ауле, в отчем доме, Гарри получил от Раи письмо. Она сообщала городские новости, описала, кто за кого напоследок повыскакивал замуж, кто с кем подался в разные края, а сознание зацепила одна фраза в том письме: «Ну, что, дорогой, порастерял всех своих зазнобушек?» В этой фразе он почувствовал укор и скрытую надежду, и теперь, думая о будущем, он неизменно видел себя рядом с ней, с этой миниатюрной, своенравной татарочкой. Еще перед отъездом в аул он был у ней

дома, познакомился с ее мамой, отвез на хранение скрипку и книги, пил в том скромном, неприметном домике о двух комнатушках в тени карагачей и тополей на 19-й линии жидкий чай с вареньем и остался очарованным и вниманием радушной девушки, и простотой домашнего быта. И мать, измытаренная работой и нехватками, была с неожиданным гостем любезна и приветлива. Правда, называла его почему-то Гольдбергом.

Когда он приехал с сестренкой Альмой в Алма-Ату, Рая торжественно встретила их на вокзале, сразу проявила заботу о пугливой, белокурой девчонке, расположила ее к себе, повела в городскую баню, и эта ее доброта и ласка обрадовали Гарри и тронули до глубины души. «Судьба» – решил он. Он давно заметил, что важные решения в его жизни возникают неожиданно, спонтанно, будто кто-то извне нашептывает их, подсказывает, подталкивает, внушает как бы без его воли и намерения, способствуя выбирать то, что ему предназначено. И мысль о том, что они должны быть вместе, что эта миниатюрная смуглянка может стать его спутницей (слово «жена» он еще не мог произносить) мелькнула именно тогда, как вспышка – раз и навсегда. О лучшей спутнице ему и мечтать не надо. И не стоит откладывать решение на потом. В том, что они, четыре года проучившись вместе в одной группе, освоив одну профессию, едут навстречу судьбе в одном вагоне, в одном купе – не что иное, как знак свыше, перст неотвратимого фатума. И жалел Гарри лишь о том, что он до сих пор не находил места и удобного повода передать ей свои сокровенные чувства наедине. Как-то все не складывалось, не находились нужные слова, не подворачивался единственно удобный случай. Теперь он мучился всю дорогу, не зная, как в многолюдном вагоне в присутствии людей сказать ей о том, что вертелось на кончике языка, но выразить открыто и четко не хватало смелости.

Между тем поезд торопливо приближался к Джамбулу. Оставалось чуть больше часа пути. Казбек, потирая потеющий от волнения плоский нос, уже выставил рядком чемоданы. Альма тоже уже цепко держала наготове свой баульчик, тревожно поглядывая на брата. Рая сидела у окна, маленькая, худая, узкоплечая, сжавшись, как покинутый стаей воробышек. Через час двое ее сокурсников, к которым так привыкла за четыре года учебы, покинут ее, выйдут, исчезнут из ее жизни, быть может, навсегда, а она одна-одинешенька, городская пташенька, продолжит путь в неведомую Кызылорду, где ее ждет полная неизвестность в чужой среде, где и русский язык-то не в почете, ибо – известно – в тех краях говорят исключительно по-казахски.

– Слушай, Рая, поехали с нами. Что тебе одной делать в Кызылорде? Летом пекло, песчаные бури, пыль, зимой – холодрыга, ветер.

– Как это... поехали?!– встрепенулась девушка.

– Ну, как? Будем втроем работать вместе. Часов навалом.

Казбек насторожился, прислушался. И соседи по вагону навострили уши.

– Но... у меня же направление в Кызылординскую область,– озадачилась девушка.

– Ну и что? Скажем: передумали. Решили... это... пожениться.

– Что-о?!– в черных глазах мелькнуло недоумение. Страх, радость, сомнение – все вместе. – Ты это серьезно?

– Вполне. Давно хотел предложить. И не решался.

– Ну-у... знаешь!

– А что?

– Но... разве так это делается? С бухты-барахты... Мало ли что ты надумал? Мало ли что я хочу? Спросят: а где доказательства?

– Какие? Я сделал предложение, ты согласилась.

– Так сразу?

– А что? ЗАГС, что ли? Заедем по пути, все оформим.

Девушка заколебалась, растерянно оглянулась вокруг. Советоваться было не с кем. И времени на обдумывание не оставалось.

Альма, прислушиваясь к разговору, вся сжалась в выжидании. Вмешался Казбек.

– Какой разговор? Поехали! Руководствуемся правилом: «Де квадрат ПР».

– Это что за правило?

– «Давай, давай, потом разберемся».

И сам расхохотался.

– Но... меня же отправят назад. Скажут: направление в Кызылорду – туда и поезжай!

– Отобьем, отстоим, докажем. Уговорим начальство. Поженимся, мол, и все тут!

Вмешалась рыхлая, пожилая тетка с боковой полки:

– Девушка, не раздумывай, соглашайся. Поверь: судьба.

– Вот фраер,– пробубнил мужик с верхотуры.– Где ты раньше был? О чем думал? Нашел место предложение делать! Не соглашайся, милая!

– Как это не соглашайся?! Тоже мне советчик!– взъярилась тетка. – Я же вижу: хорошие ребятки. Не обманут. Не подведут. Держись, красавица, за доброго молодца. Не ошибешься!

К спору подключились и другие пассажиры плацкартного вагона.

– Чую: к свадьбе дело идет!

– Выпивка назревает: нос чешется.

– Что тут раздумывать? Вперед и баста!

– Нет, так судьбу не выбирают. Видите: девушка в растерянности. Подумать треба.

– Будешь думать – в девках засидишься.

– Куй железо пока горячо.

– Решайся, красавица! Через пятнадцать минут Джамбул. И будешь куковать одна в своей Кызылорде.

– Ой, пожалеешь!

– Не раздумывай, тебе говорю! Парень серьезный. Слов на ветер не бросает. Рискни! Смелее!

Поезд мчался на всех парах. Самые нетерпеливые пассажиры примкнули к окну, придвинули багаж к выходу.

Казбека охватило нетерпение. Гарри сидел как на иголках. Рая побледнела, молчала, раздумывала, не решалась.

– Прошу тебя. Поедем с нами, – голос у Гарри дрожал. – На месте подумаешь. Если не по душе, отправишься в Кызылорду.

У Альмы по лицу покатились слезы. Сестренка, казалось, понимала все. Рая прижала ее к себе, погладила по волосам.

Поезд, тяжело отдуваясь, остановился. Проводница с лязгом, с треском распахнула дверь. Пассажиры, толкаясь, хлынули к выходу.

И тут Казбек вдруг решительно схватил свой и Раин чемодан и протиснулся в толпу.

– Куда? Куда?– всполошилась Рая, бросаясь за ним.

– Ай, молодец!– воскликнул кто-то в вагоне.– Положил конец спору!

– Стой! Стой!

Казбек даже не оглянулся. Гарри, держа сестренку за руки, напирал сзади. В суете, в суматохе, плохо соображая, вышли на перрон.

Пробиваясь сквозь толпу встречных, четверка протиснулась в зал ожидания, потом выбралась на привокзальную площадь. Все были взволнованы и растеряны. Рая никак не могла прийти в себя, сообразить, что произошло. Мямля, флегма Казбек вдруг проявил инициативу, взял неожиданно бразды правления в свои руки. Поймал такси, забросил чемоданы в багажник, ладонью провел по потному носу, бросил шоферу:

– Поехали!

– Куда?

– В облОНО!

VI. ВМЕСТЕ НИЧЕГО НЕ СТРАШНО

Заведующий облОНО, плотный казах лет сорока пяти, поглаживая густой, с проседью «ёжик», внимательно выслушал сбивчивый рассказ трех выпускников Казахского педагогического института. Молодые люди ему и понравились, и немного озадачили.

– Бог свидетель, не знаю, как и быть,– вздохнул он, рассматривая их дипломы, приложения и направления. – С кадрами туго. Специалистов с высшим образованием везде не хватает. Особенно с русистами прямо беда. А вы, вижу, окончили специализированное отделение. Преподаватели русского языка и литературы в казахских школах. Самое то! Но...

Заведующий сделал паузу, озабоченно наморщил лоб.

– С двумя из вас вопросов нет. Все в порядке, все законно. В Байкадаме вас ждут, на вас рассчитывают. А вот как быть с айналайын Раисой, ума не приложу. Как я нарушу приказ Министерства? Скажут: перехватил специалиста, предназначенного для Кызылорды. Там ведь в преподавателях нуждаются еще острее. Кто только русский язык не ведет? Хоть телеграфный столб приглашай.

– Но... – перебил рассуждения заведующего облОНО Гарри по-казахски. – Семьяны бұзуға болмайды ғой. Нельзя же разбивать семью.

Заведующий усмехнулся.

– Какая семья, бауырым? Ты – Карлсон, она – Хисматулина. Ты направлен в распоряжение Джамбульского облОНО, она – Кызылординского. Свидетельства о браке нет.

– Так оформим.

– Прямо сегодня?

– А что? Я по пути видел ЗАГС. Недалеко отсюда.

Заведующий опять ухмыльнулся.

– Баламысың деген... А ты, айналайын Раисажан, согласна... е-е... выходить замуж?

– Хотелось быть вместе. Привыкли за четыре года друг к другу.

– И когда вы надумали жениться?– спросил заведующий у Гарри по-казахски.

– Часа два назад в вагоне,– ввернул Казбек.

– Что-о? Два часа назад?!– изумился заведующий.– Ну даете! Вы что?– обратился он опять по-казахски к Гарри.– Четыре года учились вместе, а решили в поезде за два часа?

– Так получилось, ағай.

– Міне, қызық! Так, вы хоть... это... дружили?

– Дружили, ағай!

– И любили друг друга?

– Ну, раз решили жениться, значит, любим.

– Мына жігіттің сөзі шын ба?– спросил заведующий у Раи.

Та насторожилась, не понимая вопроса.

– Она не знает по-казахски,– объяснил Гарри заведующему. – И вы ее не трогайте. Девушка, видите, смущена. Вы поверьте мне. Направьте нас в одну школу, а там мы все решим.

– Легко сказать – направьте. А что я скажу Министерству?

Гарри и не предполагал, что все так сложно.

– А девочка в приемной чья?

– Моя сестренка. Менің қолымда. Будет учиться в русской школе.

– Ия...– помрачнел заведующий.– Девочка нуждается в пригляде. Одному тебе будет трудно.

– Ағай, если я в этом деле помеха,– подал голос Казбек, – можете направить меня в другую школу, даже в другой район. А этих двух – Толегена и Кыз-Жибек – нельзя разлучать.

– О, настоящий друг!.. А если сделать так?– вдруг осенило заведующего.– Вы напишете на мое имя заявление... дескать, решили пожениться, направьте нас в один район. Согласен?

– Конечно.

– А ты, Раисажан, согласна подписать такое заявление?

Рая чуть кивнула.

– Пиши!– заведующий придвинул лист бумаги и ручку Гарри. – Я на основании вашего заявления попробую дозвониться до Министерства. Другого выхода не вижу.

– А я готов подтвердить свое согласие на перевод в другое место в пользу моих друзей,– добавил Казбек.

– Ладно. Подумаем.

Гарри быстро написал заявление. Рая, не глядя, тоже подмахнула его.

– Жаксы, – сказал заведующий, явно довольный. – Часа два подождите, погуляйте, пообедайте, а я свяжусь с Алма-Атой. Вдруг вам повезет.

Альма, утомленная долгим ожиданием, сидела во дворике в тени карагача на корточках, и вид ее был бесконечно несчастный. Отлученная от родного аула, увезенная от отца-матери, девочка чувствовала себя на чужбине ненужной никому, и в глазах ее была такая тоска, такая безысходность, что Гарри впервые пожалел о своем опрометчивом поступке. Видно, решение его забрать сестренку с собой в неведомые края, когда с самим все было неопределенно, оказалось более чем сомнительным. Оставив чемоданы в приемной облОНО, отправились вчетвером в ближайшую столовую, взбудораженные неясностью своего положения.

Началась последняя декада августа. Солнце жарило вовсю. Джамбул показался уютным, ухоженным, зеленым городком, чем-то напоминавшим Алма-Ату.

– Вот здесь бы нам устроиться, – замечтался Казбек. – И до Алма-Аты рядом. Можно б было в месяц разок-другой запросто съездить.

– К Мануре на свидание?

Казбек весь расцвел, вспомнив зазнобу, и с удовольствием вытер вечно потный нос.

Время застыло. Неопределенность тяготила.

Заведующий облОНО вернулся с обеда с большим опозданием.

– Потерпите. Заказ дал. Буду говорить с самим министром.

Прошел еще час. Наконец, секретарь пригласил их к заведующему. Тот долго молчал, испытывающее смотрел то на Гарри, то на Раю, то на Казбека. Все волновались в ожидании своей судьбы. От волнения пос Казбека вспотел более обычного.

– Ну, что?– выдавил, наконец, заведующий. – Счастье вам улыбнулось. Министр пошел вам навстречу. Разрешил Рансежан остаться в Джамбульской области. Направлю вас в Байкадам.

– Всех троих?– спросил в нетерпении Казбек.

– Всех троих. Но в одну ли школу – решат в райОНО.

– Спасибо, ағай.

– На свадьбу пригласите.

То, что больше всего боялись, разрешилось благополучно. Теперь предстояло добраться до автовокзала и вечерним рейсом выехать в Байкадам, который, как им объяснили, находился в 162-х километрах от областного центра.

«Все пока складывается удачно»,– подумал про себя Гарри. Авось, повезет и в Байкадаме.

«Иншалла»,– прошептал Казбек, как бы прочитав мысли друга.

Альма тоже успокоилась. Доверчиво прижалась к Рае.

Главное – они вместе. А вместе ничего не страшно.

VII. БАЙКАДАМ

Все было внове. И большое, разбросанное вширь и вкось село, районный центр Сарысуского района, и глинобитная старая средняя казахская школа, похожая на караван-сарай, и восьмилетняя, совсем уж убогая

русская школа, и громадный холм, по словам местных жителей, образовавшийся во времена Чингисхана, и парк, заросший колючими кустарниками, пыльной сорной травой, с полуразрушенным летним кинотеатром, развалившимися беседками и каруселями, и типы людей, совсем не похожих на северян или алматинцев – казахи, русские, немцы, греки, китайцы, чеченцы, и шумный, многоязычный базар в центре села, и запущенная, облупленная, обшарпанная, полупустая районная гостиница, в которой, кроме кипятка, нечем было разжиться, и рев ишаков, лай собак, которые смущенными стайками шастали по свалкам. Словом, Байкадам оставил впечатление большого аула с претензией на захолустный городок. Однако, все, что положено быть в районном центре, здесь наличествовало – райком, райисполком, поликлиника, больница, кинотеатр, почтамт, клуб, библиотека, спортивная площадка, магазин, лавочки, базар, гостиница и другие разные учреждения явно показушного, карикатурного вида, как с непривычки казалось молодым людям, только что приехавшим из столицы.

В райОНО встретили их приветливо. Из области, как выяснилось, успели позвонить, и приказ о направлении Карлсона и Казиева уже был подготовлен, а с Раисой Хисматулиной опять вышла заковыка. Расспросы пошли по второму кругу: почему решили с полпути свернуть в Джамбульскую область, почему надумали жениться вдруг, до этого на луну, что ли, смотрели, почему не оформили брак заблаговременно, мало ли что молодым людям придет в голову, как можно сразу троих с высшим образованием направить в одну школу, когда в соседних селах вообще таких преподавателей нет, и вообще районный отдел народного образования не может идти на поводу вновь приезжих, даже если они семи пядей во лбу. Никакие доводы, уговоры, обещания, заверения, просьбы, мольбы не помогли.

– Не хитрите, ребята, – заявил заведующий райОНО. – Не ведите меня за нос. Вот поженитесь, представите мне свидетельство о браке – тогда и решим. А сейчас Раису Хисматулину направлю в Коммунарскую среднюю школу. Там нужда в преподавателе большая. От Байкадама каких-нибудь десять километров. И если вам, влюбленным, невтерпеж, будете ехать друг к другу. Все! Вопрос решен!

Доводы Гарри не подействовали. Казахская речь молодого немца тоже воздействия не имела. Рая особой активности не проявляла. Школа, куда ее направляли, находилась на отшибе в голой степи, но это ее, романтически настроенную девушку, не пугало. Бытовые вопросы ее совершенно не интересовали. Одна школа и дом директора в степи? Школьники приезжают туда из близлежащих трех аулов на ишаках? Как это интересно, экзотично! О чем думать? Живут же люди! Воспитанник аула Гарри всю «романтику» такого быта хорошо представлял. И Казбек ни за какие коврижки не пожелал на этот раз, жертвуя собой, ехать к черту на кулички. О жизни заброшенного в пустынной степи аула он тоже был неплохо осведомлен. Гарри на мгновение даже подумал о том, что, может, и ему попроситься туда, чтобы быть неразлучно с Раей. Но как быть с сестренкой? Ее же привезли сюда, в такую даль, чтобы она смогла продолжить учебу в русской школе. А там, куда направляли Раю, ее и в помине нет. «Если вы не хотите расстаться со своей возлюбленной, – заметил по-казахски заведующий райОНО, – можете сестренку определить в интернат при русской школе и наведывать ее раз в неделю». «Ну, что вы говорите?! – решительно возразил Гарри. – Я сестренку оторвал от родителей, привез в чужой край и теперь запихну ее в интернат, а сам отправлюсь бог весть куда?!» «Ну-у... – развел руками заведующий. – Ради любви на любые жертвы пойдешь. Ничего другого я посоветовать вам не могу».

Все складывалось скверно. Удача отвернулась от Гарри. Директор Байкадамской средней школы, приземистый, плотный казах в изрядно помятом, с сальными пятнами костюме, однако при галстуке и фетровой шляпе, был любезен, обрадовался новым кадрам, выслушал Гарри, но беспомощно развел руками: «Да уже весь Байкадам про вас говорит. Узункулак еще вчера мне все донес. Нагрузка большая: пять десятых классов, шесть девятых – представляете? А русистов на всю школу только три человека. Представляете? Жилье придется вам самим подыскивать. И о дровах сами побеспокоитесь. Школа может выделить только деньги. В кадровом вопросе я подчиняюсь всецело райОНО. Хотя девушку вашу я лично взял бы охотно. С руками и ногами. Хе-хе!..»

Приказ выдан. Дата заезда обозначена. Нагрузка определена. Делать нечего. Казбек на другой же день разыскал дальних сородичей (казах казаху всегда сородич) и перенес свой чемодан в приземистую халупу возле бани. Он легко решил все свои проблемы и, довольный, потирал свой бугристый, потный нос. Матери он тотчас отбил телеграмму и с нетерпением ждал вестей от сестры, которая поступала где-то в педагогическое училище. Гарри с Альмой временно устроились в крохотной комнатушке пустовавшего при восьмилетней школе интернате. Комнатушка оказалась убогой донельзя: две железные койки со старыми, набитыми соломенной трухой матрацами и суконным вонючим, сплошь в пятнах, одеялом. Простыни и наволочки были настолько застираны, что обрели изжелта-серый цвет. Между койками стояла обшарпанная, заляпанная чернилами тумбочка без дверцы. Земляной пол бугрился и отходил слоями. По углам колыхалась лохматая паутина. На потолке гнездились комары. Даже при августовской жаре от порога несло сыростью и нежитью. Крохотное окошко не мыли век. Дверь из гнилых досок, обитых

фанерой и картоном, была исписана нецензурщиной на двух языках с жуткими грамматическими ошибками и почти не запиралась. Чистюля, аккуратистка Альма с ужасом и брезгливостью оглядывалась вокруг. Питаться приходилось, как попало: при школьном буфете, на базаре, в столовой. Туалет – несколько загаженных ячеек – огороженный развалившимся глиняным дувалом – находился в добром километре от школы. Цивилизация в этом краю имела свои приметы и традиции.

Предстояло в срочном порядке подыскать более-менее приемлемое жилье. Уже в первые дни своего нахождения в Байкадаме Гарри убедился, что здесь обитает немало немцев. С некоторыми из них он познакомился. Волжан он не встретил. Попадались ему, главным образом, депортированные из Крыма замкнутые, необщительные, суровые меннониты, чопорные швабы с Кавказа и державшиеся высокомерно, обособленно от всех украинские немцы. У всех был свой выговор, свои отличительные манеры, и на нового преподавателя русского языка и литературы в казахской школе смотрели явно настороженно, подозрительно. Нет, нет, комнаты они не сдают, тем более с ребенком, самим тесно, найн, найн, ach Gott, das ist unmöglich, совершенно невозможно, да и о таких, которые принимали бы квартирантов, не слышали. Узнавайте на базаре, там, возможно, у кого-нибудь найдете пристанище. Тутошние немцы вели себя странно, осторожно, пугливо. На откровенные разговоры с пришельцем, хоть и соплеменником, не шли. Они сильно отличались от немцев-волжан и даже между собой особенно не ладили, как бы избегали друг друга. Школьный учитель труда, сухопарый, носатый, аскетического облика, мастеровитый Андрей Гуммель в чистом, синем комбинезоне, изъяснялся только на русском языке и презрительно кривил губы, когда Гарри называл услышанные им здесь немецкие фамилии. Да

ну их! Они же все баптисты. К ним разве сунешься? Они, кроме своих, никого не признают. Тем более учителя-чужака... Ах, этот? Он же кичливый шваб. У него один гонор. Он вообще ни с кем не знается. Келлер? У него приличный дом, сад. Живет с матерью. Книжник. К нему и вовсе не подступишься. Человек-загадка. Ворон пуганый. Неб? Их тут целый клан. Живут прилично. Но вряд ли кого примут... Если верить трудовику Гуммелю, со здешними немцами каши не сваришь.

Гарри сделал для себя печальный вывод: видно, и советские немцы очень неоднородные. К ним и на сивой кобыле не подъедешь. Объяснение тому следует искать в истории. Прибыли их предки в Россию в разное время, из разных германских княжеств, в разные географические регионы, с разными диалектами-наречиями, с разным жизненным опытом, с разными традициями в культуре и в быту. Депортация сблизила их лишь по горю, по бесправию, по ограничениям. Депортация, трудармия, ссылка, комендатура, недоверие к ним властей все же не унифицировали народ, названный российскими или советскими немцами. Генетические корни сохранились. И они оказались разными. Казахи – хоть и делятся на жузы, роды, подроды, племена – все же значительно более едины и по языку, и по укладу жизни, и по нраву и обычаям. Казах казаху друг и брат. Особенно в испытаниях. На крутых перевалах жизни. В этом Гарри смог убедиться, неплохо познав казахов-северян и казахов-южан. С российскими немцами значительно сложней: они, где бы ни жили, тащат с собой историческую, генетическую, географическую судьбу, сложившиеся еще на германской земле нравы и причуды, к которым прибавились еще особенности среды обитания – в России, на Украине, в Крыму, на Кавказе, да еще той местности, где они почти два десятилетия провели годы ссылок. Все это непременно сказалось на их психофизическом складе натуры. И эти

особенности не вытравить. И потому объединить их – сложнее сложного. Они, скорее всего, не сознают себя единым этносом. И это огорчало. Гарри это и ранее смутно чувствовал и наивно полагал, что российский немец – прежде всего немец, а потом уже российский, советский, украинский, крымский, сибирский, поволжский, кавказский, магаданский, дальневосточный и так далее. Здесь, в Байкадаме, сталкиваясь в поисках пристанища с разными своими соплеменниками, он убедился, что они – разные, очень разные. А в последние годы, обретя некую свободу, избавившись от тяжких пут комендатуры МВД, решая прежде всего свои материальные проблемы, они еще более отдалялись друг от друга, расслаивались, чуждались и чурались единокровников, а некоторые и вовсе выдавали себя за русских, эстонцев, голландцев, украинцев, азербайджанцев, избегая даже слова «немец». Это было особенно прискорбное явление.

Да-а... Выходит, надо искать пристанище у казахов. К немцу с казахской речью они относятся благосклонно. Да и душой казахи нестари добрей и щедрей. Но, понятно, первого встречного-поперечного и они с распростертыми объятиями принимать не станут. Да и с какой стати? Очевидно одно: надо искать пристанища у казахов. Более надежного варианта нет.

Но повседневные поиски-расспросы оказались безрезультатными. А надо было любой ценой обустроиться до начала учебных занятий. Жить в убогой комнатушке интерната стало невмоготу. К тому же комендант интерната все чаще намекал: вот-вот нагрянут школьники из ближних аулов, и комнатку надо будет освобождать.

И Рая не выходила из головы. Как она, бедная, обустроилась в неведомом краю? Ведь получается, он, Гарри, виноват в сплошной нескладухе. Все поломал-нарушил, увел с поезда, взбаламутил душу, строил радужные планы, а что получилось? Он без пристанища

в районном центре, она где-то на отшибе, в степи, неизвестно, у кого. Сестренка, и без того молчаливая, пугливая, вынуждена обитать в запущенном бомжатнике. Некому за ней присмотреть, даже в баню свести. Ужасно все, нелепо!

Он решил проведать Раю. Почти пустой, раздрызганный автобус-коробочка, громыхая и лязгая всеми железками, поднимая за собой густой и длинный шлейф удушливой пыли, обогнул высокий, древний курган, покрытый чахлыми кустами, за полчаса доставил его до затерявшегося в голой степи строения. «Школа», – объявил чумазый шофер непонятной национальности – то ли ингуш, то ли грек, то ли крымский татарин, но никак не казах, хотя и бойко балабонил по-казахски.

Гарри вышел, оглянулся. Длинное, глинобитное, плоскокрышее здание с рядом маленьких окошек, неподалеку – дом-пятистенка, крытая шифером, какие-то сарайчики, загончики, коновязь на вытоптанном пятачке. Рядом паслись овцы, две коровы, бычок и стреноженный мерин. Под навесом впритык к сараю стояла телега с железной бочкой. Вдалеке виднелось кукурузное поле. От школы в трех направлениях тянулись узкие ишачьи тропинки. Они вели в ближайшие аулы – Коммунар-один, Коммунар-два, Уюм, Сталина, расположенные в трех-четырех-пяти километрах. Оттуда стекались учащиеся в одинокую школу в степи – кто пешком, кто на ишаках, кто на попутной подводе. Естественно, в зимнее время многие учащиеся просто не успевали на первые уроки.

Земля вся истрескалась, едва покрытая адыраспаном-гармалой, верблюжьей колючкой, полынью и редкими кустами баялыча. Ящерицы – тупоголовые и остроголовые – шастали под ногами в великом множестве. Вокруг ни живой души. Первозданная тишь. Возле школы, в жидкой тени, стоя дремал ишак, выпустив свое внушительное достоинство. Видно, томили его сладкие грезы. В зените зависло все еще

жгучее августовское солнце. На выжженном небе ни облачка. Пустынная, дремливая степь.

Вот где очутилась романтическая, своенравная, несостоявшаяся актриса – сокурсница Рая. Нетрудно было себе представить, что происходило в ее взбаламученной душе.

Дом директора школы был просторен и обставлен по-аульному скромно: домотканые старые паласы, ковры, убогая мебель, традиционная утварь, скарб. И пахло по-казахски: квашеным молоком, копченой кониной, жаренными в бараньем сале пончиками-баурсаками, толченым просом. Хозяевов в доме не оказалось. В боковой комнатушке на текемете Рая занималась с чернявой девчушкой лет шести – обучала ее русским словам. Гарри вырос у порога так неожиданно, что оба в первое мгновение обескураженно уставились на него, будто онемели.

– А вот и я! Здравствуй!

Рая порывисто вскочила, вся просияла, на миг, смущаясь, прижалась к нему.

– Как ты меня нашел? Как приехал?

– Вот так и нашел!

– Как Альмочка? Как Казбек? Как устроились?

– Пока никак. Все что-то не ладится. Ни кола, ни двора. А уже занятия на носу.

– А мне директор разрешил жить у него, при школе. Хочет, чтобы я занималась с его дочуркой. Кстати, хороший человек.

– Дочурка?

– Нет. Директор.

Вся обстановка не внушала оптимизма. Еще не было ясно, сколько в школе будет классов, сколько в них учащихся, какова ожидается недельная нагрузка у новой русистки. Не определился и учительский состав. Преподаватели обитали в ближних аулах, добирались до школы за три-пять километров кто как мог, и каждый, понятно, был обременен домашними

заботами, семьей, детьми. Проводя уроки, каждый спешил домой, чтобы обиходить скотину. Директор жил при школе, как Робинзон на острове. При нем и Пятницы не было. И ему, помимо руководства школой, надо было заниматься повседневным хозяйством, заботиться о доме, о скоте, о сене, топке, о привозной питьевой воде. О каком качестве работы могла быть речь?

Походили вокруг школы, по пустынной степи.

– Да-а,– пригорюнился Гарри.– По сравнению с этими условиями в райцентре рай.

– Конечно. Но я твердо решила: до Нового года как-нибудь потерплю, а потом уеду.

– Как? Куда?

– В Алма-Ату. Устроюсь в больнице нянькой, накоплю денег и подамся в Москву, в ГИТИС.

– Вот как?! А я?

– Ты тоже недолго продержишься. Подашься в аспирантуру. Зачем губить здесь жизнь?

– Вот-те раз! Мы же хотели пожениться...

Она усмехнулась, потемнела лицом.

– Глупости. Ребячество... Несерьезно.

– Ты что говоришь?!

– Не хочу быть тебе обузой. Даже быть вместе негде. В степи будем встречаться? В интернатском закутке ютиться? Не тот шалаш, где милым рай. Поломаем только друг другу судьбу.

У Гарри комок подкатился к горлу. К такому разговору он не был готов. Помолчали. От тишины звон стоял в ушах. Под ногами шастали ящерицы, сипели кузнечики. У горизонта резвился-закручивался пыльный вихрь.

– А вот Альмушу мне жалко,– заметила вдруг Рая.– Бедная девочка! Оторвали от родителей. Привезли в глухомань. И что дальше?

– Я думал: будем жить втроем – станет легче... образуется.

– Нет дорогой, ничего не образуется. Ты старше, умнее, опытнее. Должен был все это предвидеть. Я что? Городская наивная девчонка. Ночами не сплю, вслушиваюсь в разные шорохи, вспоминаю Алма-Ату, маму, наш дворик, улицу. С ума сойти! И никакого просвета. Во всей округе даже бани нет. Директор говорит: в «Коммунаре» строится новая школа. Туда, мол, переедем. Так она строится уже десять лет... Что молчишь?

– Не знаю, что сказать. Грустно.

– Представляешь? Ни радио, ни книг. Электричество от движка. Вечера коротаем при керосиновой лампе. Еда – пресная лепешка и чай. Лишь перед сном бешбармак из копченки. Ни яблока, ни ягодки. Непривычное все. Вода привозная. В ноздрях пыль, на зубах – песок. Ужас!

– Ничего! Тысячи людей веками так живут. Приспособишься. Зато столько романтики,– криво усмехнулся Гарри. – Начнутся занятия – повеселеешь.

– Утешил! Занятия, знаешь, когда начнутся? После первой четверти. А до того всех старшеклассников отправят на уборку кукурузы. С классными руководителями вместе. Два месяца на кукурузном поле! Не представляю.

Печальное получилось свидание. Гарри мерещились другие картины.

Встретил их директор школы – миловидный, светлолицый, добродушный казах немногим за тридцать. Обнял Гарри, обрадовался его казахской речи, пригласил сразу в гостевую, усадил на коврик вокруг круглого, раскладного низенького столика, засыпал традиционными вежливыми расспросами о житье-бытье, о районных новостях, похвалил Раю.

– Толковая девушка. Чуткая, добрая, хорошо рассказывает. Наша Алия души в ней не чает. И о тебе говорила. Оказывается, ты ее с вагона снял. А то сидеть бы ей сейчас в Кызылординской области. К тебе не

равнодушна, поверь. Но, боюсь, к нашим условиям не привыкнет. Укатит при первой же возможности. Кроме тебя, никто ее не удержит.

Кахарман Бопежанов – так звали директора – оказался разговорчивым человеком, радушным хозяином. Поведал о своем родном крае, рассказал, что здесь, почти в каждом ауле, обитают бывшие ссыльные – незаурядные люди, раньше их было особенно много из разных российских городов, теперь, обретя свободу, понемногу разъезжаются, но некоторые, похоже, остаются навсегда. В Байкадаме, например, живут грек Эйбов, профессиональный музыкант, немец Иосиф Келлер, сложной судьбы человек, русский Зимин со своей семьей, чеченец Вахидов, и, многие, многие... Особенно много твоих соплеменников. Работники прекрасные, но живут замкнуто, обособленно, ни с кем не общаются. Баптистами заделались. Вообще, край Сарысуский интересный. Здесь пролегли караванные тропы еще чингисхановских времен.

– Слушай, а в шахматы играешь?

– Играю.

– Ну давай сразимся, пока мясо поспеет.

– Но... мне надо до сумерек вернуться.

– Успеешь. Сторож тебя на мотоцикле домчит.

Директор школы играл прилично, грамотно, выказывая дебютную подготовку, но в миттельшпиле заметно плавал. Рая сидела рядом, мало что понимая в казахской речи мужчин.

Принесли на деревянном подносе исходившее жиром копченку с кругом золотистого казы. Ели не спеша. Мясо с сочнями было давней слабостью Гарри и, подбадриваемый щедродушным хозяином, наелся до отвалу, смущаясь своего зверского аппетита. Запили обильную еду жирной, настоенной на кислом курте сорпой. Гарри отмяк, повеселел. Жизнь не показалась такой безнадежной, как еще совсем недавно. Бедняк

пается, наполовину обогатился,– утверждает казахская поговорка.

– Ал, ипташ-інім, келіп тұр,– сказал на прощание директор.– Наведывайся. О Раечке не беспокойся. Она будет жить у нас. А поженитесь – буду рад.

Гарри хотелось обнять погрустневшую девушку, обласкать ее, утешить, но в присутствии директора, его жены и дочки постеснялся. Только сказал:

– Не унывай, прошу тебя. Увидишь, все образуется, все будет хорошо. Я это чувствую.

На следующий день Гарри забрел в районный клуб в надежде порасспросить завсегдатаев: вдруг кто-нибудь возьмет на постой. За столиком в углу просторного помещения двое азартно играли в шахматы, вокруг них толпились болельщики. Играли неумело, но шумно, громко стуча фигурами и подзадоривая друг друга:

– Что? Это шах? Тьфу на такой шах!

– От такого шаха никто еще не умирал!

– На твой шах я обрушу мат.

– Матеус, хочешь сказать?

– Нет, настоящий Матанович!

– Боюсь, твой Матанович окажется Сатановичем.

Болельщики похохатывали.

– Тоже мне игроки!– заметил вскользь Гарри по-казахски. – Шуму много, а игры нет.

– Ау! Это еще кто такой?!– воззрился на него один из игроков, смазливый, самоуверенный казах с усиками. – С неба свалился?

– Из Алма-Аты приехал.

– А? Не дейді?! Чего в нашем краю не видел?

– Шахматных корифеев.

– Ты глянь на него! Ершистый. Кто ты?

– Учитель. Направлен в Байкадамскую школу.

Все обернулись к Гарри.

– Вот-те раз! И я учитель. И он, – смазливый казах указал на своего напарника.

– Очень приятно. Я – Гарри Карлсон.

– Кари? Я – Толек. Он – Конаш. Немыс, что ли?

– Немыс.

– А шпаришь по-казахски, как казах.

– Так... с кем поведешься... Каленову Гульсум знаете?

Игроки озадаченно переглянулись.

– А ты ее откуда знаешь?

– Мы из одного края. Можно сказать, моя старшая сестра. Слышал я, будто она здесь работает.

– Не дейді?! Как старшая сестра?

– Просто. Земляки. Аульчане. В одной школе учились.

– Вот тебе безгелдек! Пойдем со мной. Я покажу, где твоя старшая сестра живет.

Новость всем показалась неожиданной. О шахматах все сразу забыли, познакомились за руку.

– И что будешь, бауырым, преподавать?

– Русский язык и литературу.

– Ну и ну! Міне кызык!

Шли долго по закоулкам, по тропинкам между дувалами, через арыки, мостики. Пришли в приземистый дом-коржун. Так казахи называют жилье с большой передней посередке и с двумя комнатами по обеим сторонам.

Скрипучая дверь. Низкие потолки. Пол, застеленный кошмами. Плита с большим казаном. Обычная казахская обстановка. Черноглазая молодка в камзоле и длинном платье хлопотала у печки.

– Эй, байбише! Принимай братишку или деверя.

– Е, құдай! Кого ты еще привел?

Молодка цепко вгляделась в гостя. И Гарри, застыв у порога, всматривался в нее. Смазливый, с усиками, ухарь-джигит, загадочно улыбался, наблюдал за ними со стороны. Спросил:

– Что? Не узнаешь?

Гульсум не узнавала. И Гарри не находил в ней знакомых черт. Не виделись они лет, выходит, четырнадцать.

Гульсум блистала в школе своей общительностью, независимостью, дерзостью, привлекательностью, бойкостью. Она росла в обеспеченной семье, в ласке и холе, любимая дочка председателя соседнего колхоза. Всегда нарядно одетая, круглолицая, насмешливая, черноглазая, она притягивала взор аульчан с раннего детства. К тому же обладала острым язычком, открыто говорила, что думала, не смущалась перед взрослыми, читала стишки и пела прилично, верховодила даже среди мальчишек. Правда, не в меру проворного отца после войны арестовали за слишком вольное обращение с колхозным добром, кто знает, в какой мере он действительно был грешен, но благополучная семья вмиг осиротела, обеднела, а Гульсум предстояло учиться в средней школе соседнего аула, жить у знакомых. Вольная по натуре девочка, однако не чувствовала себя угнетенной. Училась отлично, участвовала во всех школьных мероприятиях, пела на сцене, играла в спектаклях, проявила себя неожиданно и в акробатике, что явилось в послевоенном казахском ауле и вовсе сногсшибательной новостью. Легко и изящно делали «мост» всего три девочки во всей школе. Аульчане восторгались такой гибкостью. Гарри врезалось в память: он учился в третьем классе, был щупл, легок, а Гульсум была уже пригожей, туготелой девятиклассницей. Откинув длинные, туго заплетенные косы, изогнув стан, чуть расставив руки-ноги, она живо изображала на сцене «мост», а босоногий, в трусиках и маечке Гарри вставал на ее обнаженный, атласно гладкий, упругий девичий живот и отдавал пионерский салют. А когда легкий, как пушинка, Гарри спрыгивал с нее, точно с трамплина, сделав эффектное сальто назад, зрители приходили в восторг. Это был их коронный номер.

Учителя души не чаяли в черноглазой активистке-комсомолке. А старшеклассники были в нее повально влюблены.

Гульсум, одна из первых казашек блистательно окончив среднюю школу (в послевоенные годы в аулах такое было редкостью, ибо девушек уже после восьмого класса успешно или не очень выпихивали замуж, пока шайтан-искуситель не сбил ее с праведной дорожки, заповеданной предками), уехала на удивление всех в далекую Алма-Ату поступила в женский педагогический институт, который, по слухам, и окончила успешно, сразу же выйдя замуж за такого же бойкого красавца, который увез миловидную северянку в родные края – в райцентр Байкадам Джамбульской области.

И вот спустя столько времени они встретились.

– Неужели Бирлик?– гадала Гульсум, вспомнив татарина-одноклассника.

– Я Гарри. Сын аульного фельдшера Карлсона.

– Ой, айналайын, милый! Да я в жизни не угадала бы. Ты же был совсем мальчишкой. Я помню твои ножки на моем животе.

Гульсум вся вспыхнула от радости, залучилась глазами, обняла гостя, все приговаривала:

– Ой, бауырым! Это же Гарри! Братишка мой! – И обернулась к мужу. – Ну, вот! Теперь я здесь не одна. Есть у меня опора и защита в этом краю. Бауырым, заступник мой, нашел-таки свою әпке!

Встреча вышла неожиданной и трогательной.

Видно было, что в этом доме жили дружно и довольно обеспеченно. Дом оказался типичным для этого края, саманным, в форме переметной сумы – «коржын үй». Небольшая веранда, заставленная всякой всячиной – тюками, мешками, чемоданами, самоварами, казанами, ящиками, баулами, – вела в просторную переднюю, верхняя часть которой была застелена деревянным полом, покрытым кошмой и текеметами; в нижней половинке пол был земляной, крепко утрамбованный. Здесь громоздились в углу баялыш – сухой колючий кустарник для топки, щепки для самовара, сухой кизяк. Вдоль стены выстроился

длинный ряд обуви – калоши, кебисы, ичиги, кирзовые сапоги, ботинки, туфли, боты, разношерстные отопки всевозможных размеров. Посередине передней с двумя окнами на улицу стоял круглый низенький стол, вокруг которого на домотканом паласе бугрились изрядно засаленные подушки. За этим столом – можно было догадаться – проходила вся жизнь многолюдной семьи. Здесь встречали гостей, ели и пили, беседовали, готовились к урокам. От передней в две разные стороны расположились еще две комнатки-спальни – с кроватями, диванчиком, сундуком на котором штабелями складывались одеяла-корпе, подстилки, подушки чуть ли не до самого потолка. В одной комнатке живали Гульсум с мужем и двумя детьми, в другой – брат Толека, Конаш, с женой и тоже с двумя сорванцами. А старая мать, серолицая старуха с запавшими щеками, слезящимися глазами, в длинном плюшевом камзоле поверх широкого платья, с белым тюрбаном на голове, обитала в передней. В углу верхней части передней находилось ее лежбище, на котором вольно резвились чумазые ее внуки. В казане на печурке варилось мясо, возле двери тихо насвистывал пузатый медный самовар.

Вся обстановка в доме была знакома Гарри. В северном краю в казахских аулах жили примерно так же.

Встретили гостя радушно. За круглым низким столом уселась вся семья – девять душ. Толек откуда-то извлек бутылку «акмаганбета», разлил огненную водицу по пиалам.

Выяснилось, что братья Толек и Конаш живут под одной крышей. Толек преподает математику и физику, Конаш – историю и географию, Гульсум – казахский язык и литературу. Все в одной школе.

– Теперь еще и Гарри будет в нашем клане,– заявила Гульсум. – Будем мы задавать тон в коллективе.

Гульсум все расспрашивала про свой северный аул, куда уже столько лет не смогла выехать на побывку.

Узнав о кончине некоторых аульчан, прослезилась, благоговейно огладила по-мусульмански лицо.

– В карты не играешь?– поинтересовался Толек.

– Нет. Только в шахматы.

– Небось, разряд есть?

– Есть. Был даже чемпионом института.

Братья оживились.

– О, тогда при случае сразимся. У нас в районе есть весьма сильные игроки. В теории, может, и не сильны, но могут любого чемпиона запросто заматовать.

– Рад,– сказал Гарри.– Но прежде, чем затевать шахматные баталии, необходимо как-нибудь обустроиться.

– А что, в райОНО ничего не предложили?

– Нет.

– Ну, это в наших руках,– заверил Толек, а Конаш кивком подтвердил.– Тут мы всех знаем. Ты один?

– С сестренкой.

– Сколько лет?

– Одиннадцать.

– Где она?

– В интернате пока обитаем.

– Значит, нужна комната?

– Желательно.

– Сообразим. Подыщем. Не беспокойся.

От Гульсум-әпке Гарри вышел радостным и обнадеженным. На прощании Гульсум вручила сверток с мясом, баурсаками, конфетами, куртом, иримшиком.

– Гостинец для твоей сестренки. Не забывай нас. Я рада, что в этом краю у меня есть братишка.

До начала первой учебной четверти оставалось два дня. В школе все бурлило. Со всех ближних и дальних аулов съезжались ученики. Десятиклассников едва распределили по шести классам. Гарри назначили классным руководителем 10-го «Е». Часов оказалось хоть отбавляй, но Гарри решил ограничиться полутора ставками.

Гульсум и ее муж подыскали квартиру для Гарри на второй же день. Вдова Кармеш жила с дочерью-восьмиклассницей в трехкомнатном доме. Она охотно предоставила пустовавшую комнату за символическую плату. Комендант интерната выделил молодому учителю две койки, матрац, одеяло, подушки, школьники на двухколесной арбе, запряженной ишаком, мигом доставили жалкий скарб к новому обиталищу, единственным недостатком которого была его отдаленность от школы. Ходить предстояло ежедневно через базар туда-сюда более двух километров. Это немного омрачало настроение.

Похоже, полоса неудач закончилась. «У джута семеро братьев»,– говорят казахи. «Беда одна не приходит, – вторят русские. – Пришла беда, отворяй ворота». Видно, и удача влечет за собой удачу, а за радостью следует радость. Давно ведь замечено, жизнь идет полосами.

Как-то вечером накануне занятий неожиданно проведал новых жильцов Казбек. Был он отутюжен, при галстуке, тщательно выбрит, будто собрался на свидание. И выглядел солиднее обычного. Только плоский, ноздреватый нос потел по-прежнему.

– У меня есть новость. Может, тебя обрадует,– заявил он с порога.

– Выкладывай. С меня магарыч.

Оказалось, сестра его не прошла по конкурсу в педучилище и возвращаться домой, в Актюбинск, постеснялась. Решила перебраться к брату. Может, найдется все же местечко в начальной школе. Или, может, пригодится как секретарша или пионервожатая. Сестра, не дожидаясь ответа, выехала к брату. Завтра-послезавтра уже прибудет. Казбек, едва получив телеграмму, отправился к заведующему райОНО. Тот подумав, предложил:

– Давай отправься в «Коммунар» к Бопежанову. Там найдется место и для тебя, и для твоей сестры. В начальные классы ее определят наверняка. А татарку

Раису переведем сюда. Пойдем Карлсону навстречу, раз он решил жениться. Пойдет?

– Пойдет!– сразу согласился Казбек.

Все складывалось на редкость удачно.

– Или ты возражаешь?

– Что ты? Идеально! И ты устроен, и сестра при тебе, и я счастлив.

На другой же день Рая перебралась в комнату нового жильца вдовы Кармеш.

Зажили втроем. Не стали торопить события. О женитьбе-замужестве разговоров не вели. На работу с утра отправлялись вместе, и вместе чаще всего возвращались домой. По пути заходили на базар и запасались провиантом. Первая же зарплата показалась несметным богатством. И с Альмой были неразлучны. Казахская средняя школа и русская восьмилетка находились рядом. Шумная школьная жизнь, преподавание, кружковая работа, классное руководство, самодеятельность, разные районные мероприятия вскоре увлекли молодых преподавателей, втянули в вихрь бытия, не оставляя времени на скуку и душевные треволнения.

«Терпение, терпение,– внушал себе Гарри.– Все образуется. Война, как говорится, план покажет. Что суждено, то и будет»...

VIII. УРОК НЕМЕЦКОГО

Иосиф Кондратьевич Келлер жил неподалеку в чисто выбеленном домике за разноцветно раскрашенным штакетником замкнуто, обособленно с престарелой матерью. Этим домиком, похожим на сказочный теремок, прохожие поневоле любовались. Ничего похожего в районном центре не было. Домик был чудом. А хозяин его слыл чудаком.

Таких прозрачных, тщательно промытых окон, такого ухоженного палисадника с пышными клумбами

и песком посыпанными дорожками, с небольшим прудом, обложенным также выкрашенными валунами, не сыскать было во всей округе.

Иосиф Келлер был приметной личностью, лет шестидесяти, двухметрового роста, с крепкими ручищами, массивной, как у льва, головой, с походкой штангиста, сосредоточенно подбирающегося к штанге, могучим, необъятным торсом, с рокочущим басом. Он был неизменно собран и насторожен, будто ожидал невидимую пакость, подвоха сзади или сбоку. Человек-гигант. Гулливер. Местная достопримечательность.

– Из Поволжья родом?– прогудел при первом знакомстве.

– Ja. Wolganegger,– в шутку ответил Гарри.

– Я так и подумал. Как с немецким?

– Wie soll ich sagen? Чаще сбиваюсь на поволжское наречие.

Гигант пошевелил кустистыми бровями.

– Нет такого наречия. Есть гессенский диалект.

– Да, наверное, так. А вы?

– О, я? Eine traurige Geschichte. Родился в колонии Ноймонталь на реке Молочной, на юге Украины. А далее где только не бывал! Долго рассказывать. Теперь Байкадамский немец. Думаю, застрял здесь навсегда.

В больших, чуть навыкате, голубых глазах плескалась боль и печаль. Все было в нем необыкновенно крупно: и нос, и губы, и уши, и руки-грабли, и ноги-стояки. Половицы в учительской жалобно поскрипывали под ним. На стул гигант опускался очень осторожно, будто наощупь, боясь, что развалится под его тяжестью. На обшарпанный диванчик в углу он никогда не садился, а ножища не знал, куда девать. Поражал прежде всего размер его бахил.

– 48-й – 50-й, – смущенно отвечал он. – Беда! Шью по заказу. Латаю, чиню. Дома хожу босиком.

Говорил Иосиф Кондратьевич на очень низких тонах, едва не шепотом. Иначе можно было подумать, будто где-то поблизости рычит лев. Женщины затыкали уши.

– На октаву ниже левитановского, – шутил он. – Поль Робсон позавидует.

И в доказательство рокотал: «О, май бэби!..»

Библейское имя ему очень шло. Хотелось называть гиганта ласково дядюшкой. При всех своих монументальных габаритах был он робок, мягок, учтив, добр. Ученики его не боялись, а, наоборот, он робел перед ними. Озорники, случалось, при его появлении картинно изображали страх, застывали, будто в испуге, словно тушканчики в степи, и вместо «Гутен таг!» выкрикивали: «Кётен так!» и «Хенде хох!» Гигант добродушно посмеивался или обиженно поджимал губы. Особенно предупредителен, галантен он был с женщинами. Всех коллег неизменно величал по имени-отчеству, что в казахской среде звучало нелепо. Женщины-казашки называли друг друга по имени, мужчины обходились уважительной формой обращения, добавляя к первому слогу имени «ака» или «еке»: Ахметжан – Аха̀, Болат – Бөкѐ, Толек – Төкѐ, Абдули – Абекѐ, Нургали – Нурекѐ, и так далее. И только Иосиф Кондратьевич вежливо гудел: Калиахмет Жаманбалинович.

Шуток гигант не принимал.

– Эх, Иосиф... Иосиф Кондратьевич, где же ваши братья? – поинтересовался однажды Гарри, имея в виду известную тетралогию на библейский сюжет.

Гигант потемнел лицом, затрепетал ноздрями, тяжело воззрился на нетактичного молодого коллегу.

– Братья мои все сгинули в застенках НКВД.

И сказано это было так жестко, так сурово, что у Гарри мгновенно пропал шутливый тон, и он только пробормотал:

– Извините, пожалуйста.

В другой раз, восхищаясь его необычайно низким и мощным басом, Гарри предложил ему во всю силу пророкотать с пафосом одну лишь фразу: «Я достаю из широких штанин», заранее вкушая эффект, но гигант ответил, как обрезал:

– Достать я могу... но совсем не то, что имел в виду Маяковский. Ибо «серпастого, молоткастого» у меня попросту нет.

Лишь потом Гарри узнал, что достопочтенный Иосиф Кондратьевич все еще находился в статусе административно высланного. Сам Гарри обрел паспорт два года назад и по наивности полагал, что в Советском Союзе несвободных людей уже не осталось. Оказалось, что в разбросанных по безбрежной степи казахстанских аулов невольников, высланных со всех углов империи, еще уйма.

Учитель немецкого языка Иосиф Келлер манил, притягивал Гарри. Он чувствовал, что с этим незаурядным человеком связано многое, о чем ему неведомо, но что свойственно трагической судьбе народа, к которому и он, Гарри Карлсон, принадлежал. Он замечал, что неразговорчивый гигант тоже к нему присматривался, однако, на открытые, душевные разговоры не шел. И любопытство молодого коллеги, охотно и запросто общающегося с казахами по-казахски, гигант, казалось, не особенно одобрял.

А однажды на просьбу Гарри рассказать подробнее о своей – судя по всему – весьма неординарной судьбе, Иосиф Кондратьевич вдруг и вовсе насторожился, ощетинился, вперил в коллегу тяжелый взгляд и по слогам, будто водой окатил, спросил:

– А по-че-му я, Гарри Карлович, должен собствен-но доверять вам? Я ведь совсем-совсем вас не знаю!

– Ваше право,– также холодно отозвался Гарри и отвернулся от него.

Подозрительных, мнительных людей он не жаловал, хотя понять их старался.

Более месяца Гарри с ним не общался, обходился при встрече кивком головы. Его это угнетало: в школе работали всего три немца, и они избегали контактов. Но чувствовалось, Иосиф Кондратьевич переживал размолвку, старался возобновить охладевшие из-за его подозрительности отношения.

Как-то у обоих случились в школьном расписании «окна», и они оказались в просторной учительской одни. Гарри проверял тетради, а Иосиф Кондратьевич кряхтел, сопел, урчал, отдувался, видно, стараясь привлечь к себе внимание, потом порылся в своем старом, бечевкой обмотанном портфеле, достал лист бумаги, начал как бы для себя читать по-немецки медленно, точно взвешивая, каждое слово:

– Man hatte mir die Taube fortgenommen
Im Sack bei Nacht.

Он сделал паузу. Казалось, пробовал каждое слово стихотворения на вкус. И снова повторил чуть громче, нараспев. Голос его дрожал.

– Man hatte mir die Taube fortgenommen.

– Что вы бормочете, Иосиф Кондратьевич? К уроку готовитесь?

– Что вы?! Послушайте, Гарри Карлович, одну минутку.

И гигант монотонно, проникновенно – глаза его тотчас повлажнели – дрожащим басом прочел:

– Man hatte mir die Taube fortgenommen
Im Sack bei Nacht.
Doch schon am nächsten Tag
ist sie dann wieder heimgekommen
in ihren alten Taubenschlag.
Da hat man ihr
die Flügel kurz beschnitten.

Гигант всхлипнул, тяжело задышал:

Doch kam sie wieder.
Spät und früh

ist sie zu Fußzurückgeschritten
den weiten Weg,
Trotz aller Müh.
Als ihr die Flügel
Wieder nachgewachsen waren,
stig jeden Tag sie
jauchzend himmëlwarts.
Ich sah ihr nach,
Wie ich's getan vor Jahren,
und dachte mir:
«So bist du auch, mein Herz»[1]

Волнение гиганта передалось и Гарри. Судьба голубки, которой обрезали крылья и которая, искалеченная, вновь и вновь возвращается в родное место, доходила до самых глубин сердца.

– Вы поняли?– придирчиво спросил Иосиф Кондратьевич.

– Да-а... Жалко голубку, – проронил Гарри.

– Но... не о голубке ведь речь!– прогудел укоризненно гигант.

– Понятно, аллегория.

– Голубка с обрезанными крыльями – это разве не мы с вами? Не народ наш?

Гигант всхлипнул, на глаза его навернулись слезы.

– Дайте прочту. Я глазами лучше воспринимаю, нежели на слух.

---

[1] У меня украли голубку,
тряпкой голову ей накрыли.
Но она вернулась назавтра
отыскала дорогу в свой дом.
И опять украли голубку,
ей подрезали белые крылья
Но опять вернулась назад она
не страшась ничего, пешком.
Подросли ее крылья легкие,
начинает она летать.
И слежу я опять за полетом ее
и раздумываю опять –
Я раздумываю про нее:
"Ты похожа на сердце мое"
(перевод Вл. Сергеева и Ю. Ирунина)

Гарри медленно прочел стихотворение еще раз.

– Кто автор?

– Российский немец. С Алтая. Кстати, ваш земляк, волжанин.

– Интересно! А где опубликовано?

– Нигде! Знакомый литератор прислал. Недавно только из Норильска, освободившись из заключения, переехал в Талгар.

– Под Алма-Атой?

– Да. Член литературного объединения украинских немецких писателей «Плуг».

– Было такое объединение?

– Было.

– И где его члены?

– Кто расстрелян, кто сгнил в ссылках, кто где-нибудь в Тьмутаракане осел.

– За что?

– А за что подрезали голубке крылья?

– Выходит, ничего-то я и не знаю,– пригорюнился Гарри.

– Конечно,– согласился Иосиф Кондратьевич.– Откуда бы вам знать? Вы – подшибленное поколение.

– Потерянное.

– Нет, скорее, не совсем потерянное, но что подшибленное – точно. Может, я вас малость просвещу в этом направлении, если, разумеется, эта тема вообще вас трогает.

– Был бы благодарен. Конечно, трогает.

– Хорошо! Беда ведь в том, что многие из наших соплеменников, о том уже и знать не желают.

– Верно. И я с этим сталкивался.

– И это самое большое наше горе,– запечалился гигант.

Через несколько дней Иосиф Кондратьевич принес Гарри еще один крупным почерком исписанный лист.

– Почитайте. И тут же верните.

Стихотворение называлось «Bambus».

Im neuen Kurort wachs ein Bambushain.
Doch wollte man auf diesem Stückchen Boden
den Tanzplatz baun – der soll gezäumig sein –
und fing drum an, den Bambus auszuzroden.

Das Bambusrohr ist hart, doch unterlag's,
Bald war von ihm auch keine Spur zu finden.
Aus Stein und Mörtel stand dann eines Tags
der Tanzplatz da, umsaum von jungen Linden.

Doch blieben unter dem Beton zurück
die Bambus wurzeln, und sie wollten leben.
Sie brachen auf die Steine Stück für Stück
und ließen den Beton sich brockelnd heben,
bis sie erreicht das helle Sonnenlicht.

Was leben will – auch Steine halten's nicht![1]

– Так это же тот же автор! – воскликнул Гарри.

– Вы угадали, – обрадовался гигант. – Точно!

– Можно переписать?

– Лучше не надо. От греха подальше. Может, как-нибудь позже.

– Ну, спасибо! Вы меня взволновали. Поэт сказал то, о чем мы все молчим.

– Как бы вы отнеслись к тому, если я вас приглашу к себе на чашку кофе... скажем, на воскресенье? – с

---

[1] Там, где стволами трогая друг друга,
бамбук густою порослью стоял,
решили строить танцевальный зал –
и приступили к вырубке бамбука.

Бамбук был горд. Он не издал ни звука –
Он, как солдат, в бою сраженный пал.
Стеклянный свод то место увенчал,
и лег бетон узором в центре круга.

Плитой могильной лег цветной бетон.
Но корчились под ним во мраке корни:
был жив бамбук, вверх пробивался он,
взбугрив бетон собою непокорно,
взломал – и к солнцу вырвался на свет...

Что хочет жить – тому преграды нет.

(перевод Ю. Грунина)

некоторой торжественностью спросил Иосиф Кондратьевич.

– Положительно,– тотчас отозвался Гарри, удивленный неожиданным предложением. – В какое время?

От казахских коллег Гарри знал, что Иосифа Келлера, по обычаю первоначально приглашали на той-торжества по разным случаям, но странный немец только вежливо благодарил, но ни к кому никогда не ходил. Говорил: не может, точно верблюд, сидеть на полу, не знал, куда девать ноги. И сам к себе никогда не приглашал. Коллективные застолья-чаепития в школе учитель немецкого языка тоже избегал. В командировках в область во время педагогических семинаров он тоже столовался отдельно, заказывая себе в обед яичницу с салом и кружку пива, а на ужин – блеклый чай и стакан сметаны. Гигант ел удивительно мало, все мысленно переводил на килокалории и витамины. Он не ел, а питался, священнодействовал. Никогда не завтракал, а делал – где бы ни был – часовую пробежку и обливался холодной водой зимой и летом. В мороз ходил с непокрытой головой, и от мощной выи, бугристого загривка его валил пар, будто только что вышел из бани. Знающие люди поговаривали, что покладистый гигант был еще недавно женат. Маленькая росточком, сухопарая его жена (судя по всему вторая), вздорная и крикливая бухгалтерша быткомбината, Зинаида Петровна, не ужилась с гигантом-педантом. Говорила о нем пренебрежительно: «Мой фриц-балбес», и товарки ее похохатывали: «И как ты, Зинаида, с ним спишь? Не боишься, что раздавит? Это же шкаф дубовый!» «Да ну его! – кривила губки Зинаида. – Шкаф-то шкаф. Да ключик из него выпал». И товарки понимающе хихикали.

Не заладилась у милейшего Иосифа Кондратьевича супружеская жизнь с своенравной, судя по всему, стервозной бухгалтершей быткомбината. В исступлении та, бывало, набрасывалась на гиганта разъя-

ренной кошкой и, чтобы не нанести ей невзначай увечья, великан просто держал ее за руки, а она поровила коленками угодить ему в пах. Потом на суде взбалмошная бабенка демонстрировала всем синяки на запястьях. Гигант ничего не мог ответить. Стоял, повесив львиную голову. Судья полюбопытствовал:

– Зинаида Петровна, он вас насиловал?

– Куда ему?! – фыркала ядовито вздорная баба.

В судебном зале расхохотались.

Их развели. И об этом разводе судачил на все лады весь районный центр. С того времени Иосиф Кондратьевич еще больше замкнулся, избегая за версту любую бабенку, которая втайне имела на него виды, и жил тихо, уединенно со своей старой болезненной матерью.

– Ну, скажем, между четырнадцатью и пятнадцатью часами.

– Хорошо. Abgemacht,– согласился Гарри.

– Милости просим.

В воскресенье в назначенный час Гарри подошел к крашенной калитке и посмотрел на часы. Было без десяти минут два часа дня, и Гарри не решился дернуть за шелковый шнурок с колокольчиком. Педантичный немец может ведь его на десять минут раньше и не принять. Это к казаху можно запросто завалиться на час раньше или позже. Ровно в два Гарри дернул шнурок, и тотчас на крыльце выбеленного, как яичко, домика показалась гигантская фигура хозяина.

– Willkommen! – торжественно прогудел гигант.

Цветов на районном базаре Гарри не нашел, а потому по совету Раи купил шоколадных конфет и бутылку сухого вина. Хозяин провел гостя в чисто прибранную гостевую комнату, предоставил его маленькой, в белом переднике и седых буклях старушке.

– Очень приятно...– прогрессировала чопорная старушка. – Sehr, sehr angenehm... Магдалена Францевна.

На столе, покрытой белой скатертью, стояли вазы с фруктами, тарелочка с вафлями и конфетами и три фарфоровые чашки для кофе. Старушка, поблагодарив, деловито засеменила на кухню, а хозяин покосился на часы, будто засек время перед стартом. Гарри вспомнил, что ему отведено на аудиенцию ровно час времени.

– Спасибо, Гарри Карлович, что пришли. С чего начнем?

– Вы обещали при случае подробнее рассказать о себе.

– Хм-м... Да, да... не знаю, как покороче все изложить. Мой отец Кондратиус Келлер был зажиточным колонистом и занимался выращиванием зерна на 50 десятинах земли на юге Украины. Работяга был. Родился в год отмены крепостного права на Руси. Представили? Ну, а детей у немцев бывало много. Как у казахов. У моего отца нас было восьмеро – три дочери и пять сыновей. Вы как-то спрашивали: «Иосиф, где ваши братья?» Намек на Томаса Манна я понял. Отвечаю: брат Николай расстрелян в 1938 году, Эдуард перенес арест, ссылку, трудармию и умер, Евгений расстрелян тоже в 1938 году, Эдгар погиб в трудармии во время войны, на лесоповале в Красноярском крае, ну, а я, ваш покорный слуга, сижу перед вами. Чем не библейский сюжет?

– Об этом надо бы писать.

– Кто напишет? И кто напечатает? Через тридцать-сорок лет? – грустно прогудел Иосиф Кондратьевич. – А потом это ведь не трагедия одной семьи. Тысячи, сотни тысяч семей! И не только немцев! Тут нужен Толстой, и Достоевский и Томас Манн, и Фейхтвангер – и то все вместе эту тему не охватят, не исчерпают. О судьбе моего отца, моих братьев можно по книге написать. Вот моего отца раскулачили в 1929 году и расстреляли в 68 лет. А ведь против советской власти он не был. Просто батрачил с утра до вечера, чтобы

прокормить свою семью и поставить детей на ноги. И почти все складывалось, как было задумано. Брат Николай, старший, окончил реальную школу и учился в Московском высшем техническом училище. Расстрелян в сорок один год. За что? Остальные трое окончили Пришибский немецкий педтехникум, преподавали и продолжали заочно учиться в Московских и Ленинградских педвузах. Одного арестовали в Феодосии, другого в Мурманске, третьего в Краснодаре. За что? Никто не знает. А меня арестовал все тот же Народный Комиссариат внутренних дел в 1937 году. Мне было сорок. Двенадцать лет отбарабанил в Норильске. Можете такое представить?! И потом выслан сюда, в Джамбульскую область, сказали: «навечно».

– И чем вы занимались в Норильске?

– Был шахтером, фотографом, художником, проходчиком, бригадиром, строителем, чертежником, репортером.... Только не учителем. Учительствовать позволили только здесь. И то со скрипом. Такая вот история.

– Да-а... не знаю, что и сказать...

– А что тут скажешь? Изуродовали семью. Изуродовали народ. Все испоганили! Теперь думают исправить, ищут виноватых. И винят опять-таки не палача, а жертву. Не только несправедливо, а оскорбительно.

– Но немного вроде как допускают послабление?

– Какой там? Пикнуть не смей! Распылили народ, раскидали. Школ нет, книг нет, радио нет, вместе не собирайся. О своем не говори. Дали газетенку, издают в «Прогрессе» жалкие книжонки для отводу глаз, допускают до самодеятельности, а больше и не высовывайся.

– Но наверняка не все довольны таким положением?

Иосиф Кондратьевич долго молчал, прикрыв глаза и вытянув на ползала свои могучие ножища. Магдалена

Францевна на подносе принесла кофейник и сгущенное молоко в банке.

– О, кофе! – воскликнул Гарри.

– Не совсем,– поправила старушка. – Мы называем этот напиток прибс. Поджаренный ячмень и немного цикория.

– Настоящий бразильский кофе я пил еще до ареста, – вставил хозяин. – Да-а, скажите, Гарри Карлович, в какой степени вы осведомлены о литературе российских немцев – особенно дооктябрьского периода и 20-30-х годов?

– Крайне слабо. Fast keine Ahnung,– признался Гарри.

– Жаль, конечно. Вот сюда бы направить вашу молодую энергию. Но я заметил, у вас совсем другое направление, другие намерения. В том, понятно, вины вашей нет. Так сложилось. И я вам порой завидую. Вы человек открытый, раскованный, сильно подверженный казахской ментальности. У вас нет боязни, осторожности. Казахи – ваша крепкая опора. И с ними, думаю, не пропадете. К сожалению, нынешние наши немцы ненадежны. Народ забит, запуган и извращен. Наш немец своего ближнего не защитит, а, скорее, с потрохами выдаст и с обрыва столкнет. Так что за казахов держитесь. Выручат в любую минуту, если ты свой. А к вам именно так относятся. Но если бы вы могли уделять внимание и истории и культуре российских немцев, тогда вам цены бы не было. А историю и культуру родного народа надо не только знать, но и пропагандировать, поощрять, культивировать в сознании соплеменников. Иначе они растворятся бесследно в истории других народов. А наши немцы достойны иной доли. Вы о том задумывались?

– Иногда... Но все откладываю на потом.

– Потом может быть поздно. Именно сейчас нужны молодые люди, которые разбудили бы свой растереб-

ленный и задавленный народ. «Кто, если не ты?!» – вот какой вопрос следует себе почаще задавать.

Иосиф Кондратьевич сделал паузу и покосился на часы. Воскликнул:

– О, наверное, на сегодня хватит. Надеюсь, наша встреча на Эльбе будет иметь продолжение?

– Был бы рад.

Стрелка часов совсем уж приблизилась к оговоренному времени. И Гарри откланялся, поблагодарил вышедшую из своей спаленки чопорную старушку.

Через месяц Иосиф Кондратьевич пригласил Гарри к себе опять, снова обговорив время – «от двух до трех дня». И все повторилось точь-в-точь. Только тема беседы обрела иное направление.

– Вам попадался ли когда-нибудь в глаза библиографический указатель Франца Петровича Шиллера? – спросил Иосиф Кондратьевич.

– Попадался.

– Как?! – воскликнул хозяин. – Каким образом? Где?

Он был искренне изумлен.

Гарри рассказал про свои занятия в редком фонде публичной библиотеки, про то, как однажды, совершенно случайно в разделе «румынская литература» наткнулся на целые залежи из библиотеки распущенной Автономной Республики немцев Поволжья.

– Майн Гот! Как они оказались в Алма-Ате?

– Видно, в жуткой спешке часть библиотеки отправили в Ташкент, а оттуда переправили в Алма-Ату. А там тоже не знали, куда девать литературу на немецком языке и по недоразумению запихнули в отдел румынской литературы. Там все и пролежало нетронутым пятнадцать лет. Некоторые педагогические журналы 1940-1941 годов не были даже разрезаны.

– Вундербар! А я думал, что эти раритеты можно найти только в Саратове и в Москве.

– Представьте! Неизвестно, куда что запихали.

– Боже! Кому-то предстоит в будущем все это заново собрать. Если вообще до этого дойдет... Вы представляете, Гарри Карлович, сколько литературы придется перелопатить, чтобы в какой-то мере восстановить истину. А? Ведь не все, извините, дерьмо. Были и жемчужины. Пока я учительствовал в Крыму, в Краснодаре, на Украине, собралась приличная библиотека. О, редкие были книги! Немало дореволюционных изданий. Такие редкие фолианты меннонитской литературы были – сейчас днем с огнем не сыщешь. Все исчезло. Часть забрал НКВД при аресте, часть моя бдительная тетка Луиза уничтожила.

Иосиф Кондратьевич пригорюнился, опустил массивную голову. Помолчал и Гарри.

– А вы, Иосиф Кондратьевич, не из меннонитов будете?

– Нет. Меннониты, как вы знаете, потомки баптистской секты, основанной в Голландии еще в XVI веке Менно Симонсом. В Россию они прибыли из Восточной Пруссии. Их преследовала лютеранская и католическая церковь. И тогда они перебрались на земли Западной Польши. А потом – уже в восемнадцатом веке – эти земли отошли к Пруссии. Там, со временем, навязали им рекрутскую повинность. А это, скажу вам, противоречило их религиозным взглядам. Тогда царское правительство стало вербовать их к себе, обещая большие земельные наделы, свободу вероисповедания и непричастность к службе в армии. Вот так меннониты очутились в России. По сути те же немцы, объединившиеся некогда в религиозную секту. Потому и держались замкнуто, обособленно. А когда советская власть взяла их за шкирку, начала всех причесывать под одну гребенку, меннониты пошли на хитрость: стали отмежеваться от немцев и выдавать себя за голландцев. Но советскую власть, как известно, на мякине не проведешь.

– Спасибо. Разъяснили. А то я ведь все это очень смутно представлял.

– Меннониты, конечно, выделялись среди общей немецкой массы. Кстати, они были не только в Крыму, на Украине и Белоруссии, но и на Волге было несколько менонитских поселений. Запамятовал, как назывались. Все дети меннонитов обязательно посещали школы. С семи до пятнадцати лет.

– Откуда брали учителей?

– Учителями были церковные служки, дьячки-кюстеры, пономари. Воспитание и просвещение строго покоилось на догмах Библии. Вообще у меннонитов были очень строгие нравы и правила жизни. Они и держались несколько заносчиво, высокомерно. Дескать, все вы, остальные, выдававшие себя за немцев, мизинца нашего не стоите. Я знавал немало меннонитов. И на свободе, и в заключении. Честно говоря, народец непростой, сложный, путанный, поровистый. Вы кого-то из поволжских немецких литераторов знаете?

– Разве что отдельные имена... Франц Бах, Герхард Завацки, Христьян Эльберг... Август Лонзингер, Давид Куфельд... Е-е... Петер Зиннер... Все эти имена я знаю из указателя Франца Шиллера.

– Молодец! Немцы вашего поколения никого сейчас не знают. А из украинских немцев о ком слышали?

Ни одного украинского немца Гарри вспомнить не мог.

– Я так и предполагал. А между тем существовал мощный отряд украинских немецких писателей еще с конца 20-х годов. Была даже организация «Плуг». Их членами были крепкие литераторы: Георг Люфт, Давид Шелленберг, Ганс Гансманн, Петер Петерманн, Георг Фихтнер, Фридрих Фондис, Эрнст Кончак. Всех сразу не упомню. Их книги выходили в Москве, в Харькове, Одессе. Печатались в журнале «Штурм-

шритт». О, была активная писательская жизнь. В их организациях находились и эмигранты-антифашисты. Кнорре, Баумгертнер, Гупперт. Некоторых я знавал. Прекрасные были личности.

– Нынешние филологи с высшим образованием о них и слыхом не слыхивали.

– В том-то и беда! Трагедия наша. Жуткий разрыв. Обрыв получился. До поры до времени, несмотря на все гонения, шел какой-то процесс. Была история. Культура. Литература. Просвещение. И вдруг – бац! – все провалилось в тартары. Будто и не было ничего. И как эту связь времен, связь духовности восстановить? Кто о том думает? Кто о том позаботится? Кому нужно, чтобы целый народ был обречен на тотальное безмолвие? Кому это в конце концов выгодно? Ведь речь идет не о горстке донкихотов, вроде вашего покорного слуги. О двухмиллионном народе, развеянном по городам и весям.

– Ужасно!

– Genau! Stimmt! Bestialisch! Все потерянное нужно восстановить. Нет другого выхода. Но кто восстановит? Каким образом? На кого уповать? Я переписываюсь с Домиником Гольманом из Красноярска, с Виктором Клейном из Новосибирска, с Рейнгардом Кёльном из Крымска, с Эрнстом Кончаком из Талгара. Светлые люди! Умнейшие мужики! И они постоянно думают об этом. И что-то делают! Представляете? После всего пережитого. Гольман по всей стране разыскивает уцелевших немецких писателей и собирается провести семинар. Клейн намерен в будущем открыть у себя в институте кафедру германской филологии и набрать группу молодых людей из немцев. Кёльн пишет воспоминания о немецких деятелях культуры. Кончак мотается по всей Алма-Атинской области, организовывает педагогические чтения, распространяет «Neues Leben», выступает по радио, в печати с циклом передач и статей о российских немцах.

В разных местах возобновилась немецкая самодеятельность, духовые и струнные оркестры. Слышал я, между нами говоря, кое-кто из партийных пишет письмо в Центральный Комитет, настаивает, требует, чтобы немецкому вопросу в стране уделялось больше внимания. Но очень все сложно, трудно. Активистов вылавливают, преследуют, снимают с поездов, допрашивают, выпытывают, откуда дует ветер и кто булгачит народ. Я знаю, есть попытка достучаться с петициями до Центрального Комитета партии, до Верховного Совета, до правительства. Но все эти попытки пресекаются на корню бдительными органами. Да и сексотов среди нас самих хоть отбавляй. Немало охотников заработать у власти пару красных штанов. Сами себя закладываем. Рубим сук, на котором сидим. Беда! И все из-за страшной разобщенности, из-за подавленности духа. Немцы наши и до войны не отличались единством. По всякому поводу вставали в позу: мы – швабы, мы – меннониты, мы – лютеране, мы – католики, мы – пеламезер, мы – крымчане, мы самые-самые, мы не лацарини, не поволжские бауэр-крестьяне. Мы всех за пояс заткнем. А теперь, после депортации, после ссылок, трудармии, необъявленного геноцида и вовсе лишились национального достоинства. Или забились в норы, или выслуживаемся перед властями, предавая и закладывая своих же. Это ужасно. У-жас-но!

Иосиф Кондратьевич схватился обеими руками за массивную голову, тронутую по вискам сединой.

То, по чему так сокрушался Иосиф Келлер, было знакомо и Гарри. Он смутно чувствовал, что немецкий вопрос в стране обрел уродливые формы. Народ должен взять свою судьбу в свои же руки.. Но есть ли такие силы, которые могли бы встрепенуть убитые души, вдохнуть в них честь и гордость, поднять посрамленный, униженный народ с колен, излечив, избавив его от комплекса неполноценности и мнимой

вины. Ну, никак, никак не в ответе российские немцы за фашистские злодеяния. Не они ведь породили Гитлера, не они провели этого ублюдка в рейхстаг. Неужели трудно, немыслимо вбить в сознание людей эту очевидную истину? Если годами, десятилетиями постоянно внушать всеми мыслимыми средствами, что российский немец – враг, пятая колонна, фриц, фашист, злодей, мучитель людей, немец-перец, кислая капуста и т.д., народ может в то и поверить. А задавленный народ – не народ. Жалкий сброд. Население. Раб, порождающий рабов.

– Вы правы,– вымолвил Гарри через долгую паузу,– к горькому сожалению.

– Но почему я вам это говорю, мой юный коллега? Почему я будоражу вашу душу? – Иосиф Кондратьевич будто очнулся от мрачных дум. – Извините старика. Но я вижу: вы человек с задатками, с чутким сердцем. И понятие имеете. Вы не из тех, кто на все махнул рукой и помышляет только о своей шкуре. Вы что-то хотите, к чему-то стремитесь. И, возможно, сами не уяснили для себя четко, к чему, куда. И я, признаюсь, хотел бы вас повернуть лицом к своим соплеменникам, к их судьбе, к их боли, к их заблуждениям. Вы, знаю, взяли другой крен. Вас больше манит, интересует Восток, тюркские языки, культура номадов. Простите, если я вам говорю не то. Казахи в конце концов без вас обойдутся. В них достаточно здравых сил. Они веками живут на своей земле и имеют все. Конечно, и у них есть проблемы. Я не все знаю. Но верю: они за себя постоят. И вполне обойдутся своими силами. Веками ведь копили. А вот немцы наши нуждаются, ой, как нуждаются в грамотных, знающих людях, которые к тому же остро чувствуют свою немецкость, свой дойчтум, свою генетическую принадлежность не к последней цивилизованной нации. Вот к чему я вас клоню. Вот для чего я читаю вам постные нравоучения и докучливые лекции.

– О нет, Иосиф Кондратьевич, я все понимаю. Впитываю каждое ваше слово. И очень благодарен вам. Иногда мне кажется, что я блуждаю в трех соснах и очутился один-одинешенек на необитаемом острове.

– Я рад, рад. Не просто воду толчу в ступе. Я ведь человек битый, мятый-клятый, больше помалкиваю. А с вами разговорился не в меру.

Видно, и суровой старухе-матери гиганта Иосифа Гарри пришелся по нутру. Она была подчеркнуто любезна, угощала не только пирогом и конфетами, но и брецелями, беляшами, расспрашивала о родителях, о жене, интересовалась, ожидается ли в семье прибавление и на каком языке общаются дома.

– В родительском доме по-немецки, на нашем поволжском диалекте, а здесь с женой и сестрой по-русски.

– Schade, schade...– покачала аккуратно причесанной головкой Магдалена Францевна и добавила по-русски. – Шаль, шаль.

Старуха обожала своего сына-гулливера и, видно было, старалась не мешать ему ни в чем. Но к беседе сына с гостем норовила прислушаться, а сыну, казалось, это не очень нравилось. Свидетелей он явно не жаловал.

Раза два Келлер принимал гостя не в гостиной, а в мастерской – небольшой пристройке с полками для книг, журналов, газет, разных столярных и слесарных инструментов, с какими-то станками и неизвестного назначения оборудованием. Был у него странный станок, на котором Иосиф Кондратьевич изготовлял на оберточной бумаге, картоне наглядные пособия по немецкому языку. Этим станком он особенно гордился, демонстрировал Гарри латинские буквы, вырезанные из резины, и баночки с красками. Видно, хозяин иногда рисовал. На подрамниках в углу были весьма аляповато изображены местные пейзажи. В углу под белым чехлом узнавались очертания гитары.

– Играете? – спросил Гарри.

– Иногда бренчу. Балуюсь.

– Сыграйте что-нибудь, пожалуйста.

Иосиф Кондратьевич все отнекивался, все показывал какие-то таблицы, схемы, диаграммы собственного изготовления, пособия по спряжению сильных и слабых глаголов, но, наконец, извлек из чехла старую, потемневшую гитару, долго настраивал ее, взял несколько аккордов и запел низким, дрожащим басом:

Aus Wolhynien sind gezogen
die Verjagten arm und reich.
Keinen ging der Weg auf Rosen –
alle waren sie jetzt gleich.

Слова эти – о тех немцах, кого еще при русском царе насильно выселили – и богатых, и бедных – из Волыни, чьи дороги не были усеяны розами, кого сравняло общее лихо,– пелись на мотив известной русской песни «Из-за острова на стрежень...» Аккорды рыдали, рокочущий бас гиганта Иосифа бился в тесной мастерской, чисто вымытые окна дрожали, голубки, ворковавшие снаружи окна, улетели прочь.

Sonntag früh, am zehnte Jule,
grade zu der Erntezeit,
mußten durch die Trübsalschule
alle arm' und reiche Leut'.

Немцы точны и в своих песнях: в воскресный день, рано утром, именно десятого июля, в самую страду, богатый и бедный люд вынужден был пройти школу печалей и горестей. Так было. Так началась первая депортация волынских немцев. Что они только не испытали на этом долгом пути скорби. Об этом говорилось с надрывом, с безысходной тоской в песне, которую изливал из души недавний каторжник Иосиф Кондратьевич Келлер.

Es ist gar nicht zu beschreiben,
Diese große Trübsalkeit,

Jeder lenkt' den Blick nach oben
Ach, wann werden wir befreit!

Да, да, верно: описывать страдания изгнанников невозможно, горе было жуткое, скорбь неутешная, и бедные изгои только тщетно обращались к небесам, уповая на божью волю, мечтая о том, когда обретут свободу.

– Ach, wann werden wir befreit!– закончил с трагическим пафосом Иосиф Кондратьевич. Одинокая слеза скатилась по глубокой складке на его щеке.

Помолчали.

– Вопрос этот и поныне не снят с повестки дня,– заметил, чуть успокоившись, певец.

Большая, потемневшая от времени гитара с аляповатыми наклейками в могучих руках Иосифа Кондратьевича казалась игрушечной балалайкой. Струны вибрировали под его сильными пальцами. Хозяин, опустив львиную голову на левое плечо, долго перебирал минорные аккорды. Гитара вздыхала и стонала.

– А вот послушайте современную немецкую колыбельную.

И Иосиф Кондратьевич речитативом произнес первый куплет колыбельной:

Schaf, mein Kind, mein kleiner Knabe:
dunkel ist die Nacht.
Nur der Mond am Wanderstabe
hallt allein noch Wacht.

Гарри живо представил аул в предзимье 1941 года. В крохотной комнатенке при медпункте, где их, депортированных немцев, приютила местная власть, гулял студеный ветер, дуло из всех щелей, огромная печь чадила, сырые березовые поленья шипели, не разгорались, фитилек лампы-семилинейки дрожал. Отец буранной зимой в офицерской шинели и буденновке, в галифе и хромовых сапогах мотался по

аулам, ходил по домам, выявляя больных, обслуживал по строгому графику вверенный ему контингент. Мать варила гороховый супчик, овсяную кашу, толкла просо в ступке, собирала хворост, щепку, выменивала прихваченную с Волги одежку на молоко, айран, курт и примчик у аулчанок, а долгими зимними вечерами, теребя клок овечьей шерсти, сидела за веретеном и тихо напевала, убаюкивая двухгодовалую сестренку Эльму.

Гарри сидел в закутке возле печки, тер красные от дыма глаза, что-то малевал угольком на березовой бересте, прислушивался к вою метели, к стонам бревенчатого сруба, к монотонной материнской колыбельной. Слова, помнится, были другие – светлые, уютные, безмятежные. У колыбельной, которую пел-декламировал могучим басом Иосиф Кондратьевич, слова были горькие, отравленные болью и скорбью, жалобные. Они не утешали, не убаюкивали, а надрывали душу, терзали сердце. Спи, дитя мое, мой мальчик, ночь темна. На небосклоне одиноко сторожит луна.

An der schönen Wolgastrande
waren wir zu Haus.
Doch man trieb mit Schmach und Schande
uns von dort hinaus.

Да, да... на берегу прекрасной Волги стоял наш дом, но выслали нас оттуда с позором вон.

Иосиф Кондратьевич загудел как кюстер-дьяк в кирхе. Гитара скорбно стонала.

Jeden Sowjetdeutschen nannt' man
Diversant, Spion.
Schlaf, mein kleiner Landesmann,
Schlaf, mein lieber Sohn!

Неизбывную печаль навевала современная немецкая колыбельная. Каждого советского немца объявили шпионом, диверсантом. Спи, мой маленький земляк, усни, сыночек милый.

Да, да... шпионом, диверсантом объявили державным указом каждого российского немца с 28-го августа 1941-го года. Усни, мой милый, усни, мой маленький, с вечным позорным клеймом в душе.

– Чьи слова?– спросил Гарри.

– Фольклор,– ответил Иосиф Кондратьевич.– Слова народные. И мелодия старинная, вывезенная колонистами еще из Германии.

– Но ведь кто-то написал.

– Наверное... Какой-нибудь волжанин сочинил. Мне текст прислал старый чоновец, большевик Рейнгард Кёльн. А откуда он взял – не знаю.

Нелюдимый гигант Иосиф Келлер привязался к Гарри. Вечно мрачный, насупленный, должно быть, разучившийся в лагере улыбаться, с плотно сжатыми губами, с настороженным взором, он, казалось, оттаивал в беседах с молодым коллегой, под его влиянием даже участвовал в самодеятельном хоре, где своим мощным басом украшал, красиво обрамлял любую песню. В молодости он пел в кирхе вторым и третьим голосом, и мелодию вел превосходно. Публике гигант на сцене особенно нравился.

В Байкадаме, в сугубо казахской среде, немецкая струна в душе Гарри почти угасла, и не давал, не позволял ей заглохнуть один Иосиф Келлер, одинокий, чудаковатый дон Кихот, осколок того времени и того народа, которые были обречены на безмолвие. Немцев в том районном центре было немало, но ни на какие контакты с учителем русского языка и литературы в казахской школе Карлсоном они не шли. По просьбе райкома партии, обеспокоенного обилием баптистов среди немецкого населения, Гарри провел однажды в клубе совещание, говорил об истории, культуре российских немцев, стараясь не задевать религиозные мотивы, но немцы слушали лектора с каменными лицами, как бы подчеркивая, что он другого поля ягода, что им с ним

никак не по пути и все, что он говорил, их никаким образом не трогает. Как ни странно Гарри, обильно цитируя немцев-классиков и приводя разные интересные на его взгляд – факты из истории российских немцев, даже из времен депортации, но он видел, что все его старания напрасны, слова уходят в песок, и в глазах слушателей не вспыхивал ни малейший интерес. В райкоме партии Гарри попросили развернуть антибаптистскую агитацию, предлагали читать цикл лекций по местному радио, но Гарри решительно отказался, заявив, что баптисты, судя по всему, не самые последние люди, законопослушны, порядочны, отменные работники и на своих сборищах говорят по-немецки, пытаются сохранить какие-то национальные корни, что, скорее, не осуждать нужно, а приветствовать. В райкоме с этими доводами согласились: в самом деле, немцы работают хорошо, никому не мешают, а если у них есть потребность собираться по воскресеньям и петь религиозные песни, слушать проповеди заезжего пастора, то пусть – от этого в конце концов производство не пострадает и другим ни холодно, ни жарко.

Иосиф Кондратьевич местных баптистов избегал. И что Гарри поражало больше всего, с немцами районного центра учитель немецкого языка говорил исключительно по-русски.

– Почему? – поинтересовался Гарри.

– Из тактических соображений, – последовал ответ. – А во-вторых, на Hochdeutsch никто из них не шпрехает, а их Kauderwelsch терпеть не могу.

Однажды ехали автобусом в Джамбул на смотр художественной самодеятельности. По пути, сидя рядом с Иосифом Кондратьевичем, Гарри завел разговор о «Wanderer's Nachtlied» Гёте в переводах Лермонтова и Абая. Миниатюру Гёте Иосиф

Кондратьевич тотчас прогудел с пафосом, а о переводе Лермонтова отозвался небрежно.

– Красиво. Но это не перевод. Вольное переложение.

И спросил прочесть абаевский перевод. Внимательно вслушиваясь в казахский речестрой, Иосиф Кондратьевич выразил также сомнение: дескать, скорее всего, тоже вольное переложение, ибо ритм, мелодика, размер другие.

– А мелодию напеть сможете?

Гарри, как мог, спел «Қараңғы түнде тау калғып» протяжно, широко, медленно.

– А знаете,– вдруг встрепенулся старый учитель.– Очень похоже на немецкую мелодию. Не знаю, кто композитор. На «Ночную песню странника» многие сочиняли музыку.

И Иосиф Кондратьевич, максимально приглушив свой мощный бас, дабы не испугать пассажиров, затянул-пропел – также медленно, протяжно, величаво:

— Ü-über allen Gipfeln ist Ru-u-uh'...

И теперь уже поразился Гарри: так похоже прозвучала мелодия на абаевскую.

– Вот-те раз! В чем дело! Как такое может быть?!

– Может, Михаэлис знал эту мелодию. Может, он и пропел ее Абаю, – предположил учитель.

Гарри задумался.

– А ведь вполне может быть. А, может, духовная перекличка? Взаимная тяга гениев?

Более двух лет прожил Гарри с женой, сестренкой и маленькой дочерью в степном Байкадаме, где прошел суровую и полезную школу жизни, и все эти годы слабеющую немецкую струну в затаенном уголке сердца Гарри неназойливо поддерживал учитель Иосиф Кондратьевич Келлер, о котором он сохранил добрую, теплую память и поныне, на склоне своих лет.

IX. ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Жизнь потекла по разумной колее и обрела более-менее ясные очертания. Все понемногу налаживалось. Быт по-прежнему был труден, нехватки выползали из всех щелей, но молодость приспосабливалась, приноравливалась ко всему. Для аульного жителя и воспитанника Гарри казахский быт был привычен и со всеми его особенностями и приметами он легко смирился. Вольные нравы учащихся из прирайонных аулов, веками сложившиеся отношения в казахских семьях, поведение местных учителей, не признававших строгих педагогических правил и школьного распорядка, бесконечные приемы-тои с ритуальным дастарханом, обильным мясоедством, многочасовым чаепитием, двусмысленные шутки, розыгрыши, азартные игры в карты, пение за столом, опоздания на уроки, регулярные посещения учителями школьного буфета, где многие коллеги охотно прикладывались к бутылкам горячительного, своеобразное «казакбайство» в повседневном быту, которое порой и вовсе обретало диковинные, а то и уродливые формы, и многое-многое другое Гарри не удивляло. Для него это было привычной средой, от которой он был в какой-то мере отлучен только в годы учебы в институте.

А городской воспитаннице Рае все это было внове. Ментальность казахского аула ее порой обескураживала. Она была еще идеалисткой и романтиком. Росла и воспитывалась в другой среде, в иной ауре. И руководствовалась во всем книжными, «правильными» представлениями. Жила книжными канонами, по нравственному кодексу советского учителя, то есть так, как учили на лекциях по классической литературе и педагогике, по раз и навсегда сложившимся правилам поведения. Ей очень сложно было привыкнуть к сугубо казахским представлениям о том, что такое хорошо,

а что такое плохо. Все подлинно казахское ей воспринималось, как нечто слишком условное, чуждое, «неправильное», «нецивилизованное». И школьникам, и коллегам она настойчиво навязывала свои вкусы, свои представления, свои нормы, которые она с детства твердо усвоила в неполной семье с русским воспитанием, в школе, в Доме пионеров, в самодеятельном театре, в институте, на примерах русской классической литературы. То, что действительно часто не соответствует идеальному представлению городской девушки, что жизнь бывает разной, совсем не книжной, что и люди разные, что национальные черты у разных народов чаще всего не совпадают, что быт на самом деле определяет сознание, что стремление навязывать свою волю, свое поведение всем подряд, как правило, оборачивается недоразумением, непониманием, крахом, городская девушка, прочно затвердившая общеинтернациональные ценности, не хотела и не могла взять в толк. Она приходила в неописуемый ужас, когда учитель запросто вкатывал учащемуся-неслуху увесистую оплеуху, или пинком под зад выгонял из класса, или оскорблял, унижал провинившегося. Это ведь непедагогично, негуманно, непорядочно! А у местных учителей были иные представления о воспитании. Она не терпела, чтобы директор, завуч или классный руководитель запросто вваливался по ничтожному делу на урок, прерывал учебный процесс. Это ведь не соответствует никакому уставу! А то, что некоторые коллеги, не смущаясь, позволяли себе приходить на урок с опозданием, или слишком часто заворачивали во время «окон» в расписании в школьный буфет, где лихо опустошали бутылку-другую шампанского, что иные преподаватели по своему настроению отпускали классы или часть учеников во время урока направляли к себе домой, чтобы почистить хлев и задать скотине корм, напоить овец и вывести на выпас и постреножить кобылу – все

это молодой русистке казалось немыслимой дикостью, нарушением всяческих приличий. И она таких коллег осуждала, разоблачала на каждом шагу и говорила о том – в своей манере – напористо, убедительно, возмущенно, энергично на педагогических советах. Темпераментная, взрывная, вспыльчивая, она в своем праведном негодовании не щадила ни завучей, ни директора, ни инспектора райОНО. Казахи смущались: «Ты глянь-ка на эту пигалицу! Обе наши ноги запихивает в один сапог!», полушутя, полусерьезно жаловались Гарри: «Ты что это распустил свою марджу? Проучил бы ее малость. Или она тебе уже на голову села? Не знаешь, как бабу держать в узде? Отхлестал бы ее по крутому крупу». Гарри отшучивался: «Ойбой, ведь в ее жилах течет дурная татарская кровь! Она и камчи-плети не убоится». Рая не жаловала и толерантность молодого супруга. Только беременность несколько укротила ее строптивый нрав.

Но все – и коллеги, и учащиеся – чувствовали и понимали, что она права, открыта и добра. И ее любили. Учащиеся тянулись к ней. И то, что она говорила исключительно по-русски, сказалось на успеваемости учащихся, с рождения не слышавших русской речи. Гарри явно злоупотреблял знанием казахского языка и на уроках литературы нередко объяснял произведения русских классиков по-казахски. Он понимал, что это неправильно, методически неверно, но он хотел, чтобы учащиеся хотя бы знали, о чем идет речь в произведениях Грибоедова, Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Горького. Его ученики, как правило, школьный материал знали лучше, чем у «чисто» русских преподавателей, но говорили и писали по-русски хуже. И находить методически оптимальную середину было непросто.

Благодаря активной, голосистой русистке, ожила школьная самодеятельность и кружковая работа. В самодеятельность Рая вовлекла не только учащихся

и молодых преподавателей, но и Гарри, и даже нелюдимого анахорета Иосифа Келлера, и опереточного музыканта, виртуозного аккордеониста Георгия Эйбова, отбывавшего ссылку в Байкадаме.

Молодые супруги пропадали в школе с утра до вечера. Преподавали в обеих сменах, руководили кружками, Рая – театральным и литературным, Гарри – языковым и шахматным, проводили бесконечные конкурсы, семинары. В соседней восьмилетней русской школе Гарри преподавал казахский язык, в средней казахской – русский язык, в вечерней школе для взрослых – немецкий язык. Нередко он заменял еще уроки юной жены, чтобы та могла выкроить хоть какое-то время для неотложных домашних дел, сходить на базар, заглянуть в магазин, уделить немного внимания золовке. Гарри уходил в школу к 8-ми часам утра и нередко возвращался в десять вечера. Свободными оставались только воскресения. И то надо было посещать клуб, прочитать лекцию в библиотеке, побывать на очередной вечеринке, составлять поурочные планы, писать бесконечные отчеты о работе классного руководителя, навещать родителей учащихся.

Времени не оставалось ни на что. Читал только урывками. Что происходит в мире – узнавал лишь по радио на переменах или во время «окон», проверяя в учительской одновременно тетради.

Житейских забот особых и не было. Вольная житуха: ни кола, ни двора, ни скота, ни огорода – сущая голытьба. Кормились с базара, как придется. Довольствовались малым. Родители Гарри так и не поняли: женился Гарри или нет, и можно ли его сокурсницу Раю, о которой сын писал в каждом письме, считать своей «законной» снохой или они просто сожительствуют. Но на всякий случай прислали атласное верблюжье одеяло, подушки, простыни, наволочки. Жили у вдовы Кармеш, как на вокзале.

Проблемой стала топка. Топили во всем районе, главным образом, колючим, разлапистым кустарником баялычом, кизяком, редко кто углем или соляркой. Машины баялыча хватало на месяц-полтора, а стоила невероятно дорого. Однажды мглистым зимним днем Гарри со знакомым шофером на полуторке сам съездил в пустыню, где росли серые чащобы баялыча, к заготовителям – грубому, голодному, одичавшему в промозглых лачугах мужичью – и кое-как выторговал машину топки. Сухой баялыч – младший брат саксаула – горел отменно и давал хороший жар. Лучше топки в том краю было не сыскать. Но и мороки с баялычом было много. Одежонку рвал в клочья и до крови ранил руки. На второй год Байкадамской жизни откочевали какие-то немцы, освободив уютно обустроенную полуземлянку недалеко от школы. Крохотная кухонька с плитой и спальней с земляным, плотно утрамбованным полом, с одним-единственным окошком на уровне земли, с очень низким потолком, с разукрашенными масляной краской стенами убогое жилище обрадовало молодую учительскую чету. Жить можно было отныне самостоятельно, без чьего-либо надзора, а самое главное – в десяти минутах ходьбы от школы. Соседом был крымский немец с молчаливой старухой и двумя бледными, пришибленными внуками со скорбными глазами. Сосед называл себя Андреем Андреевичем, говорил на нижне-германском диалекте, который Гарри почти не понимал. Общались главным образом по-русски.

Андрей Андреевич присматривал за жилищем молодых учителей, позволял брать воду из собственного колодца во дворе, пособлял растопкой. По просьбе Гарри каждую неделю отправлялся на базар, приводил козочку, разделывал тушку, оставляя себе шкуру, ножки и голову. Козочка стоила дешево, а ее мяса хватало семье из трех человек на неделю. Иногда Андрей Андреевич за весьма скромную плату приносил

огромные сазаны, судаки и шматы свиного сала. На прокорм учительской зарплаты хватало с лихвой.

Случались и разные страсти-мордасти. Однажды Гарри в полночь проснулся от странного шороха в окошко. Вначале он думал, что это бьется в окошко мошка или чернявый жук-носорог. А, может, летучая мышь зацепилась за трухлявую раму. При зыбком свете луны Гарри увидел полуметровую змею, которая норовила во что бы то ни стало пролезть в окно глиняной землянки. Пришлось встать, обогнуть ограду и длинным дрыном отогнать-отшвырнуть заблудившуюся змею подальше за дорогу в полынную степь. Особенно осторожным приходилось быть с баялычом. В охапках баялыча, принесенного с улицы, находились в спячке каракурты, фаланги, скорпионы, которые возле печки, в тепле, просыпались, оживали и зловеще расползались по углам-щелям. Приходилось их изловливать деревянными щипцами и спешно кидать в печь, в огонь. Воевать с этими мерзкими тварями было хлопотно. Особенно боялась их Альма. Она немела от ужаса, от одного их вида, шороха и треска их мохнатых ног.

Человек ко всему привыкает. Однако на второй год учительствования в Байкадаме Рая все чаще заводила разговоры об отъезде. Хотелось, мечталось перебраться в Алма-Ату. И Гарри понимал: связать свою судьбу с Байкадамом он не может. Его же не сослали сюда навечно, как музыканта грека Эйбова, как учителя немца Келлера, или чеченца непонятной профессии Вахи. Рая тосковала по матери, сестре, которым каждый месяц посылала часть своей зарплаты. А особенно донимала ее тоска по дочурке Принушке, оставленной по обстоятельствам у родителей Гарри в Северном Казахстане. Дочка находилась в надежных руках, в тепле и сытости, таких условий молодые родители пока обеспечить не могли.

Уехать из Байкадама можно было, лишь отработав полностью два года. А возвращаться в Алма-Ату можно было, лишь поступив в аспирантуру. А поступить в аспирантуру можно было, лишь твердо зная, что со стороны Комитета Глубокого Бурения не будет никаких преград.

О том Гарри помнил постоянно.

Тот эпизод выветрился из его сознания, но тень его преследовала неотступно. Он то и дело вспоминал наставление майора Вдовина – о целесообразности исчезновения из города года на два. Определенный майором срок был на исходе. И Гарри не однажды подмывало, будучи проездом в Алма-Ате, позвонить своему благодетелю, напомнить о себе, может, мимоходом порасспросить и о Вере, черты которой он не всегда мог вызвать в памяти, намекнуть о желании вернуться в столицу, поступить в аспирантуру. Но так и не решился. Думалось: а что, собственно, было? «Был ли мальчик?» Ведь в сущности его ни в чем не обвинили. Ну, были какие-то подозрения. Конспекты изъяли. Ход мыслей показался бдительным органам сомнительным. Ну, позволял себе вольные суждения. Бросался неосторожными словечками. Копался в запрещенных книгах. Конспектировал не тех, кого следует. Скептически относился к официозу. Думы были повернуты куда-то не туда. Подвергал сомнению незыблемые политические постулаты. Слегка насмешничал. Ну и что? Мальчишество. Бравада. Дурь молодости. Разве можно все это принимать всерьез? Дружил с девушкой, оказавшейся под чужим влиянием. Едва не примкнул к группе инакомыслящих, исподволь сеющих смуту в обществе. И все? И все. И все!

Прошло два года. Все это время в богом забытом захолустье Гарри безропотно тянул лямку сеятеля вечного, доброго, разумного. Ни к его поведению, ни к его урокам, ни к его отношению с людьми, с коллегами придраться невозможно. Положителен по

всем параметрам. О чем может быть речь? Какие могут быть преграды?

Так думалось Гарри. И так, предполагал он, думали другие. В том числе и сверхбдительные всезнайки из Комитета Глубокого Бурения.

И все же червячок сомнения нет-нет да грыз его безмятежную, казалось, душу.

Добрая весть пришла с совершенно неожиданной стороны. Однажды Гарри вызвали в райком партии. Знакомый идеолог Байбатыров учтиво принял его, усадил напротив себя, завел вежливый разговор: как живется, какие есть проблемы, какова обстановка в школе, как обстоят дела в молодой семье, какие планы-намерения. А в конце беседы, приняв очень серьезный, официальный вид, предложил:

– Как посмотрите, если мы вас порекомендуем вступить кандидатом в члены партии?

– Предложение лестное, – не нашелся Гарри сразу с ответом. – Но боюсь, я для этого пока не созрел.

Сразу же вспомнился майор Вдовин. Двухлетней давности беседа с ним. Подумалось: «Может, провокация?» Может, идеолог прекрасно осведомлен о его мнимых прегрешениях и решил просто-напросто прозондировать почву? А может, за этим предложением кроются неведомые силы? Может, районному идеологу отпустили такое задание сверху?

– Ну, что вы, что вы! – возразил районный идеолог. – Вы вполне созрели. К тому же принимаем ведь не в члены, а лишь кандидатом в члены. С годичным сроком. За это время, уверен, успешно выдержите испытание. Отличный педагог. Активный общественник. Примерное поведение на работе и в быту. Молодой. Такие люди партии нужны.

– Но...

– Что «но»?

– Немцев разве в партию принимают?

– О, Алла! Разве в Уставе партии есть национальное ограничение? Отец ваш разве не коммунист?

– Да. С 1939 года.

– Ну, вот! Времена-то ныне другие. С искажениями ленинской национальной политики покончено. А потом... потом... если уж на то пошло, какой вы немец?! Для нас вы казах. Истинный казах! Вы наш! И ни один из членов Бюро райкома против вашей кандидатуры возражать не станет. Гарантирую!

– Вы это серьезно?

Идеолог нахмурился.

– А я что, в прятки играть вас сюда пригласил?

– Извините. Спасибо. Позвольте подумать.

– Что, хотите с келин посоветоваться?

– И с собой, и с женой.

Идеолог оскабился.

– Вот тут вы говорите, как немец. Казах в таких случаях с женой не советуется. Сам все решает. Ладно. Посоветуйтесь и зайдите в ближайшие дни с заявлением. Напишите: с программой и уставом партии знаком, разделяю все идеи коммунизма, прошу, мол, принять меня кандидатом в члены КПСС. Жарай ма?

– Ойланайын. Жарайды.

В тот же день Гарри посоветовался с Раей, Гульсум, Толеком и Конашем, с директором Рашем Абиловым, и все были единодушны:

– Вступай. И не раздумывай. Нельзя отставать от кочевья. Да и начальником легче стать. Какой еще может быть разговор?

Тень майора Вдовина маячила-колыхалась перед глазами. Но о том Гарри не сказал никому ни слова.

Про себя же подумал: несомненно, эта весть обрадует отца, убежденного коммуниста, члена партии с двадцатилетним стажем. Во-первых, вступив кандидатом в члены партии, он наверняка точно определит отношение к нему Комитета Глубокого Бурения. Если там имеется малейшее подозрение к нему, вряд ли

Бюро райкома партии утвердит его кандидатом. Найдут причину для отказа. А утвердят – значит, все чин-чинарем, тип-топ, не под колпаком. Судьба указывает зеленый свет. Не утвердят – значит... значит, остаются какие-то вопросы.

О таком варианте и думать не хотелось.

Уже через две недели учитель Байкадамовской средней школы Гарри Карлович Карлсон был без сучка-задоринки единодушно утвержден на Бюро райкома кандидатом в члены КПСС и, получив новенький билет, впервые принял участие в собрании первичной партийной организации школы.

С того дня Гарри почувствовал себя увереннее. И мечта об учебе в аспирантуре в Алма-Ате почудилась вполне реальной.

X. РЕЦИДИВ

– Сегодня мы вас выписываем, Гарри Карлович...

Я вздрогнул, оторвался от блокнота. Рядом с моей койкой увидел улыбающегося молодого врача – Марию Владимировну.

– Давайте прослушаем вас.

Сел. Задрал рубаху. Задышал поглубже, ртом. Холодный стетоскоп прошелся привычно по груди, по лопаткам.

– Хорошо... Хорошо... Хрипов нет... Но дыхание жесткое. Что вы все пишете?

– А-а... привычка. Минувшее предстало предо мною...

– Мемуары?

– Не-е... Так себе... Что в голову придет. Пыль бытия, так сказать.

– Интересно... Наверное, нагрузка на сердце?– предположила врач.

– Кто знает... Когда пишу, о своих болячках не думаю.

– Вот как! Давление в норме: сто тридцать – семьдесят пять.

– Знаете, Мария Владимировна, интересное занятие – вызывать в памяти минувшие тени.

– Признаюсь, этим не занимаюсь.

– Вы молоды, какие тени вам выкликивать? А я ныне как Фауст.

И я продекламировал приятной Марии, моему лечащему кардиологу, пришедшие на память строки:

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор.
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденья,
Туманом мне застлавши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.

– Хорошо,– по-девчоночьи зарделась Мария Владимировна. – Это «Фауст»?

– «Фауст». Так начинает Гёте свою трагедию. Видите, и его тревожили изменчивые тени. И меня они увлекли.

– Будете писать?

– Попытаюсь. Есть вещи, которые, кроме меня, никто не скажет.

– Только не увлекайтесь. Без нагрузки.

– Без увлечения, без нагрузки ничего путного не напишешь.

– Сейчас лучше воздержаться. Может, месяца через два. Вот мои рекомендации. Советую эти лекарства пить постоянно.

Я пробежал узкий лоскуток. «Рекомендовано: Наблюдение кардиолога. Избегать эмоциональных и физических перегрузок, диета с ограничением животных жиров, жидкости и соли...»

– Хм-м... Можете конкретизировать? Как это «избегать»?

– Посетителей не принимайте. По телефону говорите поменьше. Телевизор не смотрите. Что там смотреть? Одно расстройство.

– Новостные программы?

– Зачем? Сразу начнутся стрессы. Смотрите Галкина и бразильские сериалы.

– Читать?

– Да, легкие вещи. Детективы, фантастику, «Декамерон»,– улыбнулась Мария Владимировна, которую так и подмывало назвать Машенькой.

– Писать?

– Не сейчас. Позже. И немного. Вы, чувствую, написали достаточно. Надо щадить сердце.

– Ясно.– Я стал читать дальше. – Липримар. Вазилип. Эгилок. Моноприл. Арифон-ретард. Тромбо АСС. Кардикет. Предуктал. Ого! Немного?

– Я написала лишь основные.

– И что будет, милая Мария Владимировна? Вы тут почти везде написали «длительно». Это сколько? До скончания дней?

Врач улыбнулась.

– Получается так.

– А теперь прикиньте, Мария Владимировна. Уролог ведь тоже выписал пять лекарств. Эндокринолог – три. Терапевт – пять. Да еще длительно. У меня же кишки сгниют. Моей пенсии по нынешним временам не хватит.

Врач задумалась, наморщила гладкий девичий лоб.

– Иначе не получится... Вы будете под наблюдением врача. Надо постоянно следить за холестерином, за давлением, за частотой пульса. Кардиограмму снимать каждый месяц.

– Утешили... Получается вся моя дальнейшая жизнь – борьба за существование?

– Ну, пока не стабилизируется все...

– Есть шанс?

– Если правильно лечиться, постоянно контролировать себя.

– Понятно.

На тринадцатый день лежки в реанимации и в палате выписали меня и на «Скорой» со всеми предостережениями привезли домой.

Ах, какая благодать после такой встряски снова быть дома!

На тебя приветливо смотрят твои книги, всюду – на стеллажах, на шкафах, на столе, на подоконнике, на стульях, портреты кумиров – Гёте, Шиллера, Гегеля, Гейне, любимые фотографии, груды рукописей за дверью, разные безделушки на столе и в шкафу за стеклом, старый диван, на котором за тридцать лет кто только не лежал, не сидел, впору за его спинкой повесить таблицу тех знаменитостей и дорогих людей, которых мой диван наверняка помнит. Этот диван я давно называю письменным, ибо на нем лежа пишу лет пятнадцать, а за ним, за дверью – уютный балкончик, застекленный, заставленный коробками с книгами, рукописями, бумагой для черновых записей. Мой крохотный кабинет, набитый всякой всячиной, – моя обитель, моя желанная келья, моя отрада, мой молчаливый духовный собрат. Какая радость, что я снова дома! И Рая вокруг хлопочет, суетится, рассказывает, заботится. Чистота, уют, порядок. Живи – не тужи. Радуйся, что ты есть. Что еще функционируешь. И манят тебя надежды.

– Может, сбегать в аптеку за лекарствами?– спросила Рая.

– Оставь на завтра. Надоели и лекарства, и уколы, и капельницы.

По опыту знаю: чтобы лечиться в больнице, нужно лошадиное здоровье. После больницы мне понадобится месячный уход Раи, чтобы хоть как-то прийти в себя. А пока не буду отвечать на телефонные звонки: и друзей, по казахскому обычаю толпами посещающими

тебя, чтобы прознать про твой «амандық-саулық», «халжағдай», домой не пущу, и до рукописей не дотронусь, и никаких интервью-сухбатов, все, все строго по режиму, по совету врачей, пока не зарубцуется сердце. Никаких рисков! Достаточно два инфаркта, одного инсульта и два десятка гипертонических кризов. С лихвой! Буду лежать, читать, думать. Может, при случае повестушку напишу о давней немецкой боли, саднящей душу, о мечте, растворившейся в мареве бытия, о пустых хлопотах в казенном доме, на которые я за свою жизнь истратил столько жизненной энергии. О, да... тема эта для романа. Но на роман вряд ли у меня теперь хватит сил. Хотя бы в небольшой повестушке поведать то, что накопилось в душе десятилетиями, отложилось пластами, и о чем, может, кроме меня никто уже и не напишет. А если и напишет, то не так, ибо каждый опирается на свой личный скудный опыт.

Обо всем этом я и подумал, укладываясь спать под бдительным наблюдением Раи на свой привычный диван в своем любимом кабинете после двухнедельного отсутствия, после лежки на казенных больничных койках.

Ночью я почувствовал дискомфорт. Заныло, заворочилось сердце, горели лицо, уши, боль разлилась по всей груди, лихорадило, зачастило дыхание, охватил страх.

Не помогли ни валокордин, ни валидол, ни нитроглицерин.

В глазах Раи застыли ужас и отчаяние. За окном разлилась дремучая ноябрьская ночь. Все утонуло в мертвящей тишине.

Вызвали «Скорую».

Врач – строгая, поджарая, заметно усталая дама – все дотошно расспросила, послушала, измерила давление; болезненного вида, заспанная, в годах медсестра сняла кардиограмму, сделала три инъекции, пшикнула в рот мне дважды изокетом. Потом врач

долго рассматривала кардиограмму, и я заметил, что она явно озабочена.

– Вам контрольную кардиограмму при выписке не дали?

– Нет.

– Ну, как же так? Должны были дать. Что за разгильдяйство? – Врач все более раздражалась. – С чем же я сравнивать буду?

Опять пошуршала длинной лентой, вглядывалась в кривые изломанные линии, вновь полистала историю болезни, вклеила листочки с анализами.

– Не знаю, как и быть... А рвота от чего? Переели? Нарушили?

– Что вы?!

– Вижу: непорядок. И давление не снижается. Боль не купируется. Систолы... Знаете, я вас все же заберу.

У Раи потемнело лицо. И у меня внутри все похолодело. Мелькнуло обреченно: неужели третий инфаркт?!

– Я ведь только полсутки дома?!

– Что делать?.. Собирайтесь!

Я собрался. Часы показывали четыре утра. На улице было сыро. Мглисто. Безучастно сел в кресло «Скорой». Поехали.

В пустынной приемной я сидел один-одинешенек. И, кроме опустошенности и безразличия, ничего не чувствовал. По-прежнему тошнило и рвало.

Дежурный врач, костлявый молодой мужчина в халате и помятом колпаке, коротко побеседовал, ушел куда-то, вернулся через полчаса.

– Ни в одной палате места нет. Устроим вас в реанимацию. Пока ничего сказать не могу. Рецидива вроде нет. Похоже: послеинфарктная стенокардия.

Приближался рассвет. В коридоре слабо горела одинокая лампочка. Заспанные сестры уложили меня, сделали несколько уколов, поставили капельницу.

Под капельницей я и уснул. Но и в дреме меня не покидала неловкость: сколько хлопот я доставил людям своим бренным существованием...

XI. ПРОЩАЙ, БАЙКАДАМ

Приближался третий учебный год четы Карлсонов в Байкадаме. Все чаще в молодой семье возникал разговор о том, что самая пора уезжать. Ведь два года в глубинке отработали честно, долг свой выполнили, имеют право всерьез задуматься о дальнейшей своей судьбе.

– Здесь я больше не останусь,– все решительней заявляла Рая.

Гарри тоже понимал: оставаться в Байкадаме не его доля. Он не может оставаться вечным урокодавцем, повторять одно и то же из года в год, он и так – сам почувствовал – заметно посерел, потускнел, отстал за эти два года: мало читал, интересы сузились, собеседников не было, быт и рутина засасывали, стимулов для интеллектуального роста не предвиделось, мечта улетучивалась, монотонное житье-бытье медленно убивало.

Держать подрастающую дочку вдали, у родителей, тоже становилось невмоготу. Будущее зыбилось в тумане. Надо было встрепенуться, вырваться из дурмана временного бытия. Иной жизни, кроме как в Алма-Ате, Рая не представляла. И Гарри никак не видел себя вечным мугалимом в казахской школе. Надо было, пересилив инерцию, выбраться на новую стезю.

– Но как?

Идеальный вариант – поступить в аспирантуру.

В августе по пути в родной аул на берегу Ишима через Алма-Ату Гарри зашел в институт, заглянул на кафедру русского языка и литературы, чтобы разведать, что и как, прикинуть примерные возможности-перспективы. Особых перемен за два года, как

выяснилось, не произошло. Все знакомые преподаватели оказались на месте. Гарри помнили, узнали, обрадовались.

– Вы где?

– В Байкадаме.

– Это где?

– В Джамбульской области.

– Женились?

– Женился.

– И кто жена?

– Хисматуллина Раиса.

– Что вы говорите?! Ну и ну! Преподаете?

– Преподаю. Но хотел бы поступить в аспирантуру.

– За чем же дело стало? Знаем: у вас склонности к науке. Но по тюркологии нет ни одной единицы. Зато открылась новая кафедра по методике преподавания русского языка и литературы в казахской школе. Возглавляет кафедру очень интересный человек – профессор Евгений Исаакович Ривлин. Поговорите с ним.

– Откуда профессор?

– Родом из Белоруссии. Работал в Наркомпросе еще при Крупской. Был репрессирован. Ссылку отбыл тоже, кажется, в Джамбульской области. Где-то в тех краях, где и Солженицын находился.

– И как с профессором встречусь?

– Просто. Зайдите на кафедру. Человек доступный, общительный.

Гарри призадумался. Ясно, что тюркология ему не светит. После профессора Сарсена Аманжолова некому стало руководить аспирантами в КазПИ. А методика преподавания разве наука? Это, скорее, некое практическое приложение к чему-то? Сколько нелепых диссертаций защищается по этой дисциплине? Особенно набросились на методику преподавания женщины – преподавательницы школ. Как-то, еще студентом четвертого курса, довелось

Гарри побыть на одной такой защите. Диссертантка, рыхлая смуглянка в возрасте, полчаса доказывала с трибуны, развесив на доске, на стенах разные таблицы и диаграммы, что успеваемость по суффиксам «оньк», «еньк» в восьмом классе казахской школы была до ее методических разработок 17 процентов, а теперь после ее нововведения сразу же достигла 65 процентов. Все ее выводы казались сшитыми белыми нитками. Густоволосая, златозубая смуглянка говорила так убежденно, так напористо, с таким апломбом, что слушать ее было неловко. Однако после долгих разговоров и формальных обсуждений ей присвоили степень кандидата педагогических наук. Гарри недоумевал: где тут педагогика, где наука? Сплошная видимость. Показуха. Особенно раздражал велоречивый доцент – крупнейший, как его аттестовали, специалист по предлогу «в» в винительном падеже. Другой же оппонент оказался тоже признанным специалистом по предлогу «в», но только в творительном падеже. В тот же день еще один соискатель защитил диссертацию по изучению состава слова в дореволюционных русско-киргизских мектебах. Какая надобность в таких ученых трудах, Гарри так и не понял. И теперь ему предлагают в аспирантуре пойти той же стезей. И еще вопрос: примут ли, поступит ли, выдержит ли конкурс...

Нет, такая перспектива его не прельщала. Читать в будущем в педагогическом областном вузе методику преподавания русского языка и литературы в казахских школах? Проводить педагогическую практику со студентами, многие из которых, получив диплом, так и норовят держаться подальше от школы? Нет, нет... Методист-преподаватель не профессия для мужчины. Может, поступив в аспирантуру, взять курс в сторону сопоставительной грамматики? Это еще куда ни шло. Или с головой окунуться в общее языкознание? Это, по крайней мере, интересно. Гарри считал, что

реализовать себя он может непременно на стыке казахского, русского, немецкого языков. Только здесь его место. Только в этом направлении он может найти для себя достойную нишу.

Встрече с Евгением Исааковичем Гарри обрадовался. Это был поджарый, сухой, аскетического вида мужчина, видимо, лет под шестьдесят, узколицый, длинноносый, в очках в тонкой оправе, чуть сутулый, с непослушной прядью черных прямых волос, спадавших на высокий бледный лоб. Говорил он тихим, усталым голосом, с едва заметной картавинкой и несколько непривычным выговором: вместо «в» у него выходило «у». От него веяло добротой и интеллигентностью. Говорил правильным, книжным языком, как по-писаному, предложения строил синтаксически сложно, даже несколько вычурно. Весь его облик выражал предельную усталость. И глаза чуть навыкате глядели из-под очков печально. Из ссылки вернулся реабилитированным лишь недавно. В Джамбульской области работал в школе, потом инспектором райОНО. Уже в тридцать два года стал действительным членом академии наук Белорусской ССР. За какие прегрешения этот тихий человек, ученый, охотно цитировавший древних на греческом и латинском языках, оказался в немилости у властей, Гарри представить себе не мог.

– То, что вы окончили казахскую школу и владеете казахским языком, – большое преимущество, товарищ Карлсон. А как с немецким?

– По-немецки не учился. Но читаю. При разговоре сбиваюсь на диалект.

– Мне это знакомо. По-польски не читаете?

– Нет. А зачем?

– У поляков хорошо разработана методика преподавания. Сколько лет работаете в школе? Где?

– До института учительствовал год, после два года. В Байкадаме.

– Джамбульской области? – живо спросил профессор.

– Да. Сарысуский район.

– Как же, как же?! Знаю. Бывал.

Беседа с Евгением Исааковичем длилась недолго. Он то и дело косился на часы, а в заключении сказал:

– Хорошо, что у вас печатные работы, что выступаете с рефератами на педагогических чтениях. Но надо сдать экзамены. Место одно, а кандидатов уже трое. Вы четвертый. После экзаменов поговорим. А заведующему райОНО товарищу Жунисбекову передайте от меня привет. Мы знакомы.

Сдавать надо было четыре экзамена: по теоретической и практической грамматике русского языка, по марксизму-ленинизму и по иностранному языку. Уверенности никакой не было. Поддержки – тоже. За два года беспрерывного преподавания в школе Гарри понял, что сильно отстал не только по специальности, но – особенно – по общему развитию. Налет дремучего провинциализма сказывался во всем.

Но он сказал себе: тәуекел! Рискни! Казахи говорят: грохнешься – так с верблюда. Не получится с аспирантурой – придется либо учительствовать через силу еще год, либо, поддавшись уговорам жены, вернуться в Алма-Ату без шансов, без гарантий, без перспектив, уповая на авось, на слепую удачу-везение.

Другого выхода не было. И этот выбор тяготил.

Приближался новый учебный год. В деревянном, бревенчатого типа доме освободилась просторная комната, куда по предложению директора школы, Гарри с радостью перебрался. Дом находился недалеко от клуба, пол был деревянный, крашенный. У входа темнела печь, и Гарри сразу смекнул, что она невероятно прожорлива и вряд ли в зимнюю стужу в состоянии обогреть большую о пяти окнах тонкостенный барак.

На исходе августа месяца Гарри отпросился у директора на десять дней. О том, что попытается

поступить в аспирантуру, говорить не стал. Надо, мол, срочно на ортопедическом заводе заказать зимнюю обувь.

Жил – точнее, ночевал – у тещи в крайней стесненности. В двух комнатушках ютились шесть человек. Гарри с утра уходил в институт, в библиотеку и возвращался поздним вечером.

На одно место в аспирантуре по кафедре методики преподавания претендовали четверо. И самой активной, уверенной в себе, необычайно пробивной оказалась пухлая молодка из Одессы – Муза Шехтман. Несусветная балаболка, всезнайка Муза никому не давала раскрыть рта. Остальные претенденты – одна казашка, один русский из Ленинграда и смущенный, растерянный провинциал Гарри Карлсон перед неуемной одесситкой явно оробели, заранее отдавая ей пальму первенства. На экзаменах она могла безумолку тараторить час-другой, пока экзаменаторы ее не останавливали. Казалось, и они робели, терялись перед напором велеречивой претендентки из Одессы.

Первый же экзамен по теоретической грамматике русского языка Гарри, к собственному удивлению, провалил с треском, еле добившись чахлой «тройки». Он не представлял, что от него требуется не просто знание грамматики, а мнения, рассуждения, точки зрения на ту или иную тему корифеев языкознания – Потебни, Пешковского, Фортунатова, Виноградова, Галкиной-Федорук, Щербы, о трудах которых он и помнил-то почти ничего, а то, что знал, растерял за два года в Байкадаме. То, что мямлил Гарри перед экзаменаторами, было беспомощно и постыдно. В такой степени бездарным он никогда себя не чувствовал. Двое из его конкурентов получили по «четверке», а Муза Шехтман – «отлично».

Горько подумалось: пора сматывать удочки, а не позорить себя. Оставь надежду, всяк сюда входящий.

По практической грамматике вся четверка претендентов заработала по «хорошо».

Знакомый доцент-ветеран, благоволивший к Карлсону, перед экзаменом по марксизму-ленинизму приободрил его: «Не волнуйся!» Тараторка Муза Шехтман почему-то сурового воина-доцента раздражала донельзя. Он ее без конца обрывал, останавливал, задавал побочные каверзные вопросы, ловко сбил ее с толку, загнал в краску, запутал, и комиссия едва вывела ей «тройку». А Гарри засыпал комиссию цитатами из Ленина, Плеханова, Богданова, примерами из «Материализма и эмпириокритицизма», ссылался на Мао Цзэ Дуна, а доцент-ветеран так усердно ему поддакивал, что Гарри пришел в себя, услышав оценку «отлично».

Так появилась надежда.

По немецкому языку и Гарри, и Шехтман вытянули по «хорошо», остальные двое довольствовались «тройкой».

– У вас есть шансы,– сказала заведующая аспирантурой.– Во-первых, вы наш выпускник. Вас знают, помнят, как прилежного студента. Во-вторых, у вас есть три научные публикации и Грамота Министерства высшего образования СССР. Думаю, что эти козыри сработают. Езжайте в свой Байкадам. Результат будет в октябре. Мы вас известим телеграммой.

И Гарри вернулся в Байкадам. Душа была не на месте. Сомнения терзали неотступно. Провал первого – главного! – экзамена его потряс.

Рая ходила темнее тучи. Твердила одно и то же: нет, больше не выдержу, не могу, обрыдло все. В школу ходила через силу. Нагрузка была большая, но она не радовала. Ни к чему душа не лежала. Однообразие раздражало. Молодое рвение угасало с каждым днем. Казалось, молодая чета отбывала бессрочную каторгу.

Гульсум и Толек советовали: «Ну, что вам еще надо? Крыша над головой есть. Часов в школе навалом. Вас

все любят, уважают. Базар, клуб, школа рядом. Куда вам еще ехать? Обзаведитесь коровой, овцами. Живите, как все. Очень скоро встанете на ноги. Выкиньте из головы мечты о городской жизни. Вы же не в захолустном ауле прозябаете, а живете в районном центре, где есть все для человека».

От этих советов-разговоров Рае становилось дурно. Какая корова? Какие овцы? Какое хозяйство? Она даже не знает, с какой стороны подходить к буренке! Ужас какой!

Гарри молчал, горько усмехался.

С полей потянул осенний ветер. Тучи все плотнее обволакивали небо. Солнце ходило все ниже. По ночам становилось прохладно. Ветер гонял по району жухлые листья, обрывки бумаг, мусор. Вокруг школы, все чаще вскруживались пыльные смерчи. Наступила унылая пора. Зловеще каркали вороны. Шла к концу первая четверть. Вокруг райкома партии колыхались призывные плакаты к ноябрским праздникам.

«О, господи! Не могу...»– надрывала душу Рая. Она твердо решила: дотерплю как-нибудь до Нового года и уеду, уеду. Все! Баста! Оставайся в своем Байкадаме. Торчи здесь всю жизнь!»

Жить, действительно, становилось невмоготу. Все валилось из рук.

Телеграмма пришла так неожиданно, что Гарри остолбенел, не поверил своим глазам.

«Вы зачислены в аспирантуру КазПИ им. Абая. Начало занятий с 20 октября».

Директор школы, коренастый, крупноголовый, степенный Раш Абилов, радости Гарри не разделил. Посуровел, помрачнел, глаза выкатил:

– Вы что делаете? Вы ж меня без ножа режете! Где я найду вам замену? Сразу два ведущих преподавателя с высшим образованием. Все расписание разваливаете к шайтану! 48 часов! Нет, нет... Вас, Гареке, удержать

не могу, а Раису Закировну не отпущу! Пусть доработает хотя бы этот год. Дам тридцать, тридцать пять часов. Полгода поживете в Алма-Ате один.

Никакие доводы директора не убеждали. Он, действительно, очутился в безвыходном положении. Кому можно поручить преподавание русского языка и литературы? Физкультурнику? Музыканту? Чертежнику? Кого могут прислать посреди учебного года райОНО или облОНО?

С другой стороны, как быть? У Карлсона приказ на руках о зачислении в аспирантуру. Разбивать молодую семью тоже негоже. Уповать на сознание, на совесть? Тоже сомнительно, безнадежно.

– Идите!– раздраженно заключил директор.– Поговорите с женой. Посоветуйтесь. Войдите в мое положение.

Сборы были недолги. Собрались в путь за два дня. Пришел прощаться Иосиф Кондратьевич. Оглядел тощий скарб отъезжающих, пригорюнился. Долго выбирал стул, прежде чем на него опуститься. Загудел утробным басом:

– Рад, рад. Начинается у вас новая жизнь. А мне, мне...– голос его дрогнул.– Мне куковать здесь до скончания дней. Вот похороню мать... потом и сам отправлюсь в невозвратный путь. Лежать мне, отшельнику, пилигриму, здесь, в древней казахской земле. И оплакивать меня некому. Всех растерял. Все потерял. Один на всем белом свете... И жилище свое, и книжки оставить некому.

– Ну, что вы, Иосиф Кондратьевич! Вы такой здоровяк. Вам до ста лет износу не будет.

– Ай, милый Гарри. Здоровяк да гнилой. Жить нечем. И никому я не нужен. Теперь вот... и... и... вы-и...

Гигант вдруг совсем разнюнился, голос сорвался, по изможденному в тяжелых складках лицу покатились слезы.

Гарри тоже расчувствовался. Как утешить одинокого старика?

– Не надо, Иосиф Кондратьевич! Ну, что это такое? Будто на похороны пришли... Давайте выпьем по бокалу вина на посошок.

– Найн, найн, майн либер Гарри. Не могу-у...

Гигант встал, по-медвежьи обнял коллегу и, подавляя слезы, вышел. Огромный, сгорбленный, безутешный...

А на следующий день, рано утром, неожиданно заявился директор школы. Гарри насторожился: сейчас опять заведет нудный и напрасный разговор. Но Раш Абилов широко улыбнулся, крепко пожал руку, заговорил мягко, дружелюбно:

– Зашел прощаться. Не обижайтесь на меня. Очень жалко мне вас отпускать. Всю ночь думал. Что ж... Рыба ищет где глубже... Я не могу встать поперек вашего пути. Работали вы честно, с душой. И коллеги, и учащиеся вам только благодарны. О вас будем помнить долго. И что хорошего я могу вам сделать на прощание? Сейчас сюда прибудет грузовая машина и доставит вас до станции в Джамбуле. Счастливого пути! Не обижайтесь...

Рая прослезилась. На душе Гарри тоже отлегло.

День занимался солнечный, ясный. Голубело небо. С полей струился ветерок. В пыльных кустах весело гомонились птахи. Грузовик бойко выбрался на большак. Позади в розовой хмари темнел широко раскинувшийся районный центр Байкадам.

XII. СОМНЕНИЯ, ТЕРЗАНИЯ

Остановились в крохотном домишке у тёщи. Александра Степановна очень обрадовалась возвращению дочери, но Гарри сразу смекнул, что здесь долго жить нельзя. Десять душ, слоняющихся из угла в угол в двух комнатушках, ни к учебе, ни к работе, ни к повседневному житью-бытью не располагали.

С утра повернуться было негде. Нищета и нехватки выглядывали из всех щелей.

Уже на третий день возвращения Рая отправилась обивать пороги школ и горОНО в поисках хоть какой-нибудь работы. Нигде ничего не светило. Лишь после долгих хождений нашлось в одной школе шесть часов русского языка, а в другой – ставка пионервожатой. Пришлось на первых порах согласиться и на это. Столица никого не привечала с распростертыми руками. За два года и два месяца отлучки город почудился чужим.

Евгения Юрьевна, заведующая аспирантурой, ввела Гарри в распорядок дня. Необходимо разработать индивидуальный учебный план аспиранта, дважды в неделю посещать занятия по немецкому языку и философии, трижды в неделю предоставляются самостоятельные дни для работы в библиотеках. Аспирантская стипендия – сто рублей. И еще сто рублей раз в год будут выдавать на приобретение научной литературы. В ближайшие же дни необходимо встретиться с научным руководителем Евгением Исааковичем Ривлиным, обговорить тему диссертации, которую предстоит утвердить на Ученом совете.

Сухой, деловой получилась беседа и с профессором Ривлиным. План работы он предложил конкретный: необходимо в определенной мере освоить польский язык, чтобы знать опыт преподавания русского языка в странах демократии; сдать в первый же год кандидатский минимум по философии и немецкому языку, а потом, не откладывая,– по русскому языку и методике; руководить пятью студентами из русско-казахского отделения во время педагогической практики; прочесть несколько пробных лекций; постоянно участвовать в работе методического объединения школы №12; подготовить реферат на тему: «Анализ учебников по русскому языку в дореволюционных русско-туземных школах»; научная командировка в

Ташкент. А главное: через месяц представить кафедре обстоятельный обзор имеющейся по этой теме литературы.

Изголодался Гарри по систематической работе в библиотеках. С головой окунулся в занятия. Профессор Сарсенбаев основательно загружал его по философии: пространно говорил о предмете философии, о философии в рабовладельческом обществе, о философской мысли Древнего Востока, о философии Древней Греции. По его программе Гарри штудировал и конспектировал труды Ленина, Плеханова, Энгельса, Маркса, Фейербаха, Мао Цзэ Дуна, чувствуя, что в голове его творится ералаш, не понимая, почему он, будущий методист, исследующий вопросы истории преподавания русского языка в дореволюционных национальных школах, изучающий учебники и пособия по русскому языку в дореволюционной русско-туземной школе, проблемы изучения и освоения русской разговорной речи в современных казахских школах, должен зубрить «Критику готской программы», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Основные положения философии будущего», «Тезисы о Фейербахе», «Анти-Дюринг», «Философские тетради», «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» и прочие мудреные вещи, которые совершенно не вписывались в конкретные задачи его будущей диссертации, а уж в реальную действительность, в его неустанный повседневный быт – и подавно. Раздражало то, что силком заставляли изучать бредовые речи выдающегося марксиста Никиты Хрущева – его доклады на XXI съезде КПСС, речи в ООН, речь об итоге совещаний коммунистических и рабочих партий в Москве в 1960 году, речь «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Об этих речах с насмешкой говорили все

аспиранты. Трепливый, ограниченный Первый секретарь КПСС всем надоел, о нем всюду откровенно травили анекдоты. Обрыдли и кремлевские корифеи. Казалось, политическая и общественная жизнь в стране вошла в тупик. Жажда перемен чувствовалась во всем.

Гарри занимался усердно, постоянно отчитывался на заседаниях кафедры, и научный руководитель профессор Ривлин был им доволен. Шел аспирант Карлсон с опережением графика: за полгода сдал два кандидатских минимума, подготовил необъятную библиографию по кандидатской диссертации, вчерне накатал ее первую – историко-описательную – часть, опубликовал в педагогическом журнальчике статейку «Ибрай Алтынсарин о развитии русской разговорной речи в русско-туземных школах», готовился к сдаче еще двух кандидатских минимума, чтобы последующие два года учебы в аспирантуре всецело посвятить работе над диссертацией. На защиту диссертации после трехлетнего обучения в аспирантуре нацеливал своего аспиранта и профессор Ривлин.

Методика преподавания увлекла Гарри лишь на первом курсе аспирантуры. Вскоре ему открылась истина, что методика – никакая не наука, здесь каких-то открытий вообще не может быть, так, перепев известного, банального, нечто сугубо прикладное, очень субъективное, имеющее в лучшем случае узкопрактическое значение. Методика – совсем не та стезя, предназначенная Гарри. Ну, хорошо, допустим, он в конце концов эту диссертацию вымучит, станет кандидатом педагогических наук, будет будущим педагогам пережевывать какие-то прописные истины, обнаруженные разными предшественниками с древних времен, начнет ходить с группой студентов, навязывая какие-то практические навыки преподавания русского языка в казахской школах, станет со временем старшим преподавателем, потом доцентом.

А дальше что? И это его жребий? Он вообще не жалует прописных истин, ему банальности поперек горла, он привык сомневаться во всем, жить не совсем в струю, плыть против течения. Зачем ему эта схоластика? Тихая гавань? Методика, где наука и не ночевала? Ему больше по душе литература, политика, конкретные национальные вопросы, общественные идеалы. Ему чудилось, что диссертацию по методике преподавания он запросто настрочит за полгода, на исходе третьего курса обучения, а пока может себе позволить заниматься тем, что душе угодно, ну, хотя бы чтением полезных, мудрых книг.

Начальное рвение угасло, улетучилось. Манила литературная жизнь. Она волновала, будоражила, давала ощущение свободы, радость творчества.

Своими сомнениями и душевными терзаниями он однажды поделился со своим научным руководителем. Евгений Исаакович, вечно куда-то спеша, поглядывая на часы, рассеянно выслушал его, нахмурился, недовольно сказал, грассируя:

– Господи, неужели для такого открытия вам понадобилось полтора года? Неужели все мои советы и ваши усилия коту под хвост? Вы же так хорошо начали! И я на вас так надеялся.

– Извините, Евгений Исаакович. Но вы мой наставник. И я посчитал нужным поделиться с вами тем, что меня грызет неустанно.

Профессор пожевал лиловыми губами, задумался, протер очки. Сказал сухо:

– Вот что, молодой человек. Выкиньте все это из головы. Поверьте мне. Я старше вас и жизнь познал. Давно замечаю вашу ершистость, тягу к политике, склонность к литературе, желание всему противоречить. К добру это не приведет. Я прошел через это. И скажу вам: для таких, как я – ну, вы понимаете, надеюсь, – как вы милое дело нейтральная наука –

методика, грамматика, мертвые языки, языкознание. А политика – огонь. Ее лучше не тронь. Обожжет!

– И литература?

– И литература! Не лезьте туда. Не лезьте! Я вас взял на кафедру, спасая вас. Я думал о вашем будущем. А вы ропщете. Лезете на рожон. Не советую!

Беседа с наставником-профессором только усугубила сомнения Гарри. Что значит: «Я взял вас на кафедру, спасая вас»? От кого спасая? Каким образом спасая? Неужели... неужели чуткий, замкнутый Евгений Исаакович что-то прознал о его прошлых «прегрешениях», которых, собственно, и не было?

Быт упорно не налаживался. Рая работала в двух школах, едва набирая одну ставку. И школьные хлопоты захватили ее полностью. Чувствовалась: воспитательная работа с детьми ее увлекла. Гарри, преодолевая обострившуюся боль в ноге, с утра отправлялся в институт и в библиотеки. Там он читал и конспектировал прочитанное в свое удовольствие. Под влиянием друга Аскара, строптивого диссидента и умницы, ниспровергателя замшелых истин, поклонника классической музыки и зарубежной литературы, большого оригинала, совершенно независимого в суждениях, Гарри увлекся Ницше, Шопенгауэром, запоем читал Хемингуэя, Кафку, Фолкнера, Белля, мемуары Герцена, Панаева и Панаевой, разные запрещенные издания, которыми Аскара снабжал один вольнодумец из ЦК КПК. Это было интересно, это затягивало, отвлекало от постной беззубой методики.

Маленькая дочь находилась в ауле у родителей. Сестры Альма и Эльма оказались предоставленными самим себе. Денег катастрофически не хватало. От тещи из-за тесноты пришлось уйти. Мыкались в крохотной комнатке татарина Мингалеева, который, будучи шофером с пятиклассным образованием, откровенно ерничал: «Вот ты ученый, кафедру получишь, а ютиться будешь вечно у меня, неуча».

Вечерами, поздно возвращаясь домой, Гарри из автобуса с завистью смотрел на ярко освещенные окна многоэтажек и с тоской думал, будет ли когда-нибудь у него свое жилье, надежная крыша над головой, или ему, действительно, суждено ютиться у чужих людей. Душа была уязвлена и подавлена.

А тут выбило из колеи, из равновесия еще одно неожиданное обстоятельство.

Истек срок кандидатства в члены КПСС. И по Уставу предстояло определить членство. Секретарь партийной организации института, плюгавенький, плешивый серолицый доцент по научному коммунизму, сказал на заседании бюро: «Подайте заявление и три рекомендации». Без колебания Гарри обратился к доценту Ефиму Ландау, который благоволил к студенту Карлсону и даже руководил курсовой работой.

– Знаете,– сказал Ефим Иосифович. – Вы были ярким студентом. Но... последние два года я ведь не знаю вас. Потому, извините, рекомендации дать не могу.

Гарри опешил. И сразу вспомнил про Комитет Глубокого Бурения. Неужели оттуда ветер дует?

С той же просьбой Гарри вышел на замдекана Мирру Глазман.

– Завтра дам ответ,– холодно проронила Мирра Александровна.

Гарри это еще больше насторожило. Неспроста. Эти люди очень осторожны. И за их отказом наверняка кроется весомая причина.

На другой день Мирра Александровна сурово поджала губы.

– Нет, товарищ Карлсон. Не могу за вас поручиться. Я вас не знаю.

Гарри, обескураженный, робко попросил рекомендацию у историка Адильгиреева.

– Жок, айналайын,– сказал он сразу.– Не дам. Вы меня ещё студентом однажды подвели, не испросив

извинения у профессора Сарсенбаева. Зачем такие строптивцы и неслухи партии?!

Этого Гарри никак не ожидал. Очевидно, есть мнение держаться от аспиранта Карлсона подальше. Что-то в нем, видно, настораживало. Неужели пятая графа? Неужели бдительное Око держит его под прицелом?

Гарри зашел к партийному секретарю.

– Документы в порядке?– осклабился плешивый доцент.

– Нет.

– Что так?

Ухмылка плешивого доцента показалась Гарри подозрительной.

– Принес заявление.

– Какое?

– Вот.

Гарри положил перед секретарем лист бумаги. Тот прочел вслух: «В связи с тем, что кандидатом в члены КПСС я вступил в райкоме села Байкадам, а в институте им. Абая человек я новый, прошу продлить мой кандидатский стаж на полгода, что не противоречит Уставу КПСС».

– Хм-м...– промычал партсекретарь.– Дұрыс. Похвально. Самокритично. Утвердим на бюро и общем собрании.

Неприятный осадок, однако, остался на душе.

Через неделю состоялось общее партийное собрание института. Коммунистов около двухсот. Самая большая аудитория №17 старого корпуса по Комсомольской битком набита. Один из вопросов повестки дня – заявление кандидата в члены КПСС, аспиранта кафедры методики Гарри Карлсона.

Гарри спокоен: утверждение решения Бюро – чистая формальность. Какие тут могут быть возражения? Кандидат еще не чувствует себя созревшим для членства. И причина веская: в партийном коллективе он новый человек.

Рассмотрели разные текущие вопросы. В аудиторию входит задержавшийся где-то директор института, Герой Советского Союза, как всегда, энергичный, добродушный, миловидный Малик Габдуллин. Плешивый партсекретарь уступает ему место рядом с собой и зачитывает заявление аспиранта Карлсона.

– Кто «за»?– спрашивает у зала партсекретарь.

– Каково решение Бюро?– любопытствует кто-то из зала.

– Уважить просьбу. Продлить кандидатский стаж на полгода.

– Ясно-о...

– Ставлю на голосование.

– Эй!– раздается недоумевающий голос директора института. – В чем дело? Почему?

Плешивый парсекретарь учтиво объясняет создавшуюся ситуацию. Доводы партсекретаря Героя Советского Союза не убеждают.

– Нет! Позвольте,– директор тряхнул вьющейся прядью смоляных волос. – Как так? Кари, сына Карла, мы все знаем. Он наш студент. Отличник. Если хотите – наш казах. Отец его заслуженный человек. Коммунист. Врач. Много хорошего сделал для народа. И у самого Кари,– директор нарочно перепначивает имя своего любимца на казахский лад,– у самого Кари – прекрасное будущее. Зачем продлевать его стаж? Зачем его еще испытывать? Он достойный коммунист.

– Но... Он сам попросил об этом,– растерялся партсекретарь. – Сам подал заявление.

– Ну и что?! Если Кари и сомневается в себе, то мы в нем не сомневаемся. И два года он честно отработал в районе.– И неожиданно для всех Малик Габдуллин объявил.– Нечего тянуть резину. Кто «за», прошу поднять руки.

И сам же первым вскинул руку, строго вглядываясь в зал. Вслед за директором все коммунисты единодушно проголосовали «за».

– Но... – начал было партсекретарь.

– Что еще?!– директор снял вспотевшие очки.

– У него даже рекомендаций нет.

– А-а... – поморщился директор. – Любой из сидящих здесь с радостью даст рекомендацию.

Так нежданно-негаданно Герой Советского Союза Малик Габдуллин кавалерийским наскоком разом развеял все сомнения и решил партийную судьбу своего студента, аспиранта и постоянного партнера по шахматной игре.

Все кинулись поздравить Гарри, а доцент Ландау и Глазман тотчас вызвались дать ему рекомендации.

– Вы достойный коммунист, – заявил Ефим Иосифович.

– Я передумала. Завтра можете зайти за рекомендацией,– вежливо улыбнулась Мирра Александровна.

– Спасибо,– злорадно ответил Гарри.– Обойдусь.

Рекомендации Гарри взял у преподавателя физкультуры, доцента-ветерана, преподавателя основ марксизма-ленинизма и коллеги-аспиранта. А еще через неделю Советский райком партии города Алма-Ата выдал Гарри новенький краснокожий партбилет с силуэтом Ильича. Уверенность вернулась к Гарри. Липкий страх со стороны Комитета Глубокого Бурения отступил. Первым партийным поручением Гарри стало редакторство стенной газеты историко-филологического факультета.

Облегчения наступили и в быту. После частой смены частных квартир, в которых приходилось с лихвой испытывать унизительное положение бездомного, завучу по воспитательной работе в специализированной школе-интернате Раисе Закировне Хисматулиной горОНО предоставил на третьем этаже кирпичного дома на отшибе города, чуть выше Плодоконсервного комбината, крохотную «полуторку», которая почудилась молодой семье из четырех человек вожделенным раем после многолетних скитаний по чужим углам.

Но диссертация, которую предстояло вымучивать, тяготила, висела над головой, как дамоклов меч. Три главы ее были обсуждены на кафедре. Особенно значимой считалась историко-теоретическая часть, в которой аспирант проанализировал уйму учебников и пособий дореволюционных русско-туземных школ, гимназий и училищ. Методы по обучению русской разговорной речи в казахских школах, которые предлагал аспирант, были компилятивны, банальны. Гарри это и сам чувствовал: субъективная жвачка, наукообразная дребедень, жалкий лепет. Практическое значение – близко к нулю. В конце концов разговорной речи любого языка необходимо учиться не на уроках с заучиванием каких-то слов и фраз, а в языковой среде, находясь в контакте с носителями языка, повседневно общаясь на данном языке. Так, как это случилось с самим спецпереселенцем Гарри Карлсоном, очутившимся в семилетнем возрасте в чисто казахском ауле. Вот только так и познается язык со всеми его нюансами и тонкостями. Решающая методика – сама жизнь, среда обитания, повседневный тренаж. В школе дух языка не усвоишь. Ну, вызубришь грамматику, запомнишь сотню другую слов и фраз, но что-нибудь связно сказать не сможешь. Вот в казахских школах сплошь и рядом по шесть лет усердно изучали немецкий язык. А чему выучились? «Их бин хойте Орднер», «Анна унд Марта баден», «Иммер берайт!». «Их вайс нихьт, вас золл эс бедойтен...» Ну и все! С таким багажом кончают курс немецкого языка в средней школе. Конечно, учитель-энтузиаст иногда добивается большего, однако ученик, лишенный языковой среды, все обретенные в школе навыки быстро утрачивает. Нечто подобное происходит и с методикой русского языка в национальных школах. И мудреная диссертация аспиранта Гарри Карлсона положение не спасет. В сущности все это самообман, самоутешение. Это понимал и Гарри, и его научный

руководитель, смутно то чувствовали и члены кафедры, которые усердно стряпали методические пособия и разработки, имеющие весьма сомнительное практическое значение в повседневных уроках учителей.

Гарри чувствовал себя в тупике. Нет, эту диссертацию ему до ума не довести. Методика не его удел.

Спасение пришло совершенно с неожиданной стороны.

Однажды Аскар, который на третьем курсе аспирантуры вдруг ушел руководить отделом критики в литературном журнале «Жұлдыз» Союза писателей Казахстана, вприпрыжку поднимаясь по ступенькам общежития института, столкнулся лицом к лицу с Гарри и бросил ему как бы мимоходом:

– Хотите переводить с казахского?

– А что? – встрепенулся Гарри.

– Попробуйте перевести отрывок из романа «Кровь и пот». Автор ищет переводчика.

Аскар провел Гарри в свою келью, заваленную книгами, журналами, рукописями, музыкальными пластинками, насквозь прокуренную, не убранную, фантастически запущенную, извлек из груды книг, сваленной в углу, изящный томик первой книги трилогии Абдижамила Нурпеисова, отметил ногтем отрывок:

– Вот это. Попробуйте. Я покажу ваш перевод автору. Вдруг получится.

Это был крутой вираж судьбы.

Отрывок – сцена ночного свидания Акбалы и Танирбергена – Гарри старательно перевел на русский язык, раза три переписал, отнес Аскару, тот показал автору, автор тотчас разыскал переводчика, что-то углядел в его переводе, предложил еще отрывок, еще, еще, незаметно втянул аспиранта в неведомое дело, соблазнил перспективами, ободрил, поддержал, ввел в круг своих друзей – именитых литераторов, а потом

уговорив Министерство высшего образования, переманил так и не защитившего диссертацию аспиранта в литературные сотрудники журнала «Жұлдыз», который он, Абдижамил Нурпеисов, в то время редактировал.

Добрейший Евгений Исаакович негодовал: «Карлсон ушел в литературу. Погнался за длинным рублем». Грозился высчитать аспирантскую стипендию за три года.

Гарри с головой окунулся в новую среду. Союз писателей Казахстана чудился островком свободы в затхлом, стандартном, строго регламентированном мире. Здесь находилась обитель раскрепощенных людей, которые позволяли себе говорить то, что думали, и часто поступали, как свободные люди.

Гарри понял, что именно в такую среду и рвалась исподволь его душа все эти годы.

Было лестно ежедневно общаться с популярными писателями, которых он знал по школьным учебникам.

Гарри испытывал необычайную радость своей востребованности.

Вскоре, однако, всю редакцию журнала «Жұлдыз» разогнали, главному редактору вкатили строгий выговор в Центральном Комитете компартии Казахстана. Чем-то не угодил журнал и его строптивый коллектив властям и партийным идеологам. Гарри на два месяца уехал с семьей Нурпеисова к побережью Аральского моря, чтобы вместе с автором доделывать подстрочный перевод трилогии «Кровь и пот», а потом, вернувшись домой, ушел на вольные хлеба – на творческую работу, окончательно разочаровавшись во всякой казенной службе.

Жили поначалу очень стесненно, мизерные гонорары едва позволяли удерживаться на плаву, долги угрожающе росли, перспективы часто оказывались обманчивыми, но было чувство свободы, можно было на отшибе, без телефона работать по четырнадцать

часов в сутки, уповая на судьбу, которая, по убеждению Гарри, когда-нибудь за все труды-лишения непременно воздаст.

Но порою, особенно длинными зимними вечерами, находила-наплывала тоска, близкая к отчаянию. Он совсем оторвался от своего родного косяка, от своей немецкости, бродил на отшибе неуком-саяком, отбившимся от табуна. В стране, он знал, проживают более двух миллионов советских (или российских) немцев, а Гарри мало кого знал, прозябал анахоретом, пленником, изгоем, отлученным от всего родного, кровного. Смутно чувствовалось: российские немцы понемногу приходят в себя, это было видно даже по простой, жестко размеренной «Neues Leben», люди, развеянные насильно по всей стране, разыскивали друг друга, находили родственников, избавившись от каиновой печати «навечно», перебирались из Сибири на юг, в Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Северный Кавказ, по центральному радио, случалось, звучали немецкие песни, в печати все чаще мелькали немецкие фамилии, и Гарри старательно выписывал в особую тетрадь знатных людей немецкой национальности – депутатов местных советов, передовых тружеников, преподавателей, Героев Труда, ученых, врачей, музыкантов, спортсменов, руководителей колхозов и совхозов. Что-то явно происходило в стране. И власти стали посматривать на репрессированных российских немцев, что называется, правым оком. Даже на иных собраниях в президиум стали усаживать немцев, которых еще вчера и публично называть избегали. На августовских совещаниях учителей все громче говорили о преподавании немецкого языка не только как иностранного, но и как родного. В Казахстане число граждан немецкого происхождения приближалось к миллиону. О судьбах российских немцев время от времени вспоминала западно-германская пресса. Начинали все

больше переводить и печатать о Советском Союзе германских писателей, которых причисляли к разряду прогрессивных. Доходили слухи, что кто-то из уцелевшей старой интеллигенции настойчиво стучится в двери высоких властей, напоминая о насущных проблемах народа по имени «руссланддойче» или «совьетдойче», о том, что назрело время пересмотреть некоторые явно устаревшие указы, что пора повернуться лицом к несправедливо оболганному и наказанному народу, пора вспомнить, мол, о подлинной ленинской национальной политике.

И то, что Гарри оказался в стороне от всех этих назревавших событий и поползновений, согревавших душу, тяготило, подавляло. Гарри охотно переводил на русский язык казахских писателей, находил в популяризации казахской литературы смысл и гражданское назначение, однако чувствовал себя ущемленным оттого, что оторван от национальных корней. Много говорили и писали вокруг об интернационализме, но Гарри понимал, что этот интернационализм, как его подавала официальная печать, близок ко лжи, с явным изъяном, однобок.

Днем Гарри рьяно переводил прозу, часами сидя за секретером у окна, присматривая за подраставшей дочкой, а поздними вечерами, а то и ночами, подолгу стоял на балконе, смотрел на темные силуэты гор, до которых, казалось, рукой подать, на большие яркие звезды, на одиноко бродившую Луну, прислушивался к нестройной перекличке первых петухов и лаю собак, за грохочущей горной речкой в овраге поблизости, и бормотал про себя строчки из Гейне, которого он все чаще читал в последнее время.

Denk ich an Deutschland in der Nacht,
Dann bin ich um den Schlaf gebracht,
Ich kann nicht mehr die Augen schließen,
Und meine heißen Tränen fließen.

О, да, не о Deutschland думалось Гарри в одинокой ночи на балконе, какое ему дело было до этой страны, страны неведомых предков, он ее никак не ощущал, хотя в газетах и писали о ней, как об этнической родине, думалось исключительно о российских немцах, о соплеменниках, которых с 1929 года стали называть в печати «совьетдойче», о том близком, кровном народе, разбросанном по всей российской державе, как мириады звезд на ночном небосклоне. И думалось так высоко, так экзальтированно, с такой болью и тоской, что слезы, как у изгнанника, пилигрима Гейне, помимо воли лились по щекам.

Боль одинокого Гейне в Париже была так близка, так знакома!

Nun sage mir, was hat dich fort
Aus deiner Heimat getrieben?

Heimat? Какая родина? Россия, что ли? Которая отторгнула, отвергла, изгнала тебя? И где твоя, спецпереселенец, родина, по которой смутно тоскует душа?

Oh, geben Sie, Sire, dem deutschen Volk
Zurück seine Menschenrechte!

Да, да... наверняка об этом, о Menschenrechte, ноет, болит сердце ночами, ибо их, этих человеческих прав, все же по-прежнему нет в том объеме, как это полагается человеку, несмотря на все надоедливые декларации фальшивой идеологии.

Как созвучен был тоскующей душе Гарри этот больной Генрих Гейне!

И его же строками он тщетно взбадривал, бывало, себя.

Schlage die Trommel und fürchte dich nicht![1]

Или подстегивал себя гордыми словами:

Ich bin das Schwert, ich bin die Flamme![2]

---

[1] Бей в барабан и не бойся.

[2] Я – меч, я – пламя.

О, нет... он, Гарри, ни «Schwert» и ни «Flamme», ибо сердце не воспламенилось, хотя он эти слова ожесточенно повторял про себя, как заклинание, по сотне раз.

Утешал, успокаивал, умиротворял Гете.

Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn? – вопрошал он.

И призывал:

Dahin! Dahin
Möchte ich mit dir, o mein Geliebter, ziehn.

Dahin манило. Хотя и неведомо было, куда «Dahin». Но оно вселяло надежду, звало куда-то, к вожделенной гармонии. И внушив себе «Dahin, Dahin!», Гарри успокаивался и с раннего утра вновь принимался за перевод с казахского.

Наведывали его друзья, и он часто посещал именитых литераторов – Нурпеисова, Кабдолова, Есенжанова, Ахтанова, обзавелся многими знакомыми в Союзе писателей, бывал на собраниях, но жил отшельником, монотонно, больше всего общаясь с подрастающей, милой и смышленой дочуркой Иринушкой, с которой и беседовать, и играть, и гулять вокруг дома было в высшей степени отрадно.

Дочка росла улыбчивой, приветливой, нежной и доброй, стремительно развивалась, все мигом схватывала, любопытно рассуждала, все понимала, отзывалась на все светлое и хорошее и была необыкновенно говорлива. Ей не хватало общения, внимания. Мама уходила с утра на работу, оставив свою ласточку, свою золотую рыбку на попечение отца. А Гарри часами сидел за секретером, за машинкой, шуршал страницами, и девочка была в основном предоставлена самой себе. Она тихо играла со своими игрушками, что-то говорила вслух, напевала, рассматривала картинки в детских журналах, раскладывала кубики, косилась черными глазами время от времени на отца, вздыхала, понимая, что папа работает и, к сожалению, мешать

ему нельзя. Дочка терпеливо дожидалась, когда папа вставал из-за секретера, переставал шкрябать пером или стучать на машинке, тогда она мгновенно шла к нему, взбиралась на колени, усаживалась рядком на диване, ластилась к нему, аккуратная, ухоженная, чистенькая, с сияющими глазами и начинала тараторить обо всем, что приходило в ее умненькую головку.

– Папа, какое сегодня воскресенье?

– Вторник.

– А завтра какое воскресенье будет?

– Среда.

Сообщала:

– Когда я кашляю, мороженое выходит.

Делилась:

– Как я люблю тебя, папа, как люблю! Хорошо, что мама в тебя... в тебя влюбилась.

Жаловалась:

– Сердце гремит и голова горячая. Я, наверное, болею.

Спрашивала:

– Папа, а читать – значит, смотреть в газету и все?

– Папа, когда же туман скиснет?

– Почему небо спускается?

– Папа, хорошо или плохо, что мамы нет дома?

– Не знаю: и хорошо, и плохо,– отвечал Гарри.

– А мне кажется плохо,– подумав, отвечала кроха.

Советовала:

– Не надо ставить воду на балкон.

– Почему?

– Она же простынет. Надо убрать.

И за столом щебетала безумолку.

– Папа, ты сегодня обед варил?

– Я.

– А почему спасибо себе не говоришь?

– Ирина,– бывало, говорил папа. – Помолчи немножко. А то, смотри, уши вянут.

– У тебя?

– У меня.

– Ах, бедные уши! Ладно – сейчас помолчу.

Но уже через минутку:

– Смотри, как картошка завертелась, крутится. Крутится-вертится шар голубой.

Съела ложку.

– ... над головой.

Еще ложку.

– ... хочет упасть.

Гарри удивленно смеялся. Ирина пристально смотрела на папу и объяснила:

– Так ее же не держат, потому и хочет упасть.

– Кого не держат?

– Да барышню эту. Не держат, она и падает.

– Ирина, а сколько тебе лет?

– Когда поеду к бабе, будет четыре.

Вечером отец с дочуркой ходили гулять возле школы-интерната. Дочь тараторила, отец рассеянно слушал.

– Здесь мама работает?

– Здесь.

– А, знаешь, она меня ласточкой обзывает.

Счастливые это были минуты! Ближе, роднее этого крохотного человечка души на свете не было. От ее милого лепета, разных словечек, выдумок, детской непосредственности на сердце становилось радостно, и все пакости развеивались. Жизнь становилась прекрасной.

– Осторожнее, Иринушка, машина идет!

– А чья эта машина?

– Директора.

– Ну, конечно, директора. У нас же машины нет. Мы же не дураки.

После вечерней прогулки Гарри вновь садился за машинку, а Ирина, взбодрившаяся, веселая, напевала в углу.

– На улице так холодно.
На улице темно.
А мы сидим и смотрим
Домашнее кино.

И сообщала:

– Знаешь, папа. Эту сказку Пушкин написал.

– Да-а?!

– Да!

От непосильной работы, от бесконечных изнурительных дум, от одиночества и сумбура на душе Гарри порою чудилось, что он вот-вот сорвется, свихнется. И наверняка свихнулся бы не окажись рядом чуткой и умной, душевной и искренней крохотной подружки-доченьки, единственной в ту глухую пору отрады и забавы – Иринушки.

XIII. ГДЕ УКОРЕНИЛСЯ, ТАМ И ЖИВИ

... О внесении изменения в Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья»

Указ от 29 августа 1964 года (Ведомости Верховного Совета СССР, 1964, №52, ст. 92)

В Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев – советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

Жизнь показала, что эти огульные обвинения были не основательными и явились проявлением произвола в условиях культа личности Сталина. В действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской

Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве.

Благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства немецкое население за истекшие годы прочно укоренилось на новых местах жительства и пользуется всеми правами граждан СССР. Советские граждане немецкой национальности добросовестно трудятся на предприятиях, в совхозах, колхозах, в учреждениях, активно участвуют в общественной и политической жизни. Многие из них являются депутатами Верховных и местных Советов депутатов трудящихся РСФСР, Украины, Казахской, Узбекской, Киргизской и других союзных республик, находятся на руководящих должностях в промышленности и сельском хозяйстве, в советском и партийном аппарате. Тысячи советских граждан-немцев за успехи в труде награждены орденами и медалями СССР, имеют почетные звания союзных республик.

В районах ряда областей, краев и республик с немецким населением имеются средние и начальные школы, где преподавание ведется на немецком языке или организовано изучение немецкого языка для детей школьного возраста, ведутся регулярно радиопередачи и издаются газеты на немецком языке, проводятся и другие культурные мероприятия для немецкого населения.

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» (Протокол заседания Президиума Верховного Совета СССР, 1941 год, №9 ст. 256) в части, содержащей огульные обвинения в отношениях немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, отменить.

2. Учитывая, что немецкое население укоренилось по новому месту жительства на территории республик, краев и областей страны, а районы его прежнего места жительства заселены, в целях дальнейшего развития районов с немецким населением поручить Советам Министров союзных республик и впредь оказывать помощь в содействии немецкому

населению, проживающему на территории республик, в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР **А.И. Микоян**

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР **М. Георгадзе**

Москва, Кремль, 29 августа 1964 года.

... Текст этого Указа под большим секретом предоставил Гарри знакомый работник аппарата Верховного Совета Казахской ССР.

– В печати его нет и, скорее всего, не будет. Он опубликован только в «Ведомостях» для внутреннего пользования,– сообщил сотрудник, еще раз предупредив о секретности этого Указа.

Дома Гарри долго вчитывался в каждое слово Указа. Он вызвал и радость (наконец-то!), и досаду (надо же: двадцать три года и один день понадобились советской власти, чтобы признать свое былое постановление огульным и неосновательным!), и горькую усмешку (как, однако, выкручиваются, как тщательно подбирают слова, как перемешивают маленькую правду и большую ложь, как ищут себе оправдание, как все сшито белыми нитками, как ловко пускают пыль в глаза, как дурачат народ, все сваливая на культ личности!), и протест (нет, нет, так не пойдет: сказав «А», власть должна сказать и «Б», т.е. через не могу, решительно выправить положение в национальном вопросе, а не педалировать то, что прошло столько лет и немцы укоренились в местах ссылки), и возмущение (а с мнением самих немцев власть посчиталась? Откуда ей известно, что немцы на Чукотке, Сахалине, в Магадане, Норильске, Сибири, Казахстане, Киргизии, Алтае, Молдавии и во всех закоулках империи укоренились?!).

Первоначальная радость быстро улетучилась. Фальшь Указа лезла в глаза, унижала, оскорбляла.

Настораживало и то, что Указ держался в секрете, не публиковался в русской печати, и многонациональное население страны, как и все эти двадцать три года, пребывало в полном неведении.

Конечно, с такой ложью мириться народ не должен. Предстоит длительная борьба за свои человеческие права. И не может быть, чтобы не нашлись светлые умы и горячие сердца, заступающиеся за своих поруганных соплеменников.

Так оно и вышло.

2-го января 1965 года в Москву прибыла Первая делегация советских немцев – инициативная группа коммунистов, комсомольцев и беспартийных советских граждан немецкой национальности из разных республик, краев и областей Советского Союза для ходатайства перед ЦК КПСС и Правительством о восстановлении АССР НП.

Первая делегация советских немцев в составе 13 человек прибыла в Белокаменную за правдой разными путями. Путь их оказался тернистым. Несколько человек были схвачены еще в аэропорту, кое-кто был снят бдительными органами по пути с поезда, другие добирались, как бывалые конспираторы, окольными путями. Останавливались, кто где как мог. Собирались тоже с оглядкой.

– Ну, фрицы, что-то затеваете?!– съехидничал в редакции «Нойес Лебен» старый волк пера Зепп Эстеррайхер, впрочем сочувственно, дружелюбно.– Бог вам в помощь.

Круглолицая волжанка Мария Фогель, вдова журналиста Гарри Шнитке, вызвалась редактировать и отпечатать все нужные бумаги.

Первая делегация советских немцев состояла из опытных, бывалых людей, знающих законы, умеющих без эксцессов обходить все острые углы советского бюрократизма. Споров было много, но в главном вопросе – восстановлении Автономной Республики

немцев Поволжья – члены делегации оказались на редкость единодушны.

Первая делегация пробыла в Москве до 13 января 1965 года, вытерпела немало лишений, ежедневно рисковала, привезла с собой 660 подписей под письмами, поручениями с требованием восстановить автономию на Волге. Их прозвали автономистами, от них шарахались прежде всего сами соплеменники, хотя гордые порывы и смелость автономистов разделяли многие, но липкий страх сковал спецпереселенцев, только недавно освободившихся от опеки комендатуры. Избегала их и редакция «Нойес Лебен»: как бы чего не вышло. Цензура строго запрещала употреблять слова «депортация», «геноцид», «колонисты», «репрессия», «автономия», «трудармия», «ограничения», «немецкая культура», «немецкий дух», «манифест», «немецкий след в русской культуре», «Екатерина Великая», «немцы Поволжья» и прочие слова и выражения в отношении к российским немцам. Все это было табуировано, даже намеки на численность немецкого населения в стране тотальной дружбы народов.

Большим успехом Первой делегации советских немцев в Москве был ее прием Анастасом Ивановичем Микояном, Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Делегация была принята 12 января 1965 года в составе 9 человек. Анастас Иванович был внимателен и заботлив, откровенен. Он сказал, что вопрос восстановления республики немцев естественный, но сложный, и что восстановить АССР НП практически невозможно, так как нет территории. А в области культуры можно кое-что сделать: создать немецкие средние школы, выпускать литературу на немецком языке и т.д. А.И. Микоян сказал, что Указ от 29 августа 1964 года будет опубликован в немецкой газете и в русских газетах дан в изложении, что можно снять

ограничения в части запрета возвращения немцам в родные места – он поручит Верховному Совету РСФСР разработать мероприятия по снятию ограничений в прописке.

То, что проделала Первая делегация советских немцев в Москве, было в сущности большим прорывом. Слух об этом – как бы сам факт этот не умалчивался – быстро просочился до глубинок, где только обитали немцы. Появилась надежда. Немцы встрепенулись. Всех согревала вера: «Оказывается, с ними можно говорить. Оказывается, они в состоянии прислушаться. Оказывается, и с ними можно кое-чего добиться». «Они», «с ними» – имелись в виду власти. Донкихоты-доброхоты решили, что наступила пора действовать энергичней, напористей, что необходимо ковать железо пока горячо и не стоит останавливаться на достигнутом. Времена, судя по всему, меняются. Царь Никита, неисправимый прожектёр, волюнтарист и субъективист, отстранен, немецкий вопрос в стране его не интересовал, как и любой другой национальный вопрос, от российских немцев, по слухам, он решительно отмахнулся, сказав, якобы, что достаточно трех немецких государств в Европе, нечего четвертое создавать в России. А новый генсек-бровеносец, Леонид Ильич Брежнев, поговаривали, добряк, против немцев зуба не имеет и с ним, дескать, кашу сварить можно.

В том же, 1965-м году, в Москве собралась Вторая делегация советских немцев, состоявшая уже из 43 человек. Она привезла с собой 3498 подписей с требованием воссоздания АССР НП, а во время ее пребывания в Москве на ее имя пришло еще более тысячи подписей. Во Второй делегации были совпартработники, коммунисты с довоенным стажем, писатели, журналисты, юристы, экономисты, учителя, беспартийные, бухгалтеры, искусствоведы, преподаватели вузов, бывшие трудармейцы, люди бывалые,

зрелые, граждански сознательные, грамотные. Из разных регионов страны. Сплоченные одной идеей.

Пробыла Вторая делегация советских немцев в Москве 36 дней – со 2 июня по 27 июля 1965 года.

43 человека держались достойно, честно и смело. Они чувствовали поддержку большинства двухмиллионного немецкого населения, разбросанного по всей необъятной стране.

Первому секретарю ЦК КПСС
тов. Брежневу Л.И.
Председателю Президиума Верховного Совета
СССР **тов. Микояну А.И.**

от коммунистов и беспартийных советских граждан немецкой национальности, вторично посланных советскими немцами из разных областей и районов РСФСР, Каз.ССР, Киргизской ССР по вопросу о полной реабилитации советско-немецкого народа и восстановлении Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мы, советские немцы, всегда считали и считаем себя необоснованно оклеветанными в преступлении перед советским народом, перед нашей Родиной – Союзом Советских Социалистических Республик, что и подтверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 года.

Этот Указ снял с советских немцев огульные обвинения в пособничестве германскому фашизму и тем самым признал ликвидацию АССР НП несправедливым, ошибочным актом. С советских немцев ложное обвинение снято, а наказание за это снятое ложное обвинение осталось: их государственная автономия не восстановлена, они разбросаны мелкими группами по различным районам страны, что способствует их насильственной ассимиляции, и по-прежнему не имеют права возвратиться в родные места.

Мы считаем, что даже в том случае, если бы у советских немцев не было своей государственной автономии, ее давно

нужно было бы создать, а так как она была, то восстановить ее тем более необходимо.

Ликвидация АССР НП, основанной В.И. Лениным, противоречила всем принципам ленинской национальной политики. Программе КПСС по национальному вопросу, являлась грубым произволом по отношению к целому народу и преступлением перед советскими немцами, перед всем советским народом.

Мы решительно возражаем против объяснения невозможности восстановления АССР НП отсутствием территории для этого. У советских немцев территория была и есть, и мы просим восстановить нашу автономию там, где она была, как это сделано для калмыцкого, чеченского и ряда других народов, также несправедливо обвиненных и репрессированных.

Нам, как и всем народам Советского Союза, согласно статье 123 Конституции СССР предоставлено право на автономию, и так как мы просим восстановить нашу государственную автономию, то отказ в этом является нарушением Конституции СССР – Основного закона нашего государства.

От имени пославших нас советских граждан немецкой национальности, выражающих мнение советско-немецкого народа, мы просим полностью реабилитировать советских немцев, то есть:

1. Восстановить Автономную Советскую Социалистическую Республику немцев Поволжья, основанную В.И. Лениным.

2. Полностью отменить все правовые ограничения по отношению к советским немцам, содержащиеся в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., 26 ноября 1948 г. и 13 декабря 1955 г. с одновременным официальным признанием в широкой печати перед всем советским народом невиновности советских немцев.

Такой правительственный акт устранит все нарушения законности и последствия культа личности не только по отношению к немцам Поволжья, но и по отношению ко всем советским немцам.

Приложения:

Список делегатов от советских граждан немецкой национальности, посланных для вторичного ходатайства

перед ЦК КПСС и Президиумом Верховного Совета СССР о восстановлении АССР НП.

Письмо-обращение Президиуму ЦК КПСС и Президиуму Верховного Совета СССР с собственноручными подписями 3498 советских граждан немецкой национальности с просьбой о принятии данной делегации по вышеуказанным вопросам.

г. Москва.
5 июня 1965 года **Подписи:..**

... Долгих изнурительных тридцать шесть дней Вторая делегация советских немцев мыкалась в столице родины чудесной. Неустроенные, неприкаянные, бездомные члены делегации, ограниченные к тому же в средствах, испытывая лишения, собирались, где придется, спорили до хрипоты, готовили документы в разные инстанции, тормошили редакции, обивали пороги официальных учреждений, добиваясь решения неотложного национального вопроса. Некоторые не выдерживали, уезжали на последние гроши, к делегации присоединялись другие, кто-то сомневался в возможности справедливости, кого-то отговаривали русские жены, кто-то попадал в больницу, кто-то продал любимый аккордеон, чтобы продержаться, попасть к власть предержащим, чтобы высказать, выплеснуть свою боль и еще и еще раз обозначить свою затаенную мечту.

7 июля 1965 года Вторая делегация в составе 19 человек была принята товарищем Микояном. Прием длился один час сорок минут. После того, как выступило 9 человек из состава делегации, Анастас Иванович Микоян сказал:

«Вы ставите вопрос о восстановлении республики. Мы хорошо понимаем, что это было бы лучшим решением вашего вопроса. Но мы не можем пойти на восстановление республики на Волге, так как полмиллиона немцев, живущих в настоящее время в целинном краю, уедут оттуда, а без них вести там

сельское хозяйство невозможно. А в отношении культурных потребностей мы пойдем навстречу».

После этого выступили три товарища – представители разных министерств и сообщили о намечаемых мероприятиях в области культуры и просвещения.

Но до встречи с Председателем Верховного Совета СССР Вторая делегация советских немцев встретилась с представителями ЦК КПСС. И произошла эта встреча 15 июня 1965 года.

XIV. И ОПЯТЬ ЭТОТ СОН

... И опять этот сон. Тягостный, изнурительный, нескончаемый. Ты вышел на конечной остановке трамвайного пути и застыл в растерянности, не зная, зачем ты здесь и куда тебе идти дальше. Вокруг толпится, суетится народ, куда-то спешит, торопится. Все озабочены, хмуры, молчаливы.

– Туда, туда. Dahin, dahin!..

Далеко за бугром, за холмом высится громадное здание. К нему ведет одинокая, еле-еле протоптанная тропинка, заросшая по краям сорной травой и колючими кустарниками. По тропинке бредут, маячат впереди одинокие путники. Молча, упорно тащатся туда, туда, dahin, dahin. Вокруг сгущаются сумерки, разматывая темный след тропинки. Холмы сменились жуткими свалками. Гуртятся безобразно откормленные вороны, шастают крысы, бездомные собаки, ползут мохнатые жуки. А тот высокий дом все удаляется, удаляется, мерцает тусклыми, призрачными огнями. Глухо. Ни звука. Все вокруг онемело.

Ты устал. Ты измучен. Ноги стали ватными. Сердце подкатило к горлу. Тесно в груди. Но ты идешь, идешь, идешь преодолевая боль и усталость.

Наконец дошел, добрел до несуразно огромного, нелепого, жутко запущенного здания, выросшего в степи, в захламленном поле. Ты пришел неизвестно

откуда и с трудом вспоминаешь, что в этом здании, обшарпанном, грязном, где-то на двадцать третьем этаже обитают твои родители, а неподалеку, за поворотом коридора, в тесной комнатушке с некоторых пор живут твои сестры. Тебя осенило: ах, да, туда ведь ты и идешь в поисках пристанища, ибо ты почему-то один-одинешенек на всем белом свете, ты пилигрим, и ты ищешь пристанища, где бы мог остановиться хотя бы на ночь, малость отлежаться, унять боль в груди, которая все ширится, ширится и сжала в кольцо все твое тело.

Ты вышел в темный, загаженный подъезд, нащупал на обшарпанной стене щиток с разными кнопками, сообразил, что это лифт, вошел, вобрался в грохочущую, мрачную кабину. Лифт поднимает тебя то вверх, то опять опускает вниз, и ты никак не можешь добраться до двадцать третьего этажа. Наконец, лифт вытолкнул тебя на двадцатом этаже и теперь ты карабкаешься, задыхаясь, по темным, скользким, выщербленным ступеням, рискуя с каждым шагом свалиться в пролет, как в бездну, а держаться не за что, ибо нет перил, а ступеньки становятся все круче, и все зыбко, шатко под твоими ногами. Ну, вот, адским усилием ты добрел-таки до двадцать третьего этажа, пошел по нескончаемому темному коридору и вдруг ужасная догадка пронзает все твое существо: ты, оказывается, не помнишь, в какой квартире обитают твои скончавшиеся родители, не помнишь, не помнишь, отшибло всякую память, не помнишь ни номера квартиры, ни номера телефона, и стоишь теперь посредине пустынного коридора, потерянный, никому не нужный, заброшенный на верхотуру, откуда и спуститься-то невозможно, ибо лифт отключили и мрак вокруг все более сгущается и сгущается. Куда? Куда? Где я? Где мои родители? Где мои сестры? Почему я один остался на этом столь неуютном, запущенном свете? И как мне теперь быть? Я застываю,

я каменею, я оглох от боли и страха, я кричу из последних сил, а голоса нет, нет, нет... и вокруг безлюдье, и никто тебя не слышит. Выморочное пространство.

– Агай, агай! Что с вами?! – доходит до меня сквозь толщу мрака и ужаса заботливый голосок. – Анализ крови. Из вены. Потом кардиограмма.

Ты просыпаешься, выныриваешь из гибельной пучины, с трудом приходишь в себя.

Ах, да... ты же попал сюда вторично. И вокруг тебя опять увиваются врачи, хлопочут медсестры. И ты не заблудился, ты в больнице, и дом твой находится неподалеку; а то высокое здание в захламленном поле, та еле различимая тропинка между жухлыми сорняками и колючими кустарниками, и тот безлюдный мрачный коридор, и весь ужас безысходности и одиночества – лишь наваждение, сон, блажь, видение больного, сумеречного сознания, оглушенного болью...

– Все, агай! Успокойтесь! Расслабьтесь! Не дрожите. А то кардиограмма будет неверная.

Ты стараешься унять дрожь в ослабшем теле. Но не получается. Тебя колотит непонятный озноб.

XV. БЕСЕДА В ЦК КПСС

15 июня 1965 года делегация советских немцев в количестве тридцати человек была принята группой представителей ЦК КПСС в составе:

– Скворцов – заместитель заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС,

– Грачёв – заместитель заведующего отделом административных органов ЦК КПСС,

– Егоров – заместитель заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС,

– Полехин – заместитель заведующего партийным отделом по РСФСР.

При беседе присутствовал тов. Строганов, заведующий приемной ЦК КПСС.

Разговор был исключительно конкретным, деловым.

Скворцов: Мы познакомились с вашим письмом. Под ним имеется много подписей. Значит, то, что изложено в письме, является не только вашим мнением. Мы хотели бы услышать ваши дополнения к письму, только поконкретнее.

Наступила короткая пауза. Немцы были взволнованы, скованы ответственностью. На таком уровне беседа протекала впервые. Представители ЦК КПСС держались строго, холодно, неприязненно настороженно. Чувствовалось, что эта щепетильная беседа им поперек горла. Однако, ничего не поделаешь, надо было выполнять поручение высшего руководства и доложить ему обо всем.

Немцы затаили дыхание. Слово взял председатель постоянного комитета.

Шесслер: Все наши обращения в ЦК КПСС остались почти без внимания. Нас вызывали только в райкомы и говорили: «Автономии у вас не будет». Мы считаем, что после последних съездов партии так говорить уже больше нельзя.

Мы не являемся врагами нашей Родины, и свою преданность ей доказали своим трудом.

Указ от 29 августа 1964 года политически нас реабилитировал: вина снята, но наказание осталось. Наше положение не изменилось, так как в действительности по-прежнему находятся указы от 1948 и 1955 годов. Я член партии и многое сделал для своей партии. И я не могу больше молчать – я не преступник. Указ от 29 августа 1964 года говорит, что автономию на Волге восстановить нельзя, так как нет территории. Наши люди были там, ездили по Волге, и мы считаем это утверждение несостоятельным. Некоторые сёла там вообще разрушены, другие заселены частично.

Население на территории бывшей АССР НП увеличилось не за счет районов, а за счет городов.

Мы считаем, что полная реабилитация – это значит восстановить нашу автономную республику на Волге, что соответствует всем чаяниям всех советских немцев.

Борнеман: Я, товарищ Скворцов, с вами согласен, что нам говорить сегодня о тех страданиях и горе, что пережили советские немцы – незачем. Да нас прислали сюда и не для этого, а для того, чтобы мы добились восстановления автономии на Волге и отмены всех порочащих нас указов. Указ от 29 августа 1964 года отменил частично клеветнический указ от 1941 года, но почему этот указ не отменил и другие указы? Обвинение снято, а наказание осталось. По законам всего человечества, если снимается обвинение, то снимается и наказание. Реабилитация – значит, восстановление прежнего положения. У нас же прежнее положение не восстановлено. Мы оказались в крайне абсурдном, бессмысленном положении, которое нужно изменить.

Указ от 29 августа 1964 года полон противоречий. Там говорится, что немцы укоренились на новых местах жительства, что они живут хорошо и всё у них есть. И поэтому властям предлагается и впредь оказывать немцам поддержку в культурном и хозяйственном строительстве. Но что могут сделать местные власти? Наш основной вопрос может решить только Верховный Совет, а он этого не сделал и предлагает местным властям что-то сделать.

С другой стороны получается, что калмыки, которые не могли «укорениться», премированы за это автономией, а немцы не могут вернуться на свою родину, потому что они «укоренились».

Мы в нашем заявлении говорим, что просим отменить все указы, порочащие советских немцев. Я думаю, что их нужно уничтожить, чтобы они не

попали в руки наших потомков, которые осудят нас, строителей коммунизма за такие указы.

Некоторые говорят нам: у советских немцев нет территории для восстановления их автономии. Это нам обидно. Видно, эти люди оторвались от ленинизма, проверяют правильность ленинской национальной политики. Когда в 1918 году Ленин подписал декрет, что земля передается крестьянству, он исходил из программы партии, из того, что мы участвовали и в турецкой, и в первой мировой, и в гражданской войнах. Я сам участвовал в гражданской войне и проливал свою кровь.

Немцы, прибыв в Россию освоили пустые земли, вложили в них много труда, потом и кровью создали сёла и города. Во время коллективизации мы приняли землю по государственному акту. Значит, у нас есть своя земля, есть территория.

Когда посмотришь на теперешнее отношение к нам, вспомнишь слова Ленина: «Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом и неравноправием» (Ленин, ПСС, изд. IV, Т. 20, стр. 12). Эти золотые слова относятся как раз к тем, кто утверждает, будто у нас нет территории. Я много раз писал в центральные органы, и мне отвечали, что восстановление АССР НП нецелесообразно. Так может писать только какой-нибудь канцелярист, аппаратчик.

Мы сейчас разбросаны мелкими группами по всему Советскому Союзу. Происходит полная ассимиляция. Дети не могут учить свой язык (родной), а старые люди, не знающие русского языка, уже не могут говорить с ними.

Даже если смотреть с количественной точки зрения, то мы по численности стоим на 13 месте в Советском Союзе, нас больше, чем эстонцев, таджиков

и других народов, имеющих союзные республики, а у нас нет даже автономной.

Наши дети служат в Советской Армии, они защищают свою родину. Но когда они демобилизуются и приезжают туда, где они родились, их выселяют за 24 часа. Существующее положение противоречит и нашей Конституции, и национальной политике, и программе партии.

Если такие указы создаются сверху, то можете себе представить, что делается внизу местными властями.

Гельфенбейн: Я хочу сказать о зрелости этого вопроса. Республика немцев Поволжья была ликвидирована необоснованно, в результате культа личности Сталина. Подавляющее большинство немецкого населения, высланного с Волги, горячо желает вернуться туда.

Верховный Совет, издав указ от 29 августа 1964 года, сделал один шаг вперед. Нужно сделать второй и отменить все указы.

Нет основания опасаться трудностей при восстановлении нашей автономии. То население, которое живет на территории бывшей АССР НП, пусть там и остается: мы и раньше жили с ним. Мы просим решить наш вопрос и не затягивать его.

Берш: Мы не понимаем, какие могут быть возражения против восстановления республики. В Указе от 29 августа 1964 года есть пункт о том, что территория бывшей АССР НП заселена. Я живу там, бываю во многих местах и могу правдиво рассказать об этом. Мы не знаем, что товарищ Копёнкин доложил правительству, но из разговора с ним я заключил, что он дезинформировал его.

В Волгограде существует переселенческий отдел, значит, там нет перенаселенности. Люди приезжают туда и уезжают, наблюдается большая текучесть кадров.

Приведу несколько фактов о сёлах. Так, например, в бывшем селе Штрассбург до выселения было 995

домов, сейчас там около 200, в селе Нойвеймар было 260 домов, осталось – 55. В селе Деготт было 800 домов, осталось 42, некоторые села полностью разрушены, в большинстве осталось по 30% домов и меньше.

До сих пор местные власти хорошо относились к советским немцам, их иногда прописывали, несмотря на большие трудности.

Но за последнее время отношение к немцам изменилось, и в прописке вообще отказывают.

Кайзер: Нам говорят, что мы реабилитированы. Но это известно только немцам, которые и так знали, что они не виновны. Ни в одной газете не упоминаются советские немцы.

Антагонизм, создавшийся в течение двух десятилетий, и сейчас имеет место.

(Далее выступающий привел примеры: об истории СССР под редакцией профессора Панкратовой, о романе Коптяевой «Дружба», о книге Подъячих «Население СССР»).

Советские немцы в течение двух лет могут восстановить все и доказать свою преданность партии и правительству. Восстановление республики в другом месте не является реабилитацией. Это будет ссылкой для наших потомков.

Школы с расширенной программой не могут решить вопрос о сохранении языка, для их существования практически нет условий.

Часто говорят, что среди немцев много религиозных, и с этим нужно бороться. В республике это не нужно было делать. А сейчас люди разбросаны, и тяга к общению на родном языке является причиной их религиозности.

Ганштейн: Чтобы у вас не сложилось мнение, будто домой хотят только старики, я хочу сказать, что и молодежь тоже хочет домой. Наш народ отстал в культурном развитии от других народов Советского Союза примерно на 20 лет.

(Приводит пример о проценте людей с высшим образованием среди советских немцев и других народов).

Мы просим довести до самого высшего уровня, что мы хотим домой, хотим восстановления республики.

Вельц: Раньше у нас было 3 вуза, 11 техникумов, школы, издательства и т.д., сейчас у нас этого ничего нет. У нас нет и представителей в Верховном Совете. Нам очень больно убеждать кого-то в правоте Ленина. Республика немцев Поволжья была создана одной из первых и создана Лениным.

А теперь получается, что он был неправ.

Мы говорим о равноправии. Но если мы приедем на Волгу, нам дадут 24 часа, и мы должны уехать.

Нам не дают возможности показать, на что мы способны. Мы просим предоставить нам возможность внести свой весомый вклад в построении коммунизма.

23 года мы находимся в неравноправном положении, но мы остались советскими людьми. Некоторые товарищи хотят связать наш вопрос с заграницей. Мы советские люди, наш вопрос внутренний, и мы не хотим, чтобы его связывали с внешней политикой.

Среди нас есть пишущие люди, но нам негде печатать свои произведения.

Штейнбах: Я искусствовед. Занимаюсь вопросами национальной культуры малых народностей. И мне очень больно и обидно, что я сталкиваюсь с вымиранием национальной культуры целого народа. Это преступление. Мы должны создать условия для развития национальной культуры самых разных народностей. Если и дальше не будет решен наш вопрос, то погибнет одна из высоких культур.

Вормсбехер: Я коммунист, и 13 товарищей из сидящих здесь тоже являются членами партии. И мы не можем совместить то, что творится по отношению к советским немцам, ни с ленинской национальной политикой, ни с Конституцией СССР, ни с программой

КПСС. Как можем мы, коммунисты, смотреть беспартийным товарищам в глаза, как мы можем оправдать линию нашей партии, защищать ее авторитет при таком явном, грубом нарушении ленинских принципов по отношению к двум миллионам человек?

Являемся ли мы советским народом? Думаю, мы являемся таковым. Имеем ли мы, как советский народ, стоящий по численности на 13 месте, имеем ли мы согласно Конституции СССР право на автономию? Имеем. Так почему ее у нас нет?

Кончак: Укоренились ли советские немцы?

За последнее время, после снятия со спецучета, советские немцы – волнующееся море. Постоянные переезды. Немцы кочуют.

Я был в Норильске и верил: воспрянет правда. И все немцы верят, что автономия будет восстановлена.

Очень отрадно читать, что мордвины, башкиры и другие народы имеют свою культуру, театры, своих писателей. А у нас этого нет. Скоро мы встретим 50-летие Октября. С чем мы придем к нему? Что у нас было и что теперь у нас есть?

За 23 года выпущена всего одна книжка с произведениями советско-немецких писателей.

Эндерс: Я из Краснотуринска, была там трудармия, большинство – немцы, которые и внесли основной вклад в его строительство. Сейчас в городе около 20% немцев, но в политической жизни они не участвуют.

Нет ни одного ответственного руководителя из советских немцев. В городе два дворца культуры, но в них нет и маленькой группки немецкой самодеятельности. В книжных магазинах нет немецких книг. Мы не видим участия немцев в культурной жизни, у них нет возможности учиться дальше. Мой внук не хочет быть немцем, так как его обзывают фашистом. Люди хотят восстановления республики, они собирали по рублю, чтобы мы могли поехать. Первая делегация не получила ответа на свои требования. Как же так, Ленин

принимал ходоков и давал конкретный ответ, а тут 13 человекам не сказали ничего. Вот почему здесь вторая делегация. Если и она ничего не добьется, будет третья, четвертая. Мы не успокоимся, пока наш вопрос не будет решен.

Гиль: У меня 8 детей. Наши дети должны знать родной язык. Мы очень просим восстановить нашу республику.

Наши дети воспитываются для коммунистического общества. У меня 8 детей, из них 7 комсомольцев и одна пионерка. Моя маленькая девочка пришла и плачет. Она сказала: «Мама, почему меня называют фашисткой?» Я сама была комсомолка, когда нас выселяли. У меня два сына служат в армии, один из них был недавно в отпуске за хорошую службу. Я горжусь, что мои дети хорошо служат. Но почему они не могут быть равноправными?

Хромова: В народе говорят: у кого что болит, тот о том и говорит. Мы живем здесь 200 лет. Почему мы в таком положении? Вам, наверное, сейчас самим неудобно. Почему вы идете против своих убеждений?

Нас обвиняют в национализме. Националист не тот, кто требует свои права, а тот, кто вынуждает людей требовать их. Нельзя допустить, чтобы погибла культура народа. Я верю, правда победит и в этом вопросе. Партия должна решить этот вопрос. Мы не можем вступать в коммунизм бесправными и с угнетенной культурой.

Мы ничего нового не говорим, мы только принесли вам душу людей, их горячее желание.

Мы хотим быть принятыми товарищем Брежневым. Указ вышел полгода тому назад, но и то малое, что там говорится, не выполняется.

Мы просим восстановить немецкую республику – наш культурный центр. Мы настаиваем, чтобы товарищ Брежнев принял нас. Мы хотим быть на нашей родине, и наш вопрос нельзя связывать с другими странами.

Скворцов: Мы доложим руководству ваши пожелания. Но этот вопрос обсуждался уже в Правительстве, в результате чего был издан указ от 29 августа 1964 года, которым все политические обвинения с немцев сняты.

Поэтому говорить о неравноправном положении едва ли правильно. Ссылки на то, что детей называют фашистами, и что местное руководство плохо относится к немцам – не основательны. Не только немецких детей называют фашистами, у других тоже есть прозвища. Дети есть дети.

А местные органы – некоторые товарищи, по-видимому, нарушают положение указа. В указе сказано, что люди укоренились, и вряд ли можно это оспаривать.

Население на территории бывшей республики возросло. Вы предлагаете не выселять оттуда людей. Что же получится? Там жило 360 тысяч немцев. Допустим, не все вернутся туда, особенно из южных областей Казахстана и Киргизии, но, видимо, и многие пожелают, ну пусть таких наберется 200 тысяч – тогда немцы все равно не будут составлять большинство, и условия останутся примерно такими же, как они сейчас.

Массовое переселение требует больших затрат и принесет большой урон хозяйству. Проще с сельским хозяйством, но многие ведь работают и в городах. Нужно создавать опять предприятия. И получается, что сейчас действительно нецелесообразно решение этого вопроса.

Эндерс: Если для одной национальности существует запрет ехать куда-то, является ли это равноправием?

Скворцов: В этом отношении нет.

Полехин: Нам хорошо известно трудолюбие немецких товарищей. Я хочу вернуться к вопросу: нужно считаться с рядом экономических факторов. Территория бывшей АССР НП действительно заселена. Если возникнет вопрос о переселении,

значит, нужно думать и о трудоустройстве. О правах – последними документами ваши права восстановлены. О депутатах – выборы в Верховный Совет проходили до издания указа от 29 августа 1964 года. По-видимому, при следующих выборах будет это учтено. В ряде мест немецких товарищей избирают в партийно-советские органы, обратим еще на это внимание.

Трудности с печатанием ваших произведений – мы поможем. Нельзя сводить всё к восстановлению автономии.

Берш: Мы не хотим получать что-то по кусочкам. Мы не хотим культурной автономии.

Фрицлер: Вы хотите нас убедить в том, что так все должно остаться. Говорите об экономических трудностях – национальный вопрос должен стоять выше рублей.

В отношении заселенности: я работал наркомом земледелия, я называю это болтовней. Это формальный подход, это не ленинское решение вопроса. Вы хотите нас отговорить от нашей цели.

Я прошу вас, как член партии, чтобы нас принял товарищ Брежнев.

Витнер: Может, у вас есть справочник, где указано население городов Красноярска? Там сейчас в 10-15 раз больше, чем до войны. Поэтому рост населения на территории бывшей АССР НП не должен быть причиной в ее восстановлении.

Ганштейн: Почему для калмыков и других этот вопрос решили, а для нас нет?

Скворцов: Мы понимаем ваши желания, чувствуем вашу настойчивость. Вы хотите, чтобы этот вопрос был решен. Мы высказали мнение о трудностях, которые возникают при решении этого вопроса. Мы объективно доложим обо всем правительству.

Грачёв: Есть ли у вас руководитель? Как ваша делегация была сформирована? Были ли собрания, кто вас уполномочил говорить от имени всего народа?

Шесслер: К заявлению приложены 4000 подписей. В одних местах собирались подписи, в других люди в беседах высказывали желание, чтобы мы поехали.

Грачёв: Но как вы все-таки представительны?

Штейнбах: Осенью, когда был семинар во Фрунзе по проработке Указа от 29 августа 1964 года, были разработаны мероприятия, которые нужно провести. Я принялась за организацию кружка самодеятельности. Но нас обвинили в сектантстве, национализме. Мы все-таки кружок организовали, выступали. И люди говорили нам: «Почему вы не ставите вопрос о восстановлении нашей республики?»

Шесслер: Вы хотите свести вопрос к тому, что нужно было привезти 300 000 подписей? Мы привезем.

Грачёв: Нет, нам только хотелось узнать, насколько вы представительны.

Скворцов: Если проводятся собрания, то разжигаются страсти. По-партийному ли это? Можно было бы собраться просто, без подписей, и приехать. Ведь суть дела это не меняет, и на решение вопроса не отразится.

У меня просьба: не надо действовать так, чтобы разжигать страсти.

Егоров: Вопрос серьезный, нужно подойти к нему всесторонне. Всё, что вы сказали, – от чистого сердца.

Но есть ряд вопросов, которые нужно еще изучить. Нам нужно доложить о встрече в ЦК. Вопрос о национальных правах – они полностью соблюдаются; не всегда соблюдаются национальные особенности. Местные органы не всегда их учитывают. Но это можно практически решить сейчас.

Чтобы кардинально решить проблему, вы ставите вопрос о восстановлении автономии. Нужно учитывать ряд обстоятельств:

Сложились экономические и культурные связи, немцы хорошо трудятся и вросли в настоящую жизнь.

Нам нужно посмотреть, есть ли перенаселение или нет. Вы сами понимаете, что решение проблемы требует затрат. Нам нужно их подсчитать. Эту работу дайте нам проделать, чтобы обстоятельно доложить ЦК КПСС.

Скворцов: Нужно все продумать. Сказать, сколько времени для этого потребуется, не могу. Ответ может дать только правительство, и оно должно еще раз собраться.

Эндерс: Мы просим привлечь для этого представителей немецкого населения.

Скворцов: Конечно.

О приеме у товарища Брежнева – ведь он все равно должен получить обстоятельную информацию.

Борнеман: Мы считаемся постоянной делегацией, как нам быть, ожидать ответа здесь или уехать? В июле должна приехать еще одна делегация.

Скворцов: Зачем ехать сюда? Нужно разъяснить людям, что это не нужно сейчас.

Дотц: Когда мы организовали уезды на Волге в 1918 году, мы собирали партийный комитет и решили, что присоединимся к Саратову. Я был послан в Москву, попал к Сталину, сказал ему, что мы присоединимся к Саратову. Он взял меня за плечо и сказал, что «есть ленинская национальная политика, мы не можем ее изменить». Почему же сейчас ее изменяют?

Об экономической стороне – а где же ленинская национальная политика? Здесь считаться с рублями нельзя. То, что создал Ленин, ревизии не подлежит.

Шесслер: Я все-таки не понимаю. Мы не разжигаем страсти. Нас послал народ, мы приехали не самовольно. Что же мы скажем людям, когда вернемся? Что остаемся с тем, что было? Нам давно уже говорят, что вопрос рассматривается.

Скворцов: Прежде, чем сказать, положительно или не положительно решится вопрос, нужно его хорошо изучить. Когда вы приедете, вы расскажете о

нашей беседе, скажете, что вопрос будет рассмотрен в правительстве, и нужно ждать.

Штейнбах: Но ведь такой разговор был в январе 1965 года.

Скворцов: Нам поручили разобраться и доложить.

Вельц: Я думаю, что если вы доложите так, как вы нам объяснили, то республики не будет.

Скворцов: Мы доложим ваше мнение.

Франке: Я хочу, чтобы с нами поступили так, как с калмыками.

Кончак: Тут наблюдается какой-то бухгалтерский подход. Как вы лично относитесь к этому вопросу?

Скворцов: У вас много убедительных доводов, но вопрос сложный.

Розенталь: Мы приехали, чтобы честно и правильно проинформировать ЦК КПСС по данному вопросу. Мы хотим, чтобы нас хорошо поняли, доложили подробно Президиуму ЦК КПСС и решили этот давно назревший вопрос положительно.

Скворцов: Товарищи, давайте закончим нашу беседу. Мы всё передадим Центральному комитету.

До свидания.

XVI. ВСЕ ЕСТЬ, А НИЧЕГО НЕТ

Члены Второй делегации советских немцев после встречи в ЦК КПСС молча прошли по длинному коридору, спустились по ступенькам, стараясь не шуметь, вежливо покивали охране, сторожко косились вокруг и почему-то избегали даже глядеть друг на друга. Все только что вывернули наизнанку изболевшие души, ощущали опустошенность и усталость, облегчение и непомерный груз одновременно, обдумывали каждое сказанное слово, прикидывали, все ли сказали, как надо, не допустили ли казуса, промаха, не осрамились ли перед этими высокими господами, которые, чувствовалось, оставались равнодушными к

тому, что ходоки с такой болью выкладывали. Так долго готовились к этой встрече, договаривались, кто что скажет, обуздывали эмоции, больше всего боясь, что допустят невзначай политический ляп, за что потом их обвинят громогласно, разоблачат в невежестве, в сепаратизме, национализме, экстремизме, индивидуализме, близорукости и бог знает, еще в чем. Радовались, что встреча, наконец, состоялась, что о главном все-таки сумели сказать, что выполнили наказ своих соплеменников, чувствовали, что каждое произнесенное на встрече в ЦК КПСС слово потом эхом прокатится по всей стране, и каждый сокровник, забившийся по углам необъятной империи, начнет с видом знатока и умника проигрывать каждую фразу, каждый аргумент, оброненный и приведенный в устной беседе с представителями самого ЦК, прикидывая, что же было упущено, сказано недостаточно убедительно и резко. Наверняка какой-нибудь Михель, обсуждая все слухи-разговоры о состоявшейся встрече «наших» в Москве, начнет пространно толковать своей фрау или знакомым «Manner», что он-то, Михель, сказал бы не так, выразился бы острее, резче, чтобы этим господам наверху неповадно стало, чтобы они, выслушав его исповедь, все его унижения, мытарства, лишения за двадцать четыре года, пришли бы в ужас за содеянное и бросились бы с рыданиями к самому генсеку, убеждая его дать несчастным братьям-немцам их автономию незамедлительно.

О, можно представить, сколько потом возникнет толков-разговоров об этом событии.

– Gott sei Dank, das ist alles vorbei,– промолвил первым темпераментный, костлявый, долговязый Эрнст Кончак, откинув со лба непокорную прядь.

И сразу все начали вразнобой комментировать только что пережитое.

– Кажется, неплохо все сказали.

– С чувством, аргументированно.

– К месту все ввернули: и про Ленина, и про Конституцию, и про Программу партии.

– Комар носу не подточит.

– И про армию, и про детей, и про культуру.

– Думаю, они все поняли.

– Поняли да не прочувствовали.

– Уж больно толстокожие.

– На уступки, конечно, пойдут, но автономии не дадут.

– Заволокитят.

– Как пить дать.

– Постараются утешить нас конфетами, пряниками.

– Опять околпачат бедных немцев.

– Да-а, meine Kinder, хлопот предстоит еще много.

– Цыганка сказала: пустые хлопоты в казенном доме.

– Так думать нельзя! Будем добиваться законных прав!

– Но ясно: Брежнев нас не примет.

– Попробуем убедить Анастаса.

– Если примет...

– Примет! Они, кажется, поняли, что от нас так просто не отделаться. Что-то предпринять надо.

Через два дня, 17 июня 1965 г., делегация отправила товарищам Скворцову, Егорову и Полехину письмо, в котором изложила свое мнение по отдельным вопросам, возникшим в беседе на приеме, выразило опасение и протест против склонности нескольких товарищей свести вопрос о восстановлении автономии к отдельным мероприятиям в области культуры: создать в некоторых районах немецкие школы, увеличить число радиопередач, тираж газет, организовать издательство, самодеятельность и т.д. и т.п., то есть свести все к культурно-национальной автономии. В письме приводились доводы целесообразности восстановления АССР НП и с сугубо экономической стороны.

Встреча с Председателем Верховного Совета СССР, на которую так уповала Вторая делегация советских немцев, ничего нового не привнесла. Все пошло по накатанной колее. Немцы приводили те же доводы, доказывая необходимость восстановления автономии на Волге, опытный Анастас Иванович осторожно соглашался, но по-большевистски твердо настаивал: сейчас это невозможно. «Кто будет хозяйство поднимать в Казахстане?» – выложил он главный свой козырь.

Многое можно поправить, но не все. История не в состоянии исправить все перекосы в людских судьбах.

Раздрызганная немецкая колымага безнадежно застряла в российском бездорожьи.

Кто будет расхлебывать кашу, заваренную культом личности? Кто в ответе за изуродованные судьбы? Прошло двадцать четыре года с того злополучного указа о выселении целого народа. Указ признан незаконным. Советская, самая справедливая власть на земле, готова предоставить российским гражданам немецкой национальности всевозможные права и блага. Но, дорогие товарищи, в некоторых вопросах и большевики бессильны. Придется довольствоваться возможным. А все возможное будет вам обеспечено.

Понуро опустив головы, побрели члены Второй делегации восвояси.

– Доннерветтер! Сакрамент!

– Цум Тойфель нох айнмаль!

Собравшись с мыслями, обсудив все по возможности трезво, решили перед отъездом написать еще одно письмо, чтобы облегчить душу и оправдаться перед соплеменниками.

Председателю Президиума Верховного Совета
СССР товарищу **Микояну А.И.**
Копия: товарищам **Косыгину, Брежневу,**
Суслову, Пейве
от делегации советских немцев, принятых
7 июля 1965 г. по вопросу о восстановлении
АССР НП.

Уважаемый Анастас Иванович!

Так как на приеме мы были лишены возможности выразить свое мнение в ответ на Ваши слова, мы решили это сделать письменно.

Мы ни в коей мере не удовлетворены результатами приема. Народ послал нас к правительству не за газетами, не за кружками самодеятельности, а добиваться полной реабилитации двух миллионов человек, установления их равноправия с другими гражданами СССР и восстановления их государственности – бывшей Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья.

Ни на одно из этих требований мы ответа не получили.

Вы сказали, что Указ от 29 августа 1964 года сделал советских немцев равноправными гражданами СССР. Это утверждение не соответствует действительности, так как мы ставим вопрос не о правах отдельных граждан, а о равноправии национальном, без которого не может быть подлинного равноправия.

Указ от 29 августа 1964 года вносит лишь изменения в указ от 28 августа 1941 года и снимает с советских немцев клеветнические обвинения в пособничестве фашизму, на основании которых ликвидация Республики немцев Поволжья была актом грубого произвола и преступления перед советско-немецким народом.

Указ снял политическое обвинение с советских немцев, но не изменил их положения и полностью оставил наказание за мнимую вину. Ни один из Указов, на основании которых невинный народ подвергался репрессии, еще не отменен. Согласно Указу от 26 ноября 1948 года мы являемся вечными ссыльными, согласно Указу от 13 декабря 1955 года мы не имеем права возвращаться в родные места. Где же здесь реабилитация?

Если передать смысл Указа от 29 августа 1964 года образно, получается так: человеку осужденному за самое тяжкое преступление и сидящему в тюрьме уже 23 года, говорят: «Ты осужден по ошибке, ты не виновен. Но так как ты привык быть здесь, «укоренился», то и оставайся тут».

Разве это реабилитация? Разве это восстановление в правах?

Вы сказали нам, что немцы всегда трудились и трудятся хорошо. Но Республика немцев Поволжья не может быть восстановлена, так как отъездом немцев из районов, где они сейчас работают, будет нанесен урон народному хозяйству.

Таким образом, два миллиона человек, отдающих все силы на укрепление своего государства, обрекаются этим государством на вымирание, как национальность. Из них хотят выхолостить все, что еще указывает на их принадлежность к нации, так как это будто бы мешает их работе.

Отсюда можно сделать только один вывод: к советским немцам относятся потребительски, пренебрегая их национальными чаяниями. То, что записано в Конституции СССР и Программе КПСС о равноправии и языков, к советским немцам не применяется, так как это «может нанести урон экономике».

Ленинская национальная политика к советским немцам не применяется, так как это «может нанести урон экономике».

Вы сказали, что две трети советских немцев жили вне автономной республики и жили хорошо, следовательно, не обязательно советским немцам иметь теперь свою автономию.

Но разве не ясно, что немцы, живущие вне республики, жили хорошо только потому, что такая республика была, что у них было свое государство, которое всесторонне заботились и о них, помогая им в вопросах культуры и образования, в хозяйственном строительстве. Республика немцев Поволжья была кузницей кадров для всех остальных немецких районов, была живым воплощением политического равноправия советских немцев.

Что означает ряд жалких мероприятий, проектируемых в области культуры и просвещения?

Во-первых, при нынешней разбросанности советских немцев эти мероприятия обречены на провал.

Во-вторых, даже при наиболее полном их осуществлении они в лучшем случае явились бы лишь частью программы культурно-национальной автономии. А нам нужна не культурно-национальная автономия, а государство. Мы – советские немцы, коммунисты, а не бундовцы, и бундовская программа по национальному вопросу нам не нужна.

Такова юридическая основа политического неравноправия одной из советских национальностей. Но повседневный быт советских немцев, отношение к ним других народов нашей страны определяется не только антиленинским, геноцидным указами от 1941, 1948, 1955 годов, но и психологическим наследием военных лет вообще. Никогда советские люди не забудут жертв Великой Отечественной войны, никогда не простят жутких злодеяний фашизма. И не должны простить! Но этот праведный гнев, эта великая ненависть необоснованно направляется и против советских немцев. И так будет до тех пор, пока не последует акт о восстановлении нашей советской национальной государственности. Тут не помогут ни жалкие кружки самодеятельности, ни центральная газета на немецком языке. Вот уже восемь лет этот орган, помимо выполнения своих прямых функций, пытается бороться против тех или иных случаев грубого произвола, взятых каждый раз в отдельности. Но эти попытки остаются и останутся дон-кихотской борьбой с ветряными мельницами, ибо это – борьба с отдельными проявлениями зла, с единичными результатами постоянно действующих причин.

А корень зла в противоречивости, в ложности положения советских немцев:

1. В то время, как ГДР с момента ее образования обласкана Советским Союзом всяческим вниманием и заботами, советские немцы до сих пор расхлебывают моральные последствия войны. Можно подумать, что фашисты были не в Германии, а среди советских немцев.

2. Время от времени, например, по поводу посылок из-за границы на местах организуются шумные кампании под девизом: «Они – наши, свои, советские!» Между тем как вот уже четверть века ни в одном русском печатном издании, в том числе и в полусекретном Указе от 29 августа 1964 года, наши немцы не признаются советским народом. Центральная печать вообще забыла о нашем существовании, если не считать

двух безобразных статей в газете «Труд» (от 31.01.65 г. и от 22.06.1965 г.).

3. Все народы, огульно обвиненные и репрессированные во времена Великой Отечественной войны, были полностью реабилитированы XX съездом партии. Почему же советские немцы до сих пор остаются пасынками?

4. Для зарубежных туристов и журналистов возводятся разные потемкинские деревни вплоть до лживого утверждения о том, что все немецкие дети у нас учатся в национальных школах, а на деле с молчаливого согласия высоких инстанций повсеместно умышленно срывается осуществление даже самых куцых полумер.

5. Устами Председателя Президиума Верховного Совета СССР воздается высокая хвала трудолюбию, сознательности и дисциплине советских немцев, а между тем именно эти исторически сложившиеся традиции разрушаются повседневно, сознательно и весьма эффективно. Ведь разложение, распад любого народа неизбежно сопровождается его моральной деградацией.

6. Сотни тысяч людей обращают взоры, полные надежды и веры в правду, к Кремлю, ибо стоит роковой вопрос – быть или не быть одному из советских народов, а в ответ совершенно официально предлагается убогая «программа» культуртрегерства, которая к тому же пестрит формулировками вроде: «намечается», «при наличии возможности», «по желанию». Мы-то знаем цену этим оговоркам!

7. Делегации советских немцев принимаются в ЦК партии и в Президиуме Верховного Совета СССР, а члены делегации и помощники ее на местах подвергаются открытым угрозам и даже увольнению с работы за «разжигание национальных страстей».

Но чему бы Вы, Анастас Иванович, посвятили свою жизнь, если бы Берия в один из черных дней своего всевластия разогнал Армению?

Пока мы будем считать и чувствовать себя советскими людьми, пока мы не утратим святой веры в Партию, в торжество исторической справедливости, в полную победу ленинских начал нашей жизни, до тех самых пор мы, советские немцы, не признаем нынешнего положения правомерным, нормальным или хотя бы терпимым и будем

считать своим гражданским долгом до конца отстаивать принципы ленинской национальной политики.

Мы не виноваты в людоедстве Гитлера, не виноваты в реваншизме его последышей, не виноваты в бесконечных осложнениях международного положения. Мы также не повинны в хронической лихорадке, которая трясет наше сельское хозяйство, не повинны в том, что восстановление республики упирается, как нам было заявлено с предельной откровенностью, в проблему экономических расходов. Не мы создали эту проблему, да и совершенно ясно, что она не должна быть определяющей в социалистической национальной политике. А уж если говорить об этой проблеме, то ясно также и то, что все затраты на восстановление АССР НП за несколько лет окупятся с лихвой.

Мы совершенно и неоспоримо правы в своем требовании, и Вы, Анастас Иванович, сами признали его. Ведь Вы нам сказали, что наши «стремления вполне понятны» и что восстановление автономии «было бы лучшим выходом». Так кто же согласится с Вашим утверждением, что не все ошибки, допущенные историей, могут быть исправлены? Да, по отношению к мертвым, к бессмысленно загубленным ошибки не исправишь! Но жива и будет жить Советская власть! И пока жив народ, с которым обошлись несправедливо, допущенную ошибку можно и нужно исправить.

Единственно справедливым решением нашего вопроса является полная отмена всех порочащих нас указов и возрождение нашей национальной государственности, то есть восстановление Автономной Республики немцев Поволжья.

Ленинская правда восторжествует – мы верим в это!

Шесслер,	Фогель,	Штейнбах,
Вормсбехер,	Вельц,	Сиптиц,
Кайзер,	Гинц,	Варкентин И.А.
Лерх,	Хромова,	Гиршфельд
		Гребер.

Ответ просим прислать по адресу:

Красноярский край, г. Абакан,
ул. Р. Люксембург, д. 95 кв. 2
Шесслеру Ф.Г.

... Разъехались члены Второй делегации советских немцев после тридцатишестидневных мытарств и хождений в Москве с двойственным чувством. Все понимали: чего-то, несомненно, добились, заставили выслушать их, поставили, что называется, вопрос ребром, достигли если не сочувствия, то хотя бы понимания всех национальных проблем, от которых властям становилось все труднее отмахнуться, и наверняка отныне немецкому вопросу в Советском Союзе начнут придавать большее значение, особенно культурно-социальным запросам. Повернутся, должно быть, в верхах к нуждам и чаяниям народа, поймут, что далее на самотек эту государственную проблему пустить уже невозможно, необходимо срочно принять какие-то меры, иначе недовольство будет расти. И не только среди советских немцев. Слишком многих советская власть успела обидеть. И свалить все на прошлые грехи, на культ личности Сталина становится все труднее.

О, да... Старания Второй делегации советских немцев, надо полагать, не пройдут даром. Произойдут положительные сдвиги. Непременно! Хоть и скрепя сердцем со стороны властей. Правда, и их, «автономистов», по головке не погладят: начнут допрашивать, шельмовать, преследовать по-крупному и мелочному, придираться по всякому поводу, выставлять в дурном свете, обвинять во всех грехах, вынуждать отказываться от всех «прегрешениях», разоблачать «своих», баптистов и тех, кто получает посылки из-за кордона и склонен к пагубным влияниям извне. О, тут уж ребята из Комитета Глубокого Бурения продемонстрируют высший пилотаж. И, конечно, кое-кто из соплеменников дрогнет, умолкнет, забьется в уголок и больше пикнуть не посмеет.

Да, да... потом нам, смельчакам-ходатаям, будет плохо, но то будет потом. Что ж... «Война без жертв не бывает», – изрек однажды Усач. Мало ли было жертв

со стороны советских немцев? Будет еще. Но каждая жертва оправдана. Найдутся новые смельчаки, и они поднимут свой голос за поруганный народ.

Но, с другой стороны, было очевидно, что главной своей цели – воссоздание ликвидированной несправедливо автономии – делегация при всей своей настойчивости не достигла и достичь ее – по-ленински выражаясь – будет архисложно. Власть на это так просто не пойдет. При реформаторе – антисталинисте Хрущеве о том и думать не приходилось, уповали на нового «царя» – добряка Брежнева, но, похоже, и он не собирается пойти на уступки в этом вопросе.

Особенно кипятился молодой, горячий экономист, крутонравый, рыжий, конопатый с огненным взором Вениамин Гинц. «Шайзкерле! – возмущался он. – Их ничем не проймешь! Нужны их подачки! Автономия – вот главная цель! Все остальное – издательства, газеты, учебники, самодеятельность, радио, хоры – решится само собой».

Его поддерживал спокойный, обстоятельный, сосредоточенный Гуго Вормсбехер, самый активный выразитель и оформитель «немецких идей». «Быть или не быть автономии – вот в чем вопрос,– убежденно твердил он. – Не стоит уповать на полумеры. Зачем нам обсосанный пряник?!» «Старики» придерживались более умеренных взглядов. «И это все надо – и газеты, и издательства, и радио, и самодеятельность. Необходимо разбудить и консолидировать народ. И Москва не сразу строилась».

«Ну, и будем ждать до мартышкиного заговения! – негодовал Гинц. – Нужны кардинальные меры. Чтобы разбудить наших забитых, законопослушных и трусливых немцев понадобится сто лет!»

Уже чувствовалось, что даже среди делегатов исподволь назревал раскол. Обозначились радикалы и умеренные. Кое-кого колотил мандраж: как бы чего не вышло.

«Будем ждать результатов», – решили старики. «Надо организовать третью делегацию!– шумел Вениамин Гинц. – И немедленно! Из молодых и смелых!»

«Ну и обломают вам рога!», – буркнул Эрнст Кончак, двадцать лет отсидевший в Норильске. «Всем не обломают!» – ярился неистовый Гинц. «Киндер, киндер, будьте благоразумней»,– призывал к спокойствию Фридрих Шлессер.

Вторая делегация советских немцев оставила в национальном движении памятный след. Добрые сдвиги обозначились незамедлительно.

ПРИКАЗ
Председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по печати
№ 226

г. Москва *22 июля 1965 г.*

Об издании литературы для немецкого населения СССР

Для полного обеспечения немецкого населения, проживающего в районах Казахстана, Сибири и Средней Азии, литературой, выпускаемой на их родном языке,

Приказываю:

1. Государственному комитету Совета Министров Казахской ССР по печати в трехмесячный срок создать в составе издательства «Казахстан» редакцию литературы на немецком языке. Литературу на немецком языке издавать с 1966 г.

2. Издательству «Прогресс» выпускать ежегодно по два сборника литературно-художественных произведений советских писателей, пишущих на немецком языке, объемом 8-10 издательских листов, а также 4-5 названий одноактных пьес, песенников и других изданий для обеспечения художественной самодеятельности, организуемой среди немецкого населения. Просить редакцию «Нойес Лебен» оказать помощь издательству «Прогресс» в подготовке литературно-художественных сборников и изданий для художественной самодеятельности.

3. Производственному управлению государственного комитета Совета Министров СССР по печати оказать практическую помощь полиграфическим предприятиям государственного комитета Совета Министров Казахской ССР по печати в части организации производства по выпуску изданий на немецком языке.

4. Издательству «Советский писатель» предусматривать в ежегодных планах выпуска литературы книг советских писателей из числа немецкого населения СССР.

Принять к сведению секретаря правления Союза писателей СССР тов. Воронкова К.В. о том, что Союзом будут приняты меры к выявлению лучших литературно-художественных произведений, подготовленных литераторами, пишущими на немецком языке.

5. Планово-финансовому управлению государственного комитета Совета Министров СССР по печати выделить Главной редакции общественно-политической литературы две штатные единицы переводчиков-стилистов для немецкой редакции издательства «Прогресс».

6. Издательствам «Прогресс», «Мир» и Государственному комитету Совета Министров Казахской ССР по печати в двухмесячный срок представить на утверждение госкомитета Совета Министров СССР по печати план выпуска литературы для немецкого населения на 1966 год.

7. Всесоюзному объединению «Союзкнига» совместно с государственными комитетами по печати Совета Министров РСФСР, Казахской ССР, Киргизской ССР и Таджикской ССР:

а) выявить запросы немецкого населения на общественно-политическую, художественную, учебную и научно-техническую литературу на 1966 год.

б) организовать в районах проживания немецкого населения реализацию через книготорговую сеть литературы, издаваемой в Советском Союзе на немецком языке, а также литературы, получаемой из Германской Демократической Республики в порядке импорта.

8. Просить правление Центросоюза дать указание по системе потребительской кооперации районов, в которых проживают немцы, о выявлении спроса на книги на немецком языке и организации продажи их через книготорговую сеть потребкооперации.

9. Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на Главное управление местных издательств.

Министр СССР **П. Романов**

... Перемены в «немецком вопросе» происходили заметные. Явно «потеплела» к советским немцам центральная «Нойес Лебен». В редакцию стали все чаще захаживать знатные немцы из глубинок. Они тормошили замшелую редакцию, в которой засели случайные люди, далекие от насущных проблем российских немцев. В разных регионах появились штатные корреспонденты из числа немецкого населения. Письма – часто очень нелицеприятные – пошли в редакцию потоками. Отмахиваться от запросов немцев, разбросанных по всей стране, стало уже невозможно. И немцы осмелели, начали подниматься с колен, активно внедрились во все сферы общественной и социальной жизни. Молодежь со средним образованием ринулась в вузы. В казахских и русских газетах все чаще замелькали немецкие фамилии. Даже в разных президиумах восседали передовики-маяки немецкой национальности. Появились из их числа врачи, преподаватели, депутаты местных советов, орденоносцы, деятели разных мастей и разных масштабов. От немцев перестали шарахаться. Они пробивались на спортивные состязания, на смотры художественной самодеятельности, на всевозможные конкурсы, на семинары и совещания, стали выступать в печати, с разных трибун, доказывая, что они народ, не послушные, безвольные рабы, не репрессированные изгои, дрожащие перед любым ничтожным начальником, не пыль на ветру. Медленно, но верно рассеивался туман неверия, распрямлялись спины и плечи, возвращалось задавленное достоинство, окреп голос, прорастали побеги национального самосознания.

С нового 1966 года в Казахстане появилась газета на немецком языке – «Фройндшафт». В Целиноград – как стала называться захолустная Акмола – стали стекаться уцелевшие после трудармии журналисты и писатели со всех углов Советского Союза. В Алма-Ате при издательстве «Казахстан» была организована немецкая редакция. По радио звучали немецкие песни. В Союзе писателей создали Совет по советской немецкой литературе. Многие колхозы и совхозы в Казахстане возглавили советские немцы. Немецкое население Казахстана подбиралось к одному миллиону. О трудолюбии, порядочности, толерантности немцев говорили повсюду уважительно, с восхищением.

«Ну, что вам еще надо?!»– искренне недоумевал кое-кто из руководства.

«Не то, не то! – продолжал возмущаться неистовый Вениамин Гинц, защитивший диссертацию на ученую степень кандидата экономических наук. – Нужна государственность! Нужна автономия! Только тогда можно говорить о полной реабилитации».

«Всё это полумеры,– поддакивал ему старый Эрнст Кончак, носившийся на своем мотоцикле-драндулете по всей Алма-Атинской области и ратовавший за преподавание немецкого языка как родного. – Конфетками и пряниками духовность не возродишь».

«Всё это ликбез! Мишура! Видимость! – неистовствовал конфликтный меннонит, выдававший себя за голландца, Иоганн Варкентин, неутомимый борец за чистоту немецкого языка. – Эти книжонки, издаваемые «Казахстаном»,– детский лепет. А «Фройндшафт» – рассадник безграмотности, безвкусия и банальности. Политический трёп! Такое нас удовлетворить не может!»

Последовала третья делегация советских немцев. Она ограничилась лишь тем, что передала в разные инстанции свои петиции с просьбой восстановить распущенную автономию.

Аргументация была знакомая. И власть о том уже и слушать не желала.

Визит в Москву четвертой делегации и вовсе закончился печально. Ее никто и слушать не стал. И на порог не пустили. «Надоело!»– говорили откровенно. Что это такое? В ФРГ – немцы. В ГДР – немцы. В Люксембурге, Швейцарии, Австрии – немцы. В Латинской Америке – немцы. Теперь вам нужна государственность и в СССР?! Не много ли будет? И что вы все Лениным козыряете? Другое было время, другая обстановка, другие политические цели, задачи и интересы. Еще не известно, поддержал бы вашу автономию Ленин сейчас, будь он жив. Да, да! Надо же, товарищи, исходить из реальности. Сколько можно, простите, долдонить одно и то же. Члены четвертой делегации разъехались, не солоно хлебавши. С ними не церемонились. Их вызывали в Комитет Глубокого Бурения. Их снимали с поездов еще на подступах к Москве. Их начали запугивать. Уличать в разных грехах. Некоторых подвергли обыскам. Кое-кого на всякий случай засадили в каталажку. Бунтаря Вениамина Гинца после беседы с секретарем горкома партии и вовсе изолировали, упрятав в психиатрическую больницу. Кое-кому из ретивых автономистов сделали внушение в прокуратуре. Закрыли несколько молельных домов. В газетах травили-разоблачали всех, кто получал посылки из-за кордона. На особый учет взяли тех, кто вступал в какие-то контакты с туристами из ФРГ. Между немцами посеяли раздрай. Расплодились доносчики, осведомители, тайные агенты, провокаторы. Немцы стали с опаской относиться друг к другу.

Наступили застойные времена. Глубокое затишье. Мертвая зыбь.

В душах понемногу накапливались недовольство и раздражение. Рос глухой ропот.

Все есть. А ничего нет.

Надежды гасли.

Усиливался эмиграционный настрой.

Все больше российских немцев связывали свою дальнейшую судьбу с родиной предков.

И опять немцы очутились на распутье.

Разброд и раздрай в сознании все углублялись.

Немецкая струна в душе Гарри Карлсона звучала все явственней.

ПУСТЫЕ ХЛОПОТЫ

«И как теперь разобраться среди действительных и вымышленных спутников моего земного существования?»

(И. Бунин, «Книга»)

I. ЗАМАНЧИВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

...И потекли годы застойные-запойные. Вроде ничего и не происходило. Стабильно. Главное событие – очередное награждение дорогого Леонида Ильича. Разных собраний, как всегда, проводилось с избытком, и на любом сборище непременно некое лицо поднималось на трибуну и торжественно, с пафосом объявляло, что избирается почетный президиум в составе членов Политбюро КПСС во главе с верным ленинцем... Тут же обрушивались на головы собравшихся бурные аплодисменты, и начинался набивший оскомину заурядный, занудный треп. Лили муть из пустого в порожнее. Вспенивали черную воду в ступе.

Вошло в обиход новое словечко – стагнация. Иногда добавляли: тотальная.

Многим, однако, тотальная стагнация пришлась по душе.

Появились признанные мастера-артисты провозглашения витиеватых тостов-лозунгов. В Казахстане всех сладкоголосых ораторов заткнул за пояс популярный, броский поэт. Он эффектно выходил на трибуну,

огненным взором усмирял зал, вскидывал кудлатую голову, выдерживал паузу и сытым, звучным баритоном изрекал в микрофон:

– История человечества...

знает...

двух выдающихся

марксистов...

Огромный зал затихал. «Апырай, кого имеет в виду этот горластый, всеобщий любимец, баловень судьбы? Ну, понятно, первый наверняка Ленин, кто же ещё, но кто же второй? И куда поэт клонит?»

Заинтриговав зал, всех загнав в оторопь, поэт привычным жестом отбрасывал со лба непокорную прядь и поднимал свой хорошо поставленный голос на одну ступень:

– Леонид... Ильич... Брежнев... и...

«Вон оно что! Выходит, не Ленин, а Ильич Второй выдающийся марксист». Здесь опять следовала пауза

– И...

Зал хлопал, воздав Ильичу Второму, но с нетерпением ожидал громогласного объявления имени второго марксиста в истории человечества.

– И...

Огромный дворец был наэлектризован донельзя. Ждать более становилось невмоготу. Ну, не томи, не томи, хватит уже! И златоуст-оратор понимал, что тянуть нельзя. Пропадет эффект. Пик внимания достигнут. Пора выкинуть козырную карту. И, набрав в груди побольше воздуха, поэт в экстазе выдавал:

– и... Динмухамед... Ахметович... Кунаев!!

Зал взрывался, разражался овацией, многие завороженно повскакивали с мест. Второй марксист в истории человечества, сидевший в президиуме, смущенно опускал крупную, благородную голову. Прамарксист Карл Маркс вздрагивал, переворачивался в гробу. Поэт, встряхнув гривой, победно сходил с трибуны.

Это был триумф. Освященный в недрах власти незыблемый ритуал.

Такие были времена.

Такие были нравы.

Застой густым, предгорным туманом заволакивал сознание. И никто не знал, не предполагал, когда рассеется удушливый дурман.

Гарри чувствовал себя потерянным, ненужным. Он жил на окраине города, в трехэтажном доме возле психбольницы на Каблукова, в крохотной полуторке без телефона, испытывал постоянные боли в тазобедренном суставе, тяготился душевным одиночеством, иногда совершал прогулки в овраге возле дома, вслушивался в монотонное, звонкое журчание мелкой, но норовистой горной речушки.

Дом на Каблукова стоял на отшибе, далеко от автобусной стоянки, выбираться в город – особенно зимой и в осенне-весеннюю распутицу – становилось проблемой. Очень редко Гарри заглядывал в Союз писателей – единственное место, где можно было услышать вольное слово, где писатели позволяли себе иногда недозволенные речи, где в сплошном болотном окружении теплилось подобие живой жизни, иногда наведывал писателей, которых переводил, – Нурпеисова, Ахтанова, Есенжанова, композитора-академика Ахмета Жубанова, отводил душу в откровенных беседах и, несколько просветленный, возвращался на автобусе, трамвае, с пересадкой на такси домой, где царили бедность, безденежье и одиночество. Рая завучествовала в школе, где пропадала с утра до вечера, придумывая бесконечные внешкольные воспитательные мероприятия. Иринушка пошла в школу. Свояченица определилась в интернат. Гарри, предоставленный самому себе, по четырнадцать часов в сутки переводил казахскую прозу, пьесы, сценарии, перебиваясь крохами случайных гонораров.

Жили очень скудно. Постоянное безденежье угнетало. Нехватки отравляли и без того унылое существование. Надежда на солидные гонорары все отодвигалась. Стало очевидно: подстрочные переводы вряд ли обеспечат мало-мальскую жизнь. О постоянной службе и думать не приходилось. Какая тут служба, когда с больной ногой до магазина добираться было проблематично?

Нередко выбирались в театр. Но возвращение поздно вечером домой на окраину города, с пересадками, потом долгим пешим ходом от остановки мимо бараков, сараюшек, пустыря, общественных туалетов, по темным закоулкам, где бродили собаки, кошки, крысы и разная пьянь, оказывалось тягостно. Приходили домой усталыми, раздраженными и голодными.

Иногда наведывали друзья, разнообразили унылый быт, рассказывали новости – о Твардовском, о Солженицыне, о каких-то диссидентах, о событиях в Союзе писателей, о проработках в ЦК, о вызовах в Комитет Глубокого Бурения.

Даже в застойное время случались редкие просветления.

Открытием для Гарри стала советская немецкая литература, о которой он почти ничего не знал.

Он выписывал центральную «Нойес Лебен», отец из аула стал высылать литературные страницы целиноградской «Фройндшафт», иногда попадались невзрачные страницы алтайской «Роте Фане», в издательстве «Прогресс» вышел сборник «Hand in Hand». Все это было неожиданно. Сам факт, что существует – несмотря ни на что! – такая литература, что живы и поэзия, и проза, и критика, и фольклор, и юмор российских немцев, что среди немцев есть даже члены Союза писателей СССР с довоенным стажем, удивлял, поражал. Сами эти имена – Доминик Гольман, Герберт Генке, Зепп Эстеррайхер, Иоганн Варкентин,

Андреас Закс, Карл Вельц, Рудольф Жакмьен, Генрих Кемпф, Виктор Клейн, Эрнст Кончак, Давид Лёвен, Александр Реймген, Нора Пфеффер – приятно ласкал слух. Гарри недоумевал: как он жил, не зная своих коллег-единокровников? Они проживали в разных уголках страны, друг друга воочию не знали, только-только начали переписываться, обмениваться задумками, мнениями, мечтать о литературных семинарах. В отдельную тетрадь Гарри стал записывать сведения о жизни и творчестве большого отряда покойных – расстрелянных и сосланных, репрессированных – литераторов: Франца Баха, Германа Бахмана, Александра Вульфа, Георга Дингеса, Андреаса Дульзона, Рихарда Кнорре, Давида Куфельда, Августа Лонзингера, Георга Люфта, Готлиба Фихтнера, Иоганна Янцена, Франца Шиллера. О них хотелось не только знать, как можно больше, но и писать, популяризировать их в русской и казахской печати, привлечь внимание сограждан к культуре и литературе одного из народов Советского Союза.

В этом Гарри видел свою миссию. Было досадно и обидно, что он оказался на отшибе своей кровной литературы, никого из своих сокровников-коллег не знает и, будучи представителем трагического народа, обитает исключительно в русско-казахской среде.

Так не должно быть! Это непатриотично и негражданственно. Нельзя проживать свой век в изоляции от своих национальных корней. Это удел неполноценного человека. Надо вырваться из замкнутого круга.

На основе прочитанного, извлеченного из газет «Нойес Лебен», «Фройндшафт» и «Роте Фанэ» Гарри написал по-казахски небольшую информативную статью и отнес ее в газету «Қазақ әдебиеті». Редактор Ныгмет удивился:

– Оу, вот здорово! Новая тема! Об этом никогда ничего не слышал. Маладес! Открываешь дверь в новый мир. Дадим обязательно.

Вскоре статейка вышла под традиционным названием-клише «Рожденная Октябрем». Получилось, что литературу российских немцев породил Октябрь. Таков был незыблемый дух времени: все маломальски достойное появилось на свет только после доблестной Октябрьской революции. То, что было до нее, – не было. Не было и все тут! А если и было что-то, то так себе – нечто бледное, чахлое, несущественное, о чем и говорить не стоило.

Небольшая обзорная статейка в «Қазақ әдебиеті» привлекла внимание казахских коллег.

– Эй, Карл,– сказал маститый романист Хамза Есенжанов. – Ты, честно говоря, удивил. Я-то и не знал, что существует такая литература. В молодости я часто бывал в соседней Саратовской области, помню станцию Урбах, и в Энгельсе бывал, и немцев видел, но не думал, что у них есть литература. Это же прекрасно! Если есть литература, значит, есть народ. Жив дух! И хорошо, что ты об этом написал. Рад, что ты возвращаешься к своим истокам. Сколько же можно толмачить нас, казахов?! Конечно, ты нас не бросай, от нас не отрывайся. Спрос в переводчиках велик. Но не забывай, что ты родился немцем. Айналайн, продолжай свои поиски. Может, это и есть твоя стезя.

Гарри в это время увлеченно переводил на русский язык третью часть трилогии Хамзеке «Яик – светлая река». То, что именитый, суровый писатель, бывший лагерник и ссыльный, обратил внимание на крохотную статейку и горячо поддержал ее, сильно ободрило Гарри.

Композитор Ахмет Жубанов, великолепный рассказчик, общительный, увлекающийся собеседник, тоже не поскупился на похвалы.

– Ты нащупал еще одну грань в своем творчестве. Мы рады, что ты переводишь казахскую литературу на русский язык, но у тебя более широкие возможности. Ты можешь быть полезен и своему народу. А это, дорогой, главное!

Гарри сделал подборку стихов советских немецких поэтов, снабдил их подстрочным переводом, отнес подборку в «Қазақ әдебиеті», поэты перевели их на казахский язык и вскоре стихи Больгера, Вельца, Ваккер, Пфеффер, Гольмана предстали перед читателем в казахском обличье.

Казахи радовались, немцы молчали. Многие немцы свободно шпрехали по-казахски, но казахские газеты, видно, не читали.

Гарри увлекся новизной интересов. Написал на русском объемную обзорную статью об основных направлениях литературы советских немцев, назвав ее строкой из стихотворения Карла Вельца «Как брат среди братьев». Статья увидела свет в журнале «Простор». Успех ее превзошел все ожидания. Первое письмо-отклик пришло из Красноярского края от старого критика Александра Геннинга. Он нашел в статье столько достоинств, что у автора слегка закружилась голова. Это было первое письмо, которое Гарри получил на немецком языке. Через некоторое время пришли пространные письма от старейшины немецкой литературы Доминика Гольмана, от алтайского поэта Фридриха Больгера, из Астрахани от Андреаса Закса, от сестры расстрелянного Франца Баха – Каролины, от кокчетавского поэта Генриха Кемпфа.

Гарри почувствовал себя на седьмом небе. Он ощутил себя саяком, конем-одиночкой, до поры до времени пасущимся в степи, который однажды нашел-таки путь к родному косяку. Неясный зов в душе вроде как обрел отклик. Его приняли в родной стан, приметили, приветили, обласкали, ободрили. Ему радовались. Ему внушали, что он свой, что он нужен, нужен как критик, Gutbeachter, популяризатор родной литературы на русском и казахском языках.

Гарри был смущен и растерян таким обрушившимся на него вниманием. Он понимал, что ничего нового не сказал, написал в общем-то компилятивную статью,

перелопатил известный материал и изложил его по-русски и по-казахски. Однако резонанс получился сверхнеожиданным. Выяснилось, что этот обзор прозвучал открытием для самих немцев. В таком систематическом изложении многие впервые получили общее представление об этапах развития и нынешнем состоянии литературы, которая с 1922 года именовалась советской-немецкой. Многие имена и названия прозвучали по-русски впервые.

Поток писем из всех углов необъятного Союза захлестнул отшельника с улицы Каблукова на краю мегаполиса. Он себя долгие годы чувствовал пилигримом, бродящим в одиночестве по глубокому оврагу вдоль каменистой горной речушки или по полузаглохшей тропе вдоль кукурузного поля. Чтобы не свихнуться, он неделями, месяцами, годами переводил, перекладывал казахскую прозу на русский язык, роман за романом, пьесу за пьесой, рассказ за рассказом, и порой ему мерещилось, что он занимается совсем не тем, монотонные занятия стали утомлять, надоедать, избавляться от нищеты-нехваток не удавалось, долги росли, а вместе с долгами – отчаяние, чувство своей ненужности, неудачливости, одолевало состояние бессмысленности бытия, к тому же настойчиво преследовали недуги, в непогоду нестерпимо ныли суставы больной ноги и висели над головой опасность и страх окостенения. Врачи поговаривали о необходимости операции в Институте туберкулеза, о резекции тазобедренного сустава, после чего предстояло годовая лежка в гипсе. Этого Гарри даже представить не мог. Страшила сама операция. Страшила годовая лежка в постели, закованным по самую грудь в гипс, а потом длительное восстановление в тяжелом корсете-туторе, передвижение на костылях. По три-четыре месяца в гипсе он лежал не раз, на костылях ходил двенадцать лет, но лежать год прикованным к больничной койке стало бы мукой

мученической. Особенно если дома из каждого угла выглядывала голимая нищета.

И вдруг столько писем, внимания, поддержки со стороны соплеменников, столько ласки старших, о существовании которых он доселе и не знал. Жизнь обрела смысл, новое содержание, мощный импульс. Гарри почувствовал себя нужным, востребованным. Он отныне не только безымянный толмач, подстрочникист, кого кое-кто заинтересован держать в черном теле, подмастерьем, быстро и старательно изготовляющим подстрочники, которые позволительно оплачивать копейками, а то и вовсе заполучить бесплатно. Нет, у него иной удел. Он, оказывается, нужен и своим соплеменникам. Он, надо полагать, способен на большее. И, может, ещё выберется на предопределенную судьбой стежку-дорожку.

Целиноградская «Фройндшафт» мигом заинтересовалась статейкой «Как брат среди братьев». Кто такой? Откуда взялся? Почему не знаем? Где и в чем он проявил себя?

Главный редактор «Фройндшафт» Алексей Борисович Шмелев прислал на разведку своего корреспондента. Однажды заявился на Каблукова журналист Лео Вайдман, рослый, мощный, напористый, лет тридцати. Разговорились. В тот же день последовала депеша в редакцию:

– Нет, не еврей, как я предполагал. И не доцент. Немец. Родом с Поволжья. Переводчик с казахского. Пишет по-русски и по-казахски. Немецкой литературой весьма увлечен. Стоит обратить на него внимание.

Вслед за корреспондентом примчался на мотоцикле из Талгара неугомонный Эрнст Кончак. За два часа поведал о немецкой довоенной литературе Украины столько, что у Гарри кругом пошла голова. Все, о чем темпераментно, то и дело вскакивая с места и размахивая длинными руками, живо рассказывал отсидевший семнадцать лет в лагере неукротимый Эрнст Карлович, удивило, поражало, восторгало. Какие личности! Какие

судьбы! Какие трагедии! Какие истории, о которых нынешнее поколение советских немцев и слыхом не слыхивало. Об этом нужно писать, говорить во весь голос, криком кричать, а не замалчивать, будто ничего и не было, будто литература российских немцев свалилась с луны после Двадцатого съезда КПСС. Кончак озадачил Гарри неожиданными делами.

– С вас будет большой спрос. Необходимо в Союзе писателей организовать секцию немецкой литературы, консолидировать казахстанских немцев-литераторов, войти в контакт с газетами, радио, пора выходить на телевидение, оживить работу среди преподавателей немецкого языка, наладить издание немецких книг в издательствах, переводить сборники одноактных пьес и скетчей для художественной самодеятельности, создать комиссию по истории литературы российских немцев, заняться повсеместно просветительством. Кто если не вы?!! – с пафосом заключил свои назидания Эрист Кончак, которого Гарри про себя тотчас окрестил Дон Кихотом Талгарским.

А потом пожаловал из Целиноградa, предварительно дав телеграмму, сам главный редактор республиканской газеты на немецком языке «Фройндшафт». Это был колоритный господин. Образованный, знающий, бывалый. Крупноголовый, бородатый, златозубый. Улыбчивый, деликатный, уверенный. Говорил сытым, сочным баритоном. Участник войны. Офицер. Работал военным журналистом, потом в военной администрации Советских войск в Германии, газетчик, прозаик, переводчик с немецкого, английского, французского, читающий по-польски. Светский человек с изысканными манерами. Шахматист, эстет. С замашками барина. Беседовать с ним было усладой. Умел и слушать, и рассказывать. По-немецки говорил исключительно правильно, вплетая модные словечки, прибегая к цитатам. Чувствовался легкий русский акцент. Аристократично вальяжный, он – Алексей Борисович – так позже выяснилось, Шмелев,

Стражевский, Шольц, Дебольский, произвел на Гарри, ошеломляющее впечатление. Он и коньяк пил особенно изящно, с наслаждением. Очень к нему подходило слово «джентльмен».

Первая беседа продлилась часа три. Алексея Борисовича интересовало всё: в какой мере Гарри погружен в дойчтум, какими пользуется источниками, владеет ли готическим шрифтом, с кем находится в контакте, кто родители, жена, сколько книг перевел с казахского, каково положение в Союзе христопродавцев (так он называл Союз писателей), готов ли сотрудничать с «Фройндшафт», писать статьи, рецензии, выступать в редакции с двумя-тремя докладами, прочесть несколько лекций в Саранском педучилище... И о себе кое-что поведал – то открыто, то с намеками.

Шеф-редактор открыл перед Гарри новые, заманчивые перспективы.

– Если вам сложно писать по-немецки, пишите по-русски. Переведем. Не век же вам других переводить.

И ещё предложил главный редактор вступить с ним в постоянную переписку, играя в шахматы по две партии сразу белыми и черными фигурами.

– Нотацией владеете?

– Конечно.

– Ну и прекрасно! Все это отлично регламентирует наши отношения. А в Целиноград пригласим при первой же возможности. Дадим командировку.

– Да я её возьму в Союзе писателей.

– Ещё лучше, – согласился Алексей Борисович. – А при случае надо бы попроситься на приём к Саттару Имашеву, секретарю ЦК по идеологии. Вы его знаете? Надо бы его посвятить в немецкие дела...

Все неожиданно стремительно завертелось. Гарри едва успевал отвечать на письма советских немецких литераторов. Союз писателей принял его в члены. Вскоре решением Секретариата образовали Совет по немецкой литературе Казахстана, возглавить который

поручили Гарри. Включили его и в редакционный Совет по изданию немецкой литературы при издательстве «Казахстан».

Гарри с головой окунулся в немецкую тематику, перезнакомился со всеми алма-атинскими немецкими литераторами, художниками, музыкантами.

А вскоре подался в Целиноград, пожил несколько дней в хоромах главного редактора «Фройндшафт», днями пропадал в редакции, посетил все отделы, участвовал в блиц-турнире по шахматам, прочел лекцию о современной казахской литературе, вник во множество редакционных проблем.

Приняли Гарри как дорогого гостя. Многое его обрадовало, но не все. Чувствовалось, что коллектив неоднороден, что в нем тлеют подспудные страсти, недоверие друг к другу, странная подозрительность. Казалось, некоторые держались особняком, чего-то утаивали, чему-то завидовали. Немалый коллектив был в основном немецкий, но единства не было. У каждого было что-то свое на уме. И это сразу бросилось в глаза и насторожило.

– Мне нужно, Herr Carlson, с вами поговорить,– тихо заявил старейший поэт Карл Вельц.

– Пожалуйста, Карл Давидович. Поговорим здесь на диванчике.

– О, найн! Здесь это невозможно. Разговор конфиденциальный,– пригасил голос поэт.

– Тогда где?

Вельц подвел Гарри к окну, показал на скверик перед зданием.

– Вон там, на скамейке,– сказал тихо и оглянулся по сторонам.

Гарри удивился про себя, но согласился.

– Хорошо. Пойдемте.

– Не сразу,– предупредил Вельц.– Я спущусь, а вы подойдете минут через десять.

Гарри пожал плечами.

Кудрявоголовый, приземистый, осторожный Вельц мгновенно исчез, а Гарри ровно через десять минут отправился в скверик.

Вельц, опустив шляпу на глаза, одиноко сидел на краешке скамейки. Гарри подошел.

– Будем говорить тихо,– сказал Вельц.– Стен здесь нет, а ушей полно.

Гарри оглянулся. Поодаль, на скамейке, сидел какой-то человек, развернув перед лицом газету.

– Дело вот какое, Herr Carlson. Я старый пролетарский поэт. От станка. Печатался ещё в довоенных сборниках. Вместе с немцами-антифашистами. Представляете? Обо мне писали Лешницер, Эстеррайхер. Мои стихи высоко оценены. Они не пустышки, как пишут нынешние. Они пронизаны высокой идеей.

– Знаю, Карл Давидович.

Вельц опять оглянулся, сделал паузу, приподнял воротник пиджака, нахлобучил на глаза фетровую шляпу.

– Обратите внимание на того типа... на скамейке. Газетой укрылся. Не нравится мне он. Отойдем подальше. Только не вместе. Врозь.

– Господи! Что за конспирация?

– Иначе нельзя, геноссе...

На следующей скамейке Вельц и вовсе перешел на шепот. Вы должны знать, молодой коллега, обстановка в редакции сложная. Доносчики кишмя кишат. Все хотят заработать красные штаны. Засланные сексоты сидят в каждом отделе. Я ведь в 1965 году был у Микояна. С меня вообще глаз не спускают. С ответсекретаря сняли. Стихи мои не печатают. На радио не пускают. Обложили со всех сторон.

– Чем же я могу быть вам полезен?– спросил Гарри.

– Вы в хорошем отношении с казахами. У вас авторитет. Я пришлю документы, отзывы на мое творчество. Надо принять в члены Союза писателей. Меня хотели принять ещё в сороковом году. Война помешала. Если буду членом Союза писателей, ко мне отношение изменится.

Разошлись опять врозь.

– О нашем разговоре ни слова,– предупредил Вельц. – Даже Шмелеву!

Гарри удрученно вернулся в редакцию.

– Что?– встретил его Гасссльбах, поблескивая очками. – Секретничаете? Ну-ну! Осторожнее, геноссе. Вы уже познакомились с Леонгардом Марксом? Не верьте ему! Опасный человек!

Во время шахматной партии Леонгард Маркс, как бы невзначай, тихо предупредил:

– С Александром Филипповичем будьте осторожней. Он ещё до войны заложил не один десяток человек.

Едва Гарри заходил в какой-нибудь отдел редакции, за ним тотчас увивались редакционные фрицы из других отделов.

Стан единомышленников, как наивно полагал поначалу Гарри, оказался змеиным клубком.

Вечером в огромном кабинете Шмелева во время блиц-игры в шахматы собеседник признался:

– Увы, всё, что вы заметили,– правда. Собрали людей отовсюду. Профессиональных журналистов раздва и обчелся. Молодые языком владеют плохо. Пишут по-русски. Придется держать отдел переводчиков. Очень неоднородный коллектив. Война, депортация, ссылка, трудармия изуродовали людские души. Я это понимаю. И стараюсь быть толерантным. И, признаться, порой мне до отчаяния трудно. Что делать?

Алексей Борисович опечалился.

Грустным вернулся из командировки и Гарри. Недавняя эйфория дала трещину.

II. ЕЩЕ ОДИН УКАЗ

Застой застоем, а репрессированные народы по всякому поводу теребили благодушный Кремль. Потоками шли недовольные письма, петиции, телеграммы. Надо было что-то предпринимать, успокоить унижен-

ных и оскорбленных некогда властью и ее крутыми вождями, укротить строптивых, спускать сверху какие-никакие указы, дабы низы не взбаламутились.

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР
«О снятии ограничений в выборе места жительства, предусмотренного в прошлом для отдельных категорий граждан»

Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Снять ограничения в выборе места жительства, предусмотренного Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года в отношении немцев и членов их семей, от 22 сентября 1955 года в отношении бывших греческих и турецких граждан и иранских подданных, принятых в советское гражданство, от 27 марта 1956 года в отношении греков, болгар, армян и членов их семей.

2. Разъяснить, что лица, на которые распространяется указанное ограничение и члены их семей, являющиеся гражданами СССР, пользуются, как и все советские граждане, правом избирать место жительства на всей территории СССР в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме, а иностранцы и лица без гражданства в соответствии с законодательством о порядке проживания в СССР иностранцев и лиц без гражданства.

3. Поручить Министерству юстиции СССР совместно с Министерством внутренних дел СССР, Комитетом Государственной безопасности при Совете Министров СССР представить предложения о признании утратившим силу законодательных актов, предусматривающих ограничения в выборе места жительства для лиц отдельных национальностей, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР **Н.В. Подгорный**

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР **М. Георгадзе**

Москва, Кремль, 3 ноября 1972 г.

...Примчался к Гарри на улице Каблукова возбужденный Эрнст Кончак. Стояла слякотная алма-атинская зима. Нескладно длинный, костистый Эрнст Карлович был забрызган грязью до самой каски. Из Талгара он приехал на своем драндулете-мотоцикле. Длинноносый, сухолицый, долговязый, он в крагах и каске был поразительно похож на тех фрицев, которых показывали в советских военных фильмах. «Ну и типаж! – подумал невольно Гарри. – Вот уж кто не может скрыть свое национальное происхождение».

– О том, что состоится семинар в Москве, слышали? – спросил Кончак сходу.

– Слышал. Получил приглашение от Дымшица.

– И я получил. Вместе, значит, поедем. О, я там перед Союзом писателей поставлю вопрос ребром.

– Надеюсь, только не в каске,– усмехнулся Гарри. – Распугаете московский люд.

Кончак спохватился, сбросил заляпанную каску, пятерней поправил всклокоченные бурые пряди.

– А о новом Указе что-то слышал?

– Н-не-ет,– удивился Гарри.

– Издан якобы Указ. Слух идет, что разрешили немцам, грекам, туркам возвращаться в родные места.

– Что вы говорите?! С пропиской?!

– В том-то и загвоздка. Указ есть, а есть ли прописка – вопрос. Надо бы раздобыть текст Указа.

– Шмелев наверняка знает,– предположил Гарри.

– Должен знать. Но разве он скажет? Может, вам удастся заполучить текст через знакомых казахов? Вы, думаю, знаете кого-нибудь из Верховного Совета. Конечно, в Москве, на семинаре, узнаем обо всем, но желательно быть в курсе ещё до того. В Талгаре, Иссыке, Каскелене есть немцы, которые намереваются податься на Волгу на разведку. Вы понимаете, что это важный шаг к восстановлению автономии?

– Понимаю...

– Вот это я и хотел вам сказать. А сейчас спешу на радио. Надеюсь, там что-нибудь знают. Проведаю...

И Эрнст Карлович нахлобучил мотоциклетную каску, натянул видавшие виды краги и был таков.

Гарри озадаченно стоял на балконе. Календарная зима была в самом разгаре, а в Алма-Ате уже пахло весной, воробьи весело сновали в кустах голых акаций, а стая ворон деловито потянулась к свалке на обочине кукурузного поля.

III. МОСКОВСКИЙ СЕМИНАР

На семинаре советских немецких писателей в Москве собралось более тридцати литераторов из разных регионов страны – из Красноярска, Алтая, Калининграда, Риги, Душанбе, Новосибирска, Алма-Аты, Кокчетава, Омска, Москвы. Это был второй семинар: первый состоялся ещё два года назад, на котором блистательно выступил с докладом ленинградский профессор Ефим Эткинд. Его слова особенно запомнились немецким литераторам: «Вы в своей литературе должны прежде всего достойно выразить свои национальные чаяния. Иначе всем вашим писаниям – грош цена». Именно это и хотели услышать руссланддойче шрифтштеллер.

Но ещё и до того проходил семинар немецких литераторов в Красноярске, организованный бывшим преподавателем Немецкого государственного педагогического института в Энгельсе, трудармейцем, прозаиком и поэтом, радетелем немецкой культуры Домиником Гольманом. На том красноярском семинаре собралось человек двадцать литераторов и в течение трех дней в неформальной обстановке беседовали – исключительно на немецком языке – о прошедших годах, о нынешнем состоянии литературы, вспоминали общих знакомых, большинство которых уже не было в живых, читали друг другу стихи, шванки, рассказы, от души говорили о преподавании немецкого языка в школах, о необходимости частых

встреч, о работе с молодыми по сохранению национальной культуры, пели полузабытые немецкие песни.

После создания Комиссии по советской-немецкой литературе при Союзе писателей СССР под руководством литературоведа, профессора Александра Дымшица, недавнего культур-офицера советской администрации в Германии, было решено регулярно проводить подобные семинары в Москве.

Гарри был взволнован. Предстояло знакомиться с людьми, чьи имена, биография и творчество были ему известны лишь понаслышке и по периодической печати на немецком языке. Многих он узнал в фойе Союза писателей по фотографиям: приземистый, плотный, с крупной лысеющей головой Доминик Гольман; статный, с холеным лицом, добродушный «морской волк» Рудольф Жакмьен, германский немец, принявший советское подданство ещё перед войной; немного рассеянный, импульсивный Освальд Пладерс; робкий, стеснительный Генрих Кемпф, приехавший из буранной кокчетавщины в рваном полушубке и в валенках в столицу родины; элегантная, изысканно одетая, строгая Нелли Ваккер; язвительная, насмешливая Лия Франк из Душанбе; импозантный, собранный, общительный, с большим портфелем Виктор Клейн... шумно приветствовали друг друга, обнимались, зашпрехали на Хох-дойч, то и дело вклинивая диалектные разговорные словечки, а чуть в стороне гуртились молодые – Роберт Вебер, Арно Прахт, Рейнгольд Лейс, Виктор Гейнц, Эльза Ульмер, разговаривавшие больше по-русски. Нора Пфеффер и Эрнст Кончак попеременно представляли им Гарри. Его приняли с живым интересом, вспомнили его статьи, кто-то сходу затеял спор, и Гарри растерялся, оказавшись в незнакомой среде.

– Вы наш, вы наш, волжанин,– убеждали его Вольдемар Гердт и Вольдемар Шпаар.

– O, mein Sohn,– обнял его по-медвежьи крупный телом, но тонкоголосый Виктор Клейн.

– Ой, да у него комплекс неполноценности, – заметила Лия Давидовна. – Он же дикий степняк! Казах!

– Казах, обретший свой стан, – усмехнулся весельчак Зепп Эстеррайхер.

Профессор Дымшиц организовал семинар солидно. Пришел с целой свитой секретарей и консультантов, пространно говорил о целях и задачах Комиссии по советской немецкой литературе, попытался сделать экскурс в прошлое, однако сразу обнаружилось, что познания литературоведа, культур-офицера по этой части не ахти. Живых перепутал с мертвыми, о расстрелянных в тридцатых годах говорил как о молодых, женские фамилии обернулись мужскими, автор шванков стал лирическим поэтом, а поэт – публицистом. Все смешал профессор Дымшиц, однако немецкие литераторы вежливо молчали. Один только Иоганн Варкентин ехидно хмыкал и выразительно смотрел на коллег.

Потом с перерывом часа два читал лекцию о современной литературе ГДР критик из Берлина. Сведения были любопытны, но монотонная, витиеватая немецкая речь критика быстро утомила участников семинара. Он обрушил на слушателей сотни имен и названий книг, о которых большинство в уютном зальчике Союза писателей и представления не имело. После него тоже два часа говорила московская литературная дама («без пяти минут доктор наук», – представил её Дымшиц) о современной западногерманской литературе. Дама совершенно не представляла, перед какой аудиторией она выступает. О каких-то немецких литераторах в Советском Союзе она слышала впервые.

– Извините, товарищи, понимаете ли вы по-русски? – поинтересовалась она.

– Понимаем...

– Мне-то, честно говоря, было бы легче выступать по-русски, но если вы плохо понимаете, постараюсь говорить и по-немецки.

– Говорите, как вам удобно. Уж как-нибудь поймем, – съязвил Варкентин.

И даму понесло. Она, действительно, была без пяти минут доктором. Милая ее головка была донельзя набита именами немецких писателей ФРГ и названиями их произведений. Она говорила по-русски и бойко сыпала цитатами по-немецки. При этом немецкую речь интонировала старательно, как прилежная ученица, закартавила вдруг безбожно, строила умопомрачительные шахтель-заце, увлеклась, вся порозовела, сама себе смеялась, не преминула похвастаться личным знакомством с именитыми немецкими писателями, ресторанными беседами и наблюдениями, кто из них имеет слабость немного глубже, чем положено, заглядывать в рюмку.

Дама разговорилась. Немцы заскучали. Стенографисток явно утомила русско-немецкая речь. Они отодвинули свои блокноты, карандаши и укоризненно смотрели на Дымшица, дескать, куда это ты нас привел. Немецкой стенографией-то мы не владеем. Дымшиц и его свита кое-как досидели до первого перерыва и, сославшись на срочные дела, отправились в ресторан Центрального Дома литераторов.

Наконец-то, дама кончила, иссякла. Видно, она надеялась на бурные аплодисменты, но немцы вежливо похлопали в ладоши и продолжали сидеть с окаменевшими лицами, точно истуканы. «Без пяти минут доктор» поняла, что никакого впечатления на странную аудиторию не произвела, обиженно поджала губы, удивленная, что никто никаких вопросов не задавал, запихнула свои бумажки, блокноты, книжки в кожаную заморскую сумку и мигом упорхнула.

Ушли и две надменные, пожилые стенографистки, презрительно косясь на валенки кочетавца Кемпфа и на помятый, непрезентабельный вид алтайцев Гюнтера и Шпаара. Откуда им было знать, какими мытарствами, пересадками в зимнюю пору эти

литераторы добирались из сибирских глубин в белокаменную столицу?

– Ну, что, киндер, может, пора о своих делах поговорить? – спросил Клейн.

– Давно пора!

– Сколько можно лекции слушать!

– Да, да, пора послушать самих себя.

– Заболтали! – подал голос кто-то из молодых.

Нет... Оказалось, надо было выслушать ещё два обстоятельных доклада – об основных тенденциях развития современной русской литературы, и о взаимовлиянии советских многонациональных литератур.

– А о туркменской и таджикской литературах доклада разве не будет? – полюбопытствовал Зепп Эстеррайхер. – Для нас это очень важно.

Немцы заулыбались. Представитель Союза писателей, которому Дымшиц поручил вести семинар, юмора не понял.

На исходе первого дня едва успели заслушать сообщения Виктора Клейна о прозе российских немцев и о поэзии на страницах немецких газет Рудольфа Жакмьена.

Следующие два дня немецкие литераторы были предоставлены сами себе. Начальству было недосуг. И тут началось. Каждый говорил на что горазд: кто в лес, кто по дрова. Разговор пошел совершенно не управляемый. Степенные Клейн и Гольман тщетно пытались направить беседу в определенное русло. Кемпф начал читать свои миниатюры-зарисовки. Генке тотчас заявил: «Das hatt mit Kunst nicht's zu tun». Кончак темпераментно заговорил о литературе украинских немцев 30-х годов. Жакмьен сыпал комплиментами в адрес поэзии Ваккер и Франк. Клейн повел разговор о методике преподавания немецкого языка как родного. Эстеррайхер с юмором проанализировал беззубые стишки Иоста и Бретманна. Бретманн оскорбился и с пафосом заявил:

– А я как учитель математики и астрономии с полной ответственностью заявляю, что звезда с звездою говорить не может. Не может! И никакой Лермонтов мне не указ!

Всем стало неловко. А Эстеррайхер, как всегда, вальяжный и уверенный, заметил:

– Ты, Саша, не Бретманн, а настоящий Бредман.

Все рассмеялись, а Бретманн, оскорбившись, тотчас выскочил из зала.

– Отправился в буфет запить свое горе,– изрек Вебер.

Вклинился в дискуссию и Гарри, привел примеры из однотипных, набивших оскомину рифм из стихов немецких поэтов.

– Надо же! Острый взгляд. Мы этого и не заметили, – признался кто-то из поэтов.

Все пошло вкось и вкривь, но даже такой разговор оживил участников семинара. Вольная, непритязательная беседа затрагивала близкое, сокровенное. И всем хотелось поделиться наболевшим. Шумные беседы продолжались и в гостинице, в буфетах, в номерах. Сбившись в малые компании, говорили, говорили. Жакмьен пел хриплым голосом шутливые баллады, песни из своей былой морской жизни. Больше всех говорил неуемный Кончак. «Er hat uns totgesprochen,– делилась утром Гуммель.– Всю ночь не спали». Молодежь до утра просиживала в ресторане. На третий день семинара все сблизились, подружились, как братья, давно не видевшие друг друга.

Назревавший душевный лад неожиданно нарушил Варкентин.

– Кто мы такие, собравшиеся здесь из верховий и низовий? – задал вопрос Иоганн Абрамович. – Давайте подумаем. Литераторы? Допустим. Но какие, чьи? Советские? Немецкие? Немецко-советские? Или немецкие советские? Через дефис или как? Давайте разберемся. Ведь кто-то полагает так: если советские, то не немецкие. А если немецкие, то не советские.

– Начинается,– буркнул кто-то из молодых.

– Сейчас всех запутает и стравит, как собак.

– Знакомая песня!

– В любом вопросе необходима ясность,– начал распалять себя Иоганн Абрамович. – Мы, собравшиеся здесь, очень разномастны, разношерстны. Кто, собственно, может считаться советским немецким писателем? Я интонирую, товарищи, слово «немецким». О, да... все мы советские. Это, положим, так. Но немецкие ли? Вот в чем вопрос!

Все затаили дыхание, смутно почувствовав назревающий подвох.

– Куда-то клонит,– шепнул Клейн Гольману.

Лия Франк насторожилась, глаза ее сузились. Гарри пока не понял, что к чему, но тревога охватила его.

– Так кто имеет право называться советским немецким писателем?– Иоганн Абрамович сделал паузу, по-петушиному всех строго оглядел.– Во-первых, немец по рождению. Во-вторых, пишущий исключительно на немецкую тематику. В-третьих, пишущий исключительно по-немецки. Вот так! Три критерия...

– Значит, остальные... примазавшиеся?– робко поинтересовался Освальд Пладерс.

– Недостаточно чистая арийская кровь?!– вспыхнула Лия Франк.

– Остальные,– победно ответил Варкентин,– пишущие на немецком языке. Но не советские немецкие писатели. Таков должен быть штандпункт.

Мрачная тишина обрушилась на всех. Вольный, шутливый разговор мигом угас.

Опустили головы австрийский еврей Зепп Эстеррайхер, полунемец-полулатыш Пладерс, еврейка из Душанбе Лия Франк, полурусский-полунемец Шмелев-Стражевский-Шольц-Дебольский, пишущие на русском Вормсбехер и на русском и казахском Карлсон. Неловко стало и немцам, пишущим о немцах на немецком языке.

– Как быть с Рудольфом Жакмьеном?– спросил Кемпф.

– Рудольф Жакмьен родом из французских гугенотов, онемечился, фактически райхсдойчер, с 1932 года в Советском Союзе пишет отменно по-немецки, но к российским немцам относится чуть с боку, so nebenbei. Выходит, не совсем советский немецкий писатель.

– А Бредман?– съязвил Эстеррайхер.– Который как учитель математики абсолютно убежден, что звезда с звездой говорить не может?

– Ну, да-а... Стишки его не ахти. Но по всем параметрам он советский немецкий писатель,– нахмурился Варкентин.

– Спасибо за комплимент,– хмыкнул Борис Львович.

– И что же из этого вытекает?– нервно спросила Лия Давидовна.

Варкентин дернул плечом, дескать, что поделаешь, такой вот получается объективный расклад.

– Значит, значит...– вскипела Лия Франк,– оттого, что, я в молодости не сделала пи-пи в Волгу, я не имею права находиться среди вас?! Может, нам, неполноценным, вообще удалиться?!

– Успокойтесь, Лия,– усмехнулся Борис Львович.– Без тебя литература немцев оскудеет. Кто будет писать стихи в духе хокку?

– Не будем, киндер, делиться на чистых и нечистых. Нас и так осталось горстка,– грустно заметил Доминик Иосифович.

– В самом деле, разве о том должна быть речь?– подал голос Клейн.– Завтра скажут: чем эти немцы занимаются на семинаре?!

– Возмутительно!– Лия вся вышла из себя.– И это творческий разговор?!

Раскольника Варкентина никто не поддержал, и он посерел больше обычного и стушевался.

Гарри вспомнил: будучи некоторое время в Алма-Ате, Варкентин везде и всюду выдавал себя за голландца. В справочнике Союза писателей Казахстана так и было указано: голландец. На съезде, помнится, все удивились: откуда в наши ряды голландец затесался? Казахи, русские, украинцы, евреи, немцы, уйгуры, корейцы, татары... вроде понятно, но голландец-то кто? Был Иоганн Абрамович родом из крымских меннонитов и на основании этого в лихолетье сообразил, что лучше откреститься от российских немцев, дабы не разделять их трагической участи. Так и держался до поры до времени особняком. Жил на Алтае, в Алма-Ате, в Уфе, перебрался в Москву, устроился в редакции «Нойес Лебен»... Специалист был отменный, языком владел виртуозно, переводчиком оказался блистательным, стилистом изощренным, но человеком путанным, трудным, конфликтным, язвительным, сквалыжным, неуживчивым.

Вот и тут, на семинаре, нежданно-негаданно высказал свой норов и нарушил с таким трудом назревавший лад среди российских немецких литераторов. И полдня «семинаристы» никак не могли выбраться из нокаута. Треть их сидела как в воду опущенная, не смея и рта раскрыть.

В заключительный день семинара нагрянул профессор Дымшиц со своей свитой.

– Ну, геноссе, какие результаты? К чему пришли? О чем договорились? Каковы конструктивные решения?

«Семинаристы» отчего-то растерялись, онемели. Казалось, к невольникам-трудармейцам неожиданно заявилось начальство, чтобы всех публично пропесочить. Так ещё недавно терялись немцы-спецпереселенцы при виде коменданта.

Никто не решался начать разговор. Пауза затянулась. Виктор Клейн придвинул Гарри записку: «Пришёл твой черед проявить активность».

Гарри кивнул, встрепенулся. Высовываться в присутствии старших некорректно. Так воспитывали его в казахском ауле. Он покосился на Гольмана, Эстеррайхера, Варкентина. Те помалкивали. Тогда Гарри попросил слова...

Семинар, несомненно полезен. Обсудили многое. Целесообразно встречаться регулярно. Необходимо оживить работу Комиссии по литературе российских немцев при Союзе писателей СССР. Мы благодарны за хорошую организацию, за предоставленные условия. Лекции оказались весьма познавательными. Необходимо увеличить издание литературы на немецком языке. Нужна Комиссия по изучению истории литературы российских немцев. Желательно несколько литераторов принять в СП СССР. Организовать литературные чтения, лезунген, встречи с читателями в регионах компактного проживания немцев...

Дымшиц одобрительно кивал головой, почмокал губами. Выступления руководителей семинара протекали в этом русле. Был уточнен состав Комиссии, в который ввели Роберта Вебера и Гарри Карлсона; тут же создали Совет по изучению истории литературы российских немцев во главе с Виктором Клейном; согласовали кое-какие документы, решено было отразить работу семинара на страницах «Нойес Лебен» и «Фройншафт».

Расстались по-хорошему, дружно. Обещали переписываться и встретиться непременно вновь через два-три года. Все эти дни Гарри находился в радостном возбуждении. Поле его интересов и творческих контактов необычайно расширились. В голове зрели радужные перспективы. Он обрел новую опору. Чувство востребованности окрыляло его. Он смутно ощущал, что о литературе российских немцев наверняка напишет не одну книгу, а одну из них обязательно назовет «Брат среди братьев». Формула

эта точно отражала его нынешнее душевное состояние. Брат среди братьев – он сам. Точнее не скажешь.

IV. ПЯТАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ

Позвонил незнакомец с приятным, теплым голосом. Осторожно намекнул о необходимости встречи.

– С кем имею честь?

– Я Генрих Генрихович Гроут. Из Бердянска. Нахожусь в Алма-Ате.

– Слышал. Знаю. О чем будем говорить?

– О наших проблемах. О жизни. Заодно и познакомимся.

– Хм-м... Похвально. С кем-нибудь из алма-атинцев встретились?

– Да. С Гартунгом, с Эрлихом. Был на радио.

– Завтра в три дня устроит?

– Устроит. Где?

– У меня. Гартунг знает.

– Abgemacht. О'кей!

Голос, тональность незнакомца вызывали доверие. На другой день, без пяти минут три, Гарри вышел на балкон, глянул вниз. Трое стояли у подъезда, оживленно беседовали, поглядывали на часы. Из троих Гарри узнал одного Гартунга в неизменной соломенной шляпе, в костюме, при галстуке.

«Немцы,– отметил про себя Гарри.– Точны. Постучатся минута в минуту. Казах может завалиться на полчаса раньше или на час позже. Запросто».

Пришли втроем – Гартунг, Гроут и Корн. Любезные, вежливые, деловитые. Генрих Генрихович оказался улыбчивым, доброжелательным, симпатичным молодым человеком. Чувствовались в нем энергия, воля и харизма прирожденного лидера-вожака.

– Согласитесь, Гарри Карлович, пауза в немецком движении затянулась. Нужен новый импульс.

Необходимо всколыхнуть народ. Далее мириться с таким положением нельзя. Малые меры, которыми столько лет нас пичкают, национальные проблемы не решат. Следует организовать движение на новой основе.

– Могу согласиться. А идея есть?

– Есть,– мотнул бородач и глаза его загорелись. – Нужно создать единое общество. Назовем его «Видергебурт». Нужна программа, устав, рабочий аппарат. Инициативная группа. Единый кулак единомышленников. Необходимо проводить учредительную конференцию. На местах и в центре. Надо мобилизовать все разрозненные силы. Народ обречен на гибель. На полную ассимиляцию. Пора напомнить о себе во весь голос. Пора встрепенуться, ощетиниться. Доказать, что мы не пыль на ветру. Заставить власть считаться с собой. Время настало. Пепел Клааса стучит в моем сердце. Так должен заявить каждый русланддойче.

– Конечная цель?

– Восстановить государственность. Отменить все ограничения. Объявить полную реабилитацию. Создать все организационные структуры, способные поднять униженный, репрессированный народ с колен.

– Разделяю ваш пафос. Но силы найдутся?

– Найдутся!– убежденно заявил Гроут. – Я объездил часть страны. Знаю.

– Необходимо разбудить интеллигенцию,– заметил Гарри.

– Вот за этим мы к вам и пришли. Вы бываете на семинарах, руководите немецким культурным центром в Алма-Ате, Советом по немецкой литературе при Союзе писателей Казахстана, переписываетесь со многими.

– Это так.

– Мы формируем Пятую делегацию советских немцев в Москве. Поставим вопрос ребром. Хотим сделать так, чтобы от нас не просто отмахнулись. Времена ныне другие. И делегация будет солидная. Рассчитываем на ваше участие.

– Пафос ваш разделяю. А об участии пока ничего не скажу. Я ведь, знаете, физически ограничен.

– Хотя бы морально.

– Морально бесспорно. И адреса нужных вам людей дам. И в разработке разных документов готов участвовать.

– Это мы и хотели от вас услышать.

Гости оставили доброе впечатление. И разговор получился конкретный. Определились и примерные члены Пятой делегации из разных регионов. И Гроут, и Корн оказались осведомленными людьми. Работу среди трудармейцев Гартунг взял на себя. Гроут тут же исписал блокнот адресами известных немецких писателей, журналистов и ученых, которыми снабдил его Гарри. Расстались довольными и взволнованными. Гарри про себя с удовольствием отметил: у этих людей совершенно другая хватка. Они знают, что хотят и к цели своей идут уверенно и бесстрашно. Это вселяло новые надежды.

...Вскоре была сформирована Пятая делегация советских немцев, прибывшая в Москву 3 октября 1988 года по вопросу восстановления АССР НП. Делегация получилась внушительная – более ста человек из всех регионов страны. Было выработано несколько документов, в том числе:

– В Центральный Комитет КПСС.

– В Президиум Верховного Совета СССР.

Пятая делегация советских немцев по вопросу о восстановлении Немецкой автономной республики на Волге

(Информационная справка)

3 октября 1988 г. в Москве собралась Пятая делегация советских немцев, чтобы ещё раз поставить перед руководством партии и страны вопрос о восстановлении АССР немцев Поволжья. Из разных республик, краев и областей страны прибыло 103 человека. Делегация работала три дня, обсудив широкий круг вопросов, связанных с движением советских немцев за восстановление их автономии на Волге.

В первый день работы, 3 октября, делегация в полном составе посетила приемную ЦК КПСС и вручила и.о. заведующего приемной Крыгину Анатолию Васильевичу свое обращение к Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР М.С. Горбачеву, под названием «О восстановлении Немецкой Автономной Советской Социалистической Республики на Волге».

На следующий день, в соответствии с договоренностью, группа делегатов вновь посетила приемную ЦК КПСС. Товарищ Крыгин А.В. сообщил им в ответ на обращение делегации следующее:

– Составлена, подписана двумя секретарями ЦК КПСС и предоставлена на рассмотрение Политбюро записка о восстановлении автономии советских немцев.

– Для подготовки общественного мнения к решению этого вопроса в печати будет дан ряд публикаций.

После обсуждения вопроса о восстановлении автономии будет, видимо, создана комиссия по этому вопросу; в ней примут участие и советские немцы.

– Сейчас, когда проблемы советских немцев решаются, всякие непродуманные действия со

стороны советских немцев могут только затруднить решение этих проблем, поэтому нежелательны.

– Не исключено, что решение по проблемам советских немцев будет принято ещё до Пленума ЦК КПСС по межнациональным отношениям, т.е. в ближайшее время.

В этот же день, 4 октября 1988 года, делегация в полном составе посетила приемную Президиума Верховного Совета СССР и передала туда письмо делегации с просьбой о создании в стране всесоюзной организации советских немцев под названием «Возрождение».

Во время своей работы Пятая делегация рассмотрела следующие вопросы, включенные в ее повестку дня:

– о работе 1-4 делегаций советских немцев;

– о целях и задачах 5-ой делегации;

– о представленности регионов страны в делегации;

– выборы организованного комитета на период 5-ой делегации;

– выборы ревизионной комиссии для подготовки сообщения об использовании средств, поступивших в поддержку движения за восстановление автономии советских немцев;

– обсуждение проекта письма-обращения делегации в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР;

– сообщения делегатов о положении на местах;

– обзор публикаций в центральной и местной прессе о советских немцах;

– о целесообразности создания Всесоюзной общественной организации советских немцев за восстановление автономии и возрождение культуры; обсуждение Устава и Программы организации;

– о планировавшемся в г. Маркс митинге в связи с годовщиной Указа от 28 августа 1941 г. И реакции на это местных органов власти;

– выборы счетной комиссии для подсчета подписей под текстом обращения в ЦК КПСС и Правительство, содержащих просьбу советских немцев о восстановлении их автономии (подписи были привезены членами делегации и поступили на имя делегации);

– о работе Координационного центра за период между 4-ой и 5-ой делегациями;

– о повышении в последнее время роли газеты «Фройндшафт» в патриотическом воспитании читателей;

– о предстоящей в редакции «Фройндшафт» конференции, посвященной 225-летию прибытия немецких колонистов в Россию;

– о работе Немецкого драматического театра в Темиртау;

– о работе газеты «Нойес Лебен»;

– о работе альманаха «Хайматлихе вайтен»;

– об архивах и культурных фондах бывшей АССР НП;

– о плане работы Координационного центра на будущее.

В заключительный день работы был избран новый состав Координационного центра советских немцев по содействию Правительству СССР в восстановлении АССР советских немцев. В его руководство избраны Гроут Г.Г. (председатель), Корн Р.А. (заместитель), Гаар Ю.А. (заместитель), Вормсбехер Г.Г., Шарт А.А., Бах К.К. Почетным председателем избран Кроневальд И.И.

Были подведены итоги работы делегации, определены основные задачи и формы работы по восстановлению автономии на будущее. Обсуждено и единогласно принято заключительное письмо 5-ой делегации в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, в котором члены делегации выразили свою глубокую признательность за доброжелательный прием, оказанный им, и за деловое рассмотрение вопроса о восстановлении автономии советских немцев.

Текст заключительного письма был передан в Приемную ЦК КПСС. На этом 5-ая делегация закончила свою работу.

...Работа Пятой делегации советских немцев, несомненно, оказалась важным этапом в немецком движении. Чувствовалось, что отныне оно обретет новое направление, новый смысл и большую организованность. Выдвинулись новые активисты – знающие, уверенные, целеустремленные. И народ просыпался, всколыхнулся на местах, начал осознавать свою силу и значимость.

В это же время Гарри в составе казахстанской делегации оказался во Франции, где выступил в Париже в Институте восточных языков. Он был приятно удивлен, что французские профессора – специалисты по киргизскому, узбекскому, азербайджанскому, турецкому языкам – были осведомлены о судьбе российских немцев в СССР и задавали много вопросов по национальным вопросам. Один из профессоров, представивший себя племянником Анны Зегерс, стройный, поджарый, общительный молодой человек в очках, убежденно говорил, что, дескать, очень похвально, что «русские немцы» ратуют за свою государственность, ибо известны их заслуги в российской истории и культуре, однако он никак не разделяет их желание и стремление воссоздать автономию именно на Волге. «Я там был,– заявил темпераментный француз,– и все видел своими глазами. Все страшно захламлено, разрушено, народ недоброжелательный, никаких перспектив, и зачем вам, немцам, живущим ныне в лучших условиях в Казахстане, в Киргизии, на Кавказе, собираться в Поволжье, где вас ничего хорошего не ждет? Думаю, затея напрасная. Это будет мертворожденное дитя. К прошлому возврата нет. Зачем обрекать свой народ на нищую жизнь?!»

Такого услышать во Франции Гарри никак не ожидал. Француз говорил с таким напором и с таким убеждением, что автономист Гарри на мгновенье опешил.

«Ну, и что вы предлагаете?»– спросил он.

«Не знаю,– ответил французский профессор.– Может, создать автономную область в Казахстане? Может, ограничиться культурной автономией? Может, поначалу довольствоваться ассоциацией? Не знаю... Только на Волгу зря стремитесь. Зря. Там нужно сто лет, чтобы мало-мальски облагородить тот край. Немецкий рай уж там никак не постройте».

Гарри задумался и опечалился. Нечто подобное он слышал и раньше от русских, казахов и некоторых немцев. Что же это получается? Может, немцы и впрямь зациклились на одном? Может, все это простое упрямство? Принцип? Незаконно отняли автономию, что незаконно, хоть и запоздало, но признали на государственном уровне, так будьте любезны и верните то, что положено. И в этом вся логика? Весь сыр-бор? И, может, автономия на Волге – отнюдь не решение национального вопроса, отнюдь не торжество справедливости? Может, сказывается униженная честь? Историческая ностальгия? Генетическая память? Ведь не секрет, что большинство немцев обустроилось в Казахстане, Киргизии, Кавказе, Средней Азии, юге России значительно лучше, чем нынешние волжане. Прошло почти полвека, сменились поколения, изменились условия, и реанимировать прошлое – напрасные старания, тщетные потуги? Можно ли это все здраво взвесить? И почему бедные немцы ради некой абстрактной идеи и благородной цели должны собраться «в кучу», десятилетиями по-черному, как предки-колонисты, возрождать и облагораживать землю, которую за эти годы изрядно испаскудили и загадили? Действительно, зачем обрекать свой народ на такую долю? Сколько

тысяч гераклов понадобится, чтобы мало-мальски почистить запущенные авгиевы конюшни? Так, может, решение вопроса совсем в другом? И требовать от современного правительства, у которого и без того пухнет голова от бесконечных хлопот и забот, просто-напросто некорректно? И, может, наши лидеры напрасно будоражат народ?

Вопросы, вопросы... Сомнения... Терзания... Но, с другой стороны, как быть? Что делать? Бросать на произвол судьбы двухмиллионный униженный, растребленный, запрещенный народ? Лишить его будущего? Цели и ориентира? Направить его волю, его смутные чаяния на массовый исход? Все ведь в Германию не уедут. И Германия всех не примет. Уедет половина, а как быть со второй половиной? Пусть ассимилируется? Пусть забудут себя? Неужели многострадальный народ достоин такой участи? Создать ассоциацию? Но что это такое? Довольствоваться культурной автономией? Без национальной территории? Мириться с медленной агонией? Гальванизировать остатки былой культуры, былой ментальности? Создавать национальные очаги в республиках? На какой основе? Нужно ли это немцам? И согласны ли на это автохтоны? Нужно ли им это? Не приведет ли это к непредвиденным конфликтам?

Тупик...

Налево повернешь – арба сломается, направо свернешь – бык подохнет. Как ни крути, остается один выход – восстановление распущенной в 1941 году Автономной Республики немцев Поволжья. Не лучший вариант, но другого просто нет. Немцы обречены на него.

Правда, остается ещё один фатальный вариант – тотальный исход. Но это может быть благом для отдельных людских судеб (и то ещё как сказать!), но никак не благом для всего народа. Ждать, пока через несколько десятилетий огромную массу российских

немцев с их неоднозначной, своеобразной, затейливой ментальностью переварят, переломают, унифицируют, «онемечат» германцы? Ну и что? Что же дальше? Именно таков удел российских немцев, возвращающихся после всех мытарств своей истории на круги своя?

Любуясь красотами и достопримечательностями Парижа, испытывая пьянящее чувство свободы и душевной раскованности, Гарри, однако, никак не мог отделаться от этих изнурительных мыслей и пытался взглянуть на проклятый вопрос соплеменников со стороны, с высоты Эйфелевой башни, где казахстанская делегация проводила прощальный ужин перед возвращением на родину...

А там, в Москве, его коллеги по Координационному центру советских немцев в спорах-дискуссиях сочиняли очередное обращение к своим соплеменникам и всем гражданам СССР.

19 октября 1988 г.

ОБРАЩЕНИЕ

Координационного центра советских немцев по содействию Правительству СССР в восстановлении АССР советских немцев к советско-немецкому народу и гражданам Советского Союза

Дорогие советские немцы!
Уважаемые граждане СССР!

В судьбе многострадального советско-немецкого народа настал переломный момент. Перестройка предоставила ему исторический шанс восстановить свои, попранные в 1941 г., конституционные права.

В процессе полувековых прямых и косвенных репрессий социальной дискриминации, явившихся следствием огульного обвинения всех советских немцев в пособничестве германскому фашизму и ряда геноцидных мер (Указ **ПВС** СССР от 28.08.41 г., 26.11.1948 г., 13.12.1955 г. и др.), советские немцы были практически подведены к рубежу физического вымирания, как братский народ СССР.

Более двухмиллионный советско-немецкий народ, предки которых в далекие времена добровольно покинули германские земли, прошедший в России и СССР более 200-летний самостоятельный исторический путь развития, вплоть до уровня социалистической нации, со своей автономной республикой на Волге, к началу перестройки в массе потерял свой родной язык (последнее поколение практически полностью) и национальную культуру. Советские немцы приобрели чуждые социалистическому обществу деформации в нравственности, морали, во многом потеряли здоровую социальную активность.

Однако в процессе продолжительного совместного развития с народами России и СССР предки советских немцев и они сами настолько сроднились с Россией и СССР, что не мыслят своей жизни вне Советского Союза.

Потомки советских немцев активно участвовали в прогрессивном социальном движении России на всех исторических этапах, начиная с народного восстания Е.Пугачева, движения народников, деятельности декабристов. Были они и среди восставших Первой Русской революции 1905 года, активистов большевиков. Вместе с другими народами они штурмовали Зимний. Советские немцы защищали и укрепляли Советскую власть, строили первое в мире социалистическое общество.

Известные сегодня столь чуждые социализму деформации, которые претерпело советское общество после смерти великого Ленина наложили свой тяжелый, негативный след на советских немцев одними из первых.

Но сегодня настало время национального возрождения народов Советского Союза, в том числе и советских немцев. Только через расцвет национальных культур каждый народ СССР может прийти к новому, более прогрессивному уровню межнациональных отношений, и в конечном итоге, к единой процветающей советской нации.

Было бы заблуждением со стороны советских немцев надеяться на то, что их проблемы даже в условиях перестройки добровольно навалил бы на свои плечи кто-то другой.

Вся суть, весь смысл перестройки направлены на подъем социальной активности широких народных масс, на выработку коллективного разума, резкого подъема, на этой основе

экономики страны и утверждение в нашем обществе великих, гуманных принципов социализма и коммунизма.

Руководствуясь вышеизложенным, Координационный Центр советских немцев по содействию Правительству СССР в восстановлении АССР советских немцев призывает весь советско-немецкий народ, а также граждан СССР других национальностей отдать свой голос и продуктивный труд силам перестройки, оставить под этим обращением свои подписи в солидарность законного требования восстановления Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья, которая отныне станет республикой, национальным очагом всех советских немцев.

Председатель КЦСН **Г.Г.Гроут**
Заместители: **Р.А.Корн**
Ю.А.Гаар

V. ЛИЧНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Будучи всегда гражданski активным, являясь членом КПСС, многочисленных общественных организаций, союзов, движений, фондов, разных художественных и редакционных советов, а с конца 80-х годов возглавляя Немецкий культурный центр г. Алма-Аты, Гарри Карлсон считал своей обязанностью и правом тормошить власть предержащих пространными письмами по актуальным вопросам. Подобные письма он начал писать ещё в 1953 году, сразу после окончания школы, сетуя на те ограничения в национальном положении, из-за которых он, выпускник казахской аульной школы, был лишен возможности продолжать учебу в высшем учебном заведении по причине нахождения под спецкомендатурой и отсутствия паспорта, а, следовательно, права выезда за пределы проживаемого района. Свою тогдашнюю боль, свое возмущение и жалобы на несправедливость юный спецпереселенец-комсомолец изливал в письмах Председателю Президиума Верховного Совета СССР

К.Е.Ворошилову, министру внутренних дел СССР С.Н.Круглову, секретарю обкома и депутатам Верховного Совета Казахской ССР. Боже, сколько бумаги, чернил, униженной души он извел тогда на эти письма! Знакомые скептики потешались над ним. «Неужели ты думаешь, что твои письма кто-то станет читать? Да они и не доходят до адресата. Их изымают ещё на полпути. Их, не раскрывая, отправляют в мусорную корзину. Какой ты наивный, однако!»

Больших надежд на протестные, жалобные письма Гарри и не возлагал. Чаще всего на свои письма он вообще не получал ответов. Иногда приходили письма-отписки за подписью неведомых чиновников. Случалось, ответы поступали не ему, а в учреждение – в комендатуру, в рай- и облУМВД, в рай- или горком партии.

Но что было делать? Другой формы выражения своих дум и чаяний Гарри не знал. И отец-коммунист отнесся к подобному письмописанию сына сдержанно. Говаривал: «Будь осторожен. Не говори лишних слов. За это тебя по голове не погладят». Гарри отшучивался: «Эти письма – моя литературная школа. Они приучают меня к ответственности, к грамотному и точному изложению мыслей». Отец шутки сына не принял. «Мысли свои лучше держать при себе».

Большое письмо о положении немцев в Советском Союзе – крик одинокой души – Гарри после долгих раздумий и колебаний – отправил с уведомлением на имя генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. В письме на восьми листах он, как ему показалось, затронул все политические, социальные и хозяйственные аспекты. На центральном почтамте письмо приняли настороженно, даже с испугом.

– Заказное?– спросила растерявшийся оператор.

– Заказное.

Повертела пухлое письмо в руках, долго вглядывалась в обратный адрес, автоматически бросила на весы, задумалась.

– С уведомлением?

– С уведомлением.

– Сейчас,– сказала оператор и с письмом в руках спешно отправилась куда-то вглубь помещения.

Вскоре пришла, наклеила ещё какие-то марки, поставила штамп, записала что-то в большом кондуите, выдала квитанцию.

– Всё? – недоверчиво спросил Гарри.

– Всё! – облегченно произнесла оператор.

Дней через пять Гарри вызвали в КГБ.

– Вы написали письмо Генсеку?

– Я.

– О чём?

– О положении советских немцев в стране.

– А что? У немцев положение неблагополучное?

– Не совсем.

– Есть проблемы?

– Есть.

– Вас обижают?

– Меня лично нет. А среди народа недовольство есть. Посчитал своим долгом о том сказать Генсеку. Разве это запрещено?

– Нет... не запрещено,– согласился сотрудник Комитета Глубокого Бурения. – Но...

– Что но?

– Могли бы о том написать в более низкие инстанции. Не минуя руководства республики.

– Бесполезно.

– Почему?

– На уровне республики эти вопросы не решаются. К республике претензий нет. Нас депортировали из России, значит, только Россия может восстановить справедливость.

– Создать автономию на Волге?

– Да. Только не создать, а воссоздать. Вернуть незаконно отнятое.

– Что ж... Ваше право,– нехотя согласился сотрудник. – Но откуда у вас эта лексика: «депортация», «трудармия», «геноцид», «социальный гнет», «колонисты»?

– Лексика, отражающая реальность.

– Вы член Союза писателей, руководитель немецкой секции, известный человек, член партии... могли бы быть осторожнее в обращении со словом. Зачем так?

Гарри понял: его послание до Генсека скорее всего не дошло. Да он на это особенно и не рассчитывал, полагал, что получит ответ из какого-нибудь Отдела от третьестепенного чиновника. И то ладно. Можно б было делать ссылку в какой-нибудь статье. Какой-никакой, а резонанс.

Но письмо, видно, и до Отдела ЦК КПСС не дошло, а застряло в каком-то кабинете республиканского КГБ.

Друзья смеялись: «Неужели ты думал, что можешь Брежневу письмо отправить через почту? Разве это так делается? Надо через знакомого отправить в Москву, а тот должен сдать и непременно зарегистрировать письмо в Приемной ЦК КПСС. Но и тогда... бабушка ещё надвое сказала».

Ещё больше мороки случилось с письмом на имя Юрия Андропова. В Алма-Ате на почтамте письмо просто-напросто не приняли. Почему-то думалось: крутой Андропов наведет в стране быстрый порядок. Да и «немецкий вопрос» не станет откладывать в долгий ящик. Настораживало только его жесткая борьба с диссидентами. И в Ташкенте сдать письмо-прошение на имя Генсека на почте не удалось. Отказывались наотрез, отшатывались, отбрыкивались. Прибыв в Дом творчества писателей в Дубулты, Гарри сдал его с уведомлением в Юрмале. Приняли письмо просто, честь по чести. Поступило

уже в Алма-Ате и уведомление, что письмо дошло-таки в ЦК КПСС. Но никакого ответа не последовало. Судя по всему, об этом письме на этот раз не знали и в КГБ республики. Ещё одно письмо на имя Председателя Комитета Госбезопасности Чебрикова ни один знакомый, оказавшийся в Москве, сдавать адресату не решался.

Пространное письмо о немецком вопросе на имя реформатора, отца перестройки Горбачева Гарри отправил через надежного человека, который сдал и зарегистрировал его в Приемной ЦК КПСС. Недели через три Гарри вызвали в Алма-Атинский обком партии, где сухопарый инструктор сообщил, что письмо ЦК КПСС получено, оно изучается и выразил благодарность за поддержку перестройки и высказанный ряд существенных замечаний и предложений.

...Звонок был вечерний, поздний. Звонили из Отдела агитации и пропаганды ЦК КП Казахстана.

– В Москву приезжает бундесканцлер Коль с министрами и большой группой журналистов. Вас срочно приглашают на его пресс-конференцию.

– Не смогу. Всего неделю назад был в Москве. Устал. Вымотался. Болит нога и давление высокое. Весной я болен.

– Понимаем. Но надо, Гарри Карлович, надо. На вас рассчитывают. Вы там задействованы. Срочно. По линии МИДа. После пресс-конференции Коля Геннадий Герасимов проводит брифинг по поводу советских-западногерманских переговоров.

– Ну, а я-то зачем?.. Усталый, больной человек...

– Надо выступить перед зарубежными корреспондентами.

– О чем?

– О положении немцев в Казахстане.

Гарри стал лихорадочно соображать. Понятно: положение прекрасное. Газета выходит, книги

издаются, театр функционирует, преподавание на высоте, самодеятельность процветает. Культурный центр работает, немцы в почете на всех уровнях, национальным проблемам в Казахстане внимание уделяется всемерно. Вот об этом он, писатель, и должен убедительно сказать придирчивым, недоверчивым иностранным журналистам.

– Об этом ведь и другие могут сказать...

– Но, Гарри Карлович, вы ведь понимаете: то, что говорит хан, и смерд говорит. Однако, слова смерда веса не имеют.

– Нет, нет. Не могу. Физически. Пусть пригласят кого-нибудь из московских активистов.

– Не годится! Нужен казахстанец. Более подходящей кандидатуры нет. Понимаете? Вы писатель, вас знают. И вы человек надежный. Знаете, что сказать. Придется лететь.

– Ой, не могу. Честное слово: нет мочи.

Наступила пауза. Аргументы товарища из Отдела агитации и пропаганды ЦК, видно, иссякли.

Гарри уже начал радоваться: наверное, отбоярился. Лететь ни на пресс-конференцию, ни на чьи-то брифинги никак не хотелось. К тому же многое было неопределенно. Претило и то, что от него требовалось изрекать очевидные банальности – полуправду, близкую ко лжи.

В разговор вклинился незнакомый голос – уверенный, властный.

– Извините, пожалуйста, товарищ Карлсон. Я невольно подслушал вашу беседу. Я – генерал Живин из КНБ. Альтернативы нет. Понимаете? Вы должны полететь. Вы уже утверждены.

– Что это значит? – растерялся Гарри.

– Это значит, что вы нужны, на вас рассчитывают. Все хлопоты берем на себя. Спите спокойно. Полетите утренним рейсом. За вами заедут. Отвезут на аэропорт.

Вручат билет. Посадят. В Москве встретят и обо всем позаботятся. Так же отправят вас домой. Ясно?

– Я... я. – сно,– удрученно пролепетал Гарри.

– Спокойной ночи, – заключил беседу генерал КГБ.

Гарри начал укладывать свои вещички в «дипломат». Сборы были недолги.

Через час последовал ещё звонок.

– Значит, так, Гарри Карлович. По прибытии в Москву позвоните по вопросам: а) встречи в аэропорту и транспорта. Телефон... Встретит вас Игорь Самуилович Гуренко. Машина будет стоять недалеко от места отправки автобусов-экспресс на Москву, метров 30 левее, если смотреть на здание аэропорта; б) командировки, авиабилета на обратный путь – АПН, Егоров Альберт Петрович, телефон... в) пресс-конференции: МИД СССР. Дьяченко Павел Яковлевич, телефон... – Ясно?

– Ясно.

– Спокойной ночи! В 8 утра машина будет стоять у подъезда.

Всё сработало, как по маслу.

В Москве шел мокрый снег, было слякотно, грязно. Гарри привезли на Смоленскую площадь, потом доставили в гостиницу, определили в номер, предупредили не отлучаться и ждать звонка. Где-то наверху не все было ясно – что, где и когда. Лишь на исходе дня позвонили Гарри и сообщили, что те мероприятия, в которые он задействован, состоятся – по всему видать – завтра, а потому он может быть спокоен и свободен до 10 утра.

– Значит, могу на ночёвку поехать к дочери?

– Оставьте точный адрес и телефон.

– Адрес: Вешняки, Аллея Жемчуговой, дом 3, корпус 1 кв. 95.

– Хорошо. Найдём. Только...

– Что только?

– Ну, это... осторожней насчет напитков... Завтра ответственный день.

– А-а... Можете не беспокоиться.

За Гарри заехал зять, с трудом добравшись в жуткую гололедицу. В квартирке-бонбоньерке дочери было уютно, чисто. Внук ликовал от неожиданной встречи с дедом.

На другой день пресс-конференция с бундесканцлером в МИДе завершилась стремительно быстро. Высокие гости спешили в Гусь-Хрустальный. Зато долго длилась своеобразная встреча с советскими и иностранными журналистами. Из Федеративной Германии их оказалось немного: большинство уехало с Колем. Были журналисты из АПН, Японии, Чехословакии, Западного Берлина, Венгрии, из «Ди Цайт» и другие. Вел встречу Гремицких – свободно, уверенно, четко. Атмосфера показалась раскованной, дружеской, тактичной.

Короткие вступительные речи произнесли академик Журкин, говоривший о целях и задачах «Института Европы», профессор Максимов – об экономических проблемах, полковник Колтунов – о военных аспектах европейских содружеств, профессор Шепьев – о взаимозависимости европейских стран, еще какой-то профессор – о разных проблемах советско-западногерманских отношений, в том числе о проблемах советских немцев.

По предложению ведущего, Гарри немного дополнил выступление предыдущего оратора, коротко поведал о позитивных сдвигах в национальных отношениях Казахстана, привел ряд конкретных фактов, подчеркнул, что эмиграция – никак не решает немецкие проблемы и что лично он склонен считать восстановление автономии советских немцев единственной реальной и целесообразной мерой.

Потом журналисты засыпали докладчиков вопросами: что такое общеевропейский дом, как он

мыслится конкретно. Каковы экономические, политические, военные аспекты этого самого «Дома», нет ли страха перед единым общеевропейским рынком, что значит «европейский Рекьявик», о глобальном взаимодействии «Восток и Запад», о сильных и достойных партнерах, о кредитах и экономической помощи.

Вопросов оказалось много и к Гарри: как он лично относится к восстановлению автономии советских немцев, как он это представляет, бывал ли он на Волге после депортации в 1941 году, как отражаются трагические страницы советско-немецкой истории в литературе.

Видно, откровенные, эмоциональные ответы Гарри, совсем не в духе строгих предварительных советов консультантов из КГБ и МИДа, пришлись журналистам по душе. Они вцепились в него насмерть. Ведущий спохватился: беседа обрела совсем другой крен, ответы немца из Казахстана пошли не по сценарию, и он его мягко остановил и представил слово второму казахстанцу – представителю рабочего класса из Актюбинска с орденами и медалями на груди. Напряженно заглядывая в бумажку, тот что-то пробубнел о многонациональном составе своего рабочего коллектива, о дружбе народов, о трудовой доблести, но журналисты тотчас потеряли к нему интерес. Собравшимся пришелся больше по нутру раскованный, незашоренный писатель из Казахстана. Завязалась беседа, не предусмотренная строгим сценарием и регламентом. И тогда ведущий объявил работу «круглого стола» законченной и предоставил заинтересованным журналистам возможность поговорить «с гостем из Казахстана» отдельно, приватно. Журналист из Чехословакии тотчас заявил, что он записал полностью выступление господина Карлсона, и хотел бы им воспользоваться.

– Пожалуйста. Я могу только подтвердить сказанное.

Журналистка из Западного Берлина, некая Барбара Вернек-Самсон, попросила алма-атинский телефон, изъявив желание встретиться.

– Не возражаю. Всегда готов к вашим услугам.

Журналист АПН попросил дать интервью.

– Прямо сейчас?

– Да, если это возможно.

Прикрепленный к Гарри представитель МИДа недовольно напомнил, что надобно отправиться на Зубовский бульвар, в АПН, к Пылеву, за обратным билетом, да и обедать пора.

Но пять-шесть журналистов продолжали теребить Гарри бесконечными вопросами, а в сторонке его ждали главный редактор и партсекретарь газеты «Нойес Лебен».

Весь день Гарри ходил приятно взбудораженный. Он понимал, что скорей всего увлекся, сказал лишнее, пошел не по сценарию, однако товарищи из МИДа и АПН были с ним очень вежливы, внимательны, дружелюбны, и это его несколько успокоило. И предельно осторожный главный редактор «Нойес Лебен», и сверхбдительный партсекретарь немецкого еженедельника единодушно утверждали, что все получилось славно, смело и в рамках дозволенного.

Сознание того, что «немецкий вопрос» не сугубо немецкий, что он интересует и западных граждан, что к нему приковано внимание не только в СССР, но и в Европе, и даже в Азии, грело душу и обнадеживало, что от этого вопроса отмахнуться будет все труднее, что понемногу складывается определенное общественное мнение, чему посильно способствует и он, казахстанец Гарри Карлсон.

В самолете, на обратном пути, он вновь и вновь проигрывал в уме все, что случилось за эти два дня в Москве, представил всех деловых, степенных и энергичных мужиков, занимавшихся с ним и опекавших его, вспоминал все вопросы и свои ответы и

утешал себя тем, что он не покривил душой, сказал открыто и честно о том, что его волнует, как он все понимает и чувствует, и не допустил ни одной фальши. Однако, нет-нет да и нахлынивали и сомнения: что скажут дома, в Алма-Ате, не подвел ли он помимо воли кого-нибудь из своих благодетелей, которые в таком ответственном, политическом деле понадеялись на него.

Уже на другой день первым позвонил генерал Живин:

– Благодарю вас, Гарри Карлович! Из Москвы сообщили, что вы справились со своей задачей отлично.

Вслед за генералом позвонили из МИДа республики и ЦК Казахстана и подтвердили свое полное удовлетворение.

– Ни в чем не подкачали. Смело, но без перегибов.

Было приятно сознавать свою востребованность.

...Между тем друг казахстанских литераторов, симпатичный и добрый человек, заведующий редакцией советской литературы в Берлинском издательстве «Фольк унд Вельт» – Леонард Кошут – затеял издать сборник десяти советских немецких прозаиков. Сама идея была прекрасная, но сложная, идеологически труднопробиваемая. Кошуту сборник доставил немало хлопот. Для советско-немецких литераторов издаваться в ГДР было престижно и в политическом, и в творческом смысле. Материал был собран, скомпонован, но была нужда в компетентном, обстоятельном, взвешенном, информативно-аналитическом послесловии. Кошут решил, что такое послесловие по плечу Гарри Карлсону. Во всех отношениях ему и карты в руки.

Гарри охотно согласился. Написать статью было нетрудно. Сложности подстерегли с неожиданной стороны.

Сложив статью в большой конверт, Гарри отправился на почту.

– Что это?

– Статья.

– Куда?

– В Берлин.

– Штамп ЛИТО есть?

– Не-ет...

– Нужен штамп ЛИТО.

– А где ЛИТО?

– Не знаю. Спросите в Союзе писателей.

В Союзе писателей объяснили: да, так положено, ЛИТО должно проверить, вдруг в статье государственная тайна, у нас пока цензура не отменена, сходите, покажите, отсюда недалеко, по Коммунистическому проспекту.

Гарри сходил, постучался в разные двери. Везде он натыкался на удивление и недоумение.

– Кто вас прислал?

– Никто. Сам пришел.

– И что хотите?

– Написал статью для Берлинского издательства «Фольк унд Вельт». Говорят, нужен штамп.

– Кто сказал?

– Оператор на почте.

– Это так не делается. Пусть статью передадут по линии Союза писателей.

Пустые хлопоты, напрасные хождения по двум инстанциям продлились дней пять. Получилось: Иван кивает на Петра, а Петр – на Ивана.

Выход подсказал писатель Калмухан Исабаев.

– Я знаю одного цензора. Сходим вместе. Статья большая?

– Страниц 16.

– Раздели по две страницы и отправь частным письмом с интервалом в два-три дня. Или отправь с

оказией. А мы тем временем обработаем знакомого цензора.

Так Гарри и сделал: отправил статью дробно, по частям, простым письмом. А знакомый Калмухана в ЛИТО долго вертел статью, бегло просмотрел ее, сказал:

– Оставьте дня на два. Просмотрю.

– Ой, айналайн,– сказал Калмухан цензору. – Чего усложнять-то? Ни секретов, ни крамолы тут нет. Речь идет о наших немцах. А ГДР – наш аул. Какие тут могут быть сомнения? Шлепни штамп и вся недолга. Сколько можно ходить из-за такой ерунды?

– Нельзя,– сказал цензор. – Это не ерунда.

Ещё через день цензор хмуро принял Гарри, показал подчеркнутые крамольные места.

– Что за слова – «колонисты», «Манифест», «трудармия», «депортация», «ограничения», «указы», «автономия», «дискриминация», «комендатура»? Все это нужно убрать. И вообще...

– Что вообще?

– Тональность неправильная. Кто вас просил о том написать?

– Издательство «Фольк унд Вельт».

– В ГДР?

– В Берлине.

– И зачем это ему понадобилось? Сначала надо статью опубликовать у нас. Потом пусть переводят.

– Я хотел наоборот. Сначала опубликовать в братской ГДР, потом уже переиздать у нас.

– Мало ли что вы хотели! Для начала уберите все подчеркнутые слова, потом зайдете.

За это время берлинец Леонард Кошут получил в письмах по разрозненным листочкам всю статью, о чем сообщил телеграммой. Можно было и успокоиться, но Гарри принципиально продолжал обивать пороги ЛИТО.

– Так... замечания наши учли? – спросил цензор.

– Учел. Исправил. Смягчил. Убрал.

– Хорошо. Посмотрим...

Цензор водрузил на нос очки, принялся бегло читать, шевелить губами, комментировать по ходу.

– Так... так... «Колонисты» заменили на «поселенцы», «трудармию» – на «рабочие колонны», «геноцид» убрали... Е-е... а «автономию» оставили?

– Без автономии никак не обойтись. Была ведь...

– Была, была... Была да сплыла. Это же намек, что вы опять ее хотите?

– Да это наша цель, а не намек.

– Не пойдет! – решительно заметил цензор. – Вы же о литературе говорите, причем здесь «автономия»? Ссылки на указы убрать. Зачем «Екатерина Великая»? Пишите «вторая». Хватит с нее! А в рабочих колоннах были не только немцы. Мой отец тоже.

– Да, но ваш отец не был за колючей проволокой. И на работу шел не под конвоем с овчарками. И паек был другой. И никто его не обзывал, не унижал. Верно?

– Может, и так... Так, так... – Лицо цензора мрачнело все больше. – Значит... пишите проще, не умничайте. Без всяких намеков. Только о литературе. О дружбе народов. О достижениях.

– Значит, штамп не ставите? В таком виде статью отправить не могу?

– Нельзя! – категорически заявил цензор. – Ещё раз отшлифуйте, отредактируйте, смягчите.

Гарри возражать не стал. О том, что первый вариант статьи уже находится в руках Леонарда Кошута, тоже говорить не стал. Но цензору обещал зайти ещё.

О последнем визите в ЛИТО Гарри рассказал Калмухану.

– Дай статью мне,– предложил он. – И купи ещё поллитра водки. Нет, лучше коньяк. Я сам поговорю.

Ещё через два дня Калмухан, сияя, вернул статью. В конце стоял четырехугольный фиолетовый штамп.

– Всё! Дело в шляпе. Смело отправляй.

В тот же день Гарри отправил разрешенное к печати послесловие в Берлин. Никаких возражений на почтамте не последовало. Через год в издательстве «Фольк унд Вельт» увидел свет солидный том «10 sowjetdeütsche **Erzähler**» с пространным послесловием Гарри Карлсона. Это был прорыв. На эту статью потом смело ссылались критики и литературоведы из числа российских немцев. То, о чем нельзя было говорить в СССР, сказало авторитетное берлинское издательство, с чем приходилось считаться. Хоть со скрипом, но какие-то сдвиги в общественном сознании становились все более очевидными.

VI. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ СЪЕЗД

До долгожданного, выстраданного Первого съезда советских немцев в Москве, казалось рукой подать. Все было на мази. Отшумели конференции общества «Возрождение», заседания разных советов и комиссий, в том числе Государственной комиссии под руководством Гусева, Комиссии Верховного Совета под руководством Киселева, Оргкомитета под руководством Гроута, Вормсбехера, Фалька, Гаара, противоречивые выступления в печати, ожесточенные споры-дискуссии, «круглые столы» в республиках и краях, в региональных культурных центрах.

Народ всколыхнулся в ожидании крупных перемен.

Мнилось, все преграды преодолены, все препятствия на пути возрождения убраны. Делегаты избраны легитимно. Документы отработаны, отрихтованы, отредактированы. Повестка дня определена. Регламент установлен. Мандаты напечатаны. Папки для делегатов – в сером ледерине, с золотым тиснением – заготовлены. Все рабочие органы предстоящего съезда продуманы. Приветствия от властей согласованы. Каждое слово взвешено. Возбуждение дошло до предела. Средства массовой информации

задействованы. Даже известны высокие гости из-за рубежа. Ну, все, все предусмотрено. Исторический акт свершится со дня на день. Остался последний шаг. Последний, который, как известно, трудный самый. Но на этот раз, Gott sei Dank, и его одолеем. Да, да... все идет к этому. Историческая справедливость восторжествует. Наше дело правое. Победа будет за нами.

Стояло начало марта. Снег стремительно таял. Вольно резвился весенний ветер. Над Кремлем кружилась горластая стая ворон. По небу шли тяжелые тучи. Солнце взбиралось все выше.

Неразлучная пара – Гарри и Эдуард Фердинандович Айрих – после очередного заседания в Оргкомитете спустилась в метро. Дата и место проведения Съезда ещё не определились. Говорили: ещё до середины марта. Айрих решил вернуться в Алма-Ату и ждать сигнала, Гарри предпочел остаться до начала съезда в Москве, погостить у дочери, позабавиться с внуком. К тому же, кто знает, может пригодиться для каких-нибудь непредвиденных, неотложных дел.

За последние годы Гарри сильно привязался к Эдуарду Фердинандовичу. Мощная личность! Колоритная фигура. Бывалый человек, все изведал и выстоял. Рассуждает здраво, говорит веско. Трудармеец. Заслуженный тренер СССР. Авторитет незыблемый. Убежденный автономист.

– Какие ещё сомнения? Мотор запущен.

– Не знаю... По-моему, за нашей спиной что-то затевается. И Раушенбах, и Вормсбехер чего-то недоговаривают. И Гроут нервничает не в меру. Боюсь, сорвется все в последний момент.

– Не может быть! Не должно быть! Столько усилий, столько стараний... И всё коту под хвост?

– Так-то оно так... Да какая-то тревога душу гложет. Неужели власть согласилась на немецкую автономию?

– Полагаю, что решилась. А что делать? И Германия постоянно за глотку хватает, и наши намертво за подол цепляются. Поневоле решишься.

– Ну, дай-то Бог...

Эдуард Фердинандович уехал из Москвы с тяжелым сердцем. И Гарри это немножко настораживало. Старый волк обладал отменным чутьем. Как говорится, старый ворон не каркнет даром.

Медленно текли дни ожидания. В крохотной, ухоженной квартирке дочери Гарри наслаждался уютом, чистотой, вниманием. Зять по утрам кормил его фирменными блинчиками с мясом, угощал деликатесами и заморскими винами, возил его на своей машине по окрестностям Вешняков, гулял с ним вдоль живописного пруда. Благодать! Об автономии на Волге как-то и не думалось. Недавние страсти-мордасти на немецких говорильнях улеглись. Казалось, давняя мечта, столько лет терзавшая душу, была, наконец, близка к осуществлению. Правда, возможное переселение на Волгу, расставание с привычным Казахстаном казались почему-то проблематичными. Дочь и зятя этот вопрос интересовал менее всего. Вне Москвы они свою судьбу не представляли.

Гарри ежедневно звонил в штаб Оргкомитета.

– Срок съезда ещё не определился?

– Ещё нет. Но сегодня-завтра будет известно.

Из Алма-Аты по два-три раза в день звонили Айрих и Эрлих.

– Вестей нет? Что происходит?

– Пока нет. Тишина. Но ребята из Оргкомитета на месте.

– Странно, странно,– задумчиво картавил Эрлих.

– Что-то не то,– тревожился Айрих.

Дни томительные не шли, не текли, а едва ползли, волочились, как брюхастые тучи над московским небом. Гарри уже не отходил от телефона. Ехать в штаб Оргкомитета на Миусской площади было далеко и

хлопотно. Как всегда, к весне разболелась нога, свинцом наливались суставы.

И вот раздался долгожданный звонок.

– Съезд откладывается,– ровным, глухим голосом сообщил Вормсбехер.

– Как? На сколько? Почему?– обомлел Гарри.

– Так складываются обстоятельства. Месяцев на шесть-семь. Можешь вернуться домой. При необходимости вызовем.

– Вот-те раз! И ничего не будет?

– Гроут собирается провести чрезвычайный съезд наперекор всему. Он ещё зимой в Новосибирске тайком договорился провести съезд своих сторонников. Сознательно пошел на раскол. Пусть проводит! Все равно этот съезд не будет считаться правомочным. Мы участвовать в нем не будем. Проведем свой съезд в свой срок. Прежде, чем провести съезд, надо точно знать, каковы будут его результаты. А эмоциональная трескотня в данном случае ни к чему. Если хочешь, можешь участвовать в гроутовском съезде. Но не как делегат. Как гость. Может, тебе это будет интересно. Ладно. До встречи.

Вормсбехер по натуре человек сдержанный, замкнутый, сухой. Из него ничего не выжмешь. Все в нем копится годами, слоями. К сентиментальным, исповедальным разговорам не расположен. Настоящий партизан, разведчик.

Гарри позвонил Адаму Мерцу, редактору немецкого радиовещания, члену Оргкомитета.

– Мой совет: участвуйте на чрезвычайном съезде как корреспондент газеты «Фройндшафт». Вам как писателю все эти впечатления в будущем пригодятся, – посоветовал Адам Яковлевич.

И Эрлих горячо поддержал эту идею.

– Оставайтесь в Москве. Сегодня же отошлю телеграмму. Пусть вас аккредитируют как корреспондента газеты. Обо всем нас проинформируйте.

Гарри с таким предложением охотно согласился.

Чрезвычайный съезд немцев СССР неимоверными усилиями Генриха Гроута и его сторонников начался вопреки решениям ЦК КПСС и Правительства в Москве 12 марта 1991 года. Когда Гарри приехал на «чрезвычайку», просторное фойе гудело от возбужденных делегатов. Гарри увидел среди них очень многих знакомых. Он сразу заметил, что часть собравшихся отнеслась к нему необычайно холодно, сдержанно, даже враждебно. Немцы успели расколоться, размежеваться на два лагеря, и Гарри очутился в стане «чужих». На съезд же съехались в основном «гроутовцы», противники Оргкомитетчиков, которые, по их мнению, в угоду властям сделали попытку сорвать съезд. «Гроутовцы» испытывали эйфорию, чувствовали себя истинными патриотами, смелыми радетелями многострадального немецкого народа. Гарри Карлсона некоторые считали искренне заблудившимся, другие же решительно отнесли его в разряд предателей и отщепенцев. И «патриотов», и «предателей» было примерно поровну. Агрессивные молодчики, стоявшие у двери, некоторых оргкомитетчиков не пускали даже в фойе. Гарри пропустили с трудом на основании удостоверения внештатного корреспондента газеты «Фройндшафт». Он и зарегистрировался не как делегат, а как гость, корреспондент. Было объявлено, что по квоте, установленной официальным оргкомитетом, на Съезд намечено избрать 1038 делегатов, на 11 марта избрано 972 человека, на съезд прибыло более пятисот, что составляет добрую половину. Таким образом, съезд приобрел статус легитимного общенационального форума. Ажиотаж был большой. Некоторые делегаты пробивались в Москву с немалым трудом. Прибывавших встречали как героев. Подробно расспрашивали, как решились, как преодолели все препятствия властей. «Гроутовцы» вели себя триумфаторами.

Казалось, они не совсем точно помнили, куда и зачем приехали. Опьяненные своей храбростью и смелостью, они чувствовали себя победителями. Как же! Не согласились ни с ЦК, ни с КГБ, ни с Оргкомитетом, ни с продажными лидерами, которые, по их представлению, исподтишка плели подлые интриги и сознательно ввели все немецкое движение в тупик. Не оппонентов, а настоящих врагов нашли среди «своих», и теперь основная цель заключалась лишь в том, чтобы как можно больнее уязвить противников, публично разоблачить и осудить их, штрейкбрехеров, показать немцам, кто подлинные патриоты. А заодно и всем умникам, сидящим в высоких креслах, выдать по большему счету, дабы знали, с кем имеют дело.

Столько агрессивных лиц Гарри ещё никогда не видел. Экстремизм их просто озадачивал и обескураживал. А ведь среди них было немало прекрасно образованных, умных, утвердивших себя в жизни, благополучных и симпатичных людей. Раскол произошел глубокий, катастрофический. Нетерпимость, нетерпение, откровенная злоба были написаны на лицах некоторых делегатов. У двери в зал дежурили неистовые охранники из числа сибирских немцев. Они тщательно проверяли мандаты, сверяли делегатов по спискам, пускали беспрепятственно в зал только «своих», а неблагонадежных, из чужого стана придирчиво проверяли, отпихивали бесцеремонно от дверей, всем видом показывая, что они, отщепенцы, здесь не нужны, пусть убираются восвояси.

Рослый парняга, выставив костлявые ноги, точно шлагбаум, остекленевшим от важности глазами ощупывал каждый раз Гарри у входа.

– Документы!

– Но ты же меня знаешь. Я Гарри Карлсон из Казахстана.

– Документы!

– Я не делегат. Я – представитель прессы. Аккредитован.

– Отойдите! Сначала пропущу делегатов.

Парняга был неумолим. Он уже точно знал «своих» и «несвоих». К «несвоим» он был беспощаден, как свирепый полицай.

Гарри поражался: откуда только набрал таких молодчиков – громил интеллигентный Генрих Генрихович? Из каких глубин России они объявились на чрезвычайном съезде? Неужели эти мордовороты и есть настоящие борцы за автономию на Волге? И с такими мы намерены воссоздать свою государственность? Нетрудно себе представить, сколько дров наломают подобные элементы.

Зал гудел. Возбуждение выходило из берегов. Съезд открыл Генрих Гроут:

– Но что все-таки произошло? Почему союзный центр отклонил, а точнее сорвал съезд? Почему он не проходит во Дворце съездов или в Колонном зале Дома Союзов? И можно ли согласиться с тем, что отмена съезда осуществляется на основании решения печально известной Государственной комиссии под руководством В.К. Гусева, которая за год своего существования занималась разрешением всего позитивного, что наработала парламентская комиссия Верховного Совета СССР под председательством Г.Н. Киселева? И что из себя сегодня вообще представляет Госкомиссия Совмина СССР?

Генрих Гроут был в ударе. Звездный час его наступил. В зале собрались в подавляющем большинстве его соратники и единомышленники. Было ясно, что никого из инакомыслящих к трибуне не подпустят. Все основные ораторы были заранее определены. И было примерно известно, кто что скажет, а пока что Гроут направлял зал в нужное русло.

– На мой взгляд, причина срыва съезда более чем очевидна. Убедившись в том, что «ассоциация»,

которую инициаторы съезда пытались навязать советским немцам, не будет поддержана делегатами, авторы этой идеи предпочли отказаться от съезда. Я бы заострил внимание делегатов на безобидной, на первый взгляд, анкете, которую каждый из нас заполнял. По сути мы были просто аттестованы. О том, что это грубейшее нарушение демократии, говорить не приходится. Это очевидно. Речь в данном случае о том, что анализ анкет предопределил судьбу съезда. И сделано это руками совминовского оргкомитета, деятельность которого должна быть безусловно приостановлена.

Зал разразился аплодисментами. Это было то, что делегаты хотели услышать. Приостановить! Запретить! Не пущать! Тот, кто не с нами, тот против нас. Ату тех, кто мыслит по-другому.

Генрих Гроут смотрелся на трибуне эффектно. Статный, крепкий, спокойный, уверенный, он артистично овладел вниманием зала. Красили его и шкиперская бородка, и скупые жесты, и не допускающий возражений голос.

– Откуда появилась идея «ассоциации»? Впервые она пришла к нам из недр ЦК КПСС в феврале прошлого года, вскоре после II конференции **ВОСН** «Возрождение». Той самой конференции, на которой мы впервые сформировали радикальную программу дальнейших действий. Эта программа стала естественной и закономерной реакцией на попытки союзного руководства, мягко говоря, обойти решение национальной проблемы немцев СССР.

Выдвигая идею «ассоциаций», руководство СССР скорее всего преследовало две главные задачи:

1) снять с повестки дня вопрос о восстановлении немецкой автономии в Поволжье;

2) блокировать деятельность ВОСН «Возрождение», являющегося постоянным раздражителем Центра по этому вопросу.

Тут опять последовали неистовые аплодисменты. Да, да... именно так! Все козни оттуда – из Центра, от христопродавцев из Оргкомитета, которыми манипулирует ЦК КПСС. Знаем мы их! Но их подлые происки не пройдут. Мы о том догадывались. Мы к этому готовились заранее. Мы предприняли все меры ещё в Новосибирске 2-3 февраля 1991 года. Мы ещё тогда решили, что съезд должен состояться в заявленные сроки при любых – доннер-веттер – обстоятельствах.

Гроут воодушевился:

– Иными словами, мы были готовы к срыву съезда. Справедливости ради должен, однако, сказать, что мы чуть не потеряли бдительность в самый последний момент. Поэтому отмена съезда за четыре дня до его начала, из которых три были праздничными и выходными, была тяжелейшим ударом по нашим и без того не сравнимым с мощью Системы силам. И все же мы приняли вызов. Опираясь на резолюцию Новосибирского совещания, мы сформировали свой Оргкомитет по завершению подготовки Съезда немцев СССР. В него прежде всего вошли штатные сотрудники Правления ВОСН, а также те активисты ВОСН, которые к 7 марта прибыли в Москву. Четверо суток продолжалась телеграфно-телефонная дуэль нового оргкомитета с государственно-административным механизмом и скомпрометировавшимся совминовским оргкомитетом. И все же мы выиграли эту «войну»!

Аплодисменты едва не обрушили потолок зала. Пафос лидера зажег души делегатов. Да, да, да! Мы победители. Некоторые ряды даже вскочили с места и задубасили в ладони стоя.

Эйфория захлестнула оратора. Он выбрал верную тональность. Ветер удачи дует в его паруса.

– Подтверждение тому – ваше присутствие здесь. Решили мы и сверхсложные вопросы проживания

делегатов, помещения для работы, питания, другие организационные проблемы. На все это использованы последние средства ВОСН.

Избрали рабочие органы, утвердили повестку дня, Виктор Дизендорф из Кемерова огласил проект регламента, пастор Готлиб Шимпф прочитал молитву, Александр Мейснер прочитал несколько приветственных телеграмм, поступивших в адрес съезда, с докладом «О путях восстановления государственности немцев СССР в Поволжье» выступил председатель ВОСН «Возрождение» Генрих Гроут.

Потом пошли приветствия и выступления делегатов. Гарри, верный своей привычке, все старательно фиксировал, исписал не один блокнот. Были выступления агрессивные, угрожающие, ультимативные, резкие до неприличия, были и исповедальные, проникновенные, прочувствованные. Трогательным было выступление учительницы Нины Лейман из Алтайского края. Её речь взволновала многих.

– Эмиграция в Германию – сегодня единственный путь к сохранению нашего менталитета. Вам уже известно, каков сегодня этот поток. Я верю в то, что когда-то будет стыдно тем, кто равнодушно взирает на это, кто косвенно подталкивает немца к эмиграции, ничего практически не делая для того, чтобы он остался здесь.

Гарри, слушая темпераментную речь алтайской учительницы, про себя невольно подумал: «Ай, вряд ли кому-нибудь будет стыдно... В России людьми не дорожат. А уж о национальных вопросах и речи нет. Толстокожесть властей поразительна. Конечно, немца-работника, послушного тихоню ещё терпеть можно. Но автономия – это уж слишком. Пусть уж лучше катятся в свой фатерланд. Как-нибудь обойдемся и без немца. «Инородцев», слава Богу, у нас и без него хватает».

Нина Лейман продолжала:

– Мне поручено обратиться и к противникам восстановления нашей государственности на Волге, членам комитетов «Россия» и «Защита». Они прекрасно знают (и пусть знают) о том, что мы не собираемся никого объедать, онемечивать, ущемлять и т.д. Мы хотим, наконец, стать полноправным народом на земле своих предков, хотим вместе с вами превратить эту разоренную землю в житницу на Волге, хотим растить свои национальные кадры и детей с любовью к родному языку, культуре, искусству. Да простит их Бог, и да не пошлет им никогда судьбы, подобной судьбе моего народа. А вопрос сегодня уже в другом: кто останется ждать и как долго будет ждать того часа, когда нас позовут на Волгу?

Сегодня мой народ полузадушен, затравлен, лишен чувства национального самосознания и многих человеческих прав. Не могу сказать об интеллектуальном потенциале моего народа. Ведь целое поколение немцев не принимали в вузы, не допускали в погранвойска, КГБ, военно-политические училища, 15 лет ему запрещали говорить по-немецки. Вот почему сегодня большинство немцев в борозде и на ферме. На одной из встреч с населением мне как делегату было заявлено: «Скажите Горбачеву, чтобы он нас больше не хвалил за то, что мы такой хороший народ. Мы рассматриваем это как оскорбление за свой рабский труд и молчание».

Учительница перечислила требования делегации Алтая:

1. Никакой другой формы немецкой государственности, кроме восстановления Немецкой Автономной ССР на Волге в кратчайшие сроки, нами принято не будет.

2. Немедленные практические меры по льготам трудармейцам. Это мы поддерживаем все, и об этом ещё будет сказано.

3. Немедленная отмена всех позорных указов и других актов унижения и дискриминации не только немцев, но и всех репрессированных народов.

4. Моральная и материальная компенсация немцам, которые подверглись насильственному переселению.

5. Принять конкретные меры по нормальной организации выезда немцев из СССР, чтобы они не проклинали свою бывшую родину – Советский Союз.

Делегат Иван Зауэрвайн из Красноярского края заявил:

– Ещё один удар по советским немцам в виде Национального Совета без территории, и целый народ подводится к роковой черте – исчезновению. Руководители Оргкомитета Вормсбехер, Гаар, Гильц, Фальк и их союзники не могут выражать интересы немецкого народа со своим Национальным Советом, якобы универсальным инструментом для восстановления нашей государственности. Таким организаторам доверять свою судьбу немцы не могут, это – игра.

Весь зал был настроен именно на такую волну.

– Единственным выразителем воли немецкого народа, признанным авторитетом является ВОСН «Возрождение» во главе с Генрихом Гроутом...

Гарри чувствовал себя на съезде неуютно: имя его не называли, не трепали, но он был в числе «и других», которым доставалось сполна за «предательство» национальных интересов. Среди делегатов находились и такие, которые просто щадили его самолюбие.

Разумные слова произнес с трибуны съезда делегат из Барнаула Александр Дитц:

– Жаль, конечно, и больно, что мы не все сумели здесь собраться. Разговор был бы, видимо, ещё интересней.

Невольно вспоминаются мудрые слова академика Д.С. Лихачева: «...это наши немцы, народность, между прочим, никогда России не изменявшая...» А Римма

Казакова выразилась ещё определеннее: «Русские отпускают (или прогоняют?) своих немцев и евреев, а русских тоже начинают гнать кое-откуда. Уедут наши немцы и наши евреи – ведь мы не отмоемся!» Верно подмечено – не отмоется СССР от этого страшного позора.

Запали в душу проникновенные слова Ивана Фризена из города Тула:

– Наши советские немцы были в годы войны не только трудармейцами в сталинских лагерях смерти, но и искренне защищали с оружием в руках Союз, свою Малую Родину. Ваши отцы и братья, с которыми я служил в начале войны, честно сражались. Я имел честь защищать Смоленск и Москву, дважды был ранен. Мне удалось больше года воевать против фашизма, но затем в благодарность за это в течение 10 лет был в лагерях трудармейцев и спецпереселенцев...

Взволновал зал 76-летний делегат из Джамбульской области Конрад Лоскант.

– Мой дорогой безутешный народ, – начал оратор. – Я, Конрад Лоскант, прокурор Автономной Республики немцев Поволжья, был приговорен к смерти, поскольку объявил ложью клеветническое обвинение немецкого народа СССР в пособничестве фашистской Германии. Перед лицом заседания Чрезвычайного съезда я подтверждаю, что это было одним из позорнейших преступлений против нашего народа.

...Не случайно назначен председателем Комиссии по проблемам советских немцев именно Гусев – бывший первый секретарь Саратовского обкома партии, который, понятно, не заинтересован в восстановлении государственности советских немцев в прежних границах. Эта комиссия за годы ничего не сделала. И почему Гусев, которому на III (чрезвычайной) конференции «Возрождение» было выражено недоверие, продолжает возглавлять эту комиссию?

Многие уезжать не хотят. Ведь Родина – она одна у человека. Её не выбирают по своему вкусу и желанию, как не выбирают себе мать. Уж какая она есть, она твоя единственная, ни с чем не сравнимая. Родина – это твоя судьба, доставшаяся тебе на радость и на горе, на все испытания, на счастливые и несчастливые времена быстротечной жизни. Я старый человек, мне 76 лет. Сколько пережил, известно только одному Богу. И самое главное мое желание, главное, что я хочу, – это сложить свои кости на родной земле, рядом с останками своих предков. Миленькие вы мои! Я очень вас прошу: помогите мне в этом.

Точные слова нашел в своем приветствии председатель Куратория по поддержке культуры немецких меньшинств за рубежом Леонард Кошут из Берлина:

– Уважаемые делегаты! Я приветствую съезд от имени Куратория по поддержке культуры немецких меньшинств за рубежом. Вслушиваясь в ход съезда, мы вместе с вами переживаем и боль за трагическое прошлое немцев в СССР, которое требует восстановления исторической справедливости, и боль за сложное настоящее, которое многих заставляет уезжать, и боль за то, что ваши надежды на будущее граничат с бесперспективностью.

Гарри встрепенулся: как он, старый, мудрый знакомец Лео Кошут, полуавстриец, полуукраинец, верно заметил и точно определил бесперспективность надежд. Разделяя боль и тревогу ораторов съезда, Гарри тоже ловил себя на мысли, что едва ли не единственная цель данного чрезвычайного съезда – выпустить пар, выхлестнуть накопившуюся десятилетиями боль, облегчить душу, высказаться предельно откровенно и исповедально, и только, и только... Власти съезд не признают, радио, телевидение, печать молчат, будто ничего и не происходит, конструктива никакого, и перспектив по

большому счету никаких не видно, одни эмоции, одни отравленные горем слова, сплошное подогревание ущемленных чувств, крик души, разжигание страстей. И исподволь становилось ясно: больше всего рвут душу те, кто в душе настроился уехать, уехать как можно скорее в вожделенную Германию, и ор об автономии нужен для отвода глаз, для самообмана, для самоутешения. Но это пока тщательно скрывалось, о том старались открыто не говорить, то было как бы табу. Надо же было как-то оправдать свое будущее бегство из страны. Ну, а о будущем, что граничит с бес-пер-спектив-но-стью, гость из Берлина выразился исключительно точно.

Особенно яростным, темпераментным, до предела всколыхнувшим зал было выступление профессора Регинальда Цильке из Новосибирской области. Под шум, гул, топот зала он сходу принялся разоблачать всех и вся, кто, по его мнению, ставил немецкому движению палки в колеса.

– В очередной раз Кремль плюнул нам в лицо. Ну, неужели все это непонятно Гаару, Вормсбехеру, Гильц? Ведь все мы – живые немецкие люди. Опомнитесь, что вы делаете!

Неужели кто-нибудь думает, что мы так ведем себя, потому что мы какие-то карьеристы, которым нужна власть? Или Гроуту нужна власть? Он имел прекрасную работу, у него есть свое место, и он может жить своей человеческой жизнью. Это же ад, в котором он живет! Этот ад устроил нам Кремль в очередной раз. Вы подумайте, что сейчас творится и что в эти дни пережил Генрих! Я просто не представляю себе, кто из нас мог бы это выдержать. Они же опять себе устроились в креслах, ждут власти, ждут портфелей, 6 месяцев жили, как у Бога за пазухой, все выполнили, что им говорили в Кремле, служили верой и правдой. И, казалось бы, теперь должны хотя бы к съезду нас

привести. Но они почувствовали, что не пройдет все то, что Кремль задумал.

Доктор наук, профессор биологии Регинальд Цильке легко воспламенялся на трибуне, говорил эффектно, свободно, без бумажки. Внешне яркий, стройный, легкий, курчавый, вдохновенный, он артистично овладевал вниманием аудитории. Его бесстрашие на грани бесшабашности нравилось делегатам. Ему верили, за ним шли. Он производил впечатление опытного трибуна, своего в доску.

– Что мы тут слова подбираем такие нежные: Михаил Сергеевич Горбачев, уважаемый, дорогой наш человек, Президент, Генеральный секретарь? Ничего в нем не изменилось, он как был большевистский антихрист, так и остался им!

Одобрительный гул прокатился по залу, неистовые аплодисменты заглушили оратора.

– Во даёт!

– Ничего не боится!

– Вот это профессор! Чихать он хотел даже на генсека!

Регинальд Цильке вошел в раж, весь пламенел, его уже неудержимо понесло на крыльях праведного гнева.

– Нельзя верить и в Ельцина – он такой же был, есть и будет. Но ведь речь не об этом идет. Я хочу честно высказать, что думаю. Речь идет о том, что мы находимся на грани как нация, повторяю – это фундаментальная проблема.

Гарри этот профессор нравился. Он прекрасно понимал, каких усилий и треволнений стоило сыну учителя, прошедшего через все унижения комендатуры, достичь высокой научной степени и профессорского звания. Был Регинальд всего года на два старше Гарри. И, понятно, преград на его пути было ещё больше. А он сумел их все преодолеть. Значит, даровитый, башковитый человек, да ещё с хорошей закалкой, характером, норовом. На блю-

дечке ему никто ничего не подносил. Гарри знал творчество его отца – поэта Александра Цильке. В стихах Цильке старшего ощущались талант, любовь к родному языку, ко всему немецкому, культура и благородство. По слухам, он был прекрасным учителем. А сын его обладал ещё неуемным гражданским темпераментом, чуткой душой, болью к трагедии своего народа.

Так получилось, что они – Регинальд и Гарри – между собой особенно не контактировали, не сближались. Лишь однажды решением конференции «Возрождение» им было доверено отредактировать какие-то документы, которые надо было вручить Рафику Нишанову. Встретились в условленном месте, в каком-то общежитии, отработали резолюцию конференции и отправились в Кремль. Разговор был о том, о сем, оба были на «вы», но, казалось, испытывали взаимную приязнь. Выяснилось, что Регинальд не однажды бывал в ГДР, увлечен своей агрономией, читает лекции. Никаких экстремистских, диссидентских замашек Гарри в нем не заметил. Доброжелательный, деликатный, симпатичный человек.

Увидев длинную очередь к мавзолею Ленина собеседник усмехнулся:

– Вот дурачье! По-прежнему боготворят высохшую мумию. Ничему не научились! Вот и вся перестройка!

Презрительно отозвался Регинальд и о памятниках вдоль Кремлевской стены.

Гарри промолчал. Он был воспитан в уважении к Ленину, да и к некоторым большевикам не был настроен отрицательно. Тут их мнения, судя по всему, расходились.

Рафик Нишанов, председатель Совета национальностей, принял их любезно и с истинным узбекским радушием. Тут же за столиком появился ароматный чай, конфеты, печенья, изюм, курага. Он охотно продемонстрировал свою осведомленность в

немецком вопросе, бегло просмотрел резолюцию, сочувственно закивал головой.

– Да, да... Прекрасный народ! Работящий! Горы свернет! Надо, надо... восстановить справедливость. Затягивать дальше уже нельзя. Ваши документы будут тщательно изучены и переданы, куда надо.

Уютно, опрятно было в кабинете Нишанова. Будто в узбекской чайхане. Хозяин блаженствовал. Юная узбечка-секретарша бабочкой порхала вокруг. Ни одного слова не проронила. И чай, и восточные сладости были отменны.

Задерживаться, однако, не стали. Неприлично злоупотреблять гостеприимством важного государственного мужа. Документы сдали, задание конференции выполнили, пора и честь знать.

Уже когда спустились вниз и подошли к Спасским воротам, Регинальд сказал:

– Врет все!

– Кто?

– Да этот Рафик, пошел он на фиг! И немецкий вопрос, и наша резолюция, и мы сами ему до лампочки. Пьет свой чай и сладко жмурится на юную секретаршу, как сытый кот на солнцепеке.

Гарри промолчал. У «Минина и Пожарского» простились...

Регинальд гремел на трибуне.

– Все, что веками происходило в России после того, как наши предки появились здесь, никогда не было справедливым, потому что на этой земле с человеком как с христианином, человеком, которому жизнь дана от Бога, никогда не считались. Русский, немец, киргиз, кто бы он ни был в России, – это человек на последнем месте. Большевики показали себя: 70 лет ига коммунистического, 70 лет разрушения человеческой личности.

Аплодисменты следовали за аплодисментами. Профессор накалил зал до предела. Съезд превратился в митинг.

– Ситуация плачевная, а эмиграция неизбежна. Эмиграция – трагедия, это я знаю по своим близким. Это страшная трагедия для любого народа, для любого человека. Но жить в стране, где ты постоянно преследуешься, где постоянно не считаются с твоими элементарными правами,– это тоже не жизнь. Меня только удивляет, почему советская пресса, мировая пресса не дает объяснений. Если кто-то здесь есть, передайте на весь мир!

– Пусть они угробят нас (они могут ещё нас угробить),– продолжал профессор Регинальд Цильке, – но они никогда не угробят дух, который останется в наших потомках. Пусть они рассеют нас по всему миру теперь, но ответственность перед историей будут нести великие диктаторы и тираны, а здесь тысячи и тысячи тиранов! Перед моими глазами те кости, которые выкапывали недавно на целине. Немцев привозили с Волги, бросали их в стужу, сорокаградусный мороз (вы читали в «Нойес Лебен»?), и сейчас детские косточки, ребрышки выкапывают.

А они сидят на Миусской – наш оргкомитет – и все время хлопают Центральному Комитету. Стыд и позор! Только свобода и равенство нас могут спасти. Только равенство и свобода!

Это была истинная эйфория. Зал неистовствовал. Аплодисменты не смолкали. Разгоряченный Регинальд Цильке сошел с трибуны триумфатором, героем дня.

И, чутко уловив, атмосферу зала, Генрих Гроут объявил перерыв. Делегаты выходили в фойе, готовые ринуться в любую драчку. Только драться было не с кем. Знакомый журналист из «Нового времени», проходя мимо Гарри усмехнулся: «Ну, разбушевались немцы!..»

Владимира Аумана, члена Оргкомитета и ответственного работника ЦК КПСС по международным отношениям, верноподданные и не в меру ретивые церберы Гроута не хотели пустить даже в зал. Он

никого, кроме самого себя, не представлял, был делегатом, но регистрироваться принципиально не хотел, что гроутовцев особенно сильно раздражало. Ну, как же! Коммунист, работник ЦК, член Оргкомитета, а съезд чрезвычайный не признает! Но Владимир Андреевич все четыре дня присутствовал на съезде, держался достойно и независимо, а на исходе третьего дня работы съезда даже пробился на трибуну. Зал шумел, топал ногами, освистывал его. Но он сказал то, что посчитал нужным сказать.

– Прошу меня выслушать. Я не столь наивен, чтобы выступать здесь от имени КПСС. Я утверждаю, что людей, свободных от национального чувства, нет. Поэтому я выступаю как немец. Я не зарегистрировался, так как вхожу в оргкомитет. Я признаю, что вы «растерли» оргкомитет.

Зал при этих словах рассвирепел, зашумел, захлопал оратора. Председательствующий был вынужден просить делегатов проявлять уважение к выступающему. Некоторые в ярости никак не могли успокоиться. Как? Неужели мы должны слушать отъявленного коммуняку, «чужака», из тех, кого надо выгонять поганой метлой.

Ауман ждал, пока немного утишится разъяренный зал.

– Легко обозвать кого-то, но трудно потом опять сойтись. Меня критиковали товарищи Цильке и Гроут, но я не отвечал, чтобы не вносить в наше движение раскол. Счастье, что мы уже не немые. Это видят и на это реагируют. Думаю, что через 9 месяцев ничего не произойдет, вопрос об автономии не решится за 6-9 месяцев. Вы спросили другие страны, согласны ли они принимать российских немцев? Здесь всегда будут жить немцы, и о них надо подумать. Даже если мы будем уезжать по 150 тысяч человек в год, то эмиграция растянется на 50 лет. Вормсбехер первым ходил по инстанциям, но он бросается из стороны в

сторону. Может быть, и у Гроута не хватит сил. Надо думать об общенациональной проблеме, необходимо позаботиться обо всех немцах, чем и занимается оргкомитет.

Все эти дни, пока шел съезд, каждый вечер звонил Гарри из Алма-Аты Эдуард Айрих. Старый борец, активист-автономист, член Оргкомитета, не находил себе места. Что происходит? Кто с кем? Из-за чего сыр-бор? Почему на таком судьбоносном съезде он, трудоармеец, заслуженный человек, не присутствует? Что делать? Немедленно вылетать или отсиживаться в ожидании следующего съезда, инициированного ЦК КПСС? Отчего раскол? Что за страсти? Кто прав – Гроут или Раушенбах?

Гарри честно докладывал обо всем, что происходит на съезде, не скрывал, что тональность выступлений он не разделяет, что съезд официально не признают, его печать замалчивает, что основной съезд впереди, и «немецкий вопрос» решат не Гроут и его нетерпимые сторонники, что он, Гарри, не хотел бы, чтобы такой авторитет, как Айрих, присутствовал на этом экстремистском сборище.

Однако, чувствовалось, что Эдуард Фердинандович мыслил по-иному, ему по душе был отчаянный поступок Гроута, и он должен быть на этом съезде и сказать открыто и честно свое веское слово. Он рвался в Москву. И вылетел срочно. И успел к утреннему заседанию четвертого дня работы. И выступил. И ещё более всколыхнул зал.

Крутогрудый, плотный, большеголовый, внушительный Эдуард Айрих прекрасно смотрелся на трибуне. Среди немцев он обладал почти непререкаемым авторитетом.

– Перед вами – человек, который прошел через изгнание из Красной Армии после военного училища, переселение в Красноярский край, 5 лет трудармии на Урале, 10 лет в местах спецпереселения, 2 года назад

был реабилитирован. Почему товарищ Цильке раздает ярлыки о предателях своего народа? Разве я, как член оргкомитета, предатель? Или писатель Г.Бельгер, редактор «Дойче Альгемайте» К.Эрлих, Р.Корн – предатели? По сути дела я говорил делегатам трех конференций, членам Совета ВОСН «Возрождение»: в Обществе есть стремление к расколу, а моя задача – объединить.

Позвольте зачитать лично заявление.

«1. На заседании оргкомитета 1 марта с.г. я почувствовал, что руководители оргкомитета товарищи Раушенбах, Вормсбехер и Гаар в своих выступлениях что-то недоговаривают относительно возможности переноса срока проведения Съезда. Создалось также впечатление, что они располагают какой-то информацией, но не хотят этой информацией поделиться с рядовыми членами оргкомитета. Поэтому считаю, что товарищи Раушенбах, Вормсбехер и Гаар являются совместно с товарищем Гусевым прямыми виновниками всей той неразберихи, которая произошла с нашим съездом.

2. Не желая быть марионеткой в руках Государственной комиссии по просьбам советских немцев, считаю для себя невозможным в дальнейшем быть членом оргкомитета. Призываю остальных членов оргкомитета по данному вопросу в ближайшее время определиться.

3. Прошу президиум считать меня делегатом настоящего съезда, так как мандат на Съезд я получил не от оргкомитета, а от избирателей-немцев города Алма-Ата».

Последовали бурные аплодисменты. Эдуард Айрих без обиняков сказал то, что хотели услышать делегаты чрезвычайного съезда.

– Если делегация съезда будет принята Президентом СССР, то пусть она задает вопрос: неужели мы, советские немцы, превратились в отработанный

продукт атомного распада, который некуда девать? Хочется спросить и корреспондента Агаева из «Известий»: по какому закону наш народ уже 50 лет находится в ссылке?

Тут же из зала, пока грузный Айрих спускался с трибуны, подали голос:

– Предлагаю, чтобы Обращение к Президиуму СССР передала группа делегатов во главе с товарищем Э. Айрихом.

Зал одобрительно бушевал ещё долго. Выступление Эдуарда Фердинандовича обсуждалось в кулуарах и произвело фурор.

Гарри был обескуражен: неожиданно надежный, верный товарищ, единомышленник, сосед по местожительству, дважды земляк – по Волге и Казахстану, оказался по другую сторону баррикады. Все эти годы они были не разлей вода. Заботились друг о друге, часто общались, в Москву летали вместе, жили нередко в одном номере, делились сокровенным, искренне почитали друг друга, и вот – на тебе! – чрезвычайный съезд немцев разделил их, нежданно-негаданно они оказались в разных станах.

Впервые в Алма-Ату они возвращались врозь. И некоторое время избегали друг друга. Получилось совсем уж скверно и тягостно.

Съезд подходил к концу. За четыре дня выступило человек восемьдесят, были зачитаны множество одобрительных приветствий, приняты разные документы-обращения, резолюции, декларации, одобрены протоколы, проекты постановления, высказаны разумные идеи, оглашены телефонограммы.

Съезд завершился молитвой и проповедью пастора Готфрида Шимпфа из Киргизстана на немецком языке.

В декларации чрезвычайного съезда было заявлено:

1. Антиконституционные акты, в результате которых АССР немцев Поволжья фактически перестала существовать, а другие национально-территориальные образования немцев СССР были ликвидированы, являются не имеющими законной силы с момента их принятия.

2. АССР НП продолжает существовать де-юре в прежних границах.

3. Необходимо безотлагательное восстановление Республики де-факто.

Съезд считает необходимым полное информирование широких слоев населения страны об истории и культуре немцев СССР.

Съезд немцев СССР со всей ответственностью заявляет, что в АССР немцев Поволжья при ее фактическом восстановлении всем жителям независимо от их национальной и расовой принадлежности, социального положения и вероисповедания, будут обеспечены равные гражданские права и политические свободы.

АССР НП была и будет неотъемлемой частью России, политическим, национальным, культурным центром всех немцев СССР.

Москва, 13 марта 1991 г.»

VII. ЧУЖОГО ГОРЯ НЕ БЫВАЕТ

Чрезвычайный съезд советских немцев в Москве официально не был признан, власти не посчитали его полномочным, это был, как выражались остряки, полусъезд, однако в истории немецкого движения в СССР он сыграл огромную роль. Он всколыхнул немцев, взбудоражил онемевшие души, возродил задавленный дух национального самосознания, выплеснул затаенную боль народа, выявил немалый отряд смелых до отчаяния активистов – народных заступников, обозначил новые горизонты и перспективы.

Да, немцы уезжали, уезжали сотнями, тысячами, спешно заполняли многостраничные антраги, за одним немцем следовала в неведомый фатерланд его

многочисленная инородная родня – русские, украинцы, узбеки, казахи, киргизы, и Германия насторожилась: о, Готт, как мы их всех примем, где расселим, думали, что российских немцев максимум два миллиона, а у этих двух миллионов родни ещё пять-шесть миллионов. Майн либер Хайланд! Ужас! Этому конца и краю не будет. Разве мыслимо так широко раскрыть германскую калитку?! Это же нашествие гуннов! Потоп!

Эмиграцию остановить было уже невозможно. Но ожидание, надежда остались. И они были связаны со встречей с Президентом СССР, с полномочным съездом, который поддерживался всеми структурами высшей власти. Как всегда, надежда умирала последней.

Отголоски Чрезвычайного съезда немцев СССР вскоре сказались в самой далекой глухомани империи, где только обитали немцы. Тихие, послушные, они вдруг ожесточились. Раздрай, разлад почувствовались везде и во всем. Те, что настроились на выезд, решительно приняли сторону Генриха Гроута; сыр-бор, наметившийся в немецком движении был им на руку, те же, что связывали свою судьбу с автономией на Волге, пришлись им теперь не по душе, раздражали их, мешали их ясным планам. Расслоение произошло в немецких культурных центрах, в редакциях, в Немецком драматическом театре, на радио и телевидении, в рабочих коллективах, даже в молельных домах. Никогда не представлял Гарри, что в тихих немцах накопилось столько ярости, нетерпения, скрытой агрессии, неутешных обид. Судьбы у большинства соплеменников в действительности были истоптаны, изуродованы, искалечены. В кулуарах съезда, во время перерывов Гарри наслышался столько трагедий, неурядиц и несправедливостей, столько издевательств над женщинами и детьми, над мужчинами, честно воевавшими на войне и отдавшими

жизни в трудармиях, на выселении, что душа его содрогнулась, и он в который раз убедился, что горе его сокровников после 1941 года было неслыханным, беспредельным. Стало очевидным, что за эти пятьдесят лет (полвека!) советские немцы сполна хлебнули всевозможные напасти – горе, зло, лишения, нужду, голод, измывательства, ограничения,– что чаша оказалась переполненной, и утешить эту вселенскую боль было невозможно. Ни возрожденная автономия, ни полная реабилитация, ни эмиграция, ни вожделенный германский рай, ни вымечтанное в фатерланде благоденствие вряд ли были в силах развеять эти ставшие генетическими национальные боль и скорбь.

Выходило, что судьба оказалась благосклонной к Гарри. Он вырос при родителях, не изведал голода и надругательств, жизнь в казахском ауле обернулась его спасением, его никто не унижал, не оскорблял, не обижал, наоборот, он рос аульным любимцем, никто его и пальцем не тронул за то, что он относился к другому роду-племени, среди сверстников-казахов он был свой, равный из равных, и у него не было повода обозлиться, ожесточиться, замкнуться, на всех вокруг смотреть затравленным зверьком и упиваться бесчисленными обидами. Душа его не была изломана, изуродована. Он любил людей, и его любили. И, может, потому он был исключением среди большинства его соплеменников. Об этом постоянно думалось на конференциях и съездах, когда он слушал душеизлияния своих на всю оставшуюся жизнь обиженных, подбитых сокровников. Немецкая проблема заострилась, как никогда. Можно было подумать, что на проблемах советских немцев свет клином сошелся. И если жить одними этими вопросами, то не мудрено было свихнуться. Но в стране было много других, не менее важных проблем. Везде обострились межнациональные отношения. Неспокойно было во всех республиках. Все громче говорили о суверенитете.

Страсти разгорались в парламенте, в правительстве. Все яростнее становились нападки на КПСС. Политические распри раздирали страну. Чувствовалось, что монолитная некогда империя трещит по швам, что Горбачев в растерянности, кое-кто заблаговременно покидает шаткий корабль. Диссидентство набирало силу. Народ жаждал свободы, крупных перемен. По-старинному никто уже жить не хотел. И в Казахстане все круче становились мятущиеся волны. Всё в одночасье стало зыбким и неопределенным. Многолетние обиды, недоразумения, несуразности, недосказанности разом выхлестнулись наружу. Из партии КПСС начали выходить толпами. Ругали все подряд – партию, советскую власть, конституцию, былое и настоящее, законы и порядки. Митинговали по всякому поводу. Всё громче издавался многоголосый ор: «Долой!» Каждый божий день проходили бесконечные заседания в Верховном Совете, в Правительстве, в Союзе писателей, возникали новые партии и движения, яростно и раскованно (порой развязно) обсуждались злободневные вопросы, в газетах появились ошеломительные, зубодробительные статьи, появились бесшабашные, горластые лидеры во всех сферах жизни. Эта всеобщая волна захватила, увлекла и Гарри, и он с головой окунулся в эту стихию. И на фоне всего происходящего во вздыбленном обществе «немецкие вопросы» казались не столь существенными, далекими и – честно говоря – нереальными, бесперспективными. Казалось, что наступают глобальные потрясения, в вихре которых утонут всякие локальные национальные вопросы...

И ещё казалось, что «немецкий вопрос», кроме немцев, никого не интересует. Друзья-казахи нередко искренне спрашивали у Гарри: «Ей, осы сендерге не жетпейді?! Живете лучше всех. А за спиной – сытая обеспеченная, благополучная Германия. Она вас не отталкивает. Чего вы-то шумите?!»

Объяснять надо было долго. И все равно всем все не объяснишь. Гарри объяснял: «Помните песню: «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз»? А теперь какой адрес, когда все разваливается? Где обиталище российского немца? А должно быть у него пристанище?!»

Задумывались. Говорили: «Так-то так. Но вы в любое время можете уезжать на родину предков. Вам есть куда уезжать. А куда податься бедному казаху?»

У каждого своя была печаль.

Но оказалось, что советские немцы никак не одиноки. Их беды знают, их горе разделяют, их проблемам сочувствуют.

Москвичка Ида Бастрон, родом из костанайских немцев, дама смазливая, пробивная, общительная, по собственной инициативе, не состоя ни в какой организации, не примыкая ни к какому течению, с диктофоном в руке и с обаятельной улыбкой на устах обошла известных деятелей культуры и задавала всем один и тот же вопрос: «Как вы относитесь к восстановлению АССР советских немцев?» Вопрос был один, а ответов тридцать три. И какие ответы! Какие проникновенные слова в адрес советских немцев прозвучали! Ида их публиковала на страницах «Нойес Лебен» и «Фройндшафт», а вслед за этим издала отдельной книжкой на русском и немецком языках. Книжка вышла в Москве под названием «Тридцать три ответа на один вопрос» в 1991 году. Это было поразительно актуально! Тридцать три писателя разных национальностей, проживающих в разных регионах страны, убежденно, со знанием дела, горячо, положительно, одобрительно ответили на этот вопрос, выказывая любовь, сердечную доброту и глубокое уважение к немецким собратьям. Среди отвечающих были Ч. Айтматов, С. Баруздин, З. Богомолова, И. Драч, Р. Казакова, И. Калинин, С. Капутикян, В. Быков, А. Вознесенский, Н. Гилевич, А. Кекилбаев, К. Мумин,

Д. Кугультинов, М. Курганцев, А. Наумов, В. Озеров, Б. Окуджава, А. Омарова, Л. Ошанин, О. Попцов, Т. Пулатов, Ю. Рытхеу, В. Савельев, С. Самсонов, В. Санги, В. Сергеев, К. Скворцов, В. Тельпугов, Г. Толмачев, В. Цыбин, Л. Щипахина.

Все нашли теплые, добрые, душевные слова о советских немцах. Слова поддержки этих популярных личностей красноречиво говорили о том, что идея восстановления законной государственности немцев в СССР была отнюдь не праздной затеей горстки народных заступников, ходатаев и донкихотов.

Немцы ликовали: нет, мы не одни, нас понимают, нам сочувствуют, ибо действительно, чужого горя не бывает...

...О предстоящей встрече «в самом верху» поговаривали давно. О том открыто говорили и члены Оргкомитета по подготовке съезда немцев СССР, и Председатель Государственной комиссии по проблемам советских немцев В.К. Гусев, и председатель Оргкомитета академик Б.В.Раушенбах, и наиболее осведомленные журналисты.

«Вот-вот,– шептались на очередных заседаниях Госкомиссии, на участившихся московских сборах членов Оргкомитета,– Михаил Сергеевич согласится принять делегацию. Предстоит серьезный, судьбоносный разговор. Президент намекнул о том при случайной встрече с Раушенбахом, которого почитает. Будьте готовы. Вас могут вызвать со дня на день».

Ожидание затянулось. Время шло. Порой казалось: опять высокопоставленные «благодетели» все заволокитят. Доброго и мудрого Президента опять сбивают с толку разные шептуны. А тут ещё произошел раскол между членами Оргкомитета по подготовке столь желанного съезда немцев СССР. Наиболее радикальная часть членов во главе с напористым, крутонравным Генрихом Гроутом совершенно не уповала на встречу с Президентом, полагая, что от

него нечего ожидать, он наверняка все заболтает; нечего особенно церемониться и с секретарями Саратовского, Волгоградского областей, они – и так ясно – принципиально против восстановления автономии; такого же мнения очевидно придерживаются и секретари ЦК КПСС; все они одним миром мазаны, надо проводить первый съезд немцев собственными силами, навязывать этим чинушам-мастодонтам свою волю, продемонстрировать единство, сплоченность народа, добиться своей цели не с их помощью, а вопреки им, заставить всю систему, весь этот режим считаться, наконец, с желанием поруганного народа. Гроут перетянул на свою сторону много активных и влиятельных членов Оргкомитета. К «умеренным», большинство которых было членами партии и обладало определенным общественным весом, они относились скептически, раздраженно, считая их приверженцами власти, способными лишь идти послушно на поводу высокого начальства, которое их непременно околпачит, обмишулит, как неразумных, наивных детей.

Гарри были по душе многие «гроутовцы». Симпатичен ему был и сам Генрих Генрихович. Обаятельный, целенаправленный, крутой мужик, сильный духом, напористый, твердый, с неизменной улыбкой на открытом, обрамленном бунтарской бородой приятном лице. Вокруг него толпились горячие молодые люди, образованные, резкие в выражениях, неистовые, готовые к решительным действиям, умеющие повести за собой людей, нетерпимые ко всяким осторожностям и полумерам. Среди них находились и вовсе башибузуки-бунтари, которые убежденно считали, что не с Президентом страны нужно встречаться, а вывести народ на Красную площадь и ничего не просить, а требовать, показать зубы, как это делают чеченцы, ингуши, крымские татары и что более деликатно получается у прибалтов.

Гарри не был способен к такому радикализму. Он тянулся в стан «умеренных», к академику Раушенбаху, к профессору Рейтеру, к старому автономистскому волку Вормсбехеру, к декану Томского пединститута Бауэру, к искусствоведу Виндгольцу, к пилоту-депутату Фальку и к другим, которые надеялись достичь вожделенной цели в контакте с разумной властью.

Раскол назревал среди немцев неминуемо, и Гарри это угнетало, обескураживало, глубоко расстраивало. Он чувствовал, что раздрай пускал корни даже среди самых близких его друзей-единомышленников. И Эдуард Фердинандович Айрих, человек-глыба, легендарный тренер чемпионов-хоккеистов, волжанин-трудармеец, и Константин Эрлих, с юных лет ратовавший за историческую справедливость в немецком вопросе, убежденный культуртрегер и воитель, главный редактор «Дойче Альгемайне Цайтунг», влиятельный, молодой красивый человек с эффектными манерами исподволь тяготели к неистовому Генриху Гроуту и к членам Оргкомитета, уповавшим на встречу с Президентом, относились сдержанно, недоброжелательно. Вскоре Гарри узнал, что в Москве подготовлен список двенадцати членов Оргкомитета, которых в скором времени примет Президент СССР. В этом списке не оказалось ни Айриха, ни Эрлиха, ни многих других достойных людей.

Было досадно. Ясно было, что это приведет к недоразумениям, кривотолкам, к разладу. Особенно огорчительно это было в канун ожидаемого съезда.

Раздрай – чувствовалось – был властям на руку. Нечто подобное было апробировано и среди крымских татар. Можно было догадаться, что «умеренной» частью советских немцев искусно манипулируют отделы Центрального Комитета партии, а радикалами – Комитет Глубокого Бурения. К сожалению, сами немцы не догадывались, какие силы заинтересованы в расколе и без задних мыслей позволяли невидимым

«благодетелям» вести себя на коротком поводке. Страсти накалялись стремительно. Возникали бесчисленные группировки и течения. Одни искренне ратовали за восстановление былой автономии на Волге. Другие грезили об автономии, но только не на Волге. Украинские, крымские, кавказские выходцы особой благосклонности к волжанам не питали. Часть немцев и вовсе была равнодушна ко всей автономистской возне и приезжала в Москву под шумок, чтобы пооколачиваться возле Германского посольства, заполнять антраги и похлопотать о выезде на родину предков. Ещё одних привлекал сам процесс – шум и ажиотаж вокруг национальных проблем. Были и такие, которые исподволь прорабатывали идею об отъезде в Кенигсберг – в Калининградскую область, поближе к Западу, собираться там в изрядном количестве и потом уж наверняка поднять вопрос об автономии. Многим это почудилось наиболее реальным выходом. Зачем, мол, нам опять обустраивать запущенное, захламленное Поволжье, где уже не развернуться, не возродить былой дух и славу. И где гарантия, что когда наш немец все там обустроит и облагородит, опять какой-нибудь реформатор-самодур не сошлет всех куда-нибудь на Дальний Восток или в Черные и Красные пески. А Кенигсберг – это надежно, это Запад, который в обиду нас не даст.

И такие были разговоры. Смута углублялась.

VIII. У ПРЕЗИДЕНТА СССР

Телеграмма пришла неожиданно: «Срочно выезжайте. Встреча намечается седьмого мая в одиннадцать часов».

В самолете Гарри почувствовал себя неважно. Ни с того, ни с сего заныло сердце и было непривычно тесно в груди. Раньше такого он не испытывал.

До штаба Оргкомитета он добирался на метро с пересадками часа два. Там все бурлило. Готовились какие-то документы. Распределялись роли: кто о чем будет говорить. Важно быть максимально сосредоточенным, лапидарным, не подаваться эмоциям. Точно формулировать свои мысли. Иметь при себе четкие тезисы. Укладывать речь в две-три минуты. Совсем не обязательно, чтобы выступали все двенадцать человек. Все в курсе дела. Всем все ясно. Самое важное – выслушать Президента и тех высокопоставленных товарищей, которые будут на встрече. Прессы, телевидения не будет и протокол вести не будут, а потому важно, чтобы двое из присутствующих максимально подробно вели запись беседы. Решили: «Пусть это берет на себя Гарри. У него это получится. И ему поверят все. К тому же, кто знает, может, он в будущем напишет роман. Ему и карты в руки».

Гарри согласился.

Ещё два часа – и опять-таки на метро – он добирался до дочери и внука. В метро совсем стало худо. Сердце подкатывало к горлу, ноги становились ватными, кружилась голова. Казалось, он вот-вот рухнет. После метро предстояло ещё ехать пять-шесть остановок на автобусе. Рюкзак показался неимоверно тяжелым. Сердце взбунтовалось, опухло, колотилось, трепыхалось. Никаких лекарств с собой не было. Гарри охватил липкий страх. Он видел себя лежащим на грязном полу, с рюкзаком, с «дипломатом», с палкой в руке, с ужасом представил себе, как его будут вытаскивать из автобуса чужие люди и поспешно укладывать на скамейку или обочину дороги.

Еле добрел-дотащился до нужного корпуса, до лифта, поднялся на шестой этаж, нажал на кнопку, чувствуя, как темнеет в глазах.

– Деда, деда,– залопотал-заликовал трехлетний внук.

– Папа! Наконец-то! – кинулась на шею Иринушка.

Через полчаса сердце успокоилось, будто ничего и не было. И Гарри наслаждался радостной встречей, выложил все гостинцы из рюкзака, усадил внука на колени, насладился фирменными блинчиками зятя, стал слушать сбивчивые рассказы дочери, налюбовался коллекцией машинок внука, радовался уютом, чистотой ухоженной, красиво обставленной квартирки.

Предстоящая встреча в Кремле с президентом страны, обрадовала и близких. Что ни говори, а с Президентом встречаются не каждый день.

Утром Гарри отправился в путь пораньше. Уговор был собраться у Спасских ворот минимум за полчаса.

И когда уже всем вручили пропуск, и делегация молча прошла через Спасские ворота, Гарри опять почувствовал острую боль в груди и обессиливающую слабость в ногах.

– Ребята, что-то сердчишко ёкает...

Тут же трое услужливо протянули валидол и нитроглицерин.

Все были сосредоточены, серьезны.

Молча поднялись по широкой парадной лестнице, устланной коврами.

Внизу, у входа, толпилась ещё одна шумная группа сплошь в казачьей форме.

– А эти куда? Нас, что ли, сопровождают?– спросил кто-то нервно, по-немецки.

– Нет. Они на прием к Янаеву собрались. Свою справедливость ищут.

Шли вверх, как на эшафот.

– Шаг влево, шаг вправо, стреляю без предупреждения, – пошутил кто-то, снимая нервное напряжение.

Действительно: трудармейцы под конвоем.

Неопределенность сковывала.

Потом долго, гурьбой, поглядывая на часы, шли по длинному коридору. Боль в груди Гарри улеглась, но в ушах шумело и каждый шаг давался через силу. Больше

всего он боялся, что отстанет от группы. Прибавили шаг. До назначенного времени оставалось минут десять-двенадцать.

Из бокового кабинета, улыбаясь, широко раскинув руки, вышел навстречу Рафик Нишанов. В русской речи его чувствовалась узбекская сладость.

– О, братья мои, пришли? Все в сборе? Приветствую вас! Президент ждет вас. Только не здесь, а в том крыле. Пойдемте!

Повернули и опять потопали по нескончаемому коридору. Кто-то едва не сорвался на трусцу.

– Ничего, ничего... – успокоил Рафик Нишанович.– Успеем...

Успели. Все дышали, как загнанные лошади. Шествие замыкал Гарри. И через «дугу» он прошел последним, торопливо вынув из кармана ключи и мелочь.

«Дуга» издала дребезжащий звон.

– Пройдите, пожалуйста, ещё раз,– вежливо предложил охранник. – Можете без трости?

Гарри положил на стойку трость с медным набалдашником.

«Дуга» опять прозвенела.

– У вас что, протез? – спросил охранник.

– Нет, ортопедическая обувь...– растерялся Гарри.

Мелькнула мерзкая мысль: неужели при всех заставят разуться?

– Извините, пройдите,– смилостивился офицер-чекист.

В просторной приемной малость отдышались. У двери, возле окон, у столов застыло несколько строгих, подтянутых молодцов.

Ровно в одиннадцать часов распахнулась дверь в зал. Быстро расселись за длинным столом. Перед каждым лежали отточенный карандаш и глянцевый блокнот «Москва». Возле окон с роскошными шторами, на

обитых кожей стульях сидело человек шесть. Все в костюмах, в галстуках, тоже сосредоточенные и серьезные.

– Ого! Солидная делегация,– нарушил тишину Гиренко (Гарри узнал его по портрету в газетах).– Гуртом и батьку легче бить.

Никто на его шутку не отреагировал.

Гарри повел взгляд вдоль стола. Его соплеменники застыли в ожидании и, казалось, даже не дышали. Абсолютно непроницаемым оставался один академик Раушенбах. У остальных был бледный вид.

В пять минут двенадцатого из боковой двери стремительно вышел Президент, улыбнулся, поздоровался, сел в кресло в торце стола. Кто-то положил перед ним лист бумаги с фамилиями участников встречи.

Горбачев чуть скосился на лист, быстро оглядел собравшихся.

– Я так понимаю, что эта встреча назрела давно. – Он посмотрел на академика Раушенбаха. Тот едва кивнул массивной головой. – Но жизнь наша такая. В дефицитах. В том числе и в этом. – Президент вздохнул, сделал короткую паузу. – Как построим разговор?

И опять посмотрел одобряюще на академика Раушенбаха.

Раушенбах глухо заговорил:

– Мы очень благодарны, что Вы, уважаемый Михаил Сергеевич, нашли время для насущного разговора с нами. Проблема есть. И дальше откладывать ее нельзя. Среди немецкого населения в стране начинается эмиграционный вал. Массовый исход немцев, полагаю, никак не идет на пользу стране по всем параметрам.

Горбачев мягко перебил академика:

– И вы имеете здесь в лице Президента людей, которые не хотят, чтобы вы уезжали.

Раушенбах, не торопясь, основательно, начал разворачивать свои тезисы:

...Нет ни одной школы по всей стране...

...Нет учебников.

...Нет учителей.

...Затягивание решения немецкого вопроса не выгодно экономически, морально позорно, фактически имеем дело с дискриминацией.

...Проблема перестала быть немецкой. Она превратилась в общегосударственную. Немцы настроились на эмиграцию. Потеряли веру. «А мы уезжаем до дома, до хаты». Многие связывают свое будущее с Германией, откуда предки уехали в Россию более двухсот лет назад.

...Немцев приглашают многие. И Ульяновск, и Одесса, и окрестности Ленинграда. Порядочные работники всюду нужны. Но это не решение вопроса. Нет государственности – вот в чем вопрос. Нет полной реабилитации. Чувствуется противодействие особенно партийно-советского аппарата на Волге. Им наплевать на страну. Там руководствуются локальными интересами.

Спокойный, ровный поначалу тон академика становился все жестче. Выражение добродушного лица изменилось. Складки, морщины резче обозначились.

...Как снять напряжение? Надо объяснить российским немцам: то, что вы ищете на чужбине, вы получите сполна, в полной мере здесь. Государственность, университет, гарантированное будущее. Подлинное равноправие.

...ФРГ, конечно, поможет. Но им нужно знать, куда уходит помощь. На какие конкретные цели. Разгильдяйство там не терпят. Немцы, как вам известно, народ конкретный. И цену копейке знает.

– Есть программа восстановления республики? – спросил Горбачев.

– О том скажет следующий товарищ,– тотчас отозвался Раушенбах.

Откашлялся Вормсбехер, готовясь к своей части выступления.

– Азербайджанцы и армяне в семьях договариваются ночью,– заметил с улыбкой Горбачев.

Вормсбехер, заглядывая в бумажку, заговорил короткими рублеными фразами.

...На повестке дня стоит восстановление государственности советских немцев. Все упирается именно в это.

...Восстановление национальных районов там, где сохранилось компактное проживание немцев.

...Далее: удовлетворение национальных запросов в области культуры. То, что сделано по этой части до сих пор,– неудовлетворительно.

...Пора решить и представительство советских немцев в Верховных структурах. У нас есть депутаты-немцы, но нет депутатов от немцев.

...Языковой потенциал был разрушен ещё до войны и во время войны. И с тех пор не восстановлен.

...Немецкая проблема не допускает половинчатости.

...Мы ничего не просим и не требуем. Мы только предлагаем, как решать проблемы.

...В сущности ничего не делается. Центральная газета для немцев «Нойес лебен» куплена кооперативом. И ей теперь не до немецких проблем. Проект закона о трудармейцах так и остался проектом на бумаге. Завтра наши отцы будут сидеть на собраниях рядом с участниками Великой Отечественной войны, но их права не приравнены к ним, их доблесть в трудовой армии не учитывается.

– Что, разве этот документ до сих пор не подписан?! – удивился Горбачев.

Возникло небольшое замешательство. Горбачев посмотрел на Нишанова. Тот опустил глаза. Те, что

сидели на кожаных стульях вдоль стены, исподлобья посмотрели друг на друга.

– Я помню,– переборол смущение Горбачев.– Было решение Политбюро о создании автономной области в Казахстане. Вроде все было на мази. Принципиального возражения, кажется, не было. Казахстанское руководство было «за». Но потом против немецкой автономии выступило местное население.

– И не только местное население, но и сами немцы были против такого решения,– подал голос казахстанец Адам Мерц.– Оно было нелегитимно. Немцы о том и не подумывали. И они никак не хотели конфликта с казахами. Автономия немцев в Казахстане была келейным решением властей без реальной основы.

Гарри порывался было сказать об этом несколько спонтанных слов, ибо он этот эпизод знал во всех подробностях. Подавляющее большинство немцев о той затее и в самом деле ничего не знало, она родилась где-то в верхах, проводилась почти что под секретом и напрасно всколыхнула казахов, которые митингами и горячими, возбужденными речами выступали в Акмоле против немецкой государственности на территории Казахстана. О том, что такая идея активно прорабатывается, Гарри впервые доверительно сообщил генерал Бейсенов за дружеским дастарханом у одного писателя. Помнится, эта весть Гарри не столько обрадовала, сколько насторожила. Действительно, вскоре друг и коллега Сакен Жунусов, как всегда взрывной, темпераментный, накинулся на Гарри коршуном в холле Союза писателей Казахстана: «Эй! Это священная земля батыра Кабанбая. Он кровью защитил, отстоял эту землю, и теперь ты отнимаешь её для своих немцев?! Совесть у тебя есть? Тебя вспоила и вскормила казахская земля, и теперь ты на нее позарился?!»

Гарри, помнится, сле успокоил тогда своего неистового друга. И то, что эта неумная затея вскоре провалилась, что от нее благоразумно и благородно отказались сами задействованные было немцы, принесло Гарри огромное облегчение.

Об этом он и хотел было сказать на этом высоком приеме, но он тут же передумал: во-первых, была опасность увести беседу от основной темы, а во-вторых, говорить о том заранее не планировалось.

– Мы не раз обсуждали этот вопрос с канцлером Колем,– продолжал Горбачев. – Он придерживается такого подхода, чтобы немцы оставались здесь. В этом заинтересованы обе стороны. Особенно сейчас, после воссоединения. Они не оценили все предстоящие трудности. Теперь лет десять им понадобится только на ГДР. Они выделяют 16 млрд. марок в структуру своей системы.

Участники встречи молча выслушали затянувшуюся тираду Президента, и, едва он остановился, Вормсбехер посчитал нужным добавить:

– И все-таки необходимо выразить официальное отношение по всем этим вопросам. А то мы ждем, ждем...

Горбачев заглянул в лежащий перед ним список.

– Владимир Анатольевич, пожалуйста!

Слово взял Бауэр:

– Интересы государства и советских немцев полностью совпадают. И в экономических структурах, и в политорганизации. Поэтапность восстановления государственности должна быть четко определена во времени. Необходим постоянно действующий орган. А с какой начинкой – о том в пояснительной записке все объяснено.

Доцент Бауэр говорил толково, рассудительно, уверенно. Горбачев, внимательно слушал его, утвердительно кивал головой. И почему-то весь стал красный. Большое пятно на лбу густо побагровело. Все

за столом на это обратили внимание. Бауэр оживился и основательно продолжал доказывать, каким должен быть постоянно действующий правительственный орган по проблемам немцев.

Казалось, что Президент потерял уверенность и упустил нить разговора.

В беседу вступил, сладко улыбаясь, Рафик Нишанов.

– Спасибо Михаил Сергеевич, что нашли время. Многое уже сделано. Систематизированы все документы. Подготовлена декларация. Продуман проект закона по трудармейцам. Подготовлено также общественное мнение. Товарищам из Саратовской и Волгоградской областей необходимо разработать программу и провести разъяснительную работу среди местного населения. Создать там базу, не ущемляя интересы граждан иной национальности. Такие возможности есть.

Нишанов выбрался на привычную колею. Жмурясь и облизывая губы, будто жевал рахат-лукум, округлял фразу, источал обтекаемые слова-пустышки.

– Предложение немецких братьев о создании какого-то постоянного органа заслуживает внимания. Может, это будет Комитет по делам советских немцев. На определенный период – на пять-шесть лет, скажем. Но при Совмине или при Госкомнаце – надо решить.

– Хорошо,– согласился Горбачев.– Послушаем товарища Гусева. Он ведь из тех мест.

Гусев:

– Проблема оказалась гораздо сложнее, чем нам представлялось.

Горбачев:

– Поделитесь этими сложностями.

Гусев:

– В Госкомиссии было 6 представителей советских немцев. Все вопросы неизменно сходились на государственности. Народ в тех краях проживает замечательный – степняки. Но отношения обрели

острый характер. Что пугает население? Напугали, откровенно говоря, прибалтийские события. Акты мы сделали только 7 марта.

Горбачев:

– Я подписал и отправил в Верховный Совет. К 20 мая. Мне даже показали проект... эскиз медали.

Гусев:

– Я за путь постепенного, поэтапного восстановления. Нужна обдуманность. Структура нужна, но не такая громоздкая.

Горбачев:

– Не нужно народное вече. Руководство Союза за восстановление государственности советских немцев. Это однозначно.

Раушенбах:

– Это надо сказать открыто. Во всеуслышание.

Реплику подал представитель из РСФСР:

– Что касается Ульяновской области – там лишь небольшая часть немецкого населения.

Лобов, первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР:

– Нас волнует сибирские области, где больше всего немцев. Представляете: это машиностроение, это тяжелая промышленность, которые могут быть оголены. Полагаю, на ближайшие два года не ставить никаких твердых границ. Надо, чтобы люди воспринимали процесс более спокойно. Восстанавливать государственность в течение года очень опасно.

Горбачев:

– Где восстанавливать? Какой-то центр есть? Чтобы и университет был, и издательства, и все прочее. Есть на это ответ?

Лобов:

– Нет. На это ответа нет. Центр, разумеется, снял бы напряжение.

Горбачев:

– Тогда поэтапность прошла бы менее болезненно. Иначе опять туман, опять скажут: уводят.

Вклинился в разговор академик Раушенбах:

– Опасения, что сибирские немцы переедут, не основательны.

Муренин (РСФСР):

– Я с детских лет живу в области. Я с болью воспринимаю такое положение. Надо разумно решать. Как решить главный элемент – государственность. Прежде всего нужен орган. Координатор. Сейчас советоваться не с кем. С «Возрождением» трудно.

Раушенбах пошутил:

– «Возрожденцы» – наши экстремисты.

Все заулыбались, вспомнив Генриха Гроута и его нетерпимых приверженцев.

Муренин продолжал:

– Нужен, повторяю, орган. Сейчас такой возможности нет, чтобы поговорить. Первый шаг – создать орган. При кабинете Министров, при России, а не на уровне области. И посадить этот орган на бюджет. Второе. Надо быть предельно осторожным в принятии законодательных актов по восстановлению автономии. Мы исправляем ошибки, в том числе и по АССР НП. И не надо говорить о том, как там некогда было все хорошо. Все с тех пор выросло в разы. В том числе и экономические показатели.

Так с чего начать? Может, создадим сначала округа, районы? Может, не сразу объявлять республику? Немцев пока в области мало. Может, культурные центры создать? Театры? Может...

Горбачев:

– Но нельзя же забывать, что перед нами представители немецкого народа, которого некогда тоже выбросили.

Обстановка неожиданно накалилась. Муренин разгорячился, всем своим видом показывая, что он рьяный противник восстановления автономии. Ропот прошел и в рядах немецкой делегации. Как-то неожи-

данно все взъерошились. Чинный до этих пор разговор вошел как бы в тупик.

Раушенбах подлил масла в огонь.

– Хватит болтать! Дураков здесь нима! Немцы, если хотите знать, свой вопрос решили. Это не немецкий вопрос, а русский, всегосударственный! Надо честно сказать, а не врать!

Лицо академика окаменело. В глазах замелькали колючие искорки. Горбачев, видно, не ожидал таких резких выражений из уст всемирно известного, сдержанного и степенного ученого, и сам покрылся пятнами. Нишанов растерянно заерзал на стуле, не зная, как сгладить неловкость.

– Надо честно сказать, а не врать,– жестко повторил академик. – Будет на Волге республика или нет?! Надо сказать народу открыто: будет автономия или нет? Когда?!

Наступила тягостная пауза. Обозначился водораздел. Делегация советских немцев была единодушна за восстановление автономии на Волге, представители власти – против. Горбачев держался посередке, не торопился с выводами. Опять начали увязать в словесном болоте.

Подал голос Юрий Гаар, один из активных членов Оргкомитета по подготовке первого съезда немцев.

– Я предполагал, что именно Россия придет на эту беседу с конкретными планами. Этого, к большому сожалению, нет.

И далее Гаар изложил свое видение вопроса, говоря толково и убежденно о положении немцев в Саратовской области, где он возглавляет землячество.

Его, однако, слушали рассеянно, все были возбуждены выступлением Муренина, и Горбачев, все ещё красный, неожиданно для всех объявил перерыв:

– Надо, товарищи, посоветоваться. Я приглашаю вас, Борис Викторович, ко мне.

Свита Горбачева и трое-четверо из немецкой делегации скрылись за дверью бокового кабинета. Остальные участники беседы вышли в приемную. Расторопные секретарши принялись утощать взволнованных товарищей чаем, кофе и печеньями. Из приемной никого никуда не выпускали. Перерыв продолжался минут двадцать.

Из бокового кабинета Горбачев и его свита вышли возбужденными, озабоченными. Сосредоточен, хмур был и академик Раушенбах.

Чаепитие кончилось. Беседа возобновилась.

Егин, заместитель председателя исполкома Волгоградского областного Совета:

– Комитет нужен обязательно. И немедленно. Республика нигде не будет создана больше, кроме двух этих областей – Саратовской и Волгоградской. Нужно кончать говорильню. Я за поэтапность восстановления. Если завтра будет Указ о республике – это будет бунт, второй Карабах. Нужен исполнительный орган. Скажу честно: съезд зря перенесли. Это внесло сумятицу. В обществе «Возрождение» следует навести порядок.

Федотова З.Л. (Казахстан):

– Представьте, не смогли организовать ни одной немецкой школы.

– А в чем трудность? – вклинился Горбачев.

– Нет желания, нет воли. Главная помеха – разрозненность.

О создании специального органа – да, такой орган нужен. Но он не должен быть громоздким. И не слишком много полномочий должно быть у него. Во избежание дублирования. Надо более разумно подходить. Необходим четкий государственный подход.

Киселев:

– Госкомнац считает, что есть смысл вернуться к некоторым нашим предложениям. Разработать программу на Волге. Чтобы население убедилось, что

вреда от восстановления республики никому нет. Фактор помощи ФРГ нужно использовать осторожно. А то нередко создается обратная реакция. Создавать необходимо единый орган, и этот орган должен работать под единым планом.

Адам Мерц коротко поведал о положении немцев в Казахстане.

– Нельзя сейчас сказать, сколько немцев из Казахстана переберутся на Волгу, надо полагать, далеко не все, однако все за восстановление законной государственности.

Риттер Вл.К.:

– Все осложняется ещё и тем, что идет активный процесс приватизации. Мы можем оказаться без земли. Все разберут, пока мы здесь будем дискутировать о восстановлении республики. Я никак не могу разделить мнение товарища Муренина. Не надо искать виновников. В создавшемся положении менее всего повинны сами немцы. Решение через Комитет – да, это разумно. Необходимо уже сегодня определить регион, который можно заселять. Многое, если не все, упирается в волю, в желание местных органов. Сопротивление нагнетается именно оттуда. Лозунги типа: «Лучше СПИД, чем автономия!» не народ придумал. Они исходят от определенных руководителей.

Гиренко А.Н.:

– Я не считаю, что немецкий вопрос в тупике. Впервые в это обсуждение по-настоящему вклинились немецкие товарищи. Что касается механизма, то он может быть таким: провести съезд и создать тот самый компетентный орган. В ЦК постоянно занимаются этой проблемой. И есть время, чтобы успешно её решить.

Ауман В.А.:

– Большущее спасибо за прием, за откровенный разговор на таком уровне. История повторяется. Екатерина Великая позвала немцев, Ленин дал

автономию. Автономия была создана, когда усилились эмиграционные тенденции.

...Статистика печальная: образовательный ценз советских немцев в три-четыре раза меньше, чем у русских и узбеков.

Горбачев воскликнул:

– Ух, ты! Я этого не ожидал!..

Видно, этого не ожидал не только Горбачев. За столом пробежало удивление, смешанное с досадой и недоумением.

Ауман:

– У нас в Верховном Совете привлекли к немецкому вопросу 9 депутатов. А радеет один только Фальк. И в этом мы ущемлены. Элемент неравноправия имеет место. Реальное равноправие будет только тогда, когда мы будем иметь автономию. Комитет необходимо создать, и он должен быть только при премьер-министре. Учитывать нужно и то, что в разных регионах разный психологический климат. В Казахстане, на Алтае, в Сибири, на Волге.

Ауман обоснованно критиковал Муренина. Подчеркнул, что немецкую проблему эксплуатируют деструктивные силы.

– Экстремисты встречаются и среди немцев,– заметил он.

Горбачев усмехнулся:

– Это ещё раз доказывает, что вы – органическая часть нашего народа.

Все рассмеялись.

– Именно экстремисты сорвали съезд советских немцев. То же самое случилось и с газетой «Нойес Лебен».

Горбачев:

– Какая газета? Она же центральная! И ее купили на корню?! ...Мой дед работал председателем колхоза. Рядом находилась немецкая колония. Мы с дедом туда заезжали. Образцовый, между прочим, был порядок...

Ауман прервал теплые воспоминания Президента.

– Туда, к экстремистскому крылу, ушли уважаемые люди, которые вчера были нашими. Айрих, Вольтер, например. Тем самым ввели сумятицу в наше движение. Мы очень хотим провести съезд. Хотим, чтобы Вы, Михаил Сергеевич, там были. Это был бы бальзам для нас.

Рейтер Б.Г.:

– Я представляю здесь Омскую область. Здесь проживают в настоящее время 137 тысяч советских немцев. Положение, прямо скажу, критическое. Без Центра мы свой народ не сохраним. Необходима массовая огласка. Немецкая проблема в центральной печати мало освещается. Да, эмиграционная тенденция набирает силу. Мы выталкиваем своих людей в одних подштанниках. Необходимо срочно провести свой съезд. И, несомненно, победить на том съезде. Не отсиживаться в окопах. Максимальную активность должны проявить коммунисты.

Виндгольц:

– Меня больше всего тревожит положение в культуре. Потери наши в этой области за последние десятилетия очень велики. Те меры, которые ныне принимаются формально в тех или иных местах, скорее подчеркивают наше печальное состояние. Необходимо широким фронтом вести систематическую работу по восстановлению культуры. В музыке, живописи, литературе, архитектуре, где наши достижения были особенно значительны. Нужно, наконец, сказать: «Да!» республике и определить – где. Далее затягивать вопрос – преступно.

Горбачев посмотрел на часы, встрепенулся.

– Ну, что, товарищи, давайте заканчивать?

...Очень важный вопрос.

...Каждый народ не хочет раствориться. К народу, к языку его надо отнестись с величайшим пониманием.

...Речь идет о драме. Драма целого народа. В той эпохе пострадали все народы. В том числе и русский народ. О том тоже следует помнить.

...Тема поставлена давно. Решить её надо безотлагательно. Иначе разрушится все.

...О комиссии Киселева. Верховный Совет подтвердил вывод: признал необходимость восстановления республики.

...Решение Российского Верховного Совета. Оно относится ко всем народам. Сегодня опубликовано в «Советской России».

...Комиссия товарища Гусева провела полезную работу. Она подтверждает наше желание. Необходимо вплотную приступить к восстановлению республики. Мы понимаем значение этой проблемы. И сказать четко: **в районах Поволжья.** Но это должно быть не копия, не калька той автономии. Максимально совместить интересы. Избежать ещё одну драму.

Процесс пошел...

Горбачев увлекся, не мог остановиться. Поток банальных слов понес его. Все сидели с окаменевшими, поскучневшими лицами. Нишанов зевнул, спохватился, прикрыл ладошкой рот.

– Нужен комитет,– продолжал Горбачев.– Определить состав. Я его готов подписать. Срочно подготовьте такое письмо. Комитет должен быть при Кабинете Министров. Сделайте его негромоздким. Бруно Генрихович правильно о том сказал.

Вот комитет этот и обозначит время съезда. А работать на местах следует уже сейчас, до создания Комитета.

...Восстановление республики выгодно и в интересах тех людей, которые там проживают. Сбрасывать со счетов эти интересы нельзя.

...Далее. Многовариантность. Да, надо подумать. Через какие этапы пройти. Это серьезно. Вероятно, этапов должно быть несколько. Много этапов. Если

прямо сегодня объявить о создании... или восстановлении республики – это будет непонимание. Надо сделать, чтобы все было органично. В наше сообщение надо включить момент о том, что в Верховный Совет направлено решение о трудармейцах. Необходимо подчеркнуть уважение к вкладу немцев. Чтобы это уважение передать народу.

...На съезде должно прозвучать взаимодействие. Провести его в июне-июле. Давайте готовьтесь. Кого видите в Центре, кого на местах.

...Что касается участия Президента – не знаю, в какой форме. Приветствие Президента съезду – это уж точно. Может, встреча с делегатами...

...Здесь прозвучала критика в адрес товарища Муренина. Он человек открытый, прямой. Он поделился своим видением. Обижаться на него не стоит. Комитету нужно работать с республиками. Уже сейчас делать все, что можно.

В двухнедельный срок подготовить письмо о Комитете. Я подпишу. Давайте действовать, Борис Викторович, Гуго Густавович, Юрий Адольфович, вместе с вашими товарищами. Надо, чтобы вы присутствовали во всех структурах. «Приложение №3» у меня имеется. Я все внимательно прочитал.

Беседа закончилась. Все встали. Горбачев каждому члену делегации пожал руку. Гарри про себя удивился: рука Президента была крепкой, кисть широкая, трудовая, ладонь горячая, сухая.

Сфотографировались все вместе, у торца стола.

Беседа вместе с перерывом длилась три часа.

...Гусев пригласил всех членов делегации в свободный кабинет. Казалось, он тоже был возбужден. Подвел итоги. Предложил дальнейшие меры.

– Вы, товарищи, оказали на Президента эмоциональное давление. Сами понимаете: у Президента можно быть раз. Неординарное событие состоялось.

Оно будет отражено в сообщении ТАСС. Всех благодарю за выступления. Мы пытались оставаться реалистами. До организации Комитета нужно интенсировать работу Комиссии. Оформить протоколом сегодняшнюю встречу. Разработать положение о Комитете. За 4-5 дней. Вместе с Гиренко и Нишановым. Определить срок съезда. Подключить Вячеслава Александровича Михайлова. Необходимо сделать широкий пропагандистский шаг. Передать о встрече у Президента на «Орбиту», в «Правду», в «Известия», на радио.

После короткого совещания у Гусева вся делегация, оживленно обсуждая произошедшее, потянулась в Штаб Оргкомитета.

Гарри устал. Плелся с трудом.

У входа в Штаб столкнулся с Генрихом Гроутом. Лидер недавно прошедшего Чрезвычайного съезда был, как всегда, с Гарри приветлив, но в глазах играли настороженные искорки.

– Ну, что, Гарри Карлович, будем восстанавливаться поэтапно? – спросил с ехидцей.

– Выходит, так...

– Ну, и сколько предстоит этапов? Сколько ещё будут нас гнать по этапам? И вы верите Горбачеву, Гусеву?!

Гарри не ответил. Ход мыслей Генриха Генриховича, прирожденного бунтаря с экстремистскими замашками, был ему известен. Однако по-прежнему питал к нему симпатию. В отличии от его верных, злобствующих нукеров типа Вейнгардта, Дизендорфа, Аригольда, Гроут искренне ратовал за общее немецкое дело, хотя непременно придерживался крутых, радикальных действий. Стало ясно, что после беседы группы советских немцев с Президентом противоречия, раскол среди активистов движения углубился. Кому-то это было очень на руку.

...События разворачивались круто. Уже на другой день встречи в Кремле «Правда» опубликовала сообщение ТАСС.

Встреча Президента СССР с представителями советских немцев

7 мая в Кремле Президент СССР встретился с представителями советских немцев – членами и активистами оргкомитета по подготовке съезда немцев СССР. Председатель оргкомитета академик Б.В. Раушенбах, другие участники встречи говорили, что за последнее время многое уже сделано по реабилитации советских немцев. Однако на этом пути остается немало сложных проблем.

С тревогой сообщалось, что у двухмиллионного народа нет национальных школ, сократилось издание книг на немецком языке, прекращен выпуск единственного литературного журнала. Возросла эмиграция, одной из причин которой является отсутствие государственности советских немцев.

Президент СССР отметил, что к немецкому народу в нашей стране относятся с искренним уважением. Признается его большой вклад в развитие страны. Большинство советских немцев не мыслит себя вне СССР, активно выступает за сохранение и обновление многонационального государства.

Проблемы советских немцев широко затрагивались на 1-м Съезде народных депутатов СССР. Решения этого и последующих съездов, сессий Верховного Совета СССР создали необходимую правовую основу для преодоления всех последствий драматического этапа в судьбе советских немцев.

В ходе обмена мнениями отмечалось, что в повестке дня остро стоит вопрос восстановления немецкой государственности в Поволжье. Но это возможно лишь в условиях сочетания коренных интересов всех народов, проживающих в этом регионе. Проблема должна решаться поэтапно, с учетом формирования политических и экономических условий. В то же время необходимо уже сейчас в районах компактного проживания советских немцев, где для этого есть предпосылки, идти по пути создания национальных районов, сельских и поселковых Советов. Обращено внимание, что государственные органы республик, краевые и областные Советы могут решать эти вопросы, не ожидая специальных указаний.

Президент СССР поддержал предложение о создании комитета по проблемам советских немцев при Кабинете

Министров СССР, который бы действовал в целях осуществления единой государственной политики в отношении немцев СССР. При этом отмечена положительная работа государственной комиссии и действовавшей при прежнем союзном правительстве комиссии Верховного Совета СССР.

Президент Советского Союза сообщил, что подготовлен проект указа о восстановлении справедливости по отношению к тем, кто трудился в годы Великой Отечественной войны в составе трудармии.

М.С. Горбачев просил передать всем советским немцам, что их проблемы до полного разрешения будут находиться в поле зрения Верховного Совета, Кабинета Министров СССР, Президента страны. Высказана уверенность, что и республики будут с необходимым вниманием относиться к этой проблеме. Свидетельство тому – принятый недавно Верховным Советом РСФСР закон «О реабилитации репрессированных народов».

М.С. Горбачев пожелал успехов оргкомитету по подготовке съезда немцев СССР в рассмотрении вопросов, выносимых на его обсуждение.

Во встрече приняли участие **Р.Н. Нишанов, А.Н. Гиренко, О.И. Лобов** – первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, **З.Л. Федотова** – заместитель Председателя Верховного Совета Казахской ССР, **К.П. Муренин** – председатель Саратовского областного Совета, **А.И. Егин** – заместитель председателя исполкома Волгоградского областного Совета.

(ТАСС).
8.05.91. «Правда»

IX. В ВОДОВОРОТЕ

Зачастил Гарри в Москву. Время вздыбилось. Понесло строптивым неуком. Незыблемая, казалось, империя разваливалась на глазах. Враз обрушилось всеобщее смятение. Все проблемы, годами, десятилетиями слежавшиеся пластами в национальных недрах, вдруг лопнули, как перезрелый чирей. Назревала агония.

Одни немцы боролись за автономию.

Другие спешно уезжали. В одиночку и косяками.

Зашел прощаться к Гарри талантливый композитор, автор оперы, нескольких симфоний, ораторий, кантатов, ряда песенных сборников, необделенный званиями и наградами, красивый и удачливый человек Оскар Гейльфус. Нет, нет... автономия в Советском Союзе его не прельщала, демагогия обрыдла, устал, веры нет, надо из сына воспитать настоящего немца, уезжаю, уезжаю, хуже не будет.

Заглянул на прощание издатель, художник, дизайнер, грамотей, переводчик Роберт Вайнбергер.

– И ты, брат!– изумился Гарри.

– Видишь, все разваливается. Такова участь всех империй. Чем все кончится – известно. Перспектив нет.

Автономия на Волге не грела и редактора, переводчика, мастера на все руки Гуго Керна. Чтобы уехать в Германию, он подался в Ригу: оттуда, мол, ближе.

За короткое время из редакций «Нойес Лебен» и «Дойче Альгемайне» уехал десяток видных журналистов.

О выезде из страны доверительно сообщали Гарри многие знакомые писатели, учителя, врачи, ученые, артисты.

– Извини,– говорили. – Ситуация безвыходная. А автономия – блеф. Никогда ее не будет.

Такие разговоры выбивали из колеи.

Каждый раз, вылетая в Москву на очередные заседания Государственной комиссии, Оргкомитета, на пленумы и конференции всесоюзной организации «Возрождение» и Совета немцев или на заседания Секретариата, на семинары немецких литераторов в Союз писателей, Гарри сталкивался в самолете с группой соплеменников, уезжающих семьями в Германию. Почему-то плохо одетые, загорелые, обветренные, но такие тихие, робкие, они всю дорогу молчали, взды-

хали, оглядывались затравленно, пугливо, ни с кем не разговаривали. Такого обличья соплеменников Гарри встречал в огромном количестве в Северо-Казахстанской, Костанайской, Карагандинской, Павлодарской, Чимкентской областях, все они, как правило, работали на поле, в колхозах и совхозах, на стройке, жили внешне благополучно, но замкнуто, оглядчиво, стараясь нигде ни в чем не высовываться. Было на них некое невидимое клеймо, и Гарри различал сокровников в любой толпе.

И каждый раз в самолете его захлестывали досада и недоумение. Группа активистов-автономистов собирается в Москве, шумит, возбуждает себя, теребит власти, вырабатывает умные документы, организовывает «круглые столы», комиссии, советы, уповает на съезд, добивается встречи на самых высоких уровнях, а народ, о котором эти доброхоты-донкихоты так яростно пекутся и рьяно борятся, нередко рискуя собой, между тем втихомолку тысячами, десятками тысяч покидает насиженные места, уповая на благодать в чужом краю.

– Уезжаете? – спросил Гарри у сидевшего рядом грубо сколоченного мужика с тяжелым, сплошь в складках, лицом.

Тот подозрительно покосился на незнакомца в очках, нахохлился, потеребил-погладил раздавленные тяжелой работой мозолистые руки.

– Та, та...– ответил нехотя с сильным немецким акцентом.

– Всей семьей?

– Та... та...

– Семья большая?

– Та... та... Десять шелофек.

– Кем работали?

– Та... тракторист... комбайнер.

– Но в Германии такой работы нет.

– Та... и не нато. Кватит! Пензия будет.

– Многие уезжают?

– Много. Села опустели. Дома, огороды все бросают.

– А если дадут автономию?

Мужик задумался, соображал.

– Сатшем? Не ната. Нитшево не ната. Кватит!

– Родом откуда?

– А-а... С Волги. Гуссенбах. Двенадцать лет было, когда выслали. И с того времени работаю. Прицепщиком, помощником, плугарем, трактористом, комбайнером.

Да-а... нескладно получается. И что они, немецкие активисты, собравшись в Москве, шумят-галдят, когда народ, как говорит академик Раушенбах, свои проблемы сам решил? За год страну покидают десятки тысяч немецких бедолаг, а они, просвещенные активисты, горло дерут, воду в ступе толкут, добиваясь справедливости, в которую народ и не верит. Может, неистовый Генрих Генрихович Гроут прав, когда жестко настаивает на «или-или...»? Или незамедлительно восстановите порушенную автономию, или мы, возрожденцы, настроим народ на массовый исход. Нечего больше кота тянуть за хвост. И нечего с властями миндальничать, церемониться. Довольно!

Назревал явный перебор. Часто заседала Государственная комиссия Гусева. Активизировалась Комиссия Киселева. Проводились конференции общества «Возрождения» на местах, в разных регионах и городах страны. Начал свою деятельность Совет немцев. Проводил советы и конференции Гроут. Работал Оргкомитет по подготовке I съезда советских немцев. Только что отгремел-отшумел Чрезвычайный съезд под руководством Гроута и его сторонников. Проходили антинемецкие митинги на Волге. Писались во все инстанции петиции, письма, в газетах публиковались воззвания. И во всех этих мероприятиях были активно задействованы сотня-другая представителей

руссланддойче. И в то же самое время руссланддойче десятками тысяч поспешно покидали страну.

О российских своих соплеменниках проявляла заботу германская сторона. О своих немцах вспомнила-спохватилась вдруг и Советская власть. Немецкий вопрос в СССР обретал политическое, идеологическое значение. Уже и экономисты подсчитали, сколько миллиардов марок обретает Дойчланд из-за притока дешевой рабочей силы из СССР и сколько миллиардов рублей теряет Советский Союз, если его в массовом порядке покинут российские немцы. Подсчеты с обеих сторон поражали. И в цифровом отношении совпадали. Тут экономисты с обеих сторон оказались единодушными.

Шума было много. Процесс пошел по всем параметрам. А толку было мало. Никак не удавалось вытащить из болота раздрызганную немецкую колымагу.

А если честно, Советской власти было совсем не до немцев. Все государство трещало по швам. Процесс пошел, а управлять этим процессом не было ни сил, ни политической воли, ни экономической мощи. Наступили времена тотальной смуты.

Гроут мощно раскачивал утлую лодчонку. Проводил в Москве Совет за Советом, конференцию за конференцией. Четвертая конференция «Возрождения» ничего существенного не привнесла в немецкое движение. И повестка дня, и доклады, и делегаты, и выступления, и общий настрой были привычны, знакомы. Иозеф Баронус читал молитву «Im Namen des Gottes», его дополнял пастор Готфрид Шенк из Фрунзе, его сменял староста Немецкого общества, который пространно вещал о духовном возрождении через веру, делегаты терпеливо слушали, ворчали, подавали реплики, Гроут делал длинные доклады о роли и значении недавнего Чрезвычайного съезда, ругал и разоблачал идеологическую кухню Старой площади, обвинял во всех смертных грехах Вормс-

бехера, коммунистов, штрейкбрехеров, режиссеров предстоящего спектакля – Первого съезда советских немцев, делегат Эртель кричал с трибуны дурниной: «Долой! Долой!»

– Кого долой? – кричали из зала.

– Всех долой! – сверкал глазами оратор.

Конференции «Возрождения» все больше смахивали на неуправляемый митинг. Из Общества исключили депутата Петера Фалька, профессора Бруно Рейтора, журналиста Гуго Вормсбехера. «Предателей» азартно клеймили. Кто не с нами тот против нас.

В разгар вакханалии трезвый делегат из Западной Украины Е.Шрёдер с детской непосредственностью спросил:

– Что мы, собственно, хотим возрождать?

Зал замер. Кто-то громко выдохнул:

– Начинается сказка про белого бычка...

И Гроут понял: пора объявить работу IV конференции «Возрождения» законченной.

А через два дня, 13 мая 1991 года, состоялось заседание Оргкомитета под председательством академика Бориса Викторовича Раушенбаха, на котором, понятно, «гроутовцы» не присутствовали.

Общая тональность выступлений здесь была иной. Раушенбах подвел итоги встречи у Президента, отметив, что и он дважды писал Горбачеву и имел с ним личную беседу, что Оргкомитетом проделана большая работа ещё до исторической встречи, что в коммюнике впервые прозвучало открытым текстом слово «Поволжье», которое было негласно табуировано, что «всем нам повезло: буквально за два дня до встречи РСФСР принял закон о репрессированных народах».

Вормсбехер напомнил: главное – не допустить вспышки национальных конфликтов при воссоздании автономии. Основная трудность – позиция РСФСР. Чувствуется, то сопротивление на Волге будет продол-

жаться. Съезд советских немцев следует воспринять как переломный этап в нашей судьбе.

Владимир Бауэр обосновал позицию Комитета по проблемам советских немцев. Гарри любовался стройным, поджарым, энергичным молодым доцентом из Томска. Говорил он веско, убежденно, аргументированно. В нем чувствовалась натура лидера. Приятен он был и в общении.

Бауэр подчеркнул:

– Одобрение идеи ещё не означает её осуществления. Необычность нового органа – Комитета при Кабинете министров – можно себе представить, будем отторгаться самой системой.

Поделились своими мнениями на этом заседании Оргкомитета Гаар, Рейтер, Шульц, Сура, Бельгер, Крейцер, Шотт, Ауман.

Итоги заседания сформировал академик Раушенбах:

...Мы должны иметь свою прессу. Нам насильно заткнули рот. Мы не доходим до массового читателя.

...Откровенная ложь Гроута. Он все врет. Он вынужден врать.

...Оргкомитет не должен себя чувствовать отброшенным. Делегаты должны получать информацию о подготовке к съезду.

...Я был у Бурбулиса, у Лобова. Они в курсе дел.

...У Гроута нет серьезных оснований для конфронтации.

Я считал, что мы товарищи, а, оказывается, нет. Почему он действует за спиной? С конфронтацией надо кончать.

Вормсбехер:

– Надо чтобы был результат. Пусть темпы наших действий будут определены руководителями нашей страны. Мы, конечно, можем предложить срок и аргументировать его. Но как назвать дату, если не определены результаты? Пока что главное – мы имеем мнение РСФСР.

Из Оргкомитета выбыли Э.Ф.Айрих и Г.Г.Мартенс. Не обратился в Оргкомитет с определением своей позиции К.В. Эрлих – одна из ключевых фигур немецкого движения.

Возвращался в Алма-Ату Гарри с двойственным чувством. Сумбур на IV конференции «Возрождения» обескураживал, заседание Оргкомитета вселяло осторожную надежду. Было ясно, что съезд, отложенный ещё 7 марта, все-таки состоится и, скорей всего, в этом году. Но добьется ли он своей главной цели – весьма проблематично. Если же не решится вопрос о создании автономии или хотя бы не будет четко и гарантированно определены его временные рамки восстановления, то, скорее всего, немцы в подавляющей массе разуверятся во всем, и начнется массовый исход из страны. Представить, предположить это было нетрудно.

А дома, в Казахстане, тоже бурлили нешуточные страсти. В обществе витало предчувствие радикальных перемен. Все чаще и повсюду говорили о печальном положении казахского языка, о национальных проблемах, о суверенитете республики, о самостоятельном пути, о создании бесчисленных комиссий, комитетов, фондов, союзов. И Гарри с головой окунулся в этот водоворот событий. Наступило время тотального недовольства и сплошного отрицания.

X. ПЕРВЫЙ СЪЕЗД НЕМЦЕВ СССР

Ну, наконец-то!

Все уложено, все позиции выяснены, все документы проработаны и согласованы, все тщательно продумано и взвешено, казалось, нигде ни сучка, ни задоринки.

18 октября 1991 года в 10 часов утра в Москве в киноконцертном зале «Октябрь» торжественно открылся долгожданный съезд советских немцев,

собравший делегатов, которые были избраны своими земляками ещё в декабре-январе. Часть из них прибыла в Москву ещё в марте, но съезд был отложен, а тот, который, наперекор всем и всему, все-таки провел Гроут, был назван Чрезвычайным. Власти правомочие его не признали.

Как же назвать теперь этот съезд? Вопрос оказался непростым. Ибо сложным была сама ситуация в стране.

Центральная газета советских немцев «Нойес Лебен» обрисовала положение так:

«Кто они, приехавшие в Москву? Советские немцы? Но в этом словосочетании больше идеологии, чем здравого смысла. Российские немцы? Но в дооктябрьские времена Россией назывались и Украина, и Кавказ, и Средняя Азия – они входили в состав империи, и немцы, жившие в разных её краях, назывались российскими немцами. Сегодня они живут в суверенных республиках. Как их теперь называть – немцы СССР? Именно это было написано на эмблеме съезда и тоже было уже неверно: де-юре Союз Советских Социалистических Республик ещё существует, не отменена его Конституция, но де-факто после августовского путча его уже нет. В документах съезда речь шла о немцах ССГ – Союза суверенных государств, которого пока нет на бумаге, но который есть в жизни.

И споры о том, как же именно назвать целый народ, переживший депортацию, репрессии, рассеянный по разным республикам и автономиям, но не имеющий до сей поры своей земли, не были праздны».

Да, так! Народ есть, но четкого названия его нет.

Не повезло в истории.

То же и со съездом. Предыдущий, признанный властями нелегитимным, был назван Чрезвычайным. Он прошел, но как бы не был. Кто-то назвал его первым этапом съезда советских немцев. Этот – законный, легитимный – решили в конце концов назвать **пол-но-моч-ным пред-став-ви-тель-ным.**

Да, так, пожалуй, определенней.

Немецкая проблема обрела международный акцент: народ оказался буфером между Россией и Германией.

Уезжать или оставаться – вот в чем вопрос. И ответ должен был дать именно этот съезд.

Внятный и безотлагательный.

Со вступительным словом открыл съезд председатель Оргкомитета по подготовке форума академик Борис Викторович Раушенбах. Он четко определил направление съезда:

– Хочу также сказать несколько слов о нашей платформе. Мне представляется, что только конструктивная работа всех делегатов съезда может привести к решению нашего вопроса. Всякие эмоциональные стычки по второстепенным вопросам будут иметь один лишь итог: нас перестанут уважать и в нашей стране, и в ФРГ. О нас будут справедливо говорить: «Они сами не знают, что хотят!» Чтобы избежать этого, я собрал 2 октября узкое совещание в составе: Г. Гроута, Г. Мартенса, вместо П. Фалька – В. Шульца. Эти три человека представляют три главных течения в нашем движении. Сам я не принадлежу ни к одному из них. После длительной дискуссии мы согласились в том, что наши общие, основные требования можно свести к 4-м пунктам.

1. Восстановление государственности (республики).

2. Восстановление её на Волге.

3. Поэтапное осуществление восстановления, начинающееся с обязывающего политического решения России.

4. Восстановление и образование национальных районов и сельсоветов должно происходить, но не как замена или повод к задержке в восстановлении Республики.

Я думаю, если все мы поддержим такую согласованную платформу, то это откроет верный путь к нашей цели.

...Обращаюсь ко всем делегатам с настоятельным призывом не допустить раскола нашего съезда. От нашего единства зависит сегодня будущее нашего народа. Оправдаем же его ожидания! Дадим руководителям России и других суверенных республик советы, которые позволят быстро привести к воссозданию нашей государственности.

Съезд сформировал президиум и другие рабочие органы. В президиум вошли гости – Государственный Советник Президента СССР Александр Николаевич Яковлев (при его появлении делегаты сразу догадались, что самого Президента на съезде не будет), председатель Госкомнаца РСФСР Л.П. Прокопьев и парламентский статс-секретарь министерства внутренних дел ФРГ Хорст Ваффеншмидт.

Гарри был избран в президиум. Он внимательно осмотрел зал. Столько – около тысяч! – немецких лиц он видел впервые. Лица были взволнованные, сосредоточенные. Чувствовалось: настрой серьезный. Ни экзальтации, ни эйфории, ни агрессии. Неужели горячие головы опомнились? Неужели раздрай остался в прошлом? Неужели здравый разум восторжествовал?

Александр Яковлев, грузно припадая на больную ногу, вышел на трибуну, огласил приветствие Горбачева.

ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ НЕМЦЕВ СССР

Уважаемые товарищи!

Примите мои самые теплые поздравления с большим событием в жизни двухмиллионного советского немецкого народа – первым съездом немцев СССР.

За свою более чем двухвековую историю немцы России и СССР внесли немалый вклад в развитие науки, культуры, экономики страны, многих её республик и регионов. Имена выдающихся сыновей немецкого народа широко известны в масштабах Союза, по достоинству оценены обществом и государством.

Несомненны достижения созданной в первые годы Советской власти Автономной Республики немцев Поволжья. Однако в условиях сталинского произвола советским немцам выпал тяжелый удел. Они были подвергнуты огульным, не обоснованным репрессиям. Только в 1964 году с них были сняты все обвинения. Но и сегодня есть причины говорить о необходимости полного восстановления справедливости. Тревогу и озадаченность вызывает растущая эмиграция немцев. Одна из главных её причин – нерешенность вопроса о государственности. Я – сторонник разумного и безотлагательного его решения. Уверен, такое решение будет найдено общими усилиями.

Советские немцы вместе со всеми народами нашей многонациональной страны смогут ещё активнее и увереннее строить свою жизнь в условиях политической и экономической свободы, демократии и социальной справедливости. Это, несомненно, в интересах всего нашего общества.

Желаю участникам съезда успеха в работе.

М. Горбачев.

Зал зааплодировал. Яковлев, прихрамывая, медленно направился на свое место в президиуме – между академиком Раушенбахом и Ваффеншмидтом.

Приветствие Президента понравилось: слова были верные, взвешенные, справедливые. Даже отъявленным скептикам придраться было не к чему.

Гарри внимательно всматривался в лица делегатов, прислушивался к глухому гулу. Он примерно представлял, что подумали в этот момент его соплеменники.

– Alles richtig! Stimmt! – было написано на одних лицах.

– Да, вселяет надежду. Наверняка Президент уже принял решение и просто ждет, к чему придет съезд,– подумали другие.

– Поздно! Слишком поздно!– решили про себя третьи. – О том надо было думать и сказать во всеуслышание раньше. А не тянуть целых пятьдесят лет.

– Всё правильно. Но пока не сказано ни «да», ни «нет». Значит, будут тянуть кота за хвост.

Были, конечно, и такие суждения.

– Президент сказал то, что мы и сами прекрасно знаем.

– Да, но это сказано устами самого Президента.

– Сказать можно что угодно, а надо дело делать.

Председатель Госкомнаца РСФСР, густоволосый, пухлолицый Леонид Прокопьев в своем обстоятельном выступлении обозначил и обрисовал четыре этапа пути восстановления государственности советских немцев.

Первый этап *(до конца 1991 года).* Исходим из того, что принятый закон о реабилитации гарантирует создание Республики немцев Поволжья. Но самое важное и принципиальное здесь – это делается с учетом мнения населения и в границах, исключающих межнациональные столкновения.

Прокопьев продолжал:

– В этот же период должны быть определены источники финансирования (как советские, так и зарубежные), составлена характеристика региона будущей Республики с учетом изъявляющих желание в нее переселиться. Разрабатывается экономика, демография, социальная инфраструктура.

Другими словами, определяются все исходные данные для Республики и переселенцев.

Второй этап *(до первой половины 1992 года).*

Уточнение всех деталей проекта программы и согласование его с местными органами власти как в регионах компактного проживания немцев, так и регионов их возвращения (как в РСФСР, так и в других Республиках – Украина, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и др.), согласование его с министерствами, ведомствами. Параллельно определяется группа районов Поволжья и сравнительно свободные земли, где имеются небольшие предпосылки для начала переселения и практического восстановления государственности советских немцев.

Представляется проект соответствующих законов для рассмотрения в парламент РСФСР и Президенту России.

Создается специальный орган в центре и на местах по переселению.

– Хочу вам доложить,– заявил председатель Госкомнаца РСФСР,– в России такой государственный орган создан и начинает функционировать.

Третий этап. *(1992-1993 годы).* Начало осуществления программы организованного добровольного переселения советских немцев на территории будущей Республики. В первую очередь – работники сельского хозяйства, строительных специальностей, рабочие стройиндустрии, перерабатывающих предприятий. Формируются из них бригады, отряды – вначале, может быть, без семей или из молодежи. Развертывается строительство жилья, соцкультбыта, стройзаводов, предприятий переработки – силами возвращающихся немцев.

Четвертый этап. *(1993-1994 годы).*

В процессе строительства жилья, объектов соцкультбыта, предприятий, создания новых рабочих мест расширяются объемы переселения, которые обеспечивают необходимую демографическую ситуацию – достаточное число жителей немецкой национальности. Будут созданы экономические, политические и основные социальные предпосылки для функционирования государственного образования советских немцев с учетом интересов всего населения региона.

При этом исключаются межнациональные конфликты, отпадает необходимость в пересмотре конституционных положений, маловероятно возникновение противодействия такому эволюционно возникшему государственному образованию со стороны соседних административно-территориальных образований.

Прокопьев убежденно заверил:

– От решения проблемы советских немцев выигрывают все народы, в том числе также российские немцы, безусловно, в целом вся Россия.

Председатель Госкомнаца РСФСР направил своим выступлением съезд в конкретно-деловое русло. Большинство делегатов, казалось, впервые задумалось о всех сложностях проблемы. Роились в их головах противоречивые мысли.

«Да-а... Усложнил этот товарищ решение вопроса...»

«После этих этапов и автономии не захочешь».

«Добавь смело к каждому этапу по три-четыре года. Знаем, как наша бюрократия работает. Это только на бумаге так гладко получается. А на деле...»

«На деле всё обрушат на головы бедных немцев, а потом обвинят их в полной беспомощности»

«Не видать автономии, как своих ушей...»

«А казалось, все так близко...»

«Это разгонять немцев было просто. Один сталинский указ и все. А теперь попробуй их собрать!»

«Особенно через полвека...»

«Приличный дом построить сложно, а тут – целая республика».

«Пока подготовишь все условия, уговоришь местных властей, обозначишь место, переселишь людей, маломальски обустроишь быт... ой-ой-ой... с ума сойдешь».

«Сорок лет будешь вкалывать как раб, а потом опять куда-нибудь вытурят. Скажут: строй свою автономию в Голодной степи».

«Э, нет... туда тебя не пустят. Отправят в Магадан. Или поселят на полигон».

«Не нужны мы России. Мы – пасынки. Тикать надо».

«Куда? Германии ты тоже особенно не нужен. Она и узкую калитку скоро закроет».

«И останемся мы у разбитого корыта».

«Может, Вайффеншмидт что-нибудь дельное скажет?»

«А что он скажет? Скажет: оставайтесь, немцы, на местах. А мы окажем вам посильную помощь».

«Знаем эту песню...»

«И, выходит, не нужны мы ни России, ни Германии».

«Да, печально... грустно».

Направление съезда определилось. Результат его просматривался. Но впереди стояли по регламенту важные доклады.

Делегаты терпеливо ждали.

Улыбаясь, поблескивая очками на гладком, ухоженном лице, отстраненно холодно, с казенным равнодушием господин парламентский статс-секретарь Хорст Ваффеншмидт говорил о необходимости сделать все, чтобы в будущем как можно больше немцев пожелало остаться на своей нынешней родине. Он подчеркнул: мы в Германии хотим, чтобы здесь у вас, в местах компактного проживания советских немцев, были созданы национальные районы и сельские советы, но мы хотим и воссоздания республики в Поволжье. Он ознакомил делегатов с планом помощи германской стороны в организации культурных центров, школ на родном языке, рабочих мест, в развитии промышленности региона.

Возле кинотеатра «Октябрь» толпились пикетчики с плакатами. Гулял сырой, холодный ветер. Тяжелые тучи метались по небу. У входа стояла сухопарая пожилая женщина в белом плаще, в очках. В руках она держала плакат. Крупными буквами было написано: «Немцы Поволжья! Вы много сделали для России. Благодарим вас! И простите нас! Не уезжайте!!!»

На съезде распространялась открытка. Она гласила:

«Российские немцы! Не уезжайте из России! Вы ни в чем не виноваты! Мы все пострадали в нашем «революционном» отечестве. Простите тех, кто не ведает, что творит.

С уважением. Русские.

г. Москва. 20.10.91 г.»

Ещё одна группа пикетчиков кучковалась особняком. Молодой мужчина в темном плаще, в шарфе, простоволосый, повесил плакат на шею: «Нет немецкой республике на Волге». Губы плотно сжаты, брови сдвинуты, руки засунуты глубоко в карманы плаща. Рядом пристроилась хмуролицая женщина в светлом плаще и цветастом платке, завязанном узлом под подбородком. Она держала плакат, прибитый к шесту. «Прекратить кроить Россию! Где же родина русских?»

Особняком мерз на ветру небритый мужчина в кургузой куртчонке и в кирзовых сапогах. Он держал над головой плакат: «Лучше СПИД, чем автономия». Стайка молодых девушек в брюках, завидев вышедших покурить делегатов, неуверенно выкрикивала: «Немецкой автономии нет! Не продадимся за германскую колбасу».

Чувствовалось, что пикетчики устали, продрогли и при первой же возможности или по чьей-то команде мигом разойдутся.

Гарри подошел к небритому в кургузой, затрапезной куртчонке.

– Простите, пожалуйста, вы не из Саратовской области?

Мужчина был не в духе. Сверкнул глазами, сплюнул.

– Нет!.. Отстань, пожалуйста! И так тошно.

– Что так? Есть обида на немцев?

– Отстань говорю! В гробу всех вас видел!

– Ну, и сколько стоите?

– Сколько надо, столько и стою.

– И все же почему СПИД лучше автономии?

Мужчина не сразу понял, задумался. Гарри показал на плакат.

– А-а... Сказали: два часа постой, получишь килограмм вареной колбасы.

– Кто сказал?

– Да, хмырь один? Мать его...

С докладом «Советские немцы: есть ли будущее?» выступил академик Раушенбах. Со знаменитым ученым Гарри не однажды разговаривал в перерывах заседаний Оргкомитета. Академик мыслил ясно и четко. Суждения его были резки и определенны. Он не любил обтекаемых, пустых фраз. И в душе – так казалось Гарри – сожалел, что связался с бесперспективным немецким вопросом. У него были петербургские и поволжские корни. В трудармии он был с историком Иваном Кропевальдом и писателем Александром Реймгеном в одном лагере, с которыми Гарри вел давнюю переписку. Будущий академик вкалывал со всеми трудармейцами наравне, потом его отделили, определили в какую-то лабораторию, а вскоре и вовсе засекретили. Имя его всплыло через десятилетия. Возглавил он Оргкомитет по просьбе самого Горбачева, который присвоил ему звание Героя Социалистического труда. Ему, Борису Викторовичу, были чужды все подспудные течения и противоречия немецкого движения. Ему претили всякие страсти и эмоциональные вспышки. Судя по его отдельным репликам, он в глубине души считал, что немцы свой вопрос решили уже тем, что они эмигрируют, что лет через пять-десять уедут все, и тогда вопрос об автономии отпадет сам по себе. Академик терпеливо тянул национальную лямку, старался своим авторитетом направить движение в нужное, разумное русло, стремился оправдать доверие и властей, и своих совсем сбитых с панталыку соплеменников. Человек он был, безусловно, порядочный, ответственный, обаятельный, склонный к разумным, логическим, конкретно-здравым поступкам.

Первым же абзацем своего доклада он сформулировал самую суть съезда.

– Быть или не быть нашему народу – этот вопрос стоит сегодня перед нами безжалостнее, чем когда-либо за нашу более чем двухвековую историю. За каждым из сидящих в зале – две тысяч пославших его

человек, их боль, их тревоги, их надежды. Через три дня мы должны выйти к нашему народу с конкретным ответом на вопрос: есть ли у нас надежды на будущее? Или, разбросанные 50 лет назад по огромному пространству, мы окончательно исчезнем, так никогда больше и не собравшись вместе?

Далее в докладе академика Раушенбаха шел обстоятельный исторический обзор немецкой судьбы в России, большинству делегатов это было известно, оратор, видно, говорил все это для гостей, для несведущих, для общего фона и Гарри слушал вполуха, погрузившись в данные анкетирования делегатов в период подготовки к съезду. Данные анкетирования говорили о многом и были в какой-то мере неожиданными.

По расположению республики мнения делегатов распределились так:

На Волге – 790 делегатов, то есть	76,70%
В Казахстане – 5,	0,48%
В Калининградской области – 130,	12,62%
На Алтае – 2,	0,19%.

Тут все было ясно: будущее немецкой республики никак не связывалось ни с Казахстаном, ни с Алтаем. Удивляло то, что 130 делегатов видели автономию в Кенигсберге. Значит, идея занимала кое-какие умы.

Главная надежда, естественно, связывалась с Волгой, только с Поволжьем.

Настораживал следующий пункт анкеты – отношение к переезду в Поволжье в случае создания там республики.

Переедут на Волгу...	320	31,07%
Не переедут...	187	18,06%
Не решили...	438	42,52%

Хм-м... Что же это получается? Здесь собрались сливки, можно сказать, общества. Делегаты, которые активно ратуют за восстановление государственности.

Люди целеустремленные. А готовы переехать на Волгу только 31 процент. Это как?! Чего же тогда шумим? Не означает ли это, что номер дохлый, что подавляющее большинство немцев в сущности и не подумывают о Волге? В душе теплятся совсем другие планы... Почти половина делегатов ещё даже не определилась. Это, скорее, те, что навострили лыжи на отъезд в вожделенную Германию.

Грустно... Что же тогда на власть-то давить? Или долгие мытарства уже отбили охоту к перемену мест, развеяли ностальгию? Выходит, о Волге грезят пожилые волжане, а молодым, выросшим в других условиях, в других краях, автономия на Волге в сущности до лампочки?

Примечательно и социальное положение делегатов.

Служащие составляют 756 человек, то есть 73,39%.		
Рабочие	65,	6,31%
Пенсионеры	72,	6,99%
Колхозники	30,	2,91%
Военнослужащие	9,	0,87%

Получается, что судьбы народа вознамерились решать в основном служащие и пенсионеры? Не шатко ли? Не зыбко ли? Ведь не они – служащие и пенсионеры – представляют массы. Остальные, выходит, не на автономию уповают, а на – если честно – эмиграцию. Значит, идея о государственности не овладела массами. И может эти служащие, собравшиеся здесь, довольно далеки от народа? Гарри вспомнил многих своих родственников, знакомых писателей родом из Кавказа, Украины, Крыма, Сибири, для которых автономия на Волге была пустым звуком. «Автономия – хорошо, но я на Волгу не ездок» – говорил писатель Александр Реймген. «Ну, что вы?– утверждали кавказские швабы. – Волжане и до войны были нищими, а теперь и вовсе...» «С поволжскими неграми каши не сваришь»,– высокомерно заявлял меннонит Вар-

кентин. «Ты посмотри, как я устроился!– гордился своими владениями южанин Иоганн Ворм.– Особняк, виноградник, сад, огород, автополив, свинарник, овцы... Такое мне на Волге и не снилось!»

Многих подобных суждений приходилось Гарри выслушивать. И ему было ясно: может, и удастся восстановить былую автономию, но утвердить свою государственность в прежнем понимании – очень и очень проблематично. Не о том ли свидетельствуют данные анкетирования делегатов съезда советских немцев?

Раушенбах продолжал свой исторический обзор. Зал почтительно слушал. Гарри все прикидывал данные анкетирования.

Следующая графа: уровень владения немецким языком.

Свободно владеют	–	349,	33,88%
Владеют со словарем	–	485,	47,08%
Не владеют	–	158,	15,34%

Печальная картина. Но и она сильно искажена. «Свободно владеют» наверняка десятка два-три. Не больше. «Со словарем» в реальности человек двести. Остальные – так себе, «их хабэ цвай баба». Или как выразился один остряк: половина слов, которых я знаю, в словаре нет. По фамилии, по физиономии – немец, по языку и ментальности – русак.

Ну, а каков возрастной состав делегатов?

Старше 60	–	183,	17,76%
От 30 до 60	–	812,	78,84%
Младше 30	–	17,	1,65%

Вероисповедание? Но это не суть важно. Понятно: лютеране, католики, атеисты, меннониты, евангелисты, православные.

Место проживания до войны.

На Волге	–	418,	40,58%
Не на Волге	–	612,	59,42%

Вот они и определят решение съезда.

А национальный состав делегатов?

Немцы	–	936,	90,87%
Не немцы	–	94,	9,13%

Выходит, в немецкие проблемы вовлечены не одни немцы.

Академик Раушенбах между тем завершал свой доклад. И Гарри весь обратился в слух:

– Уважаемые делегаты съезда!

Анализ ситуации, в которой находятся сегодня советские немцы, говорит о ее критическом состоянии. Народ устал. И потерял веру. Вместе с тем мы видим, что восстановление нашей государственности, как и решение других наших вопросов, вполне реально. Однако на сегодняшнем этапе оно зависит не от нас. Но мы ждем этого решения сегодня. Потому что завтра может быть уже поздно.

И ещё. Сегодня мужество, чувство ответственности за судьбу своего народа проявляется не в громких словах, не в критике всего и вся, не в решительных лозунгах и ультиматумах. Сегодня мужество заключается в том, чтобы не поддаваться всеобщему ажиотажу в удовлетворении личных интересов; чтобы последовательно, твердо делать нужное твоему народу; неустанно искать лучший путь в каждодневно меняющейся ситуации; объединить всех, кто способен и готов работать; и двигаться вперед, вперед к главной нашей цели – восстановлению нашей государственности ради будущего нашего народа.

И в этом движении нашей главной силой должно быть единство.

Кто-то должен был сказать эти ключевые слова. И они были произнесены устами авторитетного академика. Он обнаженно определил: сегодня у советских немцев есть цель-максимум: сохраниться как народу, цель-минимум: остаться немцами. Чтобы

достичь этой, последней, можно выехать в ФРГ. Для достижения цели-максимума нужна республика здесь.

Весь первый день съезда доклад следовал за докладом. На исходе рабочего дня с докладом выступил председатель ВОСН «Возрождение» Генрих Гроут. Доклад его назывался: «Национальное движение российских немцев: вчера и сегодня».

Было любопытно: последует ли Генрих Гроут миролюбивому совету Раушенбаха о сдерживании эмоции и настраивании на разум, на конкретику. Гроут оказался верен себе, упорно гнул свою линию, восхвалял «возрожденцев», разоблачал Совет немцев, Комиссию Гусева, «так называемых представителей советских немцев, встречавшихся в Кремле с Президентом СССР Горбачевым».

Гроут показал себя мастером конфронтации, интриги, неуемным противником всех, кто был не согласен с ним. Особенно досталось от Гроута «Союзу немцев СССР» и его руководителям. Главного своего оппонента он старался не называть поименно. Вместо «Вормсбехер» говорил «главный идеолог оппозиции».

– Мы отвергаем формулу единства любой ценой. Этот этап полуварварского развития очень дорого заплачено как фашизму, так и коммунистическому тоталитаризму.

Мы за единство с теми, кто готов пойти на личные неудобства и лишения ради интересов других, большинства своих социально незащищенных соотечественников, с теми, кто готов их интересы отстаивать.

Мы за единство с теми, кто понимает, что время мгновенно, что оказавшийся в морге из него не выйдет и что до этнического морга российского немецкого народа осталось всего полшага.

Политическая обстановка, в которой мы подошли к решающей фазе Чрезвычайного съезда образно напоминает поезд без тормозов, стремительно мчащийся к станции. Станция эта – Белый Дом России.

В нем стрелочники. От них сегодня зависит судьба пассажиров поезда. Стрелку можно повернуть по разному, а можно вообще ничего не успеть.

Возникают вопросы: что будет с пассажирами, стрелочниками и самим Белым Домом? В особенности, если таких поездов множество?

Россия, Ельцин – ваше слово!

Немцы свое слово сказали ещё в марте. Ждём ответа!

Гроут, взволнованный, возбужденный, сошел с трибуны, отправился на свое место в президиуме, однако аплодисменты в его адрес не были дружными и бурными, как семь месяцев назад, на Чрезвычайном съезде. Делегаты понимали, что не вся правда на его стороне и своей непримеримостью он скорее усложняет решение немецкого вопроса. Многие ждали от Генриха Генриховича большей уступчивости.

Зал напряженно ждал. Поговаривали, что съезд может неожиданно посетить Ельцин и сделать какое-то уж очень важное заявление.

Нет, Ельцин на съезд не пришел, а прислал – после того, как с ним имел беседу статс-секретарь Хорст Ваффеншмидт, – приветствие Президента РСФСР.

Зал затих. К Горбачеву, к его речам делегаты привыкли. То, что он скажет, примерно представляли. Многие к этому времени особенного респекта к Первому Президенту уже не испытывали. Рассуждали так: «А, знаем... Все обтекаемо. Ни рыба, ни мясо. Все, как всегда, заболтает. Как и свою перестройку...» «А вот, Ельцин – из другого теста. Русский мужик! Царь! Он крутить-вертеть не станет. Скажет – как отрубит. Вот на него и следует делать ставку». «Интересно, что он скажет?»

– Приветствую открывшийся в Москве съезд советских немцев.

Считаю, что он должен сыграть особую роль в вопросах реабилитации этого народа и дать важные

импульсы полного восстановления его прав, включая и право на восстановление немецкой республики на территории РСФСР.

«Ого! Сразу взял быка за рога. Точно определил территорию».

«Да, да! Крутой мужик! Пустословием заниматься не будет».

– Пришло время покончить со всеми последствиями беззакония, перевернуть позорную страницу нашей истории.

«Прав, прав!.. Давно пора! Пришло время... пришло. Далее оттягивать смешно и грешно».

«Но что же он предлагает? Как он конкретно все представляет?»

– Восстановление государственности немцев на территории России потребует ряд этапов и времени, в ходе которых, прежде всего, нужно будет устранить все сомнения и опасения местных органов власти и жителей территории, на которой предполагается создание республики, убедить их в том, что их права будут гарантированы. Наша позиция такова – местное население должно при этом не потерять, а существенно приобрести.

«Вон как! Значит, опять этапы и неопределенное время?! Что-то не туда гнет».

«Никаких этапов немцы дожидаться уже не будут. У нас один этап – в Германию».

«Какое местное население он собирается убеждать? Тех, кто стоит у входа в кино-концертный зал «Октябрь» с плакатами: «Лучше СПИД, чем автономия!», «Довольно делить русскую землю!», «Если будет автономия, я пойду в партизаны!»?»

«Когда выселяли, ни с каким населением не считались. И никого не спрашивали».

«Отобрали все и голыми отправили в Сибирь».

«А теперь заладили: убедить местное население».

– Первым шагом к восстановлению государственности могло бы стать коренное обновление инфраструктуры, производства, социально-бытовых условий в ряде поселений этого региона с участием граждан немецкой национальности, выразивших желание переехать туда на постоянное жительство».

«Ого! Выходит, лишь первый шаг рассчитан на десяток лет, пока создадут инфраструктуру, наладят быт, обустроят изрядно загаженную территорию. А потом опять что-нибудь придумают?»

«Это по-восточному называется: к тому времени или хан умрет или ишак околеет, или сами немцы сгинут».

«Значит, по-прежнему хотят держать немца на коротком поводке и ежовых рукавицах».

«Спасибо. Надо скорее уносить ноги. Хватит нам инфраструктуры для чужих дядей создавать!»

– Следующим этапом станет восстановление государственности немцев Поволжья в полном объеме.

«Так, так... То есть, для восстановления государственности в полном объеме понадобятся ещё два-три поколения? И что это будут за немцы?»

Гарри видел из президиума: лица делегатов поскучнели, посерели, глаза потухли. Не о такой ясности хотели услышать делегаты в приветствии крутого Бориса Ельцина. Не то, не то...

Эдуард Айрих, сидевший в первом ряду, что-то сосредоточенно записывал. Строчил что-то и Гроут. Вормсбехер скорбно и безучастно смотрел в зал. Айсфельд из Германии переводил на ухо парламентскому секретарю Ваффеншмидту. Раушенбах наклонился к Яковлеву и что-то ему убежденно объяснял.

– В решении этой проблемы большую заинтересованность проявляет Германия. Политические и деловые круги этой страны готовы оказать России солидную помощь в решении этой непростой задачи.

Мы намерены обсудить конкретные её аспекты в ходе предстоящего визита в Германию Президента РСФСР.

«Ну, это понятно. На солидную помощь Германии уповают все: и уезжающие, и остающиеся немцы, и деловые круги, и правительство страны, и руководство республик. Все норовят отхватить кусок от германского пирога. Все думают, что Германия – дойная корова. И советские немцы в этом вопросе как бы разменная монета».

«Да-а... Тут царь Борис не оригинален».

– Российское руководство будет оказывать принципиальную поддержку восстановлению национальных районов и других национальных образований в местах компактного проживания немцев, сохранения их культуры и языка.

«Вот как! Скорее всего, этими формальными национальными образованиями и закончится все. А разве на то уповали немцы?»

«Опять хотят обвести нас вокруг пальца. Но немцы тоже не лыком шиты. Тоже не дураки. Как-нибудь устроят свою судьбу...»

– Выражаю уверенность, что советские немцы впишут ещё немало ярких страниц в отечественную историю.

«Что ж... в этом можете не сомневаться, герр Ельцин. Впишут. Только в историю какого отечества? Отечества, которое столько десятилетий водит немцев за нос?»

– Желаю делегатам Первого съезда советских немцев успешной и плодотворной работы по решению поставленных задач.

Аплодисменты получились жидкие, вежливые. Было ясно, что от Президента РСФСР делегаты ожидали нечто другое.

В работе съезда наметился заметный спад. Выступил с зажигательной, приветственной речью Давид Кугультинов, сполна познавший лихо репрессий,

затем представитель греков страны, представитель крымско-татарского народа, иерархи Евангелической Лютеранской церкви немцев СССР и Единой Евангелической церкви России, говорились важные, высокие слова, но внимание зала заметно ослабевало. Казалось, основное уже произошло, прозвучало, накал спал, съезд начал буксовать и никаких крутых перемен не намечается. Возбуждение улеглось.

На следующий день, 19 октября, первым выступил всеобщий любимец, милый, покладистый человек, трудармеец, доцент философии, добрейший Иван Иванович Кроневальд из Нижнего Тагила. Гарри относился к нему с давней симпатией, несколько лет переписывался с ним, получал от него любопытные материалы по истории и литературе немцев Поволжья 20-30-х годов. Собеседником Кроневальд был интересным и неистощимым. Несмотря на лишения с юных лет, на трудармейские мытарства, он жизнелюбия, веселого нрава и юмора не терял. Особенно мило звучал в его устах простонародный поволжский диалект.

Иван Иванович по-немецки произнес с трибуны съезда важную фразу: «Республика – это ещё не все, но без республики все – ничто». Фраза, как формула, сразу врезалась в сознание. И ещё он напомнил: 19 октября 1918 года по декрету Ленина была провозглашена трудовая коммуна немцев Поволжья.

Зал встал в едином порыве.

И опять пошли доклады: нудно и долго, суконным, казенным языком говорил заместитель Грота Виктор Дизендорф на тему: «О восстановлении и развитии немецкой республики на Волге». Его некоторые считали идеологом «Возрождения» и весьма эрудированным человеком. Кто знает... Гарри с ним не сталкивался. Он показался ему хмурым, замкнутым, амбициозным ортодоксом, сухарем, склонным к интригам и сквалыжничеству, с замашками серого

кардинала. Доклад его получился растянутым, сумбурным, общим, не в меру тягомотным. Никто его толком не слушал. Понятно было только то, что докладчик никак не согласен с концепцией, предложенной Леонидом Прокопьевым и что государственный акт о восстановлении АССР НП должен быть подписан до принятия Конституции. Все эти теоретические рассуждения не возымели впечатления на делегатов. Все понимали: вряд ли власть нуждается в заумных советах некого Дизендорфа.

Следующий доклад философа, писателя, человека общительного и обаятельного – Герхарда Вольтера – назывался «Эмиграционная политика сегодня». Эта тема – сразу было видно – заинтересовала многих депутатов. Все знали: несколько сот тысяч советских немцев связали свою судьбу с эмиграцией. И все понимали: просто собрать узлы-чемоданы и отправиться в путь – не получается. ФРГ всех желающих принимать не в состоянии.

– Причины известны,– заявил докладчик.– 400 тысяч недавних переселенцев из восточно-европейских стран и СССР, 5 миллионов иностранцев, в том числе 1 млн. беженцев, уже имеющихся в стране, многотысячные волны переселенцев из восточногерманских земель (не считая проблем, связанных с воссоединением Германии) породили серьезные социальные и финансовые трудности даже для такой богатой и стабильной страны, как ФРГ.

О, да... это было понятно. Многие из делегатов съезда хорошо знали об этих проблемах: не однажды сами выезжали «на разведку» в вожделенный фатерланд, да и родственников там проживало немало, и Германия, действительно, не резиновая и никак не добрая тетушка или дойная корова.

– В силу этих причин,– продолжал докладчик,– Федеральное правительство предпринимает естественные шаги, которые регламентируют въезд в ФРГ

иностранцев, в том числе переселенцев из Восточной Европы и СССР. Как известно, с 1 июля 1990 года вступило в силу положение об анкетном отборе переселенцев, а с 1 января 1991 года начал действовать закон об иностранцах, который уточняет статус беженца. Таким способом ФРГ ограждает себя от чрезмерного потока иностранцев, готовых переполнить страну.

Прием немцев из СССР осуществляется на основе статьи 116 Конституции ФРГ, гласящей, что каждый немец, который не видит для себя будущего в своей стране, должен быть принят в ФРГ. По закону 1950 года беженцам, немцам с Востока, в том числе из СССР, оказывается всесторонняя материальная помощь.

Доклад Герхарда Вольтера затронул самые сокровенные струны делегатов. Его горячо обсудили Петер Фальк из Оренбурга и Христиан Дриллер из Алма-Аты. Тут же последовала резолюция «Об эмиграционной политике».

О положении в Поволжье рассказали делегаты А.Карл и Ю.Гаар, давние жители того региона. Своим видением вопроса поделились председатель Саратовского облсовета Н.Макаревич, председатель движения «Демократическая Россия» Саратовской области Ю.Давыдов.

Николай Макаревич выступил лояльно, в конце своей речи даже заявил: сегодня в нашей области нет антинемецкого настроения, есть добрая, открытая воля людей принять немцев. И если будет проявлено желание и с другой стороны, мы примем их. Пожалуйста, – в любое время.

Зал ему особенно аплодировать не стал. Было известно, что председатель Саратовского областного совета народных депутатов Николай Макаревич – один из рьяных противников немецкой автономии на Волге, да он и сам с трибуны заявил:

– Но при личной встрече я просил руководство России не принимать решения о воссоздании республики в одностороннем порядке, просил понять, что так это невозможно сделать.

Валерий Давыдов тут же разоблачил своего земляка. Он сказал:

– Именно он, Макаревич, завоевывая авторитет у реакционного Совета, вынес на обсуждение и решил этот вопрос в пользу вообще невозможности создания любой немецкой государственности на территории Саратовской области. Именно с его подачи прошло поименное, а затем и телефонное голосование по этому вопросу. Именно он, прекрасно зная, как настроены реакционные депутаты Совета, избранные на безальтернативной основе, потакал им. Именно он, имея возможность принять более взвешенную формулировку решения, которую предлагали демократические депутаты, отверг её.

Демократ Давыдов сказал то, о чем делегаты съезда хорошо догадывались: сопротивлялось созданию немецкой автономии на местах в основном русское население. А перспектива конфронтации с русскими не вселяло надежды.

Съезд стремительно приближался к завершению.

В зале росло недовольство. Судя по всему, раздрызганный воз оставался на месте.

Из более чем ста записавшихся в прения слово получили лишь десяток делегатов.

Была, как водится, принята резолюция аж из восьми пунктов. И чувствовалось: все слова, слова, слова...

Ожидаемого Слова не было.

И ещё одну резолюцию приняли – об эмиграционной политике.

Стержневая мысль: «обратиться в международные организации с предложением распространить на немцев бывшего Союза статус беженцев – как жертв геноцида».

Прозвучало и Обращение съезда немцев СССР к народу и правительству Германии.

Суть обращения: «...обратиться к родственному народу Германии, Правительству, политическим партиям с просьбой не сокращать, а увеличить число принимаемых на постоянное жительство».

«Калининградский вариант» переселения, за который особенно горячо и последовательно ратовал темпераментный московский журналист родом из кавказских швабов – Курт Видмайер,– поддержку у делегатов не получил.

К концу съезда противоречия между «Возрождением» и «Союзом немцев СССР» обозначились все явственней. «Союз немцев» тоже выступил с обращением – явно затянутым, длинным. Делегаты выслушали его нехотя. Прозвучала жалоба:

«Делегаты не могут пробиться к микрофону. Не допускается деловое обсуждение вопросов, ставящихся на голосование. В течение двух дней не были открыты прения; делегатам, приехавшим на съезд, чтобы выразить боль, страдания и требования своего народа и предложить пути решения его вопроса... не дают сказать слова».

Ю. Гаар с трудом дочитал это обращение. Делегаты устали. Никто никого уже слушать не желал.

Многие ехали на съезд с тяжелым чувством. Раздрай среди немцев угнетал.

Уже на второй день стало ясно: главная надежда не оправдывается.

Все утонуло в докладах, речах, нудных бумажных излияниях.

Все больше людей уповало на эмиграцию.

Съезд кончился.

Делегаты разъехались.

Проблемы остались.

XI. СТОИЛО ЛИ ОГОРОД ГОРОДИТЬ?

Домой летели Эдуард Айрих и Гарри вместе. Сидели рядом, молчали. В голове творился сумбур. Говорить было не о чем.

Гарри листал свои блокноты, просматривал записи, переживал про себя все подробности съезда.

Эдуард Фердинандович, еле втиснувший свое грузное, массивное тело в кресло, шумно отдувался, кряхтел, шуршал газетами.

Улыбчивая, поджарая стюардесса металась по салону, разносила напитки, следила за пассажирами.

– О! Столько исписали за эти дни?!– нарушил тягостное молчание Эдуард Фердинандович.

– Да, потрудился... зафиксировал все.

– Когда-нибудь о том напишете?

– Очень может быть.

– А мне слова так и не дали... Хотел было о труд-армейцах сказать.

– Надо было.

– Гроут сказал: и так все ясно. Надо, мол, побольше документов принять и покрепче размежеваться.

– Ну и размежевались. Дальше некуда. На радость разных недругов. Партноменклатура на Волге ликует.

– Да-а... так получилось...

– И кто виноват?– ядовито спросил Гарри.

– Пожалуй, все мы,– вздохнул Эдуард Фердинандович.

– Наши непрошенные фюреры и завели народ в тупик.

– К сожалению... Народ настроился на выезд. Вот посмотрите.

Это была схема выезда советских немцев в ФРГ с 1980 по 1990 годы, изображенная в динамике. До 1985 года кривая линия шла медленно вниз, потом круто взметнулась ввысь. В 1980 году выехало из страны 6954

немца, потом уезжающих становилось все меньше, в 1985 году цифра упала до 460 (почти ничего), потом пошло-поехало: в 1987 г. – 14480 человек, в 1988 г. – 47572, в 1989 г. – 98094, в 1990 г. – 147950.

– Откуда эти данные?

– Их обнародовало Землячество немцев из России в Штуттарте, – ответил Аїрих.

– А теперь «Возрождение» просит поднять квоту до 200 тысяч в год...

– И тогда, мол, немцы завершат исход за 10-12 лет.

– А с учетом родственников-не немцев эмиграция протянется лет на двадцать.

– Ого! Сколько ещё съездов предстоит! Сколько ещё бумаги изведут!

Помолчали. Оглянулись. Кроме них, никого из пассажиров рейса «Москва-Алма-Ата» «немецкий вопрос», судя по всему, не интересовал.

Но, видно, Эдуарду Фердинандовичу было невтерпеж поделиться чем-то важным. Он всем массивным корпусом повернулся к Гарри. Кресло под ним затрещало, грозя развалиться. Он доверительно выдохнул:

– А мой Валера, меньшой, знаете, твердо вознамерился уехать.

– Как? Куда? – не сразу сообразил Гарри.

– Ну, в Германию... Заявил: уеду и баста. Все бумаги оформил и отправил. Просит, чтобы я через знакомых в Германии помог.

– Вот-те раз! Отец, ветеран, трудармеец, за автономию хлопочет, а сын деру дал!

– Так получается. После того, как избили его и содрали с него дорогой спортивный костюм, он твердо решился на отъезд. Не могу больше, говорит.

– Он холостой?

– Холостой... Но это ещё не все. И Ирина, дочь, надумала уехать... С сыном... Понимаете?

– Ну и ну! А старший сын?

– Тот на высоком кресле сидит. Жена русская. Внуки – казахи. Тот о выезде и не помышляет.

Гарри не знал, что и сказать. Подобные ситуации складывались едва ли не во всех немецких семьях. Молоденькая, милая племянница Гарри, полуукраинка-полунемка, отчаянно грезила об эмиграции в Германию. В Ташкенте все ей было немило. Об отъезде все чаще подумывала и сестра Альма. Она, прежде всего, хотела спасти единственного сына от узбекской армии и сделать из него «настоящего» немца. Об отъезде мечтали и двоюродные сестры Гарри – самодеятельные певуньи из Костаная. Дети двоюродных братьев Вильгельма и Христьяна под Сары-Агачем умудрились каким-то образом втихомолку уехать. И Гарри заметил, что многая его родня в последнее время относится к нему сдержанно, поглядывает косо, не разделяя его казахского патриотизма и взглядов в немецком вопросе. Она почему-то полагала, что образованный, знающий их сородич Гарри одним из первых подастся на родину предков и потащит за собой всю родню. И теперь получалось, что он не оправдал их тайных надежд. Более того, своим авторитетом, как бы сдерживал их светлые порывы. Взаимное непонимание усугублялось.

Знал Гарри: не все делегаты сидели все время в зале съезда. Некоторые отсутствовали по полдня. Ясно: не по московским магазинам шастали, а простаивали в очередях к Германскому посольству – заполняли и сдавали антраги, хлопотали о выезде для себя и для других, обделывали втихаря свои дела-делишки.

– Что-то я вас не видел в зале,– сказал Гарри при встрече давнему знакомому из Чимкентской области, земляку по Волге, активному шустрому пенсионеру-учителю Иоганну Ворму.

– Ай, дела, дела,– озабоченно ответил он.

– Какие дела? Вы же приехали на съезд автономию восстанавливать!

– Ай, что будет, то и без меня случится. А мне знакомые поручили сдать антраги в посольство.

– Ну и сдали?

– Повезло! Сразу семнадцать антрагов сдал. Вот удача-то!

– И эти семнадцать все волжане?

– Представь себе: волжане. На Волгу не хотят, в Германию хотят.

– Ну, а вы?

– И я тоже. Из партии вышел. Пенсионер. Что моим детям и внукам на Волге делать?

– А в Германии вас ждут?

– Ну, не ждут. А хуже не будет. 116-ая статья Германской конституции не отменена. А я справку трудармейца имею. Льготы будут.

Был Иоганн Ворм мужик крепкий, расторопный, себе на уме, хозяин, дом – полная чаша, своего нигде ни в чем не упустит, расчеты делал дальновидные. А ведь таких было немало на съезде. В политических ситуациях разбирались ловко. Чуяли безошибочно, куда ветер дует. Разные сантименты были им чужды.

– А вы, Эдуард Фердинандович, как?

– Да никак. Я человек известный, заслуженный тренер СССР, член партии, я вроде как на своем месте. Хотя... хотя жена все чаще уговаривает: давай уедем. Как же без детей и внуков на старости лет...

– Антраг заполнили?

– На всякий случай заполнил. Но пока держу дома.

Да, уезжали немцы. Одни – тихо, незаметно, годами готовясь в путь, продавая десятилетиями накопленный скарб. Иногда просто раздаривали пожитки, дома, строения. Другие исчезали шумно, со скандалами и стычками с начальством, преодолевая преграды, оббивая бесчисленные пороги. Уезжала и активная часть немцев – преподаватели, врачи, инженеры, творческие люди. Отъезд давался непросто: с нервными потрясениями, семейными

неурядицами, со слезами, с горем. Уезжали с радостью, с отчаянием, с тоской, в безверии. Шли как на Голгофу, оставляя большую часть души и сердца, покидая могилы предков, край, где родились дети, внуки, землю и народ, с которыми успели породниться за десятилетия, за века. Менять судьбу на судьбу – трагедия. И для тех, кто уезжал и кто оставался. Оставались как на пепелище. Как покинутые родной стаей. Вдруг выяснилось, что целый народ обрекли (или обрек сам себя?) на чужбину.

Не всем это было понятно. Многие из другого рода-племени недоумевали. Что творится с тихими немцами? Какая боль, какое отчаяние их гложет? Какая сила срывает их с места? Ведь живут – иной позавидует. Всё есть. Можно сказать, благоденствуют. Все прошлые обиды – позади. Все горести – в прошлом. Ну, что же им ещё надо?!

Все есть, да ничего нет. Нет чувства родины, родного очага, ощущения будущего, душевного комфорта, надежной востребованности, твердости духа, гарантий счастья будущих потомков.

Нет того, чем оправдана жизнь человека на земле.

Его смысла. Его назначения.

А прозябать можно везде – в тюрьме, в ссылке, в изгнании, в местах, куда тебя однажды насильно определили и где десятилетиями убивали твою душу.

Но человек не родился для вечного прозябания. Он достоин лучшей доли.

Немцы, понемногу распрямляясь, смутно чувствовали это. Зов предков звал, манил их неизбывно.

Не всё можно понять.

Не всё можно объяснить. Особенно тем, кто живет другой жизнью, покорно довольствуясь тем, что есть.

На глазах Гарри уезжали близкие люди, родственники, друзья. Один за другим уезжали артисты Немецкого драматического театра, музыканты, писатели, журналисты. Заменить их стало некем.

Уезжающие смущались Гарри, зная, что он убежденный противник эмиграции, что он в любом случае останется в Казахстане, «со своими любезными казахами», как говорили иные, что он в душе не хочет, чтобы своеобразный этнос российских немцев исчезал, сгинул в истории, обернувшись со временем просто германцем. И Гарри с болью чувствовал, что многие его соплеменники чураются его. Уезжают, даже не прощаясь, стараясь не попадаться ему перед отъездом на глаза. А были и такие, кто перед отъездом наведывали его и прощались, сдерживая слезы, чувствуя, что прощаются навсегда, что былые добрые отношения отныне в прошлом.

Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай.

Одиночество все плотнее обрушивалось на Гарри.

Уедут и самые надежные – Эрлих, Айрих... А те, что до поры до времени останутся – не его поля ягоды. Да и он для них – мастодонт.

Скверно, скверно...

Недовольство прошедшим съездом просачивалось и в печати. «Ожидали большего...– писал один делегат, Ортвин Шлоссер из Целиноградской области. – По сути дела, ни много, ни мало – сама наша судьба была решена на встрече Ельцина и Ваффеншмидта, все было сделано без нас. Стоило ли тогда огород городить?»

Другой делегат, Эрнст Дик, член правления общества «Возрождение» Северо-Казахстанской области, выразился в «Нойес Лебен» так: «Потеряли веру в будущее... В результате – мы уезжаем домой, по существу, ни с чем. С нами в очередной раз ни Горбачев, ни Ельцин не захотели встретиться, выслушать нас, поговорить с нами. Это, естественно, усилит эмиграцию и усложнит жизнь всех тех немцев, кто остается здесь. Нам, активистам общества «Возрождение», все труднее проводить работу с людьми, подчас – даже собрать их вместе, чтобы обсудить что-то: они потеряли веру в будущее».

«Съезд прошел бестолково, не получилось настоящего обсуждения проблем...». «Уехал с тяжелым сердцем», «Нас загнали в угол, причем всех вместе» – таковы были отклики.

В «Комсомольской правде» некий С. Орлюк опубликовал заметку под заглавием «Если немцы уедут, всем будет ещё хуже». В заметке говорилось:

«На днях мы получили грозную телеграмму в Саратовской области – в знак протеста против создания Республики немцев Поволжья.

Немногим раньше, как сообщил собкор «Нойес Лебен», в городе Марксе Саратовской области депутаты и активисты антинемецкого комитета «Россия» по местному радио грозились блокировать автомагистраль, взрывать мосты через Волгу и снимать бакены на реке, чтобы парализовать движение судов.

Несмотря на все это, первый съезд советских немцев все же состоялся. В пятницу, субботу и воскресенье 900 его делегатов, естественно, обсуждали вопрос о создании немецкой автономии в Поволжье, к явному неудовольствию протестующих пикетчиков, собравшихся на Новом Арбате в Москве, у кинотеатра «Октябрь», где проходил съезд.

Однако представителей немецкого населения СССР поддерживали «сверху».

«Немецкая волна» сообщала, что правительство Германии выделит 7 миллионов марок для создания автономной немецкой республики СССР. «Партнеры по коалиции ХДС/ХСС и СвДПЛ считают, что это сигнал для немцев не покидать страну. Кстати, ежегодно около 150 тысяч советских немцев покидают СССР. Как заметил председатель оргкомитета съезда Б.Раушенбах, это не только потери народа: отъезд каждых ста тысяч человек означает потерю 4 миллионов рублей».

Судорожное настало время. Наступили разброд и шатание. Все разлаживалось. «Возрождение» и «Союз

немцев СССР» обменивались упреками и ударами, выясняли отношения, отчаянно привлекали растерянных немцев на свою сторону. Проходили какие-то бесконечные совещания – на местах и в центре. Все утонуло в вязкой говорильне. Безнадега окутывала онемевшие души. Генрих Гроут готовил новый съезд. Внеочередной. Явно никому не нужный. Активисты немецкого движения выезжали в Германию, проводили собеседования на разных уровнях, обзаводились обещаниями, уповали на воздушные замки, сами обманывались и обманывали других. Съезд, конференции немцев проходили и в Казахстане, и в Кыргызстане, и на Украине. О немцах высоко говорили и Кравчук, зазывая немцев на Украину, и Назарбаев, удерживая немцев в Казахстане, и Акаев, не скупясь на обещания в Кыргызстане. Часть немцев уповали на Калининград. Затевались немецкие поселения под Санкт-Петербургом, в Омской области, в российских провинциях. Заманчивые приглашения замелькали в печати. О немцах начали много писать. На них вдруг обнаружился спрос. Едва ли не во всех областях Казахстана образовались Немецкие культурные центры. Объявились неизвестные, не в меру горластые, загребастые, оборотистые фюреречики.

Радетели немецкой автономии, чьи ряды катастрофически редели с каждым годом и месяцем, потеряли интерес к Первому Президенту СССР и все больше делали ставку на крутонравого, решительного Президента России – Бориса Ельцина. На съезде в октябре 1991 года самоуверенный Хорст Ваффеншмидт в одном из своих выступлений обстоятельно раскрыл содержание своей откровенной беседы с российским Президентом. Текст этого выступления прозвучал в печати на немецком и русском языках. Доктор Хорст Ваффеншмидт счел нужным сообщить делегатам съезда следующее:

Дамы и господа!

Я назову шесть пунктов нашей беседы с Президентом Ельциным.

Но вначале я хочу подчеркнуть, что те мысли, которые были изложены в письменном послании Президента Ельцина (имеется в виду обращение Бориса Николаевича к съезду, которое было зачитано перед этим председателем Госкомнаца Л. Прокопьевым. – *Ред.*) во время беседы обсуждались детально, конкретно. На этой беседе от нашей стороны присутствовали господин Хайкен, который меня сопровождал, и доктор Айсфельд. И еще хочу подчеркнуть, что беседа проходила в очень открытой, дружественной атмосфере.

Я проинформировал Президента о том, что было сказано на этом съезде. Господин Ельцин начал беседу со слов о том, что он чувствует свой большой долг перед немцами в этой стране.

Теперь назову **первый пункт.**

Президент Ельцин заявил, что немцы **обязательно должны вновь обрести свою государственную автономию в Поволжье**. При этом он обратил внимание на то, что решение этой задачи потребует преодоления многих препятствий. Поэтому возможна только **поэтапная реализация** – программы восстановления.

Однако в связи с этим я хотел бы подчеркнуть: Президент Ельцин сказал, что государственная автономия немцев должна **быть восстановлена именно в Поволжье, а не в каком-нибудь другом регионе страны.** Я думаю, что это соответствует пожеланиям, которые вы постоянно высказывали, и является нашей общей целью. Я говорю об этом потому, что нередко высказывалась мысль о возможности создания автономии в другом каком-нибудь регионе России.

Второе. Мы установили понимание того, что немцам должна быть создана возможность селиться и проживать в целом ряде других регионов и это должно поддерживаться. Но **в силу исторического значения центр немцев должен быть создан непременно в Поволжье.**

В этой части беседы затрагивались и другие предложения, например, создание поселений вблизи Петербурга, упоминались также Омск, Алтай, Средняя Азия. Но итог этой части беседы мы подвели соглашением, что **восстановление центра автономии возможно только в Поволжье.**

Дамы и господа! Я сказал Президенту, что вам можно много обещать, много преподносить о негативном прошлом, но для того, чтобы вы могли наладить свою жизнь, строить конкретные планы, вам необходима правовая гарантия. Поэтому в **третьем пункте** мы условились, что все задачи, связанные с решением **вашей проблемы должны найти отражение в договоре, который будет подписан во время визита Президента Ельцина в Бонн в ноябре этого года.**

Господин Ельцин подчеркнул при этом, **что это будет первый специальный документ, гарантирующий восстановление государственности немцев в России.**

Дамы и господа! Я прошу вас по достоинству оценить намерение и готовность урегулировать все эти вопросы в международном договоре. Поскольку в этом договоре оба правительства берут на себя обязательства решить задачу в ваших интересах быстро и эффективно. Это будет документ, на который каждый сможет ссылаться и который будет обязательным для обеих сторон.

Четвертое. Господин Ельцин высказал свою готовность придать всем правовым решениям, связанным с восстановлением Автономной республики

немцев Поволжья, **форму Указа Президента**. Мы обратили на этот пункт особое внимание Президента с тем, чтобы получить **гарантию ваших прав** в отношениях со всеми инстанциями и органами власти на местах.

В связи с этим приобретает особое значение Закон от 26 апреля нынешнего года о реабилитации репрессированных народов. Обе договаривающиеся стороны придерживались мнения, что **этот закон во многих частях надо конкретизировать.**

Пятое. Я подробно информировал Президента о готовности германской стороны реализовать целый ряд проектов, о которых я здесь рассказывал. Президент Ельцин с большим интересом выслушал и с удовлетворением принял эти предложения и заявил о поддержке их.

Шестое. Мы согласились также с тем, что надо достичь таких условий, чтобы как можно большее число российских немцев видело свое будущее и будущее своих **детей в этой стране.**

В качестве примечания я хотел бы подытожить эту беседу. На протяжении последних лет мне часто доводилось вести переговоры по проблемам, касающимся вас. Эти беседы страдали оттого, что в них не было подобающего содержания и конкретности. Учитывая это, я еще раз подчеркиваю значение состоявшейся беседы с господином Ельциным для решения ваших проблем, для перехода от слов к практической работе».

Немцы понимали: все правильно, все это так, все это большая политика. В сущности, амбициозный Ельцин рвался к власти, метил в Президенты СССР, выталкивал вконец растерявшегося Горбачева. «Немецкий вопрос», как бы аккуратно и политкорректно он не выбирал слова, Ельцина интересовал меньше всего. Он готовился к визиту в Германию, ему

нужно было там произвести впечатление, заручиться солидными инвестициями, завоевать симпатию немцев – как зарубежных, так и отечественных. Хорст Ваффеншмидт тоже не больно убивался из-за российских сокровников. Он усердно выполнял обязанность парламентского статс-секретаря, волю Германского правительства: всевозможными оговорками и посулами, любой словесной эквилибристикой удержать российских немцев на своей родине, оградить соотечественников от дикого, неуправляемого нашествия восточных сородичей, которых согласно конституции приходится терпеть, если и не любить, и не жаловать. И получалось, что российские немцы – головная боль и России и Германии.

Генрих Гроут носился с идеей переселить соплеменников если не в Германию, то в Австрию, Бразилию, Аргентину, Канаду, США, даже в Австралию. Идея была совершенно безумная: вряд ли эти страны-государства нуждались в российских немцах, и вряд ли сами немцы рвались в эти экзотические края. Видно, Гроут хотел напугать Россию, но разве Россию такими выпадами напугаешь? Россию, которая запросто жертвовала не одним народом, не одним этносом империи? Смешно!

Хлопотно, колготно было и в Казахстане. Независимость доставила много забот. Старое рушилось стремительно, ошеломительно. Новое устанавливалось с трудом. Жили с напрягом. Втихаря и дров наломали изрядно. Бушевали политические страсти. Экономика зашаталась, разваливалась на глазах. Власть порой охватывало смятение. Нашлись охотники ловить рыбку в мутной воде. От собраний, заседаний, советов, конференций, съездов многие охрипли, голова шла кругом. Новые времена рождались в муках. На арену выходили нетерпеливые и нетерпимые вожаки, калифы на час. Недавние кумиры, власть предержащие оказывались в

каталажке. Всюду творился сумбур. Корабль бытия еле-еле удерживался на плаву. Он все чаще обретал опасный крен. Жизнь становилась предельно мобильной и динамичной. Языки развязались. Смутные идеи витали в воздухе.

Вихрь времени захватил и Гарри. Он никогда не прикасался с живой жизнью так тесно, как в эти месяцы начала вздыбленных девяностых годов. Он побывал в разных районах Павлодарской, Семипалатинской, Чимкентской, Костанайской областях, воочию видел, что происходит на местах, участвовал в разных общественных акциях, выступал на митингах, встречался с представителями разных диаспор, проникся сочувствием к чеченцам, крымским татарам, грекам, туркам, корейцам, естественно – немцам. Все были недовольны своей участью, все ждали перемен. Волновались и русские, терявшие былую уверенность, привычный статус в обществе. Слово «демократия» и манило, и пугало. Немцы в этих областях при встрече требовали честно, искренне, по-братски ответить на вопросы: «Уезжать или оставаться? Как жить дальше? Кому верить – Гроуту или Вормсбехеру? «Возрождению» или «Совету немцев»? Что хотят Раушенбах, Ваффеншмидт? Какой линии придерживается Германия? Можно ли надеяться на Ельцина? Нужна ли автономия на Волге? Возможно ли устроить островок благополучия, когда вокруг море нищеты, зависти и злобы?»

Прозвучали и вовсе курьезные вопросы и предложения. «Нельзя ли, как в 1941 году, подогнать на станцию эшелоны, погрузить всех немцев и отправить хоть куда?» – спрашивал один. Одна бабка предложила свой выход: «Погрузить всех российских немцев на большой-большой корабль, вывезти в океан и утопить. И тогда разом решатся все проблемы. Не будет болеть голова ни у России, ни у Германии».

Нередко на таких сходках какой-нибудь мудрый Михель глубокомысленно изрекал: «Мы и здесь никто, и там – никто!» И многие понуро соглашались.

Местное начальство – районные руководители, директора совхозов и бригадиры – отчаянно вопрошали: «Там, наверху, хоть представляют, что происходит? Надо же что-то предпринять! Целыми семьями немцы уезжают. С кем прикажете сев проводить, урожай убирать?! Кто будет коров доить? Землю пахать?! А? О том кто-нибудь думает?!»

В Иртышском районе тетушка Гермина задала вопрос: «Вот скажи, майн либер. Ты говоришь: в Германии нас тоже ничего хорошего не ждет. А вот у нас жила задрипанная бабенка Мария. Никто её за человека не принимал. Ну, и укатила в Германию. Теперь фотографии присылает. Цветные! Глянцевые! Любо-дорого смотреть. Свой дом – игрушка! Машина на лужайке. Палисадник. Газон. Мария в цветастом халате. Гладкая, сытая. Рот до ушей. Это как?! Что скажешь?»

Не на все вопросы соплеменников мог Гарри дать вразумительный ответ. Не было аргумента против фотографии «задрипанной Марии», одной из первых перебравшейся за кордон.

Слава мятежного Бориса Ельцина между тем гремела-ширилась по всей стране. Мощный, открытый, понятный, косноязычный, обрушивавший на головы поклонников неотесанные слова-булыжники, свой в доску, не чурающийся простолюдинской слабости, он стремительно завоевал популярность и среди немцев теперь уже СНГ. Теребили его и немецким вопросом. И он говорил размашисто, убежденно, сочувственно, и суждения его вызывали доверие. Гроут призывал соплеменников: «Голосуйте за Ельцина! Будущее немцев в стране за ним».

Немцы поверили. Повально. Борис Николаевич не станет крутить-вертеть. Он вам не мямля Горбачев. Он

ударит кулачищем по столу и рявкнет: «Автономия бу-у-удет!» И вся недолга. Мигом все встанет на свое место. О, этот русский мужик горы свернет. Разом поломает все через колено.

В непростое время пожаловал Ельцин в Алма-Ату. Ходил вразвалочку, заметно разогретый джигитами Назарбаева, по кабинетам и коридорам ЦК-овского дворца. Журналисты валили к нему толпами. Он ронял увесистые камни-слова, застревавшие в анналах истории. Цитировали его налево и направо. Попыхивая трубкой, встряхивая кудрями, с фотоаппаратом, с диктофоном, во всеоружии, видный и эффектный, пробился к нему и главный редактор республиканской «Дойче альгемайне цайтунг» Константин Эрлих и задал-таки, от волнения грассируя заметнее обычного, сокровенный свой вопрос: «Как вам видится решение немецкого вопроса в стране?» Ельцин ответил незамедлительно, как выпалил из пушки: «Если буду президентом страны, мой первый указ будет о восстановлении немецкой автономии на Волге». И, выждав небольшую паузу, веско добавил: «Я скорее лягу на рельсы, чем не сделаю этого». Душа Эрлиха ликовала: он сумел-таки пробиться к будущему царю Борису, не подкачал, проявил расторопность, задал самый главный вопрос, получил желанный ответ, записал его на магнитофон и успел несколько раз общелкать его во всем грозном, колоритном обличии.

Эта уникальная запись прозвучала в тот же день несколько раз в редакции, на совете немцев-активистов и в Немецком культурном центре.

Немцы оживились, встрепенулись. Эрлих стал героем дня. У него на руках оказался исторический документ. Через день-другой слова Ельцина, произнесенные им в Алма-Ате, стали известны всей стране. Немцы твердо решили: голосовать они будут только за Ельцина. Однозначно! Все решилось просто и неожиданно. Горбачева с его четырьмя этапами восста-

новления немецкой автономии сменит решительный Ельцин, он станет хозяином Кремля, на другой же день подпишет указ, и немцы могут запеть «Wolga, Wolga – Heimatand, du bist wieder mein». И никаких тягомотных этапов! Ррраз – и в дамки! Таков истинный русский размах. А там все само собой образуется, уладится, обретет истинный немецкий порядок. Слава Ельцину!

Гроутовское «Возрождение» дало сигнал: быть ещё в первой половине 1992 года Внеочередному съезду немцев СНГ, на котором и будет торжественно объявлено о воссоздании их государственности. Ждать осталось совсем немного.

XII. «НИКАКОЙ АВТОНОМИИ НЕ БУ-У-ДЕТ!»

Эту сногсшибательную картинку по телевидению лицезрели все российские немцы.

Точнее: вся Россия.

А, может быть, и весь просвещенный мир.

По заснеженному, кочковатому полю, медленно шел-двигался мощный, белоголовый Президент России в плотном окружении толпы. Президент был хмур, напряжен, в явном подпитии. Губы его кривились, глаза лихорадочно сверкали. На крупном русском лице его отразилась важность момента. Судя по всему, он готовился сделать, очень ответственное заявление.

Немцы у экрана затаили дыхание. Все знали, что Ельцин находится в Саратовской области. И, надо полагать, неспроста. Неужели настал тот долгожданный миг решения пресловутого немецкого вопроса? Неужели сейчас, на этом заснеженном, ухабистом поле решится судьба российских немцев?

Толпа плотнее обступила насупившегося гиганта-президента. Заискивающе заглядывала ему в рот. Журналисты с кинокамерами, диктофонами, фото-

аппаратами суетливо забежали вперед. Чуть позади и по сторонам, спотыкаясь, угодливо улыбаясь, семенил простой люд – жители совхоза «Осиновский».

Произошло это 8 января 1992 года.

Ждали, что именно в этот день Президент России на Саратовской земле сделает тот самый исторический решительный шаг.

О, да... ему будет очень непросто: здесь он наверняка натолкнется на активное противодействие воссозданию государственности российских немцев. Именно здесь угнездились ярые противники самой этой идеи.

Программа «Вести» это понимала, поэтому поспешила предварить возможные последствия: «Судя по всему, именно представителям водной стихии наиболее страшна немецкая автономия. Ведь немцы намерены провести технико-экономическую экспертизу земель. И станет очевидно, что край имеет сегодня 100 тысяч га заболоченных и засоленных земель, выведенных из хозоборота. Придется ответить, где 4 с лишним млрд. рублей, отпущенных за последние 15 лет на мелиорацию».

Будет автономия – много неблаговидных делделишек местных князьков раскроется. Немцы дотошные, выведут всех на чистую воду.

А Ельцин, известно, человек крутой, он беспощаден ко всем центральным коррумпированным структурам. Он скажет так скажет. И не только скажет – сделает.

Президент России шел стремительно, шагисто. Толпа еле успевала за ним. Кто-то сунул ему в руку мегафон. Меховые начальственные шапки мелькали вокруг него. А перед ними сбились в стайку совхозные женщины в пуховых платках

Ельцин сказал в мегафон. Громко, многозначительно, кривя губы, делая долгие паузы.

– Сдела-а-ю... ответственное заявление... чтобы все об этом знали... Там, где нет... компактного прожи-

вания... немецкого населения... э-э... Поволжья, то есть... чтобы их было подавляющее большинство... никакой автономии не-е... бу-у-удет! Я вам как Президент это гарантирую!

Толпа заколыхалась, заулыбалась. Начальственные шапки удовлетворенно закивали. Ельцин пожевал губами, развернул плечи, возвысил голос. Из мегафона полилась на всю Саратовскую степь, оттуда – волнами – по всей стране:

– Другое дело, скажем... в Волгоградской области военный полигон 30 тысяч гектаров... пустой... и маршал Шапошников его отдает. И там... будут они заселены... допустим. И пусть эту землю... которая снарядами начинена... пусть они её... значит... обрабатывают. И Германия поможет... Там, может быть, в ка-а-а-ком-то будущем, ка-а-акая-то такая вот область и будет... или может быть район какой-то та-а-акой национальный... немцев Поволжья, но... только когда там будет 90% немцев.

Толпа ликовала. Пусть и коряво складывались слова из уст не совсем трезвого Президента, зато понятно и определенно. И тон соответствующий. Пусть немчура знает свое место. Пусть довольствуется полигоном, брошенным маршалом Шапошниковым. На вам, боже, что нам не гоже. Обрабатывайте. Германия поможет. А там... когда-нибудь... может быть... если наберется 90% немцев, тогда... может... район национальный... так и быть...

Толпа ждала. Наверняка Президент ещё не все сказал. В захмелевшей его голове, конечно же, роятся ещё какие-то мысли. И Президент выдал заключительный аккорд:

– А у вас большинство русских... это во-первых. И у вас по крайней мере 50 национальностей только вот в вашем хозяйстве живут и работают. О какой автономии здесь немецкой... Поволжья может быть у вас, на вашей территории, речь?!.. Ни один дом, нигде...

не будет снесен ради немцев Поволжья. Я вам это гарантирую. Имейте это в виду и рассказывайте всем. И не надо вокруг этого мутить воду. Не надо поджигать друг друга...

Все! Спектакль завершился. Мегафон умолк. Картина с экрана исчезла. Заявление сделано. Надежда рухнула. Немцы онемели.

Речь Президента длилась три минуты. Эти три минуты перечеркнули все – немецкую историю, немецкую судьбу, немецкую боль, немецкие надежды в России.

Эхо этой речи прокатилось по немецким душам, по всей России, по всей стране, по Германии.

Растерянность, шок охватили всех.

Первым позвонил Гарри Айрих:

– Слышали?! Вот так-то! Брошенный, напичканный снарядами военный полигон – вот наша автономия! Издевательство! Кощунство!– негодовал Эдуард Фердинандович. – Ни один дом нигде не будет снесен ради немцев Поволжья! Поняли?! Сколько ненависти и презрения к своему народу, а?!

– Да-а... я ошеломлен. Не знаю, что и сказать,– пробормотал Гарри.– Никогда не думал, что Президент, русский человек может такое брякнуть.

У Айриха, могучего детины, человека-глыбы дрожал голос.

– Когда Сталин нас высылал в 41 году, я не плакал. Думал: так, видимо, надо. А теперь плачу. Нам всем плюнули в душу.

Звонков в тот день было много. Утешали и сочувствовали историк-чеченец, еврей-писатель, курд-ученый, кореец-журналист, музыкант-татарин, друзья-казахи... Кое-кто злорадствовал: «Ну, что? Получил по башке?! Понял теперь все? Россия была тюрьмой народов, а теперь – злая мачеха».

Из Москвы позвонил на другой день писатель Анвар Алимжанов, председатель Совета Национальностей

Верховного Совета, поделился своим возмущением по поводу речи Президента в Саратовской области, сказал, что Москва бурлит. То, что было сказано устами Президента, болью отозвалось в сердцах всех репрессированных народов. Говорили: «Ведь так думает русский Президент и о нас».

Уже 9-го января Союз немцев СССР провел в Москве пресс-конференцию, полностью посвященную заявлению Ельцина. Гуго Вормсбехер сказал, что советские немцы и руководители Союза немцев крайне удивлены выступлением Бориса Ельцина, в котором он употребил выражения, противоречащие всему ранее сказанному и сделанному, по сути, поддерживая экстремистское крыло противников воссоздания автономии. За последние почти сорок лет, заявил Вормсбехер, на официальном уровне редко говорили оскорбительные фразы и слова, которые позволил себе Президент России.

Журналисты спросили:

– Какие шаги в дальнейшем будет предпринимать Союз немцев?

Вормсбехер ответил:

– Несмотря ни на что, главной задачей советских немцев остается борьба за восстановление или создание республики немцев, так как их эмиграция равносильна исчезновению целого народа.

Эти мотивы более развернуто и аргументировано прозвучали потом в «Заявлении Совета немцев СССР».

Председатель межгосударственного Совета по реабилитации немцев бывшего СССР Генрих Гроут опубликовал в «Нойес Лебен» «Обращение к общественности СНГ и мира». Гроут писал:

«Президент России не осудил своих соплеменников с антинемецкими, антиавтономистскими плакатами в руках.

Нет! Он в унисон настроению толпы митинговал и в оскорбительной для немцев форме заверил

собравшихся, что немецкой автономии в Поволжье не будет.

Заявления и рассуждения Б. Ельцина многократно транслировались РИА, их слышал весь мир. Видеосюжеты этой «исторической» речи были показаны в телепрограммах центрального телевидения России и СНГ.

Более чем двухмиллионный российский немецкий народ, полвека терпеливо ждавший восстановления своих конституционных прав и четыре последних года активно боровшийся за свободу, в очередной раз унижен, а вместе с ним оскорблена вся немецкая нация, Европа, частью которой он является, вся мировая цивилизация.

Первый Президент России, избранный всеми его гражданами и давший им присягу, в Саратове уже предал, как минимум, один из своих репрессированных народов – российских немцев. Предал народ, верой и правдой столетиями служивший России, внесший в нее цвет цивилизации и умноживший её мощь.

Теперь ясно, что в России у русских немцев нет будущего».

Много горьких слов и скорбных выводов заключалось в этом обращении Генриха Гроута. Он выразил боль и недоумение своего народа, разоблачил двурушничество, фальшь властей. Гроут задался вопросом:

«Когда Ельцин был самим собой:

– В августе 1990 года, когда он, ещё не будучи Президентом, открыто поддержал участников III конференции ВОСН «Возрождение»?

– 26 апреля 1991 года, когда Парламент РСФСР под его председательством стоя аплодировал принятому Закону о реабилитации репрессированных народов?

– Когда издавал Указ о введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии?

– В Алма-Ате на пресс-конференции, когда он заверил общественность в том, что обязательно

придет на съезд российских немцев и ничто, кроме смерти, этому не сможет помешать?

– В Бонне, когда он торжественно заявил о готовности восстановить Республику немцев Поволжья?

– Или все же в Саратове перед толпой антиавтономистов, не способных даже аргументированно объяснить содержание собственных транспорантов?

Способен ли, наконец, человек с непредсказуемыми действиями, не имеющий четкой концепции в национальной политике, управлять огромным многонациональным государством?»

Гроут бил в самую точку. Но Президент России был непредсказуем. Он преследовал свои цели. И ради этих целей лгал напропалую, обнажив свой истинный лик в подпитии перед любезной его душе толпой.

Откликов на это трехминутное выступление Президента России было много и в немецкой, и в русской, и в мировой печати.

«Ваши слова в Саратовской области – будто из прежних лет, из сталинского прошлого,– писал пенсионер из Марксштадта Александр Фелер.– Вами руководил страх перед толпой, а также желание сорвать жалкие аплодисменты».

Иоганн Кроневальд из Нижнего Тагила писал в «Нойес Лебен»:

«Совершенно бесперспективной поэтому представляется попытка переселить немцев в пустующие, заброшенные районы страны, так как бесправной рабочей силой мы можем быть и в местах, куда нас выслали в 1941 году».

Заявление сделал и Совет Архангельского областного общества российских немцев «Возрождение»:

«Мы не можем принять такое заявление Президента. Мы единодушны в одном – республика должна быть восстановлена в тех границах, в которых она существовала до 1941 года. Однако мы против разжигания любой межнациональной розни. А 90-про-

центное преобладание одной национальности над другой, о котором упомянул Президент, как раз и ведет к этому. Мы – за демократическое решение немецкого вопроса и против того, чтобы на переговорах между Россией и ФРГ нас использовали для выколачивания денег. Мы также предлагаем Президенту взглянуть на проблему с точки зрения самих российских немцев, для которых предложение о предоставлении им военного полигона просто абсурдно».

Подобные заявления прозвучали повсюду, где только обитали немцы. В них по косточкам разбиралось каждое слово Президента и убедительно – с яростью и возмущением – доказывалось полная абсурдность, нелепость, алогичность, равнодушие, непонимание, высокомерие и презрение в его выступлении. Это не было заявлением государственного мужа, а бред пьяного обывателя, непредсказуемого и злобного. Гарри поражало, ошеломляло не столько само содержание этого гнусного заявления, сколько сам тон, эти ужимки и кривляния, которые позволил себе этот новоиспеченный диктатор. Вообще-то о нем говорили: добряк, простой мужик, рубаха-парень, простодушная, открытая душа. Но «историческое» событие в Саратовской области 8-го января 1992 года раскрыло в нем человека с гнилым душком, неотесанного Ваньку, способного в погожий день обрушить небо и наломать дров.

Удар, нанесенный им в одночасье, был страшнее ударов Гитлера и Сталина. Было очевидно, что после такого нокаута немцам России уже не оправиться.

Совершенно потряс «Капустин Яр» – истерзанный полигон, мертвая земля, которую посулил в своем безумии и злобе российским немцам Президент. Вместо законной автономии Президент всерьез, с каким-то злорадством, с необъяснимой ненавистью предлагал своим согражданам убитый, начиненный осколками, утрамбованный бомбами, ненужный

военный полигон. До такого не мог додуматься ни один изощренный изувер! «За что?!»– вопила, содрогалась, корчилась душа каждого российского законопослушного немца. «За что такое наказание? Такое издевательство? Такое надругательство?» И при этом эта хамская, высокомерная, злорадная ухмылка: «Пусть Германия им поможет»...

На это нелепоскорбное событие откликнулась и «Литературная газета»:

«Восстановление автономии сейчас уже не проблема немцев, а проблема россиян, – говорил академик Раушенбах корреспонденту. – На отъезде немцев мы многое теряем. Лишаемся трудолюбивых, дисциплинированных, хорошо подготовленных сельских хозяев, в которых теперь такая нужда. Теряем и огромные средства. В 15 миллиардов рублей уже обошелся нам этот отъезд, а придется выкинуть в недалеком будущем ещё десятки миллиардов. Неужели Россия так богата?!»

Корреспондент Леонид Почивалин заключал свою горькую статью: «Вот во что могут вылиться три минуты из речи президента России в Саратове».

Итак, надежда, оставленная Ельциным российским немцам, – военный полигон «Капустин Яр». Группа Саратовских автономистов решила все-таки проверить, что он, полигон, из себя представляет. Отправились доброхоты на заброшенный полигон с лопатами, кирками, фотоаппаратами. Вокруг простиралось мертвое пространство. Там-сям росли чахлые кустарники. Обнаженная земля корчилась от стыда и боли. Даже сорная трава не могла прикрыть её жалкий вид. Ни одной живой души. Даже ворон не было видно. Истерзанная, измученная, изнуренная плоть земли. Ухабы. Рытвины. Воронки. Супесь. Глинозем. Поковыряли кирками – сплошные ржавые железные обломки. Копнули лопатами – скрежет. Нет, тут нескоро что-то будет расти. Десятки лет неустанного

труда понадобится, чтобы хоть мало-мальски оживить эту землю. И сюда, в это гетто, русский царь Борис вознамерился поселить своих рабов – российских немцев, чтобы они обработали, облагородили – с помощью Германии – эту мертвую пустыню, по завязку начиненную металлом, а потом, когда-нибудь, как-нибудь, собравшись здесь до 90 процентов, с благосклонного разрешения ему подобных царей создали на этом месте свою автономию!!

«А не жирно будет?!»– тихо возмутились одни немцы.

«А этого не хочешь?!» – воскликнули наиболее бесстрашные, демонстрируя сугубо русский неприличный жест.

«Да п-п-пошел ты в ...!»– сказали третьи ещё более решительно.

Власть в лице российского Президента-самодура вызвала у российских немцев презрение и гадливость.

«Совет немцев СССР» потребовал, чтобы Президент извинился перед российскими немцами.

Нужно его извинение! Пусть подавится!

Через некоторое время позвонил Гарри взволнованный и взбудораженный Эдуард Фердинандович.

– Читали?!

– Что?

– Статью в «Известиях»!

– Нет! А что там?

– Оказывается, и «Капустин Яр» не дадут немцам. Это, выяснилось, исконно казахские земли. Здесь казахи тысячу лет назад пасли овец. И они против того, чтобы Россия отдала полигон немцам.

– Ну, и хорошо! Не будет у нас голова болеть.

– И не «Капустин Яр» это место называется, а испокон веков – «Капияр».

– Прекрасно! Пусть забирают и «Капияр», и Омбы, и Орынбор, и Сарытау, и Тархан-кала, и Шелябы, и Тюмень. Я только «за».

– Это надо же!– не понял Айрих, продолжая недоумевать. – Даже полигон не положен. Вот это ленинская национальная политика!

– Так нам и надо!– ёрничал Гарри.– Развесили уши, распустили губы. Автономию захотели! Получается, как в казахской притче: мечтала коза о бараньих рогах, а лишилась крохотных рожек. Поделом всем нам!

– Получается, правым оказался тот, кто пораньше слинял в Германию?

– Получается так, Эдуард Фердинандович.

– Так чего же мы шумели на съездах, обивали пороги кремлевского начальства?!

– По глупости. По наивности. Просто лаяли на Луну.

– А Гроут затевает ещё один съезд.

– Что ж... Я поеду. Посмотрю. Послушаю.

– И я,– подтвердил угрюмым басом Айрих.– В последний раз.

XIII. ДУША И СЕРДЦЕ РВУТСЯ ПОПОЛАМ

Гнилые тучи кружились над Москвой. Временами валил мокрый снег. Неугомонный люд усердно месил грязь. Над Кремлем оглушительно каркали вороны, помнившие смутные времена на Руси.

В Москве собрались делегаты Второго съезда российских немцев. Название «советские немцы» сошло со сцены.

Второй съезд немцев окрестили внеочередным.

Генрих Гроут проявил характер и упорство: ему было важно услышать из уст соплеменников – готовы ли они расстаться с вожделенной идеей восстановления автономии после нокаута Ельцина, согласны ли они прозябать на военном полигоне или отныне на повестке дня будет стоять один вопрос – тотальный исход. Сам Гроут в душе склонялся к последнему варианту. Только так – по его убеждению – можно было теперь спасти душу в очередной раз униженного народа.

Делегаты были подавлены и хмуры. Безнадежье омрачало их лица. Большинство уповало только на Германию. Лишь бы она не отшатнулась от своих сокровников. Лишь бы она простила предков, заблудшихся сынов и дочерей. Лишь бы она не закрыла калитку. Мачеха-Россия от своих верных, законопослушных детей отреклась.

«Известия» (21.03.1992):

«В Москве открылся второй съезд немцев бывшего СССР, организованный межгосударственным Советом по реабилитации этого народа, репрессированного в годы войны.

Главный вопрос, который предстоит решить собравшимся: продолжать добиваться восстановления автономной республики Поволжья или же махнуть рукой на «пустопорожние обещания старого и нового руководства в Кремле» и всем миром эмигрировать в Германию? Съезд продлится три дня».

«Комсомольская правда» (20.03.1992):

Вечерний звонок Генриху Гроуту

Генрих Гроут – председатель межгосударственного общества «Видергебурт» («Возрождение»), председатель совета по реабилитации немцев бывшего СССР. Сегодня он выступит с докладом на открывающемся 2-м съезде советских немцев.

Съезд собрался в трудные для немцев времена. До сегодняшнего дня «Возрождение» считало главной своей задачей создание в Поволжье, на исторических землях, автономной немецкой республики. Между тем противоречивые, порой взаимоисключающие высказывания Президента России по этой проблеме, а также его недавний «половинчатый» указ о создании на территории республики ассимилированных немецких поселений фактически завели дело в тупик.

Реакция советских немцев не стала неожиданностью: они с новыми силами устремились в Германию.

– На съезде после анализа политической ситуации мы проведем тайное голосование. Вопрос – останется ли нашей целью возрождение этноса через восстановление республики.

– Что будет, если съезд снимет этот вопрос с повестки дня?

– Возможный вариант выхода из кризиса – одновременный вывод наших войск и переселение на эти территории российских немцев, стремящихся выехать в Германию. Мы с удовольствием отдадим военным наши дома и квартиры здесь.

На этот счет «Видергебурт» и Генштаб сухопутных войск уже подписали совместный протокол. Мы намерены обратиться к правительствам Германии и России. Для России это экономически невыгодно, зато подобное решение – выход из политического тупика. Немцев же попытаемся убедить в том, чтобы они увеличили квоту на прием наших граждан (пока власти Германии неофициально установили квоту – 150 тысяч человек в год, в такой ситуации эмиграция всех наших немцев заняла бы 20 лет).

– А как вы относитесь к предложению Л. Кравчука расселить наших немцев на Украине?

– Думаю, съезд только поприветствует его. Но речь идет всего о ста тысячах человек, может быть, трехстах – это зависит от привлекательности программы.

С. Орлюк.
КП. 20.03.92.

На внеочередном съезде говорили привычные речи, разоблачалась национальная политика российского правительства, прозвучало горячее обращение к властям и народу Германии, проявилась забота о культуре, делались пространные доклады, вновь вынесли на свет божий «калининградский вариант», вскользь упомянули никому не нужный Указ

Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» от 29 февраля 1992 года, самодеятельные коллективы в перерывах пели немецкие песни и лихо отплясывали, принимались резолюции. Но не было прежнего азарта, дух ослаб, вера улетучилась. Все походило на судорожные имитации какого-то движения.

Указ Президента накануне съезда прозвучал впустую. Один из молодых, новой волны активистов Олег Нусс писал в «Нойес Лебен»: «Думаю, пока не появятся реальные гарантии для нормального процесса возрождения республики и в них не убедятся сами немцы, все Указы, даже столь долгожданные и справедливые по форме, останутся такими же неработающими, как предыдущий Закон о реабилитации репрессированных народов, так и не принесший немцам фактической реабилитации».

Все было: и съезд, и песни, и пляски, и тары-бары, видимость национального движения, какие-то бумаги-документы, зажигательные речи, аплодисменты, но не было самого движения, не было реальных гарантий. Ни от кого. Нигде. Ни откуда.

Агентство РИА констатировало в «Известиях» от 24 марта 1992 года:

ИТОГИ СЪЕЗДА НЕМЦЕВ

Внеочередной съезд российских немцев, завершивший работу в Москве 22 марта, принял итоговую резолюцию.

В ней, в частности, решительно отвергаются меры «по так называемому «поэтапному восстановлению» республики немцев в Поволжье, предусмотренные Указом Президента».

Съезд также потребовал от «правительств России и Германии с участием представителей других государств бывшего СССР безотлагательной разработки и принятия программы организованного переселения

в Германию всех желающих российских немцев и членов их семей».

В резолюции поддерживается в целом предложение Президента Украины о добровольном переселении немцев бывшего СССР на территорию Украины. Однако оно не рассматривается как альтернатива восстановления немецкой республики в Поволжье.

РПА.

Статья о прошедшем съезде в «Нойес Лебен» *(25.03. 1992)* называлась: «Съезд констатировал: народ в пути».

И это было все. Это было ясно и без съезда. Российские немцы давно уже находились в пути. Они стали кочевниками XX века. Неприкаянные. Непристроенные. Сбитые с толку.

Точнее: народ на распутии.

Настроение делегатов нашло отражение в Резолюции Второго (внеочередного) съезда немцев бывшего СССР.

«Обсудив развитие событий вокруг проблем репрессированного немецкого народа бывшего СССР и ситуацию в немецком национальном движении в период после I съезда,

Съезд констатирует:

– в результате фактического отказа российского руководства от восстановления попранных прав российских (советских) немцев надежда народа на национальное будущее на территории России тотально разрушается;

– стремительное ухудшение общественно-политической ситуации в ряде государств бывшего СССР, все более реальная угроза крупномасштабных национальных конфликтов, гражданской войны и военной диктатуры в корне подрывают саму возможность дальнейшего существования народа, лишенного как государственности, так и большинства неотъемлемых прав;

– в этих условиях эмиграция становится для большинства российских (советских) немцев единственной спасительной мерой».

В этом и заключалась суть внеочередного съезда. Это стало целью Генриха Гроута – «обеспечение как этнического самосохранения, так и физического выживания народа»

Именно это и хотело услышать большинство делегатов съезда.

Второй (внеочередной) съезд немцев представители власти не почтили своим присутствием. И Президент Казахстана Назарбаев, и Президент Украины Кравчук, и Президент России Ельцин прислали приветствия, от которого немцам не было ни холодно, ни жарко. Не раз слышали эти слова-пустышки, гладкие, как прибрежная галька, слова-отписки.

А вот Германия всполошилась. Приехали многие – и гости, и официальные лица. Массовый исход восточных собратьев пугал. Из Землячества немцев – выходцев из России выступила энергичная, поджарая госпожа Фибер; от Союза изгнанных – его председатель доктор Чайя; потом показался и озабоченный господин Ваффеншмидт – статс-секретарь Министерства внутренних дел ФРГ. Он хоть и деликатно, завуалированно, но вполне определенно высказался в том духе, что у Германии сейчас и так голова пухнет от забот и ей ныне совсем не до руссланддойче.

Он остановился на предложенной военными и поддержанной Межгосударственным советом программе обмена жилья выезжающих российских немцев на квартиры офицеров бывшей Советской Армии в Восточной Германии. Господин статс-секретарь назвал её абсолютно неприемлемой и даже негуманной, поскольку сейчас в экс-ГДР безработица, кроме того, замкнутое проживание в бывших военных городках переселенцев из государств СНГ будет препятствовать их быстрой интеграции в общество.

Все правильно. Все верно. Но немцам от этого легче не было.

Немного удивил Гарри 15-й пункт резолюции:

«Провести в октябре 1992 года третий съезд немцев РФ с ходатайством о финансировании съезда. *Москва, 22 марта 1992 г.*»

Зачем? К чему? Что может измениться в немецком движении за шесть-семь месяцев? Что на уме Генриха Гроута? На что он нацелился?

У Гарри не было ответа.

Незадолго до закрытия съезда к нему подошел необычно подавленный, смущенный карагандинец Адольф Пфайфер. С ним года два назад познакомил Гарри Эдуард Фердинандович. Оказалось, они ровесники, учились в одно время в Марксштадтском педагогическом техникуме. Был у Пфайфера изможденный вид. В старческих глазах застыла неизбывная боль. Какая-то обреченность чувствовалась во всей его помятой, истощенной, сутулой фигуре. Из беседы выяснилось, что Адольф Пфайфер перед самой войной закончил исторический факультет Немецкого педагогического института в Энгельсе. Писал на немецком стихи, поэмы, басни. Рисовал маслом. Увлекался музыкой. Пфайфер расположил Гарри к себе сразу же. Он был испуган на всю жизнь, раздавлен. Но в его тщедушном теле продолжал тлеть творческий огонек. К судьбе российских немцев он не мог быть равнодушен. С молодых лет прошел через все мытарства ГУЛАГа. Дважды был приговорен к смерти. Дважды!

И Гарри вспомнил: он читал его автобиографическую повесть в газете «Фройндшафт» – она публиковалась с продолжениями и называлась «Между жизнью и смертью».

Встречались потом несколько раз в Москве и Алма-Ате, подолгу разговаривали, переписывались. Был Адольф Пфайфер на шестнадцать лет старше Гарри,

но общались они просто, доверительно, как дважды земляки – по Волге и по Казахстану.

Был Пфайфер на этот раз необычайно взволнован. Руки его мелко дрожали, глаза слезились.

– Знаешь, либер Меньш... Я ведь... это... тоже уезжаю. Да, да... не ругай меня... не обессудь. Нет другого выхода... Я знаю: ты не одобряешь уезжающих. Но что делать? Прости и прощай.

– Ладно, ладно... Успокойтесь... Что случилось?

– Да ничего не случилось...– Он достал платок, вытер глаза. Сухое, изможденное, в тяжелых складках его лицо побледнело, скулы заострились. Нос стал ещё длиннее. – Провожал сегодня девять семей. Сначала разрыдались бабы... потом дети... потом мужики. Ужас! К расстрелу меня приговаривали – ни слезинки не проронил. А тут не удержался. Ревмя ревел. До сих пор всего меня колотит. На старости лет и мне такое ещё предстоит. Выдержу ли?!.. Сын хвор... Дочь-одиночка. Я – вдовец. 74 года. А ехать надо. Все бросать. Картины, инструменты, книги, дом – все-все. Ой, я это не переживу... Не переживу, либер Меньш...

Феттер Адольф (по волжской манере так звал его Гарри) расплакался. Крупные слезы покатились по глубоким бороздкам сухого лица. Плечи тряслись.

Гарри обнял его. Похлопал по костлявой спине.

– Успокойтесь, феттер Адольф. Раз уж решились, чего тут... Понимаю: другого выхода нет...

– Нет, мил-человек,– откликнулся он неутешно.– Меня, представляешь, каждую ночь расстреливают... Каждую ночь депортируют... И неизвестно, куда... В Акмолинские степи... Одного... одного, понимаешь?..

Вокруг суетились, расходились делегаты съезда. А они – старый Адольф и Гарри – стояли в сторонке в обнимку, не находя друг для друга слов утешения.

Пфайфер достал из кармана помятую газетную вырезку.

– Вот. Почитай. Тут все сказано. Вся правда. Может, по литературной части что-то и не так. Но лучше не скажешь. Это боль сердца. Без слез читать не могу...

Гарри, едва покосившись на пожелтевший клочок из газеты, сразу узнал ставшее популярным среди российских немцев стихотворение неизвестного Эдуарда Альбрандта под названием «Аэропорт». Стихотворение это было впервые опубликовано год назад в «Нойес Лебен», потом перепечатано в разных газетах множество раз. Автор сумел просто и доступно высказать все отчаяние, всю боль, трагедию немца, вынужденного покидать Родину. Каждое слово тяжело ложилось на сердце.

Эдуард АЛЬБРАНДТ

АЭРОПОРТ

Аэропорт. Горою чемоданы.
И дети спят на выстывшем полу...
Мы улетаем... Ждут другие страны.
Решились! Не хватайтесь за полу!..

Печать тоски на лицах отрешенных,
В глазах надежды робкой огонёк...
Мы улетаем, с нами наши жёны
Да старики, кто в землю не полёг.

Спасибо Вам за всё, товарищ Сталин:
Вы подсказали нам, как надо жить.
Мы ждали сорок лет, мы ждать устали
Пока вернут – что нам принадлежит.

Язык теряем, веру и обычай,
И надо что-то делать поскорей...
Но Ваш закон на нас колючкой бычит,
Как проволокой Ваших лагерей.

Мы помним всё.
Не стёрлось! Не забыли,

Как ни за что загнали нас в тайгу.
Мы – сосны, а болезни нас валили,
И дети умирали на снегу.

Как нас считали, ставя на колени,
Да по затылкам хаживал приклад.
Мы погибали, веря в светлый гений,
Что нас вернет на Родину – назад.

Прошли сквозь сито смерти
На две трети.
Рассеялись горстями на земле,
Но ждали, ждали, ждали полстолетья,
Что вспомнят вдруг о немцах
Там, в Кремле.

Минуло полстолетие... Как страшно,
Что смотрят до сих пор, как на врага.
А время островов немецких наших
Нещадно размывает берега.

А мы ещё надеемся на что-то,
В глухую стену бьёмся головой.
Оставить жалко землю, дом, работу...
И так охота быть самим собой.

По сути дела здесь и там чужие,
Но немцы мы, и нам не все равно!..
Терпенью научила нас Россия,
Но, чёрт возьми, кончается оно!

Собраться вместе надо бы скорей нам,
Покуда в нас хоть капля жизни есть.
А многие не Волгою, а Рейном
Любуются и нас жалеют здесь.

А там, на Волге, злобою сгорают,
Тревожатся, боятся до сих пор.
Но разве страшен тот, кто умирает?
А путь к здоровью тяжек и не скор.

И вот опять родные улетают.
Подумать можно: на подъём легки.
Но слёзный ком гортань пережимает,
И плачут, уезжая, старики.

Изверились. И снова раз за разом,
Давя могучим рёвом на виски,
Летит в закат крылатая «Люфт-ганза»,
Уносит тела нашего куски.

И – новый рейс,
И снова слёзы льются,
Прощания по залам и углам...
Уходят те, а эти остаются,
Душа и сердце рвутся пополам.

«Душа и сердце рвутся пополам...»

Разве точнее скажешь? И кто, кроме покидающих вынужденно Родину, понять это в состоянии? Кто в состоянии прочувствовать каждое словечко этого стихотворения? Здесь все обнаженная правда, вся история, вся трагедия народа-изгоя.

Кто такой – Эдуард Альбрандт? Написал ли он что-нибудь ещё? Или так и остался автором одного-единственного стихотворения, в котором вылилась душа всего униженного народа? И где он теперь, этот Эдуард Альбрандт?

Здесь, в Москве, ещё бушует часть немцев на бесполезных съездах, а там, рядом, на аэропорту «слёзный ком гортань пережимает, и плачут, уезжая, старики».

И так рейс за рейсом, уже несколько лет, по 100-150 тысяч соплеменников покидают в отчаянии страну...

Уходят те, а эти остаются,
Душа и сердце рвутся пополам.

Уезжают, уезжают самые близкие, самые надежные. А Гарри остается с израненной душой, с болью в сердце, с отощавшим корджуном, как подранок.

У каждого своя судьба.

У каждого своя жизнь.

И каждый, как известно, умирает в одиночку.

Над Москвой низко ползли гнилые тучи. Ветер шальной гонял по мостовым пожухлые, мокрые, прошлогодние листья. Каркали-надрывались вороны.

Делегаты спешно разъезжались.

Старый Адольф и Гарри долго прощались.

Долгое прощание – лишние слезы.

Душа и сердце рвутся пополам...

XIV. ПРОЩАЙТЕ, СЪЕЗДЫ?

Генрих Гроут был неутомим и неугомонен. Он пользовался исключительным авторитетом не только среди большинства российских немцев, но и среди других репрессированных народов – чеченцев и ингушей, крымских татар, турков-месхетинцев. Его, прирожденного вожака, человека целеустремленного, яркого, организатора, обладающего неотразимой харизмой, борца за справедливость, обожали в многонациональном обществе, с ним нехотя считались и власти, и в Германии он был признан лидером немецкого движения в бывшем СССР. Гарри по-прежнему симпатизировал ему, общался с ним, иногда спорил, радикальных его взглядов не разделял, авантюрный склад его личности вызывал порой тревогу, но нельзя было не отдавать должное его напористости и искреннему заступничеству за свой народ.

Он руководствовался гейневским постулатом: «Schlage die Trommel und fürchte dich nicht!» – «Бей в барабан и не бойся!» Он был барабанщик, смутьян, бунтарь в хорошем смысле. Не давал покоя ни себе, ни другим – и властям России, и Германии одновременно.

Он решил максимально заострить немецкий вопрос в развалившейся империи. Он хотел доказать властям, что российский немец отныне не послушный раб, не изгой-переселенец, а полноценный гражданин общества, более двух веков верой и правдой служивший новому отечеству, и с ним необходимо считаться. Это был его штандпункт, и Гарри он был люб.

Грот проводил заседания правления Межгосударственного совета по реабилитации немцев бывшего СССР. Он теребил советников Президента России, представителей Правительства, посольства Германии и Фау-де-А-организации по содействию культуре зарубежных немцев.

Он планировал новый съезд немцев в Москве, Третий, и придумал ему название – объединительный, консолидирующий.

В «Дойче Альгемайне Цайтунг» прозвучала заметка её московского корреспондента:

В марте решено провести съезд

На днях в Москве состоялось заседание правления Межгосударственного совета по реабилитации немцев бывшего СССР. В его работе приняли участие советники Президента России, представители правительства, посольств Германии и VDA.

На заседании обсуждалась принципиально новая ситуация, сложившаяся вокруг проблемы реабилитации российских немцев в связи с заявлением Президента России Б. Ельцина в Поволжье, а также в связи с намерением правительства России отсрочить до конца 1995 года территориальную реабилитацию репрессированных народов. Участники заседания пришли к выводу, что данное неблагоприятное развитие событий требует серьезного обсуждения кардинальных решений со стороны наиболее представительного форума, т.е. съезда. Его решено созвать с 20 по 22 марта этого года в Москве.

Не расценивая заявление Ельцина как последнее слово российского руководства по немецкой проблеме, члены правления потребовали от Верховного Совета и правительства России, незамедлительного рассмотрения решений первого съезда. Если к моменту проведения второго съезда не будет принято реальных государственных решений, слова Ельцина будут рассматриваться как окончательный ответ руководства России, как его нежелание пойти навстречу законным требованиям немцев бывшего СССР.

Решено 28 марта объявить днем общенациональной солидарности и повсеместно провести в этот день собрания, конференции и митинги. В связи с неблагоприятной обстановкой в Поволжье, усугубленной заявлением президента России, решено отсрочить реализацию достигнутых правительством Германии договоренностей по созданию штаб-квартиры Межгосударственного совета по реабилитации в г. Саратове. Единодушно отвергнуто оскорбительное предложение по переселению немцев на военный полигон «Капустин Яр». Попытки реализовать подобные проекты, подчеркнули участники заседания, могут привести лишь к окончательной потере веры немцев в свое национальное будущее на территории СНГ, а также резко усилить их стремление к выезду из страны.

Игорь САЛАМАТИН,
«Дойче Альгемайне»

г. Москва

Решено – сделано.

Третий съезд немцев СНГ прошел в Москве в намеченный срок – в конце февраля 1993 года. В проведении съездов, в его регламенте, содержании и наборе мероприятий уже наметился штамп. Сценарий был почти один и тот же. Он был слеплен по одной и той же колодке.

Свои впечатления об этом съезде Гарри изложил в очерке, озаглавленном: «Прощайте, съезды?» В беглых заметках он пытался передать дух самого съезда.

...Три дня продолжался в Москве третий съезд немцев СНГ. И все эти дни гуляла в российской столице синяя московская метель. Февральский вьюговей, поскуливая и подвывая, вмиг намел диковинные сугробы. В пушистых снежных сувоях утонуло все.

В этом снегу, в сугробах, померещилось мне, затерялись и пути-дорожки руссланддойче...

Затерялись... Замело... Не видно ни зги.

И для чего понадобился этот – третий – съезд?

Давний мой знакомый, один из ретивых автономистов, горько пошутил: «За три-четыре года наши немцы удивили всех: провели столько съездов, сколько КПСС за семьдесят лет».

«Что ж... и мы не лыком шиты. Знай наших!»

Мы сподобились бурно обсудить «немецкий вопрос» на трех съездах – чрезвычайном, очередном и внеочередном, на пяти конференциях, десятках пленумах и заседаниях советов всех мастей, всех ориентаций и направлений. А ведь прошумели-прошелестели ещё съезд немцев Кыргызстана, Казахстана, России, Поволжья, Украины... По этому показателю не сравняться с нами ни гордому внуку славян, ни финну, ни другу степей – калмыку. Тут мы, получается, впереди планеты всей.

Для чего собралась тысяча российских немцев в столь суровое время в заметно обтерханной и замусоренной белокаменной? Ей-ей, немногие делегаты, полагаю, могли бы на этот вопрос ответить вразумительно. Идея-штандпункт была обнародована накануне – объединительная, консолидирующая.

Но... кто с кем объединяется? Гроут с Вормсбехером? Дизендорф с Гааром? Кто консолидируется? Немец-беженец из Таджикистана и Михель, изнывающий от безделья в контейнерном раю в Германии?

Немец уезжающий и остающийся? Или Союз изгнанных с Фау-де-А? И на какой основе должно происходить это тотальное братание?

Генрих Гроут все время утверждает, что 90% российских немцев непременно эмигрирует. И не терпится ему, чтобы скорее это случилось. Раньше он хотел всех нас сплавить за два-три года, теперь заговорили о двух пятилетках. Единственный смысл, который он и его сподвижники вкладывают в понятие «возрождение» – эмиграция. Возродиться, оказывается, проще пареной репы. Достаточно российскому немцу, спустив все пожитки, перебраться в Германию, и этнос спасен. И вся философия. Вся тактика. Вся политика.

Юрий Гаар задал резонный вопрос: «Если 90% собирается выехать, то на какой платформе будем объединяться?» Схожие вопросы прозвучали и в речах Б.Рейтера и Г.Вормсбехера.

А ответа не последовало. Мне показалось, что у лидеров «Возрождения» его попросту нет. Или он слишком сложен и хлопотен.

Ба! Знакомые все лица...

Я имел удовольствие участвовать в работе всех съездов, конференций, пленумов российских немцев. И знаю в лицо едва ли не половину делегатов. Странно... Кто же эмигрирует? Организаторы одни и те же. На трибуне одни и те же. В президиуме – тоже. Во всех рабочих органах съездов – знакомые фамилии. Мне заранее известно, кто что скажет, кто где будет сидеть, кто у какой стойки буфета займет очередь. Постоянство заметно не только von Huben, но и von Druben. И «оттуда» почти всегда одни и те же лица. И речи те же. И представители Фау-де-А раздают делегатам все те же авторучки.

И приятно встречаться с добрыми и давними знакомыми из Москвы, Новосибирска, Кыргызстана, Узбекистана, Украины, Нижнего Тагила, Екатерин-

бурга, Поволжья, Томска. За последние четыре года успели едва ли не породниться.

Но отчего по-прежнему толкутся на съезде те отчаянные, бесшабашные и радикальные «борцы», которые тогда еще с пеной у рта проклинали все в «большевистской России» и буйно, истерично ратовали за немедленный, массовый исход? Что же они никак не уезжают? Не могут? Не хотят? Или «там» не принимают? Или какая то особая миссия удерживает их в постылой стране?

Не могу понять.

Синдром антрага ...

Ну, вот заполнен и отправлен 54-страничный «талмуд» под названием антраг.

И наступает изнурительная полоса томления и ожидания. Редко кто из моих соплеменников, подав антраг, продолжает жить полноценной жизнью, работать с прежним рвением.

Большинство испытывает некий надлом, психологический сдвиг: душа раздвоена; все неинтересно, немило; дома разлад; дети учатся тяп-ляп; все валится из рук; нет желания ни сеять, ни убирать; хочется, чтобы «здесь» все было плохо и всем худо; странное состояние – не тут и не там. Хорошо, если эта маета продолжится, полгода, год; а если два, три, четыре года? С ума впору сойти. Полбеды еще, если эмигрирующий сам себя изводит, но он и на общество влияет дурно, распространяя флюиды тоски и уныния.

Многие члены «Возрождения» пребывают именно в таком подвешенном состоянии. И треть делегатов съезда была именно из этой категории. О какой конструктивности, результативности может идти речь, когда уже вот-вот... не сегодня-завтра... туда-туда, в благословенный край предков?

Какие программы, нацрайоны, курсы-школы, сыроварни, газеты-журналы, центры?! Чушь! Ничего этого не надо! Скорее, скорее в Германию! Там пиво,

там поджаренные колбаски, там машину купишь в два счета и сходу зашпрехаешь на муттершпрахе на зависть тутошним грамотеям. Вот так!

Из этого слоя населения и был укомплектован состав делегатов. Проверенный, надежный. Большинство – стабильно. Единство полное. Правда, после первого же перерыва зал опустел наполовину. Кто по фойе прогуливался. Кто у торговых лавок стоял за китайскими товарами. Кто на уютных диванчиках вел беседы. В президиуме из 23 человек осталось 8. Энергичный, напористый, опытный председатель больших форумов Вл. Бауэр тщетно призывал народ вернуться в зал, грозил закрыть торговые точки и буфеты. Даже счетная комиссия разбегалась. Да и что считать-то? Все равно всегда и по любому вопросу – большинство.

«Новеньких» обнаружилось 152 человека. Из-за них возник было сыр-бор, но вскоре их утешили: проездные, суточные, мол, получите, а без мандатов обойдетесь. Неизвестно, что за люди, какой ориентации... Может, оппозиционеры? Пусть походят с совещательным голосом. Так решила мандатная комиссия. И президиум с этим охотно согласился. А зал? Э, чего там?... Большинство!..

«Антражный» синдром витал над третьим съездом...

Что нового в докладах и речах?

Да вроде ничего. Все уже было, было. Перепевы известных мотивов. Ни свежих метафор. Ни меткого словца. Ни запоминающегося образа. Ни литературных реминисценций. Занудливый, серый бытовой волапюк. Видно, все уже сказано. Творческий дух испарился.

Господин Х.Ваффеншмидт повторил две свои ударные фразы: «Das Tor bleibt offen» и «Wir lassen die Russlanddeutschen nicht im Stich» («Ворота остаются открытыми» и «Мы российских немцев в беде не оставим») и тотчас улетел.

Сергей Шахрай заявил, что Россия «заинтересована в том, чтобы российские немцы остались российскими. Это однозначно» и тоже улетел по срочным делам в Поволжье.

Генрих Гроут признался: «Съезды уже сыграли свою роль. И дублируют друг друга. Они напоминают долгий парламент».

Никто эту истину оспаривать не стал.

Гуго Ворсбехер сказал: «Национальную проблему ныне можно решить только в упряжке с крупными экономическими проблемами России».

И против этого никто не возражал.

Свежей показалась идея Г. Гроута о создании нового органа руководства российскими немцами – Фольксстаг. Заманчиво и красиво, как и предыдущие его идеи о создании Ассамблеи или переселения нас в Аргентину и в Австралию.

Но никто не возликовал, ибо поняли: пустое, фейерверк, бенгальский огонь. Какой там еще Фольксстаг? Кто с ним будет считаться? С таким же успехом можно объявить себя испанским королем. Кто-то из немцев ФРГ сказал: «Eine Regierung ohne Land». («Правительство без территории»). Кто-то из них заметил: «Правительство в изгнании? Надо же, братцы, с реальностью считаться!»

Жаль... Есть же где-то бундестаг... ландстаг... Неужто мы не сообразим фольксстаг?

Вздохнул Генрих Генрихович, смирился, признался в заключительном слове: «В оставшееся время мы не сможет выбрать новый орган» и предложил оставить прежний МГСН. Делегаты дружно проголосовали за «обновленный» МГСН на старой основе.

А в перерывах...

Самое интересное на больших форумах происходит в кулуарах. В этом смысле III съезд немцев СНГ исключением не был.

Перерывы, как правило, затягивались. Делегаты кружились по просторному фойе Дома кино, рассматривали множество стендов, смотрели фильмы на немецкую тематику, любовались концертом самодеятельных групп, подолгу толпились у буфетных стоек, обескураженно всматриваясь в сногсшибательные цены, обретали книги и газеты, издания Фау-де-А, тайванский ширпотреб, встречались со знакомыми, решали неотложные дела, налаживали контакты, обменивались адресами и новостями на местах, давали интервью, случалось, танцевали.

Что может быть дороже живых человеческих контактов, особенно теперь, когда мы все очутились в разных государствах и возможности для встреч становятся все более проблематичными?

Я с грустью смотрел, как степенно вальсировали бывший трудармеец, литератор Фридрих Крюгер и ныне пенсионерка, активная участница художественной самодеятельности, моя двоюродная сестра Виктория. Из несуществующего, сгинувшего с лица земли некогда большого села Манхайм были на съезде мы с Викторией. Из соседнего, тоже исчезнувшего немецкого села на Волге Зихельберг, был один Фридрих. Осколки той, прошлой жизни, возродить которую невозможно. И манхаймка Виктория, и зихельбергец Фридрих Крюгер намерены вскорости эмигрировать в Германию. А пока они вальсировали... А я, их младший земляк, сохраняющий в душе отсвет той погасшей жизни, знавший по детству и Манхайм, и Зихельберг, глядел на них и с восторгом, и с щемящей печалью. Этим вальсом наверняка обрывается страница целой истории...

Самым популярным человеком на съезде был, несомненно, Яков Фишер. Его знают и любят все. И он знает и любит почти всех. Он был в постоянном окружении, он был всем нужен, чтобы поговорить, посоветоваться, что-то кому-то передать, что-то

выяснить, помочь в оформлении, уточнении каких-то бумаг, рассказать, как живется нашему брату «там», и если лучше, то насколько, нужно ли поторапливаться с выездом или можно повременить и т.д. Всем женщинам хотелось потанцевать именно с Яшей, с Якобом, с Яковом Фридриховичем. И Фишер улыбался, сиял, обещал, советовал, танцевал и даже пел: «Вольга, Вольга, ду бист фрай» по мониторам. Для всех российских немцев он ландсман, да и работает он в «Ландсманшафте». Яков Фишер – сам по себе целый съезд. И если он проводил где-нибудь консультацию, то делегаты спешили к нему, а не в зал.

Аве, Мария!..

С фольктагом ничего не вышло. В «обновленный» МГСН вошли автоматически все члены Совета немцев Казахстана, Совета немцев России, по нескольку человек из Кыргызстана, Украины, Узбекистана, Белоруссии, Балтии и т.д. – всего 102 человека. По предложению Гроута, «по принципу необходимости и компетентности» ввели еще 8 человек из штатных сотрудников. Люди достойные: возражать не стали.

С заявлением от имени Международного Союза российских немцев выступил Г.Вормсбехер. Он отметил, что:

– реальной программы у «Возрождения», кроме выезда 90% немцев, нет;

–делегатский корпус съезда сформирован местными организациями «Видергебурта»;

–создается непонятный орган с расплывчатыми уполномочиями;

– разговор о консолидации оказался пустым;

– мы видим будущее российских немцев только в России.

И, исходя из этого, Международный Союз российских немцев выходит из состава МГСН.

Объединительная идея съезда рухнула.

Надо было как-то скрасить кислый финал. «Возрожденцы» из разных регионов подписали меморандум о сотрудничестве и единстве. Скрипачки из Омска исполнили нечто томительно-грустное, почти траурное, но, спохватившись, заиграли «Аве, Мария!», пока «подписанты» ставили торжественно свои подписи. Не подписали меморандум: Международный Союз российских немцев, Саратовское общество «Хаймат», Землячество немцев Поволжья, Азовский национальный район, Немецкий национальный район на Алтае. Кто-то еще – не упомню. Все кинулись из зала к раздевалкам, к кассам, к автобусам. Фойе опустело, уже были убраны стенды, мониторы, лотки, столики. Съезд завершился. Неужели последний?

Что дальше?.

В массе российских немцев «Возрождение» весьма популярно. Все мы танцевали от этой печки. Все мы отдавали ему душу и сердце. Но ныне «Возрождение» – организация далеко не однородная. И от своих первоначальных идей и идеалов она давно отошла. Кто-то от нее отпочковался. Кто-то по-другому видит цели и задачи немецкого движения. Кто-то не разделяет прямолинейность, нетерпимость, фрондерство, шарахание отдельных лидеров «Возрождения». Это естественно. И не надо делать из этого трагедии. В «Возрождении» очень немало кандидатов в «Шпэтаусзидлеры» – «Поздние возвращенцы». Под ее крышей достаточно и тех, кто намерен обустроить прежде всего свой дом и занимается конкретным и практическим делом. И тем самым они в принципе ближе к «Союзу», нежели к «Возрождению». Даже в разных городах «возрожденцы» работают в разном режиме и тональности. Нередко даже цели и задали иные. Под эгидой «Возрождения» функционируют многие культурные центры и немецкие общества, по сути ничего общего с ним не имея. То есть они заботятся о дойчтуме в СНГ, а не взирают исключительно

за кордон, «инда очи разболелись глядючи». А есть еще коммерческие структуры, банки, клубы деловых людей, акционерные общества, предприниматели и т.д., которые давно занимаются нужным, серьезным делом и которым политический трезвон «Возрождения» или «Союза» одинаково «до лампочки».

Трансформация очевидная. И разговоры про 90% «шпэтаусзидлеров», про 250 тысяч членов «Возрождения», про то, что «возрожденцы» – единственно настоящие немцы, пекущиеся о благе народа, а все остальные – лишь люди немецкой национальности с сомнительными полномочиями (любимый тезис Гроута), про большинство и меньшинство, что только МГСН полномочно представляет российских немцев на всей планете – все это выдумки, туфта, обман и самообман. Жизнь не черно-белая, а многоцветная.

Крен в немецком движении все более заметен. Гроутовский радикализм иссяк, поблек. Ультиматумы, устрашения, конфронтации, силовое давление, амбиция, мнимые угрозы, позы обиженного и гигантомания – это уже все не срабатывает. Нужно, оказывается, работать. Терпеливо и упорно созидать. Бросаться людскими судьбами – безответственно. Далеко ли уйдешь в одних лишь левых сапогах?

Вижу: Гроут и его сподвижники начинают это понимать. Они идут на уловки, очень, впрочем, прозрачные. Они перемещают центр тяжести.

Руководство как Германии, так и России это прекрасно видит. Ультиматумы его не пугает. Оно хочет, чтобы национальное движение российских немцев согласовалось с его государственной политикой. И Германии, и России целесообразней иметь дело с теми, кто не ратует исключительно за массовый исход, кто не бросается громогласными лозунгами, уповая на манну небесную, а терпеливо работает, созидает, строя мост между двумя государствами.

Отсюда вывод: радикальное крыло «Возрождения» не имеет будущего. Оно лишится поддержки не только власть имущих двух государств, но и недавних верных приверженцев. Нужно стряхнуть дурман, гасить инерцию, менять тактику и штандпункт, дабы соблюсти хотя бы реноме. Нужно искать точку опоры. Выходить на разумную дорогу возрождения этноса, а не просто баламутить народ, соблазняя его легкими и ложными стежками-дорожками. Вот тогда-то вполне естественно и наступят консолидация и единство в движении российских немцев».

Гарри Карлсон
12.03.93.

ТРЕТИЙ СЪЕЗД НЕМЦЕВ БЫВШЕГО СССР ЗАВЕРШИЛСЯ БЕЗРЕЗУЛЬТАТНО

За три дня работы форума делегаты так и не приступили к обсуждению проблем тех российских немцев, которые намерены остаться в республиках бывшего СССР. Не удалось создать ни нового представительного органа, ни сблизить позиции двух основных организаций российских немцев. Это уже третий съезд, который закончился с подобными результатами. Провал объясняется просто. Подавляющую часть делегатов съезда составляли члены общества «Возрождение», ставящие основной задачей эмиграцию в Германию.

ИТАР-ТАСС.
2.03.93.

XV. НУ И ЧТО?

Что же дальше, мой неприкаянный немецкий брат? Отгремели-отшумели московские съезды и конференции. Улеглись ли страсти? Утешилась и утишилась ли твоя взбаламученная душа?

Сразу не ответишь.

Годы идут, ползут, бегут, мелькают.

«У прошлого нет следа»,– утверждают казахи.

«Прошлое не проходит»,– считают немцы.

А у каждого божьего дня свои заботы и радости, свои горести и удачи.

И неизбывный, неясный, как морок, генетический зов продолжает смущать тебя, куда-то зовет, манит, как напоминание давней и непроходящей боли, как отголосок затухающего, медленно умирающего эха. И то верно, что та боль заметно приглушилась, притупилась с годами, но все же постоянно саднит, ноет, глухо напоминает о себе.

Зов? Что за зов? Зов чего? Зов куда?

И не определишь это зыбкое, смутно-тревожное состояние. Может, зов судьбы? Зов души? Зов сердца? Зов вечной боли и недосягаемой мечты?

А, может, трубный зов? Как сказано у одного барда: «Тут трубный зов – и все коту под хвост».

Что «все»? Под чей хвост? Какого кота?

Неотступный мотив: «Где мой Дом?», «Где мое Гнездо?»

Гнетущее чувство эмигранта.

...И тебя продолжает преследовать все тот же постылый, изнурительный сон. Все идешь-бредешь. Тащишься-плетешься по бездорожью, через увалы-перевалы, овраги, долины, горы, болота, леса и пустыни, и преследуют тебя неотступно какие-то чудовища, звери-гады, уродины, и дороги не видно конца-краю, от усталости, бессилия вот-вот рухнешь замертво, как подкошенный, силы тебя безнадежно покидают, а уже видишь смутные очертания твоей вожделенной цели, впереди маячат тусклые огоньки, манящие блики, там – ты это чувствуешь – твой Дом, твое Гнездо, там твоя опора и отрада, там тебя ждут родные люди и спасительное отдохновение после долгого, изнурительного пути.

...Я вечный пилигрим, изгнанник, лишенный родного очага в хрупком детском возрасте, насильно отлученный от могил предков, от той земли, куда более двухсот лет назад прибыл мой пращур с женой и двумя детьми, от того некогда запущенного, дикого края в заволжской степи, где истлели кости моих дедов семидесяти поколений, и я, как тень, ищу свою мечту, свои грезы, идеалы, свою нетленную память, которых, скорее всего, и нет, которые истаяли во времени и пространстве, остались где-то за тридевять земель, в невозвратном прошлом – прошлом моего изничтоженного, измочаленного, изнуренного, издерганного, растребленного, разбросанного, униженного, растоптанного, запрещенного, развеянного, рассеянного по всей стране, по всему миру, забитого, отлученного от корней, от самой памяти, обреченного на вечное изгойство, на неустроенность, неприкаянность, превращенного в перекати-поле, гонимого всеми ветрами судьбы народа, в разные времена называвшегося и называемого по-разному – русские немцы, колонисты, российские немцы, советские немцы, тевтонское племя, диверсанты, шпионы, спецпереселенцы в России, в Советском Союзе, в СНГ, и возвращенцы, чужаки-фремды, переселенцы-аусзидлеры в Германии и т.д. – кому как вздумалось. А они, в сущности, были осколками европейских народов, потомками выходцев из германских княжеств, Австрии, Голландии, Люксембурга, Бельгии, Дании, Швеции, Франции, Италии, Швейцарии, ставшие в России повально немцами от слова «немой», так как поначалу не изъяснялись по-русски.

У Вольдемара Гердта есть такие строки:

– Mein Urahn war ein Emigrant,
Mein Ahnen – Kolonist.
Mein Opa als Marxist bekannt,
Mein Vater – Kommunist!
Ich war Spion und Diversant,
Mein Sohn Fritz und Faschist.

Такая вот историческая градация. Был пращур эмигрантом, предки – колонистами, дед – марксистом, отец – коммунистом, сам автор окрещен сталинским указом шпионом и диверсантом, сын – «фрицем» и «фашистом»... Можно добавить: внук – автономистом, правнук – поздним возвращенцем...

Обрушилась империя, обвалилась. Развалился нерушимый Союз. Образовались независимые государства.

Немцы очутились под обломками. Немцы оказались на обочине.

Понятно, речь идет о руссланддойче.

Смирились ли они окончательно с роком?

Не совсем.

Все ещё пошумливают в разных пределах – в России и Германии. Все ещё жаждут полной реабилитации.

Какая может быть полная реабилитация?

Она может быть полной лишь на том свете, где реабилитируют всех.

С распадом Советского Союза, в связи с массовым исходом российских немцев многие из былых активистов немецкого движения как-то самоотстранились, ушли в себя, обособились, отбились от косяка, смирились с одиночеством, как одинокий конь-саяк, пасущийся в степи сам по себе, нашли себе нишу в других общественных структурах, замкнулись. Но где-то в высоких сферах, на широких просторах России и в тесной, ухоженной Германии происходили и происходят встречи, сборища, кипели и кипят страсти, обсуждалось и обсуждается будущее, склонялось и склоняются на все лады прошедшее, образовались и образовываются общественные организации российских немцев.

В России:

– Международный союз российских немцев;

– Общество немцев Российской Федерации;

– Землячество немцев Поволжья;

– Международный союз немецкой культуры;

– Общественная Академия наук российских немцев;

– Фонд «Российские немцы»;

– Международный фонд «Бильдунг»;

– Фонд реабилитации и помощи жертвам сталинизма и трудармейцам.

– Совет немцев России.

– Департамент по делам российских немцев.

Функционирует национально-культурная автономия «Российские немцы» в Российской Федерации.

Надо полагать, что все эти организации, фонды существуют не только на бумаге. У всех у них есть определенные цели и задачи.

В Казахстане функционируют Ассоциация общественных организаций немцев Казахстана, Немецкий Дом, немецкие культурные центры, Научное общество немцев Казахстана, Совет немецких предпринимателей.

В Германии разные ферайны, конвенты, землячества, союзы, партии, газеты, журналы, издательства немцев из России.

Это радует.

Это свидетельствует о том, что народ ещё жив, не совсем перемолот, затоптан.

А каких только законов не сработано по части руссланддойче только в одной России за последние годы?

– Федеральный Закон «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года.

– Федеральный Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

– Указ Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» от 21 февраля 1991 года.

– Федеральный Закон «О национально-культурной Автономии» от 17 июня 1996 года.

– Федеральный Закон «О внесении изменений в Федеральный Закон «О Национально-Культурной Автономии» от 17 октября 2003 года.

– Федеральный Закон «Основы Законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 года.

– Федеральный Закон «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года.

– Федеральный Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании» от 13 мая 1996 года.

И это, кажется, ещё не все.

Закон на Законе... Закон о Законах... И все так или иначе пекутся о счастье российских немцев.

А счастья нет.

Нет даже полной реабилитации.

И теперь даже договорились до того: нужна ли эта реабилитация?

А счастье – стало ясно – никакие законы не обеспечивают.

О своем счастье может заботиться только сам народ.

Хочешь быть счастливым – будь им.

Что такое счастье? Оказывается: жизнь среди «своих», жить свободно и достойно, цивилизованно, говорить на родном языке, быть уверенным в завтрашнем дне, не испытывать никаких ограничений по национальному признаку, быть равноправным, чувствовать себя везде и всюду Человеком на своей земле, в своем Дому, в своем Гнезде.

Такое счастье пока что светит далеко не всем на Земном шаре.

Вот и мятутся народы.

В том числе и своеобразный этнос – российские немцы.

Многие из моих соплеменников издавна в глубине души мечтают об одном – перебраться всеми правдами и неправдами в Германию, скорее смешаться с тамошними жителями и стать – по их разумению –

«настоящим» немцем. То есть говорить и жить, как «райхсдойч», одеваться так же, освоить все житейские манеры и правила поведения, пить пиво и закусывать жаренными колбасками, умеренно горланить песни, разъезжать по Европе, наслаждаться жизнью, чувствовать заботу и внимание, полностью раствориться в исконно немецкой ментальности, вытравить из себя все-все, что обретено веками в России, десятилетиями – в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Украине, Молдавии и в Сибирских глубинках.

Выяснилось: очень-очень это непросто. Интегрироваться сложно. Ассимилироваться трудно. Вытравить веками обретенные навыки – трагично. Уйти от себя невозможно.

Нужно время. Долгое, мучительное время, пока преодолеешь бесчисленные экономические, психологические, исторические, этнические, языковые барьеры.

Необходима смена поколений.

Желание российского немца стать «настоящим» германцем Гарри всегда казалось спорным и даже неприемлемым. Это нонсенс. Блажь. Какой же ты тогда **российский** немец? В чем твоя самобытность, своеобразие?

Зачем нивелироваться? Отказываться от того душевного богатства, обретенного тяжким опытом? Откуда этот комплекс неполноценности? Или ты априори считаешь, что российский немец – немец не полноценный, не настоящий, недостаточно «чистый», достойный? О да, ты должен, ты обязан совершенствоваться по немецкой части, но никак не отказываться от своей «русскости» или «казахскости».

Не так ли?

Гарри убежден: опустоши в одночасье его казахский и русский коржуны и оставь ему одну тощую немецкую торбу. И что от него останется? Станет он от этого «настоящим» немцем? И к этому ли стремится его

душа? Нет не станет. И не к этому стремится. Он никак не хочет сознательно обеднять себя, отречься от благоприобретенного богатства, оборвать, заглушить инонациональные струны в своей душе, сознательно уродовать свою индивидуальность.

Ради чего? Ради того, чтобы просто слыть немцем?

О, нет! Он родом из российских немцев, по воспитанию казахский немец. И именно это составляет и его богатство, и достоинство, и гордость.

Знакомый немец, земляк по Волге, трудармеец, активный участник немецкого движения в Казахстане, убежденный автономист Андреас Гартунг, перебравшись в Германию, через месяц прислал Гарри ликующее письмо: «Все! Я, Гарри, стал настоящим немцем. Натурализовался! Посмотрите на меня. Все на мне немецкое. Только ботинки ещё алма-атинские». На цветной фотографии был изображен во весь рост довольный Гартунг. В новеньком черном костюмчике, белой сорочке, ярко алом галстуке, щеголеватой фетровой шляпе. Бравый, моложавый старикан! Вокруг зеленый газон, клумбы, беседки, дорожки, веселый многоэтажный дом, ухоженный, чистый подъезд. Идиллия!

«Молодец дядюшка Андреас! – ответил ему Гарри. – Действительно, любо-дорого смотреть. Что одежку сменил – хорошо. Но душу не меняйте. Оставайтесь российским немцем. Не надо на старости лет быть как все».

Об этом в одной из своих речей емко сказал Гуго Вормсбехер:

«Мы считаем, что российские немцы – это, действительно, особый народ, это – не немцы в германском понимании, это – не русские в российском понимании. Мы – я уже не раз использовал этот образ – как бы дитя от смешанного брака. Брака между двумя великими народами – русским и немецким. Все, что дали нам оба наши родители, в равной степени для нас важно и

дорого. Если мы утратим германскую составляющую, мы ассимилируемся здесь и станем частью российского народа – исчезнем как самостоятельный народ. Если мы переезжаем в Германию и там забываем все, что дали нам Россия, то мы становимся частью немецкого народа, германского народа и тоже исчезаем как народ. Меня лично не устраивает ни тот, ни другой вариант, потому что я считаю, что у нас есть ещё и историческая миссия. Мы сыграли очень большую роль в сближении России и Германии. Я считаю, что мы можем продолжить эту нашу роль и дальше, и в этом наша основная функция. Кроме того, мы богаче, чем просто русские, мы богаче, чем просто немцы, потому что мы имеем от двух народов, на мой взгляд, самое лучшее, что можно было от них взять. Это позволило нам выжить и в России, позволит жить и в Германии».

Исчерпывающе точно подмечено.

Абсолютно верный штандпункт.

И Гарри со своей колокольни добавил бы ещё то, что он лично взял самое лучшее ещё и у казахов.

На нашем знамени написано: мы – российские немцы. Возникает вопрос: а как быть с теми, кто уехал в Германию 10-15-20 лет назад? Каждый волен считать себя, кем он хочет. Но в понимании Гарри, они считаются ещё долго частью нашего народа, обитающей в другой стране.

«Немецкий вопрос» в бывших республиках СССР куда-то задвинулся и с каждым годом все больше чахнет, тлеет, агонизирует. Изредка – часто неожиданно – он там-сям всплывает, его как бы гальванизируют, о нем напоминают, им по инерции общество слегка будоражат. Более двух миллионов российских немцев, перебравшихся в Германию ещё на исходе прошлого века, как-то обустроились, обжились, приноровились, попривыкли. А что делать? Выбор сделан. Приходится довольствоваться тем, что есть. Кто-то нашел какую-нибудь работенку – пусть не по специальности, пусть

совсем уж никудышную, непристижную, на уровне Putzefrau, кто-то довольствуется «социалкой», привыкая к унизительной подачке. Кто-то утешает себя тем, что те, кто остался, живут – Бог свидетель – не лучше. По крайней мере, материально. Арена борьбы – политической, социальной, идеологической, – чаще напоминающая заурядную возню, сварy, переместилась в большой степени на территорию Германии. Инновация протекает трудно, сложно, с непредвиденными выкрутасами, хаотично, онемечить российский материал не так-то просто; интеграция больше смахивает на ассимиляцию.

«Ну и пусть! Раз уж попали под жернова. Будем настоящими немцами. Отряхнем с себя российский прах».

Будут... Отряхнут... Непременно... Через два-три поколения. Будут немцами, выдавив, вытравив из себя последние элементы русскости. И не будет российско-немецкого этноса. Остатки его как вымирающее племя, будут доживать в России, Казахстане, Кыргызстане, ещё кое-где разрозненными, крохотными, бесперспективными островками. И с этими немцами у властей уже не будет никаких проблем. Былой дух из них вышел. Почти весь. Остались лишь немецкие фамилии, пометка в паспорте – весьма субъективная, спорная.

Ясно: перемелется – мука̀ будет.

Или му̀ка.

Для кого – как. Зов, как отдаляющееся в пространство эхо, ни о чем почти не напоминает.

Всё глуше тот зов. Всё слабее.

Времена меняются. Раны рубцуются, заживают. История уходит в небытие. Но судьба продлевается судьбой. И от нее не уйдешь. И душевная боль не утишится, не утешится ни благами, ни сытостью, ни облагороженным бытом, ни указами, ни посулами, ни волей властей.

И знает Гарри: пока он живет на этом свете – при всем личном благополучии в жизни и творчестве – пепел его предков будет стучаться в его сердце. И от этого никуда уже не уйти. Вечный зов – как неуемный поиск святого Грааля – влечет, манит твою память: берегите свое Гнездо и Дом свой...

декабрь 2007 – июнь 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление....5
От автора....6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Все впереди....7
I. Сон....7
II. Откуда взялись эти руссланддойче?....10
III. В реанимации....12
IV. «Du, du liegst mir im Herzen»....16
V. Декреты, постановления....22
VI. Аргын? Что-то не похож....24
VII. Роберт из Каскелена....29
VIII. Указы, сообщения, донесения....35
IX. Публичная библиотека им. Пушкина....38
X. Франц Бах....47
XI. Обременительная память....55
XII. Франц Шиллер....57
XIII. Тупик....64
XIV. Вера....71
XV. У беды семеро братьев....80
XVI. Комитет Глубокого Бурения....89
XVII. Палата номер десять....98
XVIII. Майор Вдовин....110
XIX. Свежие веяния....119
XX. Свидание....122

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Робкие надежды.....133
I. Информация к размышлению.....133
II. Куприяновка.....136
III. Антон Энгель.....150
IV. Размышления не по теме.....169
V. Поезд приближается к Джамбулу.....180
VI. Вместе ничего не страшно.....190
VII. Байкадам.....193
VIII. Урок немецкого.....212
IX. Дела житейские.....238
X. Рецидив.....247
XI. Прощай, Байкадам.....253
XII. Сомнения, терзания.....262
XIII. Где укоренился, там и живи.....281
XIV. И опять этот сон.....290
XV. Беседа в ЦК КПСС.....292
XVI. Все есть, а ничего нет.....305

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пустые хлопоты.....322
I. Заманчивые перспективы.....322
II. Еще один указ.....335
III. Московский семинар.....338
IV. Пятая делегация.....348
V. Личные инициативы.....359
VI. Чрезвычайный съезд.....373
VII. Чужого горя не бывает.....396
VIII. У президента СССР.....404
IX. В водовороте.....425
X. Первый съезд немцев СССР.....432
XI. Стоило ли огород городить?.....457
XII. «Никакой автономии не бу-у-дет!».....472
XIII. Душа и сердце рвутся пополам.....482
XIV. Прощайте, съезды?.....493
XV. Ну и что?.....505

Литературно-художественное издание

Серия
"БИБЛИОТЕКА КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ"

Герольд БЕЛЬГЕР
ЗОВ

Редактор *А.Кадикенова*
Технический редактор *С. Бейсенова*
Компьютерная верстка *А. Кадикеновой*
Корректор *Г. Мухамадиева*

Разработка суперобложки
дизайнцентра издательства «Аударма»

ISBN 9965-18-294-9

9 789965 182945

ИБ №300

Подписано в печать 19.08.2010 г. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура . "NewBaskervilleCTT". Печать офсетная. Усл.-печ. л. - 27,3

Уч.-изд. л. - 25.00 Тираж 3000 экз. Заказ №845.

Издательство "Аударма"

010009, г. Астана, ул. Г. Мусрепова,5/1, ВП-2

ТОО РПИК «Дәуір», 050009, г. Алматы, пр. Гагарина, 93.

Тел.: 394-39-22, 394-39-34, 394-39-42,

E-mail: rpik-dauir81@mail.ru, rpik-dauir2@mail.ru